63.3
М 744

Н. С. МОДОРОВ

РОССИЯ И ГОРНЫЙ АЛТАЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (XVII – XIX вв.)

КОМИТЕТ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. С. МОДОРОВ

РОССИЯ И ГОРНЫЙ АЛТАЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (XVII — XIX вв.)

ГОРНО-АЛТАЙСК
1996

63.3(2)
М 744

Печатается по рекомендации Экспертного совета Комитета образования и науки Республики Алтай и Редакционно-издательского совета Горно-Алтайского государственного университета.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

докт. ист. наук *А. А. Преображенский*
докт. ист. наук *В. Г. Тюкавкин*

Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII—XIX вв.). — Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. ун-та, 1996. — с. 400

547985 ж V

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Калинина

Работа посвящена исследованию русско-алтайских отношений в XVII—XIX вв., роли Русского государства, его народа в исторических судьбах коренного населения Горного Алтая. На основе разноплановых источников (опубликованных и архивных, данных археологии, этнографии, лингвистики, памятников алтайского фольклора, мемуаров и др.) автор раскрывает особенности хозяйственно-экономической, политической и культурной жизни алтайских кочевников, возникновение и развитие русско-алтайских связей, взаимопроникновение и взаимообогащение культур русского и алтайского народов.

Для научных работников и преподавателей, студентов и аспирантов, учителей истории и всех интересующихся историей края.

5-МНС-РИГА-96

240-летию добровольного вхождения алтайцев в состав России
и
первому нашему наставнику —
Сазону Саймовичу
СУРАЗАКОВУ
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

1. ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Распад СССР и преобразование бывших союзных республик в суверенные государства понуждают исследователей вновь обратиться к истории складывания Русского централизованного многонационального государства. Ее полному и объективному освещению во многом будут содействовать конкретные, не предвзятые исследования процесса включения отдельных народов или их групп в состав России.

Именно этим продиктован и наш интерес к означенной теме, ибо история Горного Алтая* и его населения является неотъемлемой частью истории России. 240 лет назад, войдя в ее состав, алтайцы теснейшим образом связали свою судьбу с нею, с ее народом. С другой стороны, внимание к исследуемой теме продиктовано ее недостаточной изученностью, необходимостью критически пересмотреть отдельные положения, оценки и выводы, утвердившиеся в алтаеведении, уточнить характер событий и явлений алтайской истории тех лет. Особое значение и актуальность изучения русско-алтайских связей до и после присоединения алтайцев к России, влияния и значения этих контактов на хозяйственно-экономическое и культурное развитие сторон приобретает в настоящее время, когда перед нашим обществом стоит вопрос выбора путей и методов его преобразования, идет поиск приемлемых форм его развития. Определенный интерес вызывает изучение и анализ конкретного опыта русско-алтайских взаимоотношений прошлых десятилетий с учетом сегодняшних позиций и попыток общества решить национальный вопрос. Наконец, поднимаемая проблем; актуальна не только для Горного Алтая, но и для ряда

---

* Горным Алтаем издавна именуется территория, расположенная между 48 и 53 градусами северной широты и 82 и 90 градусами восточной долготы. Это самая высокая часть обширной горной страны южной Сибири. Она находится в горах Русского Алтая, который так называется в географической литературе в отличие от Монгольского (или Гобийского) Алтая. Русский Алтай ограничен на востоке и юге Западными Саянами, хребтами Чихачева, Сайлюгемом и горным узлом Табын-Богдо-Ола. На западе и севере Русский Алтай граничит с рекой Иртышом и приалтайскими степями, на северо-востоке сливается с хребтами Кузнецкого Алатау.

регионов России, а также зарубежных государств, ибо она касается взаимоотношений алтайцев с русскими, монголами, китайцами, казахами, калмыками и другими народами, с которыми свела их история в XVII—XIX вв.

В отечественном алтаеведении до сих пор нет работы, в которой был бы рассмотрен весь комплекс поставленных вопросов. На сегодняшний день есть работы, посвященные исследованию истории алтайцев XVII—XIX вв., но только лишь отдельных ее эпизодов.

Целью настоящей работы является попытка более комплексно рассмотреть проблему русско-алтайских отношений и тем самым внести свою лепту в дело изучения Алтая и его населения. Естественно, автор не претендует на исчерпывающее решение всех поставленных вопросов поднимаемой проблемы. Его задача значительно скромней: оперируя имеющимися материалами, в обобщенном виде показать исторические корни складывания и развития русско-алтайских отношений, подготовивших почву для добровольного вхождения Алтая в состав России, их влияние и значение в последующие годы на хозяйственно-экономическое и культурное развитие сторон.

В географическом плане исследование распространяется в первую очередь на территорию Горного Алтая (с 1922 г. это Ойротская, с 1948 г. — Горно-Алтайская автономная область, с 1991 г. — Республика Алтай), современного Алтайского края, частично захватыет территории сопредельных Кемеровской, Новосибирской, Томской и Восточно-Казахстанской областей, где в XVII—XVIII вв. кочевали аборигены Алтая.

Горный Алтай — это территория в 92,6 тыс. кв. км, на которой проживает сегодня немногим более 200 тыс. человек. В административно-территориальном плане республика разделена на 10 районов: Кош-Агачский, Майминский, Онгудайский, Турочакский, Улаганский, Усть-Канский, Усть-Коксинский, Чемальский, Чойский и Шебалинский.

Население республики смешанное по национальному составу. Коренной национальностью являются алтайцы. На территории республики их насчитывается около 60 тыс. человек или 31,6% от общего числа населения. Небольшая часть их проживает за пределами Горного Алтая, главным образом в некоторых селах Красногорского, Солтонского, Сорокинского районов Алтайского края и Беловского района Кемеровской области[1].

Алтайцы представляют собой древнее население южной Сибири, которое в историко-этнографической и лингвистической литературе делят обычно на две группы[2]: южные алтайцы (алтай-

кижи, теленгиты и телеуты) и северные (кумандинцы, тубалары и челканцы). Северные и южные алтайцы в своем историческом развитии не были разобщенными и изолированными друг от друга. Территориально южные алтайцы проживали в южной и центральной части Алтая, северные — в северной. В административном отношении дореволюционный Горный Алтай входил в состав Бийского уезда Томской губернии. Коренное население края распределялось: северные алтайцы — между шестью волостями (Верхне-Кумандинская, Кергежская, Комляжская, Кузенская, Нижне-Кумандинская и Южская)* и семью дючинами (первая, вторая и т. д.). Наряду с названными административными единицами, были еще две Чуйские волости (первой и второй половины), которые по своему характеру (территориально-родовой принцип объединения населения), больше примыкали к дючинам. Во главе волостей стояли родовые старосты, дючинами управляли родовые князья.

Южные алтайцы являлись преимущественно скотоводами и вели кочевой и полукочевой образ жизни. Если в первом случае алтаец круглый год следовал за скотом, зимой и летом проживая в кошемной юрте, то во втором — он имел на зиму постоянную стоянку с жильем и пастбищами для скота, которую скотовод покидал лишь на летнее время. С появлением в крае русских эта часть алтайцев перешла на оседлый образ жизни.

В отличие от южных у северных алтайцев большую, а иногда и преобладающую роль играла охота на пушного и копытного зверя. Она велась артелями и в одиночку, на коне и пешком, зимой — на лыжах. Формы охоты были разнообразны: от охоты с помощью примитивных ловушек, капканов до промысла с луком и ружьем. Проживали северные алтайцы в полуземлянках, а также примитивных срубных избах. Видное место в их хозяйственной деятельности занимали орешный промысел, собирательство съедобных корней и стеблей диких растений, рыболовство и мотыжное земледелие.

Большинство населения республики составляют русские (60%), начавшие селиться в горах Алтая с середины XVIII в. Наряду с русскими, алтайцами, в республике проживают украинцы, белорусы, немцы, мордва, татары и представители других национальностей (3,8%). Небольшим по численности национальным меньшинством являются казахи (5,6%), проживающие в основном в Кош-Агачском районе. Большинство казахов представляют со-

---

* Основная масса чалканцев вошла в состав 22 кочевых волостей Кузнецкого округа.

бой выходцев из Казахстана, из так называемой Средней Орды, поселившихся на землях алтайцев преимущественно во второй половине XIX в.[3]

Республика Алтай граничит с Монголией, Китаем, Казахстаном, Тувой, Хакасией, Кемеровской областью, Алтайским краем. Цель исследования предопределила и ее хронологические рамки. Они охватываают XVII—XIX вв., т. е. время с начала первых контактов алтайских кочевников с русскими людьми, вхождение первых в состав России и последующее их пребывание в ее составе.

2. ИСТОЧНИКИ

В основу исследования положен достаточно широкий круг разных по ценности и характеру источников — опубликованных и архивных, — позволивших автору реконструировать процессы, имевшие место в интересующем его регионе в XVII—XIX вв.

Социально-экономическое положение края в XVII—XVIII вв. изучалось на основе свидетельств сохранившихся архивных документов и опубликованных источников — («Акты исторические», «Дополнения к ним», «Памятники Сибирской истории XVIII в.», «Материалы для истории Сибири» и др.)[4] — в XIX в. — на основе данных разного рода экономо-статистических обследований («Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири», «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде» и др.)[5], сельскохозяйственных «обзоров» Томской губернии и Алтайского округа[6], «Трудов» местных комитетов[7] и материалов Всероссийских переписей 1897 и 1916 гг.[8]

Достаточно разнообразный, но отрывочный материал по теме исследования почерпнут из «Сибирских летописей»[9], «Исторического обозрения ойратов...»[10], «Сборника князя Хилкова»[11], «Путешествий русских послов и ученых»[12], «Русской исторической библиотеки»[13], «Памятного завещания»[14], «Полного собрания законов Российской империи», где формулировке закона, как правило, предшествует достаточно обстоятельное изложение фактов, вызвавших то или иное правительственное решение[15].

К числу источников этой категории принадлежит и четырехтомное «Путешествие по Сибири» И. Г. Гмелина, опубликованное в 1751—1752 гг. на немецком языке, в котором содержится немало данных этнографического характера, а также сведений о промыслах и торговле у сибирских народов[16].

Богатый материал по истории Сибири, ее населения, истории освоения края русскими людьми сосредоточен в двухтомной «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера[17]. В ней, к тому же, воспроизведен в копиях огромный актовый материал, что позволяет с полным основанием характеризовать «Историю» как сборник документов XVII в., тем более, что значительная часть подлинных документов того времени, впоследствии по разным причинам в местных архивах была утрачена.

В «Истории...» Г. Ф. Миллера, наряду с общей характеристикой хозяйственно-экономической жизни народов Сибири, содержатся сведения о расселении алтайских племен, охоте, кузнечном ремесле, ясаке, а также о взаимоотношениях русских с алтайскими кочевниками в XVII в. Однако автору не удалось выдержать до конца строго взятой научной концепции, чтобы с наибольшей полнотой и достоверностью раскрыть сущность исторического пути пройденного Сибирью. В результате этого, история края была сведена к истории походов, осуществленных силами русских служилых людей, и почти совсем не показана роль трудящихся масс русского крестьянства в этом процессе. Но несмотря на это, «История Сибири» была и остается собранием значительного фактического материала по истории сибирского региона, в том числе и по истории Алтая и его населения.

В дополнение ко всему сказанному о работе, проделанной Г. Ф. Миллером, необходимо указать и на его богатейшее архивное наследие. Разнообразные материалы по истории Сибири («Портфели Миллера») сосредоточены главным образом в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Значительная их часть написана по-немецки и до сих пор не введена в научный оборот.

Более скромное место, как исторический источник по истории Сибири, занимает «Сибирская история» И. Е. Фишера[18]. С. В. Бахрушин отмечал в свое время, что данное исследование «является в сущности, ничем иным как, переложением... сочинения Миллера»[19]. В процессе работы оно было использовано нами как дополнительный источник сведений о добыче железа у народов Алтае-Саянского нагорья, в том числе и у алтайцев.

Анализируя такого рода источники, нельзя не упомянуть о путевых заметках членов Российской Академии Наук, участвовавших во второй половине XVIII в. в экспедициях в разные районы страны в том числе и в Сибирь. П. С. Паллас[20], И. Г. Георги[21], И.П. Фальк[22] во время своих поездок накопили разнообразный фактический материал по истории кочевых племен Алтае-Саянского нагорья, и в частности по истории алтайцев. Так, в путевых заметках П. С. Палласа, наряду со сведениями о добыче железа

древними обитателями Алтая и технике его обработки, имеются отрывочные упоминания о кочевых племенах, населяющих этот район, скотоводстве и частично о домашнем ремесле*. Наряду с фактами, привлекшими внимание Палласа, в дневнике И. П. Фалька приведена развернутая характеристика природно-климатических условий Алтая, имеются также сведения о строительстве Сибирской военной укрепленной линии.

Весьма ценные данные по исследуемой теме собраны Г. И. Георги, которого проф. Л. П. Потапов по праву назвал одним из зачинателей исследования «этнографии алтайцев»[23]. В его работе наряду со сведениями об этническом составе алтайских племен и их расселения во второй половине XVIII в., содержатся сведения о скотоводстве, частично об охоте, кузнечном ремесле и земледелии. Кроме указанных данных, приводит он и сведения об общественном строе алтайских кочевников в XVII в., об их одежде, пище, украшениях и обычаях.

В плане нашего исследования определенный интерес как источник представляют заметки горных инженеров, содержание которых достаточно подробно раскрыто З. Г. Карпенко в своей работе «Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1861 гг.»[24]

Интересный материал по теме исследования содержат пресса и эпистолярные источники. В XIX в. материалы об Алтае и его населении публиковались как в местных газетах и журналах («Алтай», «Восточное обозрение», «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Сибирский вестник», «Сибирская газета» и др.), так и в центральных («Горный журнал»), «Записки Русского Географического общества», «Живая старина», «Журнал Министерства внутренних дел», «Московские ведомости», «Северный вестник» и др.). Из эпистолярных материалов следует, в первую очередь, отметить письма первого алтайского просветителя и писателя М. В. Чевалкова, адресованные известному тюркологу и востоковеду В. В. Радлову, ученому и путешественнику Г. Н. Потанину и другим лицам. Они помогли восстановить ряд деталей в общей картине рассматриваемых событий и явлений.

Из картографических материалов в работе использованы «Чертежная книга...» С. У. Ремезова[25], «Атлас Российский», изданный Российской Академией наук в 1745 г., материалы картографических отделов Российского государственного архива древ-

---

* 1771 г. П. С. Паллас посетил Бийский округ (См. Томские губернские ведомости, 1873. №№ 42—51.

них актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Картографический материал архивов вводится автором в научный оборот впервые.

Но, отдавая должное охарактеризованным выше источникам, отметим, что основную источниковую базу исследования составил все же архивный материал, который извлечен автором из 8 центральных и 6 местных архивов.

Наиболее ценные документы XVII—XVIII вв. по теме были обнаружены нами в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, бывший ЦГАДА), архиве Российской Академии Наук (АРАН, бывший ААН), Архиве внешней политики России (АВПР). В РГАДА они сосредоточились в фондах Сибирского приказа (ф. 214), портфелях Г. Ф. Миллера (ф. 199), Сибирских делах (ф. 130), Монгольских делах (ф. 126), Правительствующего Сената (ф. 248), Кузнецкой воеводской канцелярии (ф. 517), Кузнецкой комендантской канцелярии (ф. 1134) и в 24 Разряде госархива.

При выявлении материалов встречалось немало трудностей. Едва ли не самая главная — отсутствие компактного материала по теме исследования. Каждый комплекс приведенных выше документов представлен порой отдельными свидетельствами, отделенными нередко друг от друга большими хронологическими отрезками. Это обусловило тщательность изучения каждого документа и многоплановое его использование. В частности, в отписках воевод и статейных списках XVII в., наряду со сведениями об установлении дипломатических контактов русских с алтайскими кочевниками, есть сведения о междоусобицах у последних, об их хозяйстве и культуре (например, столбцы и книги Сибирского приказа (ф. 214).

Однако и такие приемы использования выявленных архивных материалов не всегда гарантировали получение исчерпывающих ответов на многие вопросы изучаемой темы. В значительной степени это сказалось на выяснении социальной и экономической жизни алтайских кочевников в XVII—XVIII вв., состояния их скотоводства, охоты, земледелия, ремесла и торговли.

В гораздо лучшем положении оказались вопросы дипломатии и налоговой политики. Выявленные нами в архивах 13 статейных списков и 17 наказных памятей, данных служилым людям сибирскими воеводами, позволили достаточно подробно и наглядно реконструировать процесс складывания и развития русско-алтайских отношений. При изучении налоговой политики царизма на Алтае использовались ясачные книги Кузнецкого уезда — источник широ-

ко известный исследователям истории Сибири. Правда, использовался он ими лишь в точном соответствии с целями и задачами своих исследований: в одном случае ясачные книги использовались для характеристики ясачной политики царизма в Сибири[26], в другом — для определения состояния товарообмена в этом крае[27], в третьем — для изучения родоплеменного и этнического состава коренных народов Сибири[28]. Комплексно же ясачные книги исследователями не использовались. В таком плане по теме нашего исследования они используются впервые, ибо в них имеются сведения не только о численности ясакоплательщиков, их расселении, размере взимаемого ясака, но и краткие указания о хозяйственно-бытовых занятиях аборигенов, зарождающемся у них протесте против налоговой политики царизма и др.

Дополнением к материалам РГАДА явились архивные документы Архива внешней политики России (АВПР), особенно по периоду присоединения Алтая к России. Восстановить картину этого процесса помогли переписка между русским правительством и джунгарскими правителями, статейные списки, письменные обращения алтайских зайсанов к русским властям с просьбой принять их с подвластными им людьми в «русское подданство» и др. Наряду со сведениями «подданнического» характера, эти документы содержат данные о количестве скота (по видам), имуществ у новоподданных, их религиозных воззрениях, социальной структуре алтайского общества, которые позволили уточнить ряд моментов хозяйственно-экономической, политической и культурной жизни алтайских кочевников в XVII—XVIII вв.

Из местных архивов по полноте и разнообразию материалов этого периода выделяется Государственный архив Алтайского края (ГААК). В фондах Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (ф. 1), горной экспедиции Колыванской губернии (ф. 169) и других отложились документы, сообщающие сведения как о вхождении Алтая в состав России, так и скотоводстве, земледелии, домашних промыслах и ремесле у алтайских кочевников. Есть в них данные и по налоговой политике царизма, относящиеся к 60—90-м гг. XVIII в.

Оценивая выявленные в центральных и местных хранилищах архивные материалы XVII—XVIII вв. по теме исследования, следует отметить, что они не всегда равномерно и с одинаковой полнотой позволяют осветить проблемные и неясные вопросы темы. Документы прежде всего дают сведения о политических связях алтайцев с Русским государством в означенное время и в меньшей степени — о связях экономических. Все это вынудило автора сознательно опустить одни вопросы, другие же — только обозначить,

Наряду с архивными и опубликованными источниками, в процессе работы привлекались данные археологии, этнографии и памятники алтайского фольклора. Однако при использовании последнего как исторического источника, постоянно возникала трудность, обусловленная сложностью датировки фольклорного памятника. Основным критерием его привлечения при изучении истории Горного Алтая XVII—XVIII вв. (равно и XIX в.) были упоминания в нем имен и лиц, известных литературе и русским документам.

Выявляя источники по теме исследования приходилось преодолевать еще одну трудность — терминологический разнобой документов относительно определения этнической принадлежности аборигенов Алтая. В одних случаях они называются «белыми калмыками», в других — «черневыми татарами», в третьих — «зюнгорскими калмыками», в четвертых — по месту кочевания или проживания (например, «карагайцы» — «карагай» — по-алтайски — сосна; «чуйцы» — аборигены, проживавшие и кочевавшие в бассейне р. Чуи и Чуйской степи) и, наконец, по родам — «мундусцы», «телесцы» и т. д. Сибирских администраторов-составителей документов, естественно, не волновал вопрос истинности этнической принадлежности аборигенов вверенного им района. Вся их деятельность была подчинена выполнению главной задачи: максимально и «бездоимочно» собрать «государев» ясак. А кто платил последний — хакас или алтаец, монгол или тувинец — их не волновало. Поэтому терминология документов — важный инструмент при определении круга источников. Выявляя их, автор руководствовался, во-первых, — генеалогической схемой происхождения алтайских «князцов»*. Например, упоминание в документах имени телеутского князя Абака и его потомков было основанием для их привлечения для изучения русско-алтайских отношений. Во-вторых, учитывалась географическая номенклатура — название гор, рек, степей, урочищ, где кочевали алтайцы. В-третьих, использовалась этническая терминология источников более позднего времени. Автор исходил из того, что «телесы» документов XIX — начала XX вв. — это «телесцы» источников XVII в. На этом же основании к алтайским кочевникам были отнесены «тау-телеуты», «щелкальцы», «мундусцы», «керсагальцы», «телеуты-теленгуты» и др. Естественно, автор не претендует на то, что предложенный им метод выявления источников XVII—XVIII вв. по теме исследования является единственным и непогрешимым, но альтернативы у него не было.

---

* Составлена, уточнена А. П. Уманским. См. Телеуты и русские в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980, с. 290—291.

Значительно меньше сложностей возникало при изучении истории алтайцев XIX в. В частности, стабилизировался ареал их обитания, он был закреплен существовавшим тогда административно-территориальным делением, меньше стало путаницы с определением и этнической принадлежности аборигенов. Это не замедлило сказаться на источниках: они стали намного точнее. И еще одно достоинство документов этого периода: они стали многочисленнее и разнообразнее.

Основными их хранилищами являются Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ГААК, Государственный архив Томской области (ГАТО) и отчасти Государственный архив Омской области (ГАОО).

Земля Алтая, в том числе и Горного, составляли, как известно, собственность Кабинета его императорского величества. Поэтому основная масса материалов по Алтаю отложилась в РГИА в фонде Кабинета (ф. 468). В нем сосредоточились подлинники и копии документов, имеющих отношение к хозяйственной, финансовой, переселенческой, земельной и национальной политике Кабинета. Представляют интерес его картографические и законодательные материалы, которые вместе с межевыми документами дают представление о границах Алтайского округа, его площади и естественно-географических условиях.

В ведомостях и отчетах округа, извлечениях из губернских отчетов, материалах ясачных комиссий, журналах горного совета, справках финансового ведомства есть немало сведений о численности и составе населения кабинетских земель, размерах и формах повинностей и характере их исполнения. Доклады с мест, переписка с высшими и центральными учреждениями страны и местной сибирской администрацией показывают характер кабинетской политики по отношению к кочевым и оседлым алтайцам.

Разносторонний материал содержится в фонде Переселенческого управления (ф. 391). Это подготовительные материалы к законодательным актам и инструкциям по вопросам землевладения, переселения, к выработке правил причисления переселенцев на Алтае; многочисленные жалобы крестьян в связи с переселениями и землеустройством, сенатские указы по этим жалобам с приложением документов Томского присутствия по крестьянским делам, прошения и протесты алтайцев против земельного ограбления их Кабинетом.

Специфичен по своему характеру фонд Алтайской духовной миссии (ф. 796). Наряду с материалами, раскрывающими многостороннюю деятельность этого учреждения, здесь имеются доку-

менты по религиозным верованиям алтайцев, их общественном строе, миссионерских школах, их материальной базе, учителях, о взаимоотношениях русских людей с алтайцами.

Ценные материалы по теме исследования сосредоточены в фондах Первого и Второго сибирских комитетов — ведомственных учреждений, призванных решать общие вопросы управления сибирской окраиной. В Первом (ф. 1264) — детище М. М. Сперанского — отложились записки о порядке управления алтайскими крестьянами, их хозяйстве, об управлении Алтайским округом. Во Втором (ф. 1265) — отчеты Томского губернатора и Западно-Сибирского генерал-губернатора, статистические данные о населении, крестьянском хозяйстве, сведения о положении кочевников на Алтае, землях по владениям и угодьям, ведомости о землях и волостных повинностях крестьян.

Большой фактический материал имеется в ГААК. Данный архив является собранием первичных документов по теме исследования. Его дореволюционные фонды сформировались на базе материалов архива местного кабинетского управления в Барнауле, который по утверждению В. И. Семевского, является «едва ли не самым важным в научном отношении из всех сибирских архивов»[29]. В фондах ГААК (ф. 1 — Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства; ф. 2 — Колывано-Воскресенское горное правление, Алтайское горное правление; ф. 3 — Главное управление Алтайского горного округа; ф. 4 — Главное управление Алтайского округа; ф. 163 — Личный фонд Гуляева С. И. и Гуляева Н. С.; ф. 164 — Алтайская духовная миссия; ф. 169 — Колыванская губернская горная экспедиция; ф. 189 — «Алтайское золотопромышленное дело») содержатся подробные сведения о крестьянстве феодальной эпохи; земельно-арендном и лесном хозяйстве Кабинета в пореформенный период; соотношении кабинетского и крестьянского землевладения на Алтае; о положении кочевников; переселенческом движении; земельных спорах крестьян, алтайцев с Кабинетом и между собой; приговоры сельских и волостных сходов по отводу наделов крестьянским общинам при землеустройстве; о народном образовании; о деятельности миссионеров; по развитию промыслов, частной золотопромышленности и др. Иначе говоря, фонды ГААК позволяют заложить достаточно солидную источниковедческую базу при изучении истории Алтая и его населения и в пореформенную, и в феодальную эпоху.

Весомым дополнением к материалам по теме исследования, выявленным в вышеуказанных архивах, стали архивные документы, обнаруженные автором в хранилищах ГАТО. В Томске, как известно, находилась резиденция губернатора, а также местная

гражданская власть, в ведении которой находился Алтайский округ. Так вот, из фондов Томского губернского управления (ф. 3), Томской губернской казенной палаты (ф. 196), Томского переселенческого района (ф. 239) извлечены документы о количестве и составе населения; земских и волостных повинностях алтайских крестьян, объеме, способах раскладки повинностей, сроках их уплаты; ведомости поступления окладных сборов; переписка с уездными исправниками о взимании оброчных платежей; подготовке и проведении податной реформы на Алтае; о реализации реформы 1861 г.; особенностях землевладения крестьян и кочевников Алтая, управления теми и другими; переселениях на Алтай и устройстве новоселов. Но последняя категория документов в большинстве своем посвящена характеристике переселенческого дела в начале XX в.

Материалами по истории Алтая и его населения в рассматриваемое время располагает и ГАОО. В его фондах отложились документы о развитии горно-заводской промышленности в крае, положении сельского хозяйства и крестьянства (в основном русского), его повинностях, недоимках, о состоянии земельного вопроса на Алтае и др. Следует подчеркнуть, что инициаторами сбора подобных сведений зачастую являлись военные, чье ведомство с давних пор обосновалось в Омске. Решая свои военно-стратегические задачи, они достаточно регулярно проводили обследования приграничных районов, в том числе и Горного Алтая, в ходе которых и накапливался самый разнообразный материал о нем.

По такому же принципу шло накопление материала об Алтае, в том числе и о его горной части и в РГВИА, в частности, в фонде Управления Сибирского военного округа (ф. 1450)[30]. Выявленные в нем документы о населении Горного Алтая, его расселении, хозяйстве аборигенов, их быте, торговле, путях сообщения, взаимоотношениях алтайцев с русскими, военно-стратегическом положении края и другие вводятся автором в научный оборот впервые.

Интересные сведения по теме исследования дали, впервые вводимые в научный оборот, рукописные материалы отдела письменных источников Государственного исторического музея (коллекция С. К. Кузнецова), Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (фонд В. Н. Татищева), научной библиотеки Томского государственного университета (фонд Г. Н. Потанина). Их использование привнесло в исследование как мироощущения фондообразователей и их современников, так и специфику, колорит эпохи, в которой они жили.

Завершая обзор архивохранилищ, в которых были выявлены материалы по теме исследования, отметим отсутствие в их числе

Горно-Алтайского архива. Объясняется это тем, что в рассматриваемое время на территории Горного Алтая не было административного центра, а следовательно, учреждения, где сосредоточивались бы ведшиеся на русском языке официальные и другие документы. Не имела успеха попытка Алтайской духовной миссии, учрежденной в крае в 1830 г., решить эту задачу. В 1883 г. ее центр был переведен в г. Бийск. Туда же были перевезены и все ее материалы. Но в мае 1886 г. они были уничтожены пожаром.

Образование в 1922 г. автономной области положило начало и местному архивоведению. Но в новоучрежденном архиве не было дореволюционного фонда.

3. ЛИТЕРАТУРА

Интерес к истории Сибири, ее населению уходит своими корнями в далекое прошлое. Он в значительной степени был обусловлен социально-экономическим развитием Русского государства. Развивающаяся его промышленность с каждым десятилетием требовала все большего количества сырья. Не последнюю роль сыграла и активизация русской внешной торговли. На западноевропейском рынке заметно повысился спрос на пушнину, особенно на соболя. Все это побуждало русское правительство к решительному освоению новых, до сего времени неизведанных областей. Одним из таковых районов в начале XVII в. была Южная Сибирь, населенная многочисленными кочевыми народами. Без их подчинения, естественно, не могло быть и речи об освоении имевшихся в регионе, в том числе и на Алтае, природных богатств.

547485

Первые отрывочные сведения об Алтае и его населении, по предположению дореволюционного исследователя Д. Н. Анучина, относятся примерно к началу XVI в.[31] Древнее русское сказание «О человецех в восточной стране» дает полуфантастическое описание населения верховий реки Оби, которое трудно признать за достоверное. Можно лишь предположить, что в нем нашли свое отражение те слухи и легенды, которые накопились об этом районе.

Более подлинные сведения о нем связаны с походами Ермака, положившими начало освоению Сибири, в том числе и ее южной части. Источником этого периода, в котором есть упоминание об Алтайских горах, является «Древняя Российская изография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие на них урочища и на каком расстоянии»[32]. Ее публикация была осуществлена русским просветителем Н. И. Но-

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Калинина

виковым через два с лишним века. В этом труде содержатся отдельные сведения о горах на юге Сибири, народах, их населяющих, о монгольских данниках, среди которых упоминаются калмыки, телеуты, мундусцы, учи и карагайцы.

Из описаний Алтая XVII — начала XVIII вв. следует выделить путевой дневник русского посла Н. Спафария, в котором приводятся названия ряда алтайских племен, родов, указываются места их обитания. Надо только отметить, что сам Спафарий в этих местах не был. Видимо, при описании он пользовался известными ему источниками, хотя о них и не упоминает[33].

Значительный достоверный материал об отдельных племенах Алтая, их кочевках, географических описаниях дают «Чертеж всей Сибири, собранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича», «Список с чертежа Сибирские земли», «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства», опубликованные А. Титовым[34], журнал И. Унковского[35] и уже упоминавшиеся выше «Сибирские летописи» и «Чертежная книга Сибири» С. Ремезова, получившая высокую оценку исследователей[36].

Сообщая сведения общего характера о ландшафтах, гидрографии, флоре и фауне южно-сибирского региона, его племенах, их культурно-политических связях, авторы указанных сочинений не преминули дать практические советы и рекомендации центральным и местным властям относительно перспектив освоения Алтая. Однако отрывочный характер приведенных материалов не дает полного представления об историческом развитии региона и его населения.

В целях дальнейшего освоения Сибири правительство организует ряд научных экспедиций для сбора материала о природно-климатических условиях края, полезных ископаемых, народах, населяющих этот интересующий регион, об их численности, общественном строе и хозяйственной жизни. Это научное обследование региона коснулось и Алтая и связано с именами И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, возглавивших в 30—40-х гг. XVIII в. научные экспедиции в Сибирь. Итогом экспедиций явились: четырехтомное «Путешествие по Сибири» И. Г. Гмелина и двухтомная «История Сибири» Г. Ф. Миллера, научная значимость и ценность которых охарактеризована выше.

Практика организации и направления научных экспедиций в Сибирь была продолжена и во второй половине XVIII в. Их участниками П. С. Палласом, И. Г. Георги, И. П. Фальком был собран разнообразный фактический материал по истории кочевых племен Алтае-Саянского нагорья, в том числе и по истории алтайцев, о чем также сказано в предыдущем параграфе.

Говоря об успехах в сборе материала этих и других русских ученых и путешественников, следует отметить, что они были бы невозможны, если бы им не помогали простые «инородцы», русские служилые люди, русские крестьяне, другие жители края. Они сообщали исследователям и путешественникам все, что знали о географии, природно-климатических условиях региона, в том числе и Алтая, хозяйственных занятих аборигенов, их истории, обычаях и традициях.

Но ни один из вышеуказанных ученых и путешественников не затронул рассматриваемой нами темы. Первым исследованием, в котором были затронуты некоторые вопросы присоединения к России отдельных групп алтайцев, является «Сибирская история» И. Э. Фишера, в которой предпринята попытка проследить историю подчинения сибирскими воеводами в XVII в. отдельных кочевых племен Алтая. Наряду с этим, в работе имеются отрывочные сведения о взаимоотношениях русских властей с телесами, керсагальцами и другими алтайскими родоплеменными группами[37]. Впоследствии указанные Фишером сведения попали в работы Гельмерсена, Андриевича и другие издания[38].

Некоторое внимание вопросам присоединения Алтая к России в середине XVIII в. уделил С. Шашков. Следуя целям своего сочинения, посвященного разоблачению злоупотреблений центральных и местных властей по отношению к сибирским аборигенам, им сделан акцент на этих, имевших место негативных фактах[39].

Процессу приссединения алтайцев к России посвящен и краткий экскурс Г. Н. Потанина, написанный совместно с П. П. Семеновым-Тян-Шанским и опубликованный в IV томе «Землеведения Азии Карла Риттера»[40].

Событий 1756—1757 гг. на Алтае коснулся также С. П. Швецов, который, по справедливому замечанию Г. П. Самаева[41], использовал в своей работе записку, составленную краеведом Н. С. Гуляевым для начальника Алтайского горного округа[42].

Указанные сюжеты в известной степени привлекали внимание А. М. Горохова, И. В. Щеглова, А. Михайловича, В. В. Сапожникова и других исследоватслей. Но в их работах встречаются неточности, ошибки относительно вступления алтайцев в российское подданство. Так, А. М. Горохов несбоснованно относит прием алтайцев в русское подданство к 1740 году. Этот же год как дату приема алтайцев в состав России, после разгрома Джунгарского ханства Китаем, указывают И. В. Щеглов и А. Михайлович[43]. В работе В. Сапожникова имеет место ошибочное утверждение о том, что алтайские зайсаны прикочевали в 1756 г. к Колывано-Кузнец-

кой пограничной линии и вступили в подданство России после набега казахов под предводительством Кошкарбая[44].

Поправить эти неточности и ошибки указанных авторов до революции по существу было некому, ибо изучением истории алтайцев, как справедливо указывал Л. П. Потапов, в тот период никто не занимался[45]. Сказывались, видимо, и сложность проблемы, и несовершенство методологии исследования, а главное — правомерно ли их изучение. Подтверждением последнего может служить господствовавший в дореволюционной науке стереотип, что «алтайцы — ... племя не имеющее истории»[46]. Потому-то ученые и путешественники и обращали внимание главным образом на этнографическое изучение алтайцев (Г. И. Спасский, Г. Гельмерсен, В. И. Вербицкий и др.)[47].

Первую попытку преодолеть сложившиеся стереотипы предпринял П. А. Словцов[48]. История Сибири и ее народов перестает быть для него локальной историей. Он начинает рассматривать ее в более широком плане, не выпуская из виду и народные массы. Однако и ему не удалось избежать ошибок прошлого, преодолеть барьер, о который споткнулись его предшественники. Так, рассматривая события, связанные с созданием Колывано-Кузнецкой военной линии, с процессом освоения русским крестьянством новых территорий, он опять-таки свел их к инициативе служилых людей и деятельности местных сибирских властей.

В работах дореволюционных авторов полностью обойдена проблема общественно-экономического строя у алтайцев. Лишь в некоторых из них содержатся краткие, отрывочные замечания относительно родового состава алтайцев, обычаев, связанных с пережитками первобытнообщинных отношений. Наибольшее внимание этим сюжетам уделил С. П. Швецов. Его работа «Горный Алтай и его население» является по сути дела единственным исследованием в дореволюционной историографии, где имеют место некоторые выводы по рассматриваемой проблеме. Но они слишком преувеличивают значение пережитков первобытнообщинных отношений у алтайцев и тяготеют к оценке общественно-экономического строя у аборигенов Алтая как родового[49].

Данная точка зрения в известной степени была опровергнута исследованиями В. И. Вербицкого и В. В. Радлова (подробнее об их научно-просветительской деятельности будет сказано в главе о культуре)[50]. Собранный ими в ходе научных экспедиций материал свидетельствовал о наличии у алтайцев классовых отношений, имущественного неравенства, обострявшегося конфликта между господствующим классом и эксплуатируемыми. А это, как известно, не присуще родовому строю.

Более широкий круг работ дореволюционных авторов связан с вопросами колонизации и хозяйственного освоения Алтая. Главная их ценность в плане изучаемой темы — накопление значительного и разнообразного фактического материала. Однако в феодальную эпоху не могло быть и речи о научной литературе, в собственном значении этого слова. В большинстве своем это были или чиновничьи описания края, его хозяйства, населения, или записки ученых путешественников, относящиеся скорее к письменным источникам[51]. Некоторое исключение составляют труды П. А. Словцова и Г. В. Колмогорова, дающие незначительный, но конкретный материал, касающийся кабинетских земель на Алтае[52], и особняком стоит работа Ю. Л. Гагемейстера, суммировавшая официальную статистику и повторяющая официальную ложь под видом научной беспристрастности[53].

Новые веяния характерны для литературы пореформенного периода. В ней предпринимаются попытки научного осмысления аграрного развития Алтая в связи с начавшимся сюда массовым переселением крестьян из Европейской России[54]. До сих пор не утратили научного значения многие положения исследователей-демократов Н. М. Ядринцева, Д. А. Клеменца, Г. Н. Потанина, выступивших в защиту трудящихся масс, русского крестьянства и аборигенов, с критикой политики царского самодержавия и произвола местной администрации. Но эти выводы были в свое время проигнорированы советской историографией, поскольку они не в полной мере соответствовали марксистской доктрине о классовой борьбе, а потому и не вписывались в уже сформировавшиеся в науке представления и понятия. Большой фактический материал содержится в работах авторов буржуазно-либерального и либерально-народнического направлений А. А. Кауфмана, П. М. Головачева, М. Н. Соболева, Н. П. Огановского. Однако идейный кризис, охвативший на рубеже XIX—XX вв. буржуазную и отчасти мелкобуржуазную историографию, классовые позиции авторов обусловили известную порочность их методологии исследования, что не позволило им научно обобщить накопленный фактический материал и дать правильное объяснение социально-экономических и политических процессов в сибирской, в том числе и в алтайской деревне и улусе. Объясняя их, авторы считали, что они определялись природно-климатическими условиями края, ростом народонаселения, его «культурным состоянием» и т. п. Нередко они отрицали развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, классовое расслоение крестьянства, рассуждали о «трудовом» крестьянском хозяйстве и его «устойчивости».

Немалую роль в изучении Алтая сыграло образованное в Бар-

науле в 1891 г. «Общество любителей исследования Алтая». Целью его деятельности были сбор, обработка и распространение материалов по переселенческому делу и «сельскохозяйственному быту местного и инородческого населения». Начиная с 1894 г. Общество систематически издавало «Алтайские сборники», проводило статистические исследования земледелия, аренды, скотоводства, пчеловодства, крестьянских промыслов на Алтае. По своему значению материалы Общества могут быть приравнены к данным земской статистики Европейской России. Они тщательно анализировались авторами при подготовке работ по тому или иному направлению исследования, например, по крестьянской общине на Алтае, формам владения и пользования землей[55]. Но эти исследования касались главным образом русского крестьянства, оставляя вне поля зрения инородческое. Тщательно прорабатывая те или иные факты (которые широко используются историками и сегодня), дореволюционная литература тем не менее не вышла по своему идейному арсеналу за рамки исторического краеведения, в результате чего исследуемая тема не получила в дореволюционный период сколько-нибудь детального освещения.

Новые подходы к изучению истории алтайцев намечаются после октября 1917 г. Оно приобретает характер государственной политики, всецело отвечая концептуальным установкам большевистской партии относительно разрешения национального вопроса в стране и перехода ранее отсталых народов и племен к социализму. Непоследнюю роль в активизации изучения алтайцев, равно как и других «отсталых народов» сыграло известное высказывание И. Сталина о необходимости исследования и учета всех особенностей экономического состояния, исторического прошлого, быта и культуры народов, вступивших в советскую стадию, минуя капиталистический путь развития[56].

Руководствуясь этим положением, вопросы изучения алтайцев включили в свои исследовательские планы многие научные учреждения страны. В их реализацию включились археологи, этнографы, языковеды, историки, экономисты и другие. Благодаря их совместным усилиям, удалось реконструировать и уточнить многие моменты из исторического прошлого алтайцев[57], по-новому взглянуть на вопросы колонизации Сибири, на роль трудящихся масс в этом историческом процессе[58], выяснить характерные черты колонизаторской политики Русского государства в этом регионе[59].

Говоря о начавшемся в 20—30 гг. XX в. многоплановом изучении народов Сибири, следует отметить, что их на ее территории проживает свыше 30. Численность одних исчислялась сотнями тысяч, других — не превышала десятка тысяч, третьих — насчи-

тывалось несколько сотен. Неодинаковым был и уровень их «культурного развития». Одни как, например, буряты имели письменность, другие как хакасы — не имели таковой. Естественно, объектами изучения в первую очередь становились крупные, «большие» народы. История же «малых» народов долгое время оставалась вне поля зрения ученых и дожидалась очереди своего изучения. И в этой связи нельзя не поддержать тезис, выдвинутый А. М. Сагалаевым, о неправомерности деления народов на большие и малые, а их культуру оценивать по принципу «дворец-юрта». Следует признать, подчеркивает он, не только «равноценность культур, но и самоценность каждой из них... Культура не бездонная копилка. В процессе эволюции общество не только обретает, но и утрачивает что-то из своих предшествующих... ценностей. Даже письменность (казалось бы беспорное благо, инструмент сохранения культуры) отчасти сковывает полифонию культуры, наделяет язык единообразием форм, стремится сделать их незыблемыми»[60].

Суждение, конечно же, не бесспорное, но в контексте нынешних реалий, с которыми столкнулось наше общество, оно наводит на некоторые размышления. Действительно, не в старых ли подходах, стереотипах кроется корень всех наших бед, которые мы сегодня переживаем? Не из старой ли привычки 30-х годов делить мир на «старших» и «младших» родилось нынешнее противостояние народов, противопоставление своего и чужого, вспыхнули межнациональные конфликты, породив повсеместно огромную армию беженцев?

Эти и другие вопросы, остро вставшие на исходе XX столетия, не входят в сферу нашего изучения. Они ждут пока своего исследователя.

Мы же продолжим историографический обзор по теме исследования.

Курс, взятый на всеобщее изучение народов, населявших нашу страну, содействовал активизации изучения алтайцев. Его зачинателем по праву считается Л. П. Потапов — один из крупнейших отечественных специалистов по истории и этнографии народов Сибири, с одинаковым успехом исследовавший и вопросы развития хозяйства, культуры, переустройства их быта, и проблемы этногенеза этих народов, и историю их общественного и политического строя. Благодаря его усилиям, сибирская историография пополнилась большим количеством историко-этнографических трудов по истории Алтая и его населения[61].

Крупным событием в сибирской историографии явился выход в 1953 г. монографии Л. П. Потапова «Очерки по истории алтай-

цев»[62]. На основе широкого круга источников (данные археологии, лингвистики, этнографический материал, накопленный автором во время поездок по Горному Алтаю, документальные публикации и частично архивный материал) была создана колоритная, но фрагментарная картина исторического прошлого алтайцев с древнейших времен до 30-х гг. XX в.

Заслугой Л. П. Потапова явилось и то, что он первым из исследователей дал разграничение между политикой царизма и отношениями, складывавшимися между русским трудовым народом и рядовыми алтайскими кочевниками. Первым показал добровольность принятия основной массой алтайцев русского подданства и высказал положение о прогрессивном значении этого исторического события.

Однако блестяще разрешив задачи этнографического изучения алтайцев, он в силу разных причин оставил вне поля исследования ряд вопросов чисто исторического характера (развитие производительных сил края до и после присоединения, переселенческое движение, сущность аграрных отношений в крае, взаимоотношения аборигенов и новоселов, фискальная политика русского правительства, действия его представителей на местах и др.). Есть в работе и неточности, на которые уже указывали исследователи[63]. Наконец, капитальный труд Л. П. Потапова, равно как и исследования других ученых 50-х гг. XX в., несет на себе печать господствовавшего тогда в науке методологического официоза. Работа не избежала воздействия на нее «творческих идей И. В. Сталина», чего не отрицает и сам автор[64]. Руководство же ими существенным образом отразилось на оценке деятельности Алтайской духовной миссии и ее служителей, политики, проводимой правительством на окраинах империи и в национальных районах, на характеристике общественных отношений в алтайском обществе и ряда других вопросов. Непосредственным результатом руководства сталинскими идеями и положениями явилась необъективная, на наш взгляд, критика в адрес Н. А. Баскакова, С. И. Руденко, С. С. Суразакова и других исследователей, высказавших свои соображения относительно развития языка, фольклора, письменности и культуры у алтайцев, которые не укладывались в рамки официальной методологии[65]. Но говоря об этих моментах, наверное надо согласиться с Ф. А. Сатлаевым, который отмечал, что во всем этом не столько повинен Л. П. Потапов, сколько система, породившая культ личности, соответствующие требования которой исследователь, по вполне понятным причинам, преодолеть не мог[66]. В последующем вышли новые научные работы Л. П. Потапова[67]. Но они не касались проблем и сюжетов, положений, подвергшихся критике.

Отсутствие комплексных исследований по рассматриваемой нами теме понуждает нас перейти к анализу работ, посвященным отдельным вопросам истории Алтая и его населения, вышедшим в период с 1950 по 1995 гг. Здесь, в первую очередь, следует остановиться на большой статье П. Е. Тадыева, опубликованной в 1956 г. и посвященной двухсотлетнему юбилею вхождения Алтая в состав России[68]. Для изучения своей темы автор привлек неопубликованные материалы Омского областного архива. На основе их анализа он пришел к выводу о длительности процесса вхождения Алтая в состав России, о правильности выбора алтайцев в создавшейся конкретно-исторической обстановке и т. д. Вместе с тем, стремление автора осветить в рамках статьи широкий круг вопросов (торговля, взаимоотношения алтайцев с соседями, национально-колониальный гнет и др.), за более чем двухсотлетний период привело его к естественному результату: беглому обзору событий и фактов, к ошибкам и неточностям. В частности, не соответствует действительности утверждение автора о казни Амыр-Саны генералом Хошон-чин-Уаном[69], о поселении 7 тысяч принявших русское подданство алтайцев в Красноярском уезде[70], неверна и датировка указа, санкционировавшего прием алтайцев в российское подданство[71].

Присоединению Верхнего Приобья к России и заселению его русским крестьянством в XVIII в. посвящена кандидатская диссертация Ю. С. Булыгина[72]. Широкий круг источников, привлеченный автором, позволил ему последовательно и аргументированно показать ход событий в юго-восточном районе Сибири. В плане нашей темы данная работа представляет определенный интерес, поскольку в ней, хотя и отрывочно, но нашли свое отражение вопросы развития отношений между русскими крестьянами и алтайскими кочевниками. Однако из-за недостатка материала интересующие нас сюжеты освещены автором кратко и иллюстративно.

Существенным вкладом в историографию Сибири явился выход в 1980 г. книги А. П. Уманского «Телеуты и русские в XVII—XVIII вв.»[73]. Опираясь на опубликованные и архивные источники (значительная часть последних введена в научный оборот впервые), автор уточнил целый ряд моментов из ранней истории алтайских племен, дал новую трактовку характера русско-телеутских отношений, их значение для последующего развития русско-алтайских контактов в целом, развенчал тезис дореволюционных исследователей о «завоевании» Алтая силой русского оружия. В связи с последним, нельзя не сказать о критике автора книги в наш адрес относительно «крена в сторону теории бесконфликтного включения

малых народов в состав России»[74]. Лишенная аргументации, она, на наш взгляд, является, по меньшей мере, некорректной, ибо в наших работах, опубликованных в период с 1969 по 1995 гг., подобная точка зрения никогда не поддерживалась и не пропагандировалась[75].

Мотивы присоединения Алтая к России затронуты и в исследовании В. А. Моисеева, посвященном борьбе народов Саяно-Алтая против маньчжурских захватчиков в XVIII в.[76] Но показывая участие в ней алтайцев, автором допущен ряд неточностей. Так, в книге, например, утверждается, что во главе алтайского ополчения, выступившего весной 1755 г. против цинских войск, стоял зайсан Омбо[77], а это не соответствует действительности.

Многопланово и основательно освещена политическая история процесса присоединения Алтая к России. Это сделано Г. П. Самаевым. В его монографии, базирующейся на широкой источниковедческой базе, прослежен процесс вхождения алтайских племен и отоков в состав России с учетом международной обстановки, развивавшейся на северо-западе Центральной Азии, воссоздана картина социально-экономических отношений и этнических процессов, имевших место у алтайцев в XVII — середине XIX в.[78] Осуществлены им уточнения отдельных положений, в частности, структуры алтайского кочевого общества и других, с которыми нельзя не согласиться. Вместе с тем, в работе имеются полярные мнения относительно коренного населения Алтая, его самоназвания, структуры алтайского скотоводства и т. д., свою трактовку которых мы выносим в исследовании на суд читателей.

На общем фоне исследований по истории Горного Алтая особенно отчетливо просматривается неизученность вопроса развития края после его вхождения в состав России. Историография этого направления ограничивается работами Л. П. Потапова[79], В. Н. Владимирова[60], Ф. А. Сатлаева[81], научная ценность которых неравнозначна. Если первые две выполнены на высоком научном уровне, то этого нельзя сказать о последней. Имеющийся в ней материал адресован в помощь учителю истории средней школы скомпонован механически и на три четверти не соответствует названию работы. Каждое из названных исследований с разной степенью полноты и аргументированности освещает тот или иной вопрос изучаемой нами темы. Однако и цифровые данные, и некоторые выводы, имеющиеся в работах указанных авторов нуждаются в корректировке и уточнении.

Определенный интерес в плане исследования представляют работы В. Н. Алексеенко[82], Н. Г. Аполлсвой[63], Е. М. Залкинда[84], И. Я. Златкина[85], В. И. Дулова[86], В. Н. Иванова[87], К. Г. Копкое-

ва[88], Н. П. Шастиной[89], освещающих вопросы взаимоотношений народов Казахстана, Западной и Восточной Сибири, Монголии с Россией, из числа которых мы все же выделяем монографию И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства» и кандидатскую диссертацию К. Г. Копксева «Присоединение Хакассии к России». Первая, раскрывая картину взаимоотношений Джунгарии с Россией, не оставила без внимания и народы Алтае-Саянского нагорья. Благодаря этому становится понятным сущность многих процессов и явлений, имевших место в жизни алтайского населения в XVII—XVIII вв. Работа же К. Г. Копкоева, посвященная истории непосредственных соседей алтайцев, помогла автору выявить общее и частное в политике Русского государства по отношению к «инородцам», а с другой стороны, она послужила нам своеобразным указателем к архивным фондам центральных архивохранилищ, ибо материалы по истории Хакасии и Алтая отложились по сути дела в одних и тех же делах.

Вторая половина XVIII — начало XIX в. внесли немалые перемены в жизнь Горного Алтая и его населения. Став подданными России, алтайцы начали более интенсивнее приобщаться к русскому экономическому и культурному образу жизни. Относительная стабилизация российских границ на юго-востоке (в связи с вхождением Алтая в состав России), уменьшение опасности вторжений со стороны маньчжурских и других захватчиков сделали Алтай притягательным центром для русского крестьянства. Однако пограничное положение края накладывало на первых порах свой отпечаток на процесс заселения и хозяйственного освоения новых земель. К сожалению, этот период алтайской истории до сих пор изучен слабо. Его историография — это уже упоминавшаяся выше диссертация Ю. С. Булыгина, увидевшая свет в 1974 г. в виде книги «Первые крестьяне на Алтае»[90], статья А. Н. Жеравиной «Освоение русским крестьянством кабинетских земель на Алтае» (вторая половина XVIII в.)[91], параграф в «Очерках» Л. П. Потапова[92], два небольших раздела в публикациях автора исследования[93] и применительно к первой половине XIX в. статья Ф. А. Сатлаева[94]. Следует отметить, что в работах Ю. С. Булыгина и А. Н. Жеравиной Горный Алтай остался вне поля зрения исследований.

Значительно шире круг работ по истории Алтая и его населения, охватывающих вторую половину XIX в. Но они в большинстве своем связаны с вопросами переселения русских крестьян на Алтай, с землеустроительными мероприятиями правительства и Кабинета и меньше всего — с вопросами социально-экономического характера[95]. Отметим при этом, что аграрная история края

в целом изучена крайне неравномерно. Например, в начальной стадии находится изучение реформы 1861 г. и развитие региона в пореформенный период[96]. Ждут своего исследования социальная характеристика кабинетского крестьянства (русского и инородческого), уровень товарности его хозяйства, сущность и своеобразие аграрных отношений на кабинетских землях[97]. Правда, начало изучению последних уже положено. В 1973 г. вышла в свет монография Г. П. Жидкова «Кабинетское землевладение»[98], в которой прослежена история возникновения и развития кабинетского землевладения, земельная, переселенческая и фискальная политика Кабинета. Однако Горный Алтай опять остался за рамками исследования.

80—90 гг. в сибирской историографии были ознаменованы рядом достижений в разработке аграрно-крестьянской проблематики, основу которой составил анализ процессов, происходивших в крестьянской среде, базировавшийся на привлечении разнообразного документального материала и совершенствования методики научных исследований. Важным событием в этом плане явился выход «Истории Сибири»[99], появление трудов по истории крестьянства, в которых предметом научного анализа стали вопросы аграрно-капиталистической эволюции[100], правда, не всегда касавшиеся национальных регионов.

Подводя итог обзору литературы по истории Горного Алтая и его населения, можно однозначно констатировать: проблема русско-алтайских отношений в XVII—XIX вв. до настоящего времени комплексно не изучалась.

Учитывая актуальность проблемы и степень ее изученности, автор определил следующие цель и задачи исследования.

Целью его является изучение русско-алтайских связей до — и после вхождения Горного Алтая в состав России, влияния и значения этих контактов на хозяйственно-экономическое и культурное развитие сторон.

Задачи исследования заключаются в следующем:

— показать, с учетом политической обстановки разыгрывавшейся в южно-сибирском регионе, процесс складывания и развития русско-алтайских отношений, приведших к добровольному вхождению алтайского населения в состав России;

— проследить процесс заселения и хозяйственного освоения Горного Алтая после вхождения его в состав России, учитывая при этом и приграничное положение края, и географическую среду, в которую попадали переселенцы;

— показать организацию управления алтайскими инородцами, своеобразие их взаимоотношений с местными и центральными

органами власти, систему налогового обложения русских крестьян и алтайцев;

— осветить через призму русско-алтайских отношений внутреннюю жизнь алтайцев в исследуемый период;

— показать как эволюционировали сельское хозяйство алтайцев, их домашняя промышленность, промыслы, торговля, где их развитие шло более успешно и в силу каких причин;

— проследить развитие духовной культуры алтайцев после их вхождения в состав России.

На различных стадиях работы над книгой автор получал советы и критические замечания О. Н. Вилкова, Н. Л. Жуковской, С. С. Каташа, Е. Н. Кушевой, Н. И. Павленко, Л. П. Потапова, А. А. Преображенского, Ф. А. Сатлаева, В. А. Скубневского, П. Е. Тадыева, В. Г. Тюкавкина, А. П. Уманского, Э. М. Щагина, которым он выражает искреннюю признательность. Монография не была бы написана без постоянной товарищеской поддержки доброжелательной критики сотрудников Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН и сектора дооктябрьской истории Института истории СО РАН. Особенно горячее участие в работе приняли С. Г. Агаджанов и Л. М. Горюшкин — им самая сердечная благодарность автора.

Научно-организационная и техническая работа выполнена Э. И. Каинчиной и Н. И. Кснгубаевой.

Часть первая

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЛТАЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ И РАЗВИТИЕ КРАЯ В ЕГО СОСТАВЕ в XVII—XVIII ВЕКАХ

Глава первая. ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЛТАЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

1. ОБСТАНОВКА НА ЮГЕ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

После разгрома Сибирского ханства начинается настойчивое продвижение Русского государства в просторы Сибири. Передвигаясь от одного рубежа к другому, русские служилые люди все ближе подступают к территории, на которой кочевали алтайские племена. На рубеже XVI — начала XVII в. они населяли огромную территорию Алтае-Саянского нагорья. Но основная их масса концентрировалась на территории современного Алтайского края, Республики Алтай и южных районов Новосибирской, Кемеровской и Томской областей.

Вслед за первыми отрядами русских служилых людей на границах этого региона появляются и первые поселенцы из числа крестьян и казаков. Их общими усилиями в начале XVII в. уже был занят бассейн реки Томи, где в 1604 году был воздвигнут укрепленный пункт — город Томск, сыгравший важную роль в деле освоения южной Сибири[1].

Стремление русского правительства закрепиться в местах кочевий алтайских племен, как и во всей Сибири в целом, было продиктоваано целым рядом причин: во-первых, по известным ему источникам эти территории были богаты пушниной, которые, в случае их присоединения к российским владениям, могли бы ежегодно приносить немалые доходы казне. Во-вторых, закрепление Русского государства на юге Сибири существенно подорвало бы экономическую основу многих воинственно настроенных кочевников и лишило бы их возможности предпринимать набеги на вновь присоединенные Русским государством в Западной Сибири земли. И, в-третьих, приобретение и дальнейшее освоение земель алтайских кочевников открывало кратчайший путь из России в Монголию и далее в Китай.

Однако на решение этих стратегических, хозяйственно-экономических и политических задач Русскому государству потребовалось почти полтора столетия. С одной стороны, продвижению русских на юг, к горным порубежным районам препятствовало вооруженное сопротивление многочисленных воинственно настроенных тюркских кочевых племен, а с другой — этому продвижению мешали и естественные преграды в виде гористой местности, покрытой труднопроходимыми лесами, то и дело перемежавшиеся с болотами и топями.

Серьезным препятствием на пути русского продвижения на юг стали джунгарские феодалы, которые с помощью огня и меча пытались подчинить себе местные племена, в том числе и алтайские, захватить их земли, природные богатства, а с покоренного населения взимать дань[2].

Стремясь к расширению своих владений, джунгары не допускали и мысли об установлении русского влияния на юге Сибири. Не вступая в открытый конфликт с Россией, они, тем не менее, вели постоянную скрытую борьбу с ней, стремясь, если не задержать, то хотя бы ослабить процесс русской колонизации южной Сибири.

Испытывая постоянную угрозу нападения со стороны Цинской империи, джунгары не начинали войну с Россией за право господства на юге Сибири, а все время придерживались по отношению к ней политики угроз.

В свою очередь, и Русское государство не могло единым махом покончить с противником. Сказывались тяжелые последствия польско-шведской интервенции, не позволявшие не только сосредоточить на юго-восточной границе достаточные для наступления силы, но и обеспечить имеющиеся там малочисленные гарнизоны[3] необходимым количеством военного снаряжения и провианта.

В создавшейся обстановке и сибирские воеводы не могли также принять действенных мер, чтобы преодолеть противодействие джунгарских феодалов и укрепить свои позиции на юге Сибири. Потому-то они были вынуждены ограничиваться предупреждениями и угрозами о том, что государь пошлет против джунгар «ратных людей с огненным боем из Казани,.. Астрахани и с Дона»[4].

Указанные причины понудили русское правительство выработать специфическую политическую линию, которую условно можно охарактеризовать как политику мирного «укрепления новых сибирских земель», по возможности без военных конфликтов и столкновений на южно-сибирской границе[5]. Разделяя данную точку зрения, высказанную в свое время Н. П. Шастиной, мы от-

нюдь не становимся на позиции сторонников теории «бесконфликтного включения малых народов, в том числе и алтайцев, в состав России», как то приписывает нам профессор А. П. Уманский[6], а пытаемся доказать наличие разных подходов и методов «при приискании новых земель». Следуя своему стратегическому курсу, правительство настойчиво рекомендует сибирским воеводам приводить к присяге на верность царю кочевое население Сибири и по возможности облагать его ясаком.

Но рекомендуя местным властям «ласку и привет держати» по отношению к кочевникам, ни чем их не озлоблять[7], правительство в то же время понуждает их выискивать пути расширения границ Русского государства. Так, в 1604 г. томские воеводы Г. И. Писемский и В. Н. Тырнов получили распоряжение из Тобольской приказной избы о том, чтобы они, не забывая «о ласке при приискании новых земель, поспешая», приняли меры к расширению границ русских владений[8].

Реализуя указания центральных властей, местные администраторы вольно или невольно часто переступали черту дозволенного, чиня произвол и насилие по отношению к кочевникам «при приискании новых земель». Однако «жесточь» с использованием оружия не была, по справедливому замечанию А. П. Уманского, делом лишь рук воевод, которые, якобы не понимали государственного значения освоения Сибири, а потому нередко шли на нарушение рекомендаций, шедших из Москвы[9]. Нет, это была общая политика и по отношению, допустим, к тем же алтайцам, ее «ласкательность» была продиктована не столько соображениями гуманности, сколько интересами безопасности и царской казны. Подлинные цели этой политики раскрывают дополнения к воеводским наказам, прямо предписывавшие исполнителям «чинить поиск, сколь... бог помочи даст», то есть прибегать к силе оружия, если население «новоприисканных земель» воспротивится присягать на верность царю и платить ему ясак[10].

Этими же дополнениями воеводы обязывались вести военную разведку. Так, в выше указанном наказе томским воеводам Г. И. Писемскому и В. Н. Тырнову было предписано осуществить сбор сведений о землях «вверх» по Оби и другим рекам, о живущим там народах, их князьях и мурзах, а также о тех, кто взимает ясак «с тамошних людей»[11].

Словом, расширяя пределы своего государства, русское правительство на рубеже XVI—начале XVII в. приступило к освоению территорий на юге Сибири. «Приискивая» невые земли, оно, в силу складывавшихся обстоятельств, пыталось сделать это мирным путем. Однако в условиях отсутствия стабильных границ

между русскими владениями и владениями кочевых правителей были неизбежны противоречия и военные стычки. Хотя масштабы последних были незначительными, приоритет в «приискании» новых земель все же отводился дипломатии.

2. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СИБИРСКИХ ВОЕВОД С АЛТАЙСКИМИ КНЯЗЬЯМИ В XVII ВЕКЕ

Реализуя предписания центральных властей, томские воеводы предпринимают усилия установить дипломатические контакты с кочевыми правителями. Одним из таковых был князь Абак, влиятельнейший (согласно русским документам начала XVII в.) предводитель племенного объединения телеутов. Его владения простирались по обе стороны реки Оби — от ее устья и до впадения в нее реки Ини. Восточная граница кочевий Абака доходила до верховий реки Чумыш, а западная — включала верховья Чарыша и Алея.

С ним-то и начинают налаживать связи томские воеводы Г. И. Писемский и В. Н. Тырнов. Они передают князю приглашение посетить с «именитыми мурзами» Томск. Абак доброжелательно отнесся к приглашению, послал воеводам подарки, но прибыть в Томск вежливо отказался[12].

Получив отказ, Г. И. Писемский и В. Н. Тырнов направляют в конце 1605 г. первое свое посольство к князю во главе с тобольчанином Иваном Поступинским и томским казаком Баженом Константиновым. Перед послами была поставлена конкретная задача: добиться согласия Абака прибыть в Томск и присягнуть на верность царю. В известной степени, они с нею справились. Князь и его окружение радушно встретили послов и обещали весной 1606 г. приехать в Томск[13].

Легкость, с которой воеводские посланцы добились согласия Абака, объяснилась чуть позже: князь был не в ладах с соседними кочевыми ордами и очень боялся их нападения. Поэтому союз с русскими ему был как нельзя кстати. Но шел он на него не поспешая, взвешивая каждую мелочь, ибо князь знал какими силами располагает Томский острог и прикидывал: смогут ли русские защитить его, Абака, если недруги нападут на него. Именно поэтому он не торопился заключать союза с русскими, но и не обострял отношения с ними, принимая воеводских послов, посылал своих людей с подаркамаи к воеводам.

А годы, годы неопределенности, тем временем шли. Г. И. Писемского и В. Н. Тырнова сменили М. Ржевский и С. Бартнев,

которым за два года воеводства также не удалось привести Абака в подданство[14].

В феврале 1609 г. новые томские воеводы В. В. Волынский и М. И. Новосильцев посылают к Абаку очередное посольство, в состав которого входили Иван Коломна, князь еуштинских «татар» Тоян, томские казаки Иван Петелин и Василий Малентьев[15].

На сей раз главе посольства И. Коломне было предписано «привести к шерти» князя. В случае его стказа ехать для этого в Томск, приказывалось любому члену посольства (как того пожелает Абак), остаться заложником в улусе до возвращения князя из Томска. Этот аргумент, а также клятва, данная Тояном в том, что Абака не оставят «аманатом» в Томске, подействовали на князя благоприятно. И 31 марта 1609 г. он в сопровождении своих мурз и «лучших улусных людей» прибыл вместе с русскими послами в Томск, где присягнул на верность царю, обещая служить ему, ходить войною на его «непослушников», но с одним условием: разрешить Абаку кочевать недалеко от Томска; не взимать с них ясака и оберегать от западно-монгольских и казахских феодалов[16].

Довольный заключенным договором, щедро одаренный подарками, Абак вернулся в свой улус.

Так завершились многолетние усилия томских воевод по приведению к шерти одного из предводителей алтайского племенного объединения.

Заключенный военно-политический союз был жизненно необходим обеим сторонам. И заключение первого русско-алтайского договора о нем, по словам А. П. Уманского, было обусловлено целым рядом причин: во-первых, в начале XVII в. соседние с владениями Абака кочевые феодалы развязали между собой продолжительную и кровопролитную войну, в результате которой алтайские племена (в частности, телеуты) попали в критическую ситуацию. Над ними нависла угроза физического истребления и со стороны Алтын-ханов, и со стороны Казахской орды. В этой обстановке Абак и его окружение рассчитывали с помощью русского оружия, имевшем превосходство над вооружением монголов и казахов, избежать разорения, порабощения и физического уничтожения со стороны своих сильных и агрессивных соседей[17].

Во-вторых, в союзе с телеутами нуждалась и сибирская администрация. Положение Томска как пограничного пункта в начале XVII в. было крайне трудным. Его гарнизон был очень мал и справиться с задачей охраны острога, расширения границ русских владений ему было не под силу. Надеяться на помощь, подкрепления из-за Урала, в обстановке продолжающейся польско-шведской интервенции и «крестьянской» войны в центре России, не

приходилось. Поэтому и материальное положение, и моральный дух томских служилых людей были неудовлетворительными. Не получая жалования, провианта, они выражали недовольство и постоянно грозили властям покинуть город и уйти на Русь, чтобы им самим и их семьям не умереть с голоду[18].

Поэтому в этой обстановке о расширении русских владений, об объясачивании кочевых народов силами томского гарнизона нечего было и думать. Это прекрасно понимали томские воеводы и не раз писали об этом в Москву. Но оттуда шли лишь обвинения в адрес воевод о том, что они занимаются «безделием», не пополняют гарнизон за счет городских и посадских людей, желающих поступить на «цареву службу».

В сложившейся ситуации томские воеводы, идя на заключение союза с телеутами, рассчитывали на их людские ресурсы и воинскую силу в деле приведения кочевников других земель в русское подданство, а также для обороны от набегов монгольских и казахских феодалов.

Не последнюю роль в заключении договора с Абаком играл и политический аспект. Телеутский улус был одним из крупных племенных объединений Южной Сибири. Примеру его сближения с Русским государством могли последовать (а на это немало рассчитывали воеводы) и другие кочевые феодалы, урегулирование отношений с которыми позволило бы ослабить напряженность на южных границах русских уездов, укрепить их безопасность, начать торговый обмен русских людей с кочевниками.

Наконец, заключение русско-телеутского договора способствовало превращению спорадического обмена между телеутами и русскими людьми в постоянный и взаимовыгодный торг, в котором обе стороны испытывали острую необходимость.

Словом, этот договор 1609 г. был жизненно необходим и русским, и телеутам. Он оформил и закрепил первые политические и экономические контакты между русскими и алтайскими племенами, был призван способствовать развитию экономики обеих сторон, а также укреплению их обороноспособности перед лицом общих врагов.

Результаты договора сказались незамедлительно. Телеуты (как отмечали документы того времени) стали кочевать со всем улусом за день «езды на коне от Томскова города». В городе было положено начало «колмацкому торгу», на котором телеуты регулярно продавали скот. И благодаря этому, свидетельствует документ, служилые люди Томского города «скоро лошадьми... и коровами наполнилися»[19].

Неплохое начало было положено и военному сотрудничеству.

Летом 1609 г. Абак по собственной инициативе погромил кужугетов и возвратил, по свидетельству А. П. Уманского, угнанных пленников и скот еуштинцам — подданным русского царя. Центральные власти высоко оценили усердие Абака. Руководствуясь их распоряжением, томские воеводы наградили его суконным распашным кафтаном и похвалили за службу царю[20].

Однако мирно складывавшиеся отношения между русскими и кочевым алтайским населением вызывали тревогу у западномонгольских ханов. От пассивного наблюдения за происходящими событиями они переходят к непосредственному воздействию (угрозами и грабежом) на алтайские племена — лишь бы нарушить установившиеся их контакты с русскими.

Весной 1611 г. в Томск прибежал «белый калмык» (так русские документы XVII в. именовали алтайцев в отличие от «черных калмыков» — монголов — *Н. М.*) Саганак, который сообщил воеводе, что к ним приходили «чугутские горные калмыки» (непосредственно связанные с монгольскими ханами) и «повоевали их» — белых калмыков — за связи с русскими, угнав при этом к себе их жен, детей и скот[21].

Провокации и набеги сыграли свою роль. В 1617 г. Абак отходит от союза с русскими, а вскоре и нападает на Чатский городок, где нес «государству службу князь чатов Тарлав (зять Абака). Зять уговаривал тестя отказаться от дальнейших походов. Но последний не внял уговорам и весной 1618 г. совершил набеги на русские поселения Томского и Кузнецкого уездов[22].

Но только ли происки западно-монгольских ханов привели к разрыву русско-алтайского союза 1609 г. Отнюдь нет. Этому способствовала и русская администрация. Несмотря на неоднократные обещания, Абак не получил сбещанной воеводами военной помощи, когда он и его люди подверглись нападениям кочевников. С другой стороны, к разрыву привела и ретивость местных властей в объясачивании шорцев, тубаларов, челканцев, сбор дани с которых князь считал своим безраздельным правом[23].

И, наконец, обострение отношений было вызвано и не эквивалентностью обмена на «колмацком торге» в Томске, обманами всевод и служилых людей, бравших за бутылку самогона двух соболей, за 5 игл — горностая, а за медный котел — столько соболей, сколько войдет в него[24].

К счастью, враждебные отношения между Абаком и местными властями продолжались недолго. Они были нормализованы в январе 1621 г. Это для сибирской администрации было очень кстати, поскольку обстановка в пограничных районах юго-восточной Сибири в это время начала ухудшаться. В 1623 г. прервались ди-

пломатические отношения Русского государства с западно-монгольскими ханами. В этой связи во все сибирские города и остроги был направлен строжайший правительственный указ, предписывавший не пропускать в Москву и другие города «мунгальских и калмыцких послов», ибо «ноне мунгалы... к государю... воинственны и прибыли от них государю не чаяти»[25].

Создавшееся положение в пограничных районах Сибири понудило местные власти принять меры к усилению гарнизонов в городах и острогах, расположенных в южных районах бассейнов Енисея и Оби. Но решить в полном объеме эту задачу не удалось. Из-за отсутствия помощи из центра гарнизоны остались малочисленными, не способными решить вопросы охраны русских границ в пределах «новоприисканных земель».

Но нормализация отношений с Абаком не ликвидировала возникших ранее противоречий. Незримая стена продолжала существовать. Сознавая это, воеводы томские и кузнецкие раз за разом направляют к князю свои посольства, чтобы «укрепить его в верности государю» и напомнить о его «винах» перед «государем». Именно такую цель преследовали миссии Я. Захарова из Кузнецка в 1621 г. и И. Белоголова из Томска в 1624 г.[26]

Напряженная обстановка на юге Сибири по разному использовалась кочевыми феодалами, в том числе и Абаком. Так, отписка томских воевод в Сибирский приказ извещала, что 11 сентября 1626 г. в Томск приходили «Абакова улуса... люди с торгом». Однако разведка доносила воеводам, что Абак готовится пойти войною на русские уезды, за то, что в 1624 г. «кузнецкие люди» его «улусы повоевали»[27].

Это был тревожный сигнал для местных властей, тем более что вновь имели место стычки по «ясачному вопросу». Положение резко изменилось к худшему в 1628 г., когда Абак разослал своих людей по северным алтайским волостям с приказом их населению не давать ясак воеводским сборщикам[28].

Организовав кампанию неповиновения русской администрации, князь предпринял совместно с зятем Тарлавом поход на Томский уезд. В 1629 г. они подступили к Томску. Но вышедший им навстречу отряд казаков и служилых татар неожиданным ударом вынудил отступить Абака. Обескураженные неудачей князь и зять повторяют набег, но уже на Кузнецк и вновь терпят неудачу[29].

Частые набеги кочевников на русские уезды свидетельствовали о непрочности русских позиций на юге Сибири. Понимая это, правительство регулярно напоминает сибирским воеводам направлять к кочевым феодалам своих послов, в том числе и к Абаку, и велеть им уговаривать их «всякими мерами», чтобы они от-

стали «от измены»[30]. Рекомендовалось также шире использовать начавшуюся в регионе племенную междоусобицу.

Памятуя об этих моментах, воеводы делают попытку осуществить давний замысел: проникнуть в Верхнее Приобье, присоединить его к России и создать тем самым плацдарм для дальнейшего продвижения в горы Алтая. С этой целью они направляют в 1632 г. из Томска отряд во главе с Ф. Пущиным. Но выполнить поставленную задачу (из-за противодействия телеутов) не удалось[31]. Была лишь осуществлена достаточно глубокая (до устья р. Чумыш) разведка данного района.

Неудача пущинского рейда вновь поставила на повестку дня вопрос о дипломатическом урегулировании затянувшегося конфликта русских властей с Абаком. Однако неоднократные посылки послов к нему не принесли воеводам желаемого результата: Абак выражал желание дать новую шерть, но в Томск не ехал, а тем временем его люди совершали набеги на ясашные волости Кузнецкого уезда.

Очередная акция подобного рода была осуществлена в бассейне р. Ускат в сентябре 1633 г. Она послужила поводом для направления к Абаку очередного посольства во главе с томским десятником Василием Седельниковым. Как и предыдущие, успеха оно не имело[32].

Более результативной оказалась миссия Е. Степанова и Е. Бегичева в феврале 1634 г. Абак согласился дать шерть и обещал прислать в Томск своего сына, поскольку «за старостью» сам ехать не мог. Действительно, с возвратившимися в Томск послами к воеводам прибыли 3 посланца Абака, а также свыше 40 человек с лошадьми, пушниной для торга[33].

Чтобы закрепить достигнутую договоренность и окончательно нормализовать отношения, воеводы направляют к Абаку еще два посольства: в июне 1634 г. (Б. Карташева и И. Тарлавова) и в сентябре 1634 г. (О. Харламова и И. Тарлавова)[35]. Благодаря им, отношения русских властей с Абаком наладились, снова оживился «колмацкий торг» в Томске[36].

Но спокойствие, добытое с таким трудом, длилось недолго. Глубокой осенью 1635 г. до русских властей дошло известие, что Абак умер, «а ныне в его место князец Кока»[37].

Это сообщение явилось для всевод далеко не из приятных. Оно означало, что надо начинать все сначала, ибо намерения нового князя были им неизвестны. Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, они снаряжают к нему посольство во главе с Зиновием Амосовым с заданием: добиться от Коки шерти на тех же условиях, на которых присягнул государю Абак, и привезти его

в Томск для «утверждения шерти». С первой частью наказа князь согласился, со второй — нет. Он присягнул на верность государю. Но от поездки в Томск отказался. Вместо себя Кока направил вместе с возвращавшимися послами своего брата Имеса и трех «лучших людей»[38].

Казалось, что такое начало сулит воеводам мирную жизнь и бесконфликтность. Но, увы. Этого не случилось. Весной 1636 г. Кока, узнав об ослаблении Кузнецкого гарнизона, вызванного посылкой наблюдательных групп «в Киргизские степи и за Саянский камень для проведывания вестей», нападает на Кузнецк. Однако малочисленный гарнизон отбил атаки нападавших и даже нанес им чувствительный удар, вынудивший кочевников снять осаду города[39].

Еще более враждебно относился к русским другой телеутский князь Мачик (племянник Абака, ставший после смерти дяди правителем второй части улуса, первой — управлял Кока Абаков)[40]. Несмотря на усилия сибирских всевод установить с ним дипломатические связи, он навстречу им не шел и продолжал нападать на русские уезды и объясаченные местными властями инородческие волости[41].

Сибирская администрация прилагала все усилия к тому, чтобы нормализовать отношения с алтайскими князьями, урегулировать спорные дела, устранить имеющиеся противоречия. Но сделать это им никак не удавалось.

В 1645 г. умер царь Михаил Федорович. Наследником престола стал его сын Алексей. В связи с его воцарением воеводы обязаны были привести к присяге новому царю все подвластное население, в том числе в разной степени зависящее от Русского государства.

С этой целью летом 1646 г. в разные «орды и земли» были направлены томские послы с «шертоприводными грамотами». К Коке Абакову был послан Петр Сабанский — один из самых опытных и авторитетных дворян Томска. 12 июня 1646 г. он прибыл в Кокин улус. Прибыв в ставку, он предложил князю и его брату Кулудаю поехать в Томск для принятия присяги на верность новому царю. Однако Абаковичи от поездки отказались, но согласились шертовать у себя в улусе. 13 июня к присяге были приведены Кулудай, его дядя Ентугай Кснаев, «лучшие улусные люди» Бетин Невтигин, Тюргай Басбеков, Читай Тереев, Чендугар Базыбеков и Бочюга Тенбикеев. Сам Кока отказался от личной шерти, мотивировав, что за него дали в Томскве шерть Ентугай и Урузак. Принявшие шерть были одарены «государевым жалованием» и подарками[42].

После принятия присяги, начались переговоры, в ходе которых Коке были высказаны претензии воевод на его и его улусных людей за их воровские «дела». Князь начисто отверг свою причастность к указанным «винам», возложив всю ответственность за содеянное на Мачика и его людей. В доказательство своей правоты и лояльности к русским властям он отправил своих послов в Томск, которые выехали с П. Сабанским 14 июня 1646 г.

Однако слова и дела алтайского князя не удовлетворяли ни местную, ни центральную администрацию. Последняя настаивала на личной шерти князя. Указ с подобной установкой и был направлен в Томск.

К его приходу в город, отношения томских властей с Коксй сильно осложнились. Причиной этому послужил поход кузнецкого отряда под командой Б. Зубова в 1646 г. против телесов, которых Кока считал своими данниками. Ответом на акцию кузнечан были новые набеги кочевников, и отказ приходить в Томск с торгом[44].

Пытаясь исправить положение, воеводы срочно посылают в том же 1646 г. посольство Ст. Гречанина, которое закончилось полной неудачей. Посланцев приняли не только с нарушением посольского этикета, но и обворовали, а одного человека даже избили[45].

Немалый негативизм в отношения алтайских князей с Русским государством внесла борьба враждовавших между собой воевод, в частности, И. О. Щербатова и И. Н. Бунакова. В ходе ее они не раз прибегали к тому, чтобы втянуть в нее Коку Абакова, чтобы от его имени оклеветать и привлечь к суду своего противника. Именно с такой целью (а потом уже с целью разведки и торгового обмена) направлялись к князю посольства Н. Попова (конец 1648 г.) и В. Бурнашева (в мае 1649 г.)[46].

Зафиксировав свое присутствие у князя и добившись у него (лестью, обманом, подарками и т. д.) написания на чистой бумаге его родового «знамени» — тамги, — послы, как справедливо указывает А. П. Уманский, отправлялись восвояси и уже там составляли (в зависимости от того, кто чей сторонник) посольский список, мало обращая внимания на то, что своими интригами они бросают тень на предводителя кочевников, с которым у Русского государства весьма сложные отношения[47].

Для иллюстрации сказанного, сошлемся на статейный список В. Бурнашева (сторонник И. Бунакова). На вопрос посла, почему Кока «долгое время своих людей в город не присылывал ни с какими вестями, ни с торгом и нет ли шалости у него», последний ствечал, что он потому долгое время «в город своих людей не посылал, что сидел там воевода Осип Иванович (Щербатов — *Н. М.*),

а дурна он много делал служилым людям и чатским татарам и пашенным крестьянам... и нам, калмакам белым. Я, Кока, слышал, что князь Осип Иванович казаков грабил.., да он же писал контайше (джунгарскому правителю — *Н. М.*) и велел меня, Коку, воевать, а неведомо за что, а я видел тою грамоту сам у контайшина человека, ты, де контайша, воюй Коку со своей стороны, а я из города», с другой стороны «казаков пошлю... И я, Кока, убоялся тово, да побежал... вверх по Обе».

Совершенно другая характеристика, опять-таки словами Коки Абакова, дана сопернику О. Щербатова — И. Бунакову. «А прежсево.., — записано в статейном списке В. Бурнашева, — присылывали к нам Бажена Карташева, Дмитрия Копылова, Остафия Харламова, Зиновия Амосова, они люди добрые, худа нам никакова не говорили. И нонеча приходил Василий Бурнашев с товарищами и они люди смирные, худа никакова не говорят. Я, Кока, про воеводу Илью Никитича (Бунакова — *Н. М.*) слышу, что он добр до казаков и татар, и до всяких людей, и до меня дурна никакова нет»[4.8]

Противоречивые характеристики насторожили новых томских воевод М. Волынского и Коковинского. Тем более, что отрицательный отзыв дан воеводе, который был на хорошем счету у правительства, чего нельзя сказать о Бунакове. Поэтому воевод взяло сомнение, а «не понаущению ли Бунакова» написал свой статейный список Бурнашев. О своих сомнениях они доложили в Сибирский приказ, откуда пришло распоряжение «тотчас сыскать тех томских служилых людей, кои посланы были... в белые калмаки к Коке Абакову... распросить... порознь у пытки... про все статьи»[49].

Руководствуясь указом, воеводы подвергли осенью 1650 г. послов пытке, после чего их заточили в тюрьму, хотя их вина в подлоге документа не была установлена. Об этом свидетельствует очная ставка участников посольства. На ней В. Бурнашев, Т. Енбагичев и И. Козлов заявили, что «статейный список писал Неудачко Федоров... у Коки в юрте начерно, накоротко потому, что бумаги не было и... Кокино знамя и Суртаево письмо (подпись — *Н. М.*) наклеено на черное письмо. А как... приехали в Томской статейный список с черного письма переписывал у себя во дворе Неудачко Федоров, а бумагу давал на переписку Илья Бунаков». К переписанному статейному списку, по словам обвиняемых, были наклеены тамга и подпись. После этого список был вручен И. Бунакову. Черная же запись, утверждали бывшие послы, осталась у Н. Федорова, который на день следствия служил в Москве[50].

Таким образом, не исключена возможность, что Бунаков получив список, изменил его содержание в соответствии со своими интересами, а тамгу и подпись Коки с Суртаем подклеил к документу собственной редакции.

Но как бы там ни было, тень негативизма по отношению к русским властям так или иначе падала на Коку Абакова. Чтобы установить истину, к нему в срочном порядке в конце 1649 г. было направлено посольство С. Лаврова и В. Третьякова. Дабы не повлиять на истинность показаний, послам было запрещено брать с собою какие бы то ни было подарки и не давать князю никаких обещаний. Реакция Коки была неожиданной и отрицательной. Не видя к себе внимания, он отказался от переговоров и мимоходом подтвердил версию В. Бурнашева[51].

Такой оборот дела, естественно, не устраивал Москву. Зимой 1650 г. оттуда пришел указ об обязательном приведении к шерти Коки Абакова. Выполняя его, томские воеводы снаряжают очередное посольство во главе с И. Петровым, которое 5 апреля 1650 г. прибыло в улус К. Абакова. В тот же день князь радушно встретил послов в своей юрте. После взаимных приветствий Коке была зачитана «наказная память». Выслушав ее, князь согласился дать шерть. Взяв в руки поднесенную послом чашу с вином, он поклялся «быть... под... государя высокою рукою в вечном холопстве навеки неотступно». А коль нарушу я клятву, продолжал Кока, то пусть «буди на мне божий огненный меч и... проклят я в сем веку и будущем». Засвидетельствовав шерть, И. Петров выдал Коке, его брату, сыну, дяде и «лучшим улусным людям государево жалованье» и в конце апреля вернулся в Томск[52].

Чем же была вызвана такая покладистость князя? А она объяснялась тем, что воеводская власть в Томске заметно окрепла. А это предполагало, в случае отказа Коки шертовать, применение против него военной силы. Наконец, Коке нужно было доверие русских властей. Его же можно было заслужить лишь личной присягой. Оказали свое влияние на князя и противоречия, возникшие между ним, данниками и джунгарскими феодалами[53].

Посольская миссия Ивана Петрова, казалось на долгое время нормализует положение, активизирует русско-алтайский торговый обмен. Но этого не случилось. Уже в 1651 г. вновь возникли трения из-за данников. Особенно осложнили дело ретивость и активность кузнецкого воеводы Ф. Баскакова проникнуть на устье Бии и Катуни, построить там острог и взимать ясак с тамошних людей, которых Кока считал своими кыштымами[54]. Возникшие на этой почве противоречия, вылились со стороны последнего в алманные[55] акции в ясашных волостях Кузнецкого уезда[56].

Ф. Баскаков не раз требовал от томских воевод распоряжений, чтобы «войною смирить» Коку и Мачика. Но такого указания томичи не давали. Тогда кузнечанин пошел на нарушение запрета Москвы «воевать» Коку, инспирировав челобитную «кузнецких людей о наказании телесских людей... за грабеж». Таковая была вручена Баскакову в конце февраля 1653 г., а уже в марте отрядами П. Дорофеева, П. Лаврова и И. Васильева были «повоеваны» Азкыштымская волость и братья Коки[57].

Узнав об этом, князь сразу присылает свое посольство в Кузнецк, требуя объяснить причины, побудившие воеводу «повоевать» его братьев и данников. Последний ответил посланцам, что на то, мол, была государева грамота[58].

Неудовлетворившись ответом, Кока направляет в июле 1653 г. своих послов в Томск с жалобой на кузнецкого воеводу, который «воюет их» без царского указа[59].

Русское правительство, узнав о таком обороте дел, отдало распоряжение томским воеводам о расследовании проступков Баскакова и о срочной посылке послов к Коке. Таковые во главе с Василием Былиным выехали к князю в январе 1654 г. 10 января послы прибыли в ставку Коки и в тот же день были им приняты. Трудные и сложные переговоры не привели к достижению главной цели: Кока не пошел под «высокую государя руку». Не удалось разрешить вопрос о кыштымных волостях и о сборе ясака с них[60].

Словом, отношения местных властей с алтайским князем остались неурегулированными. С другой стороны, переговоры показали, что между Кокой и сибирской администрацией по-прежнему сохраняются серьезные противоречия, разрешить которые князь намерен посредством посылки своего посольства в Москву[61].

Смерть Батур-Хунтайджи и последовавшая за ней династийная борьба между различными группировками джунгарских феодалов внесли свои коррективы в жизнь кочевого населения Алтае-Саянского нагорья. Эти события послужили своеобразным сигналом для выступления данников против джунгарского владычества. Выступил против кыштымной зависимости от Джунгарии и Кока, но неудачно, потерпев ряд поражений от ойратов в 1655 г.[62]

Узнав об этом, томские воеводы Н. О. Нащекин и А. Ф. Болтин пытаются использовать данное обстоятельство для урегулирования с ним отношений. В июле 1655 г. они направляют к Коке посольство во главе с Яковом Поповым. В его задачу входило: склонить князя к принятию шерти, а также побудить его к возобновлению русско-алтайского торга в Томске. Но посольство не справилось с поставленной задачей. В трудный для себя момент Кока лишь сделал маневр, чтобы избежать серьезного конфликта с русскими.

И как только миновала угроза со стороны джунгаров, Кока, объединившись с Мачиком, снова стал совершать набеги на территории Томского и Кузнецкого уездов[63].

Разорительные набеги телеутов, контакты их князей с киргизскими феодалами вынудили воевод И. Н. Приимкова-Ростовского и А. В. Коковинского направить в октябре 1656 г. к Коке посольство под началом А. Сартакова и К. Капустина. Задача у послов была одна: «отвратить» князя от набегов на ясачных и русские деревни и призвать его (по примеру отца) совместно «воевать непослушников». Однако и А. Сартакову не удалось достичь поставленной цели. И он, как свидетельствует документ, возвратился в Томск «ни с чем»[64].

Очередной провал дипломатов обескуражил воевод. Они понимают, чем грозит им невыполнение царского указа о смирении Коки, который, по сообщению лазутчиков, приняв в своих владениях «изменника и государева вора князца Мачика», намерен с последним «воевать» русских. Допустить это было нельзя и воеводы срочно направляют к алтайскому князю новых послов. Выехавшие в марте 1657 г. томский сын боярский Иван Петров, казаки Семен Матвеев и Тихон Мещерин, переводчик Федор Федоров и чатские мурзы Айдак Сарткулин и Мамеш Сайдеков должны были в очередной раз призвать Коку «дать шерть великому государю... и быть под его высокою рукою навеки неотступно и с его изменниками не ссылатца»[65].

Послование И. Петрова, по свидетельству А. П. Уманского, закончилось также безрезультатно, ибо весной 1657 г. Кока действовал против русских совместно с Мачиком. Вторгшись в Томский уезд, они осадили Сосновский острог и отогнали у пашенных крестьян свыше 100 лошадей[66].

Сведения о набегах князей, их «ссылках» с ойратами дошли до Сибирского приказа, откуда весной 1658 г. вновь поступило в Томск указание о смирении Коки и Мачика дипломатическими средствами. Руководствуясь им, воеводы И. Приимков-Ростовский и А. Коковинский напраляют 30 мая 1658 г. к Коке казачьего пятидесятника Дмитрия Вяткина[67]. 20 июня послы прибыли в улус. «Ныне Кока, — гласит отчет Д. Вяткина, — завоевался с черными калмыками», причем на первом этапе, достаточно успешно. Видимо, это дало повод князю довольно-таки высокомерно отнестись к послам. На протяжении нескольких дней он не допускал их к себе, ведя переговоры через своего представителя. И лишь угроза нападения ойратов сделала Коку несколько сговорчивее, но при условии, что послы примут участие в бою с его недругами. Их силою «взяли на бой», который закончился для Коки неудачно.

Оказавшись в трудном положении, князь дал согласие подтвердить свою шерть, но при условии, что она будет дана не в Томске, а в его улусе и причем лишь только после возвращения ему плененных русскими телеутов. Согласившись с доводами Коки, Д. Вяткин прибыл 29 июля 1658 г. с телеутскими посланцами в Томск[68].

Ознакомившись с итогами посольской миссии Д. Вяткина и выслушав Кокиных послов, воеводы решили не откладывать дела в долгий ящик. «Не мешкая», было снаряжено новое посольство, которое 31 июля, т. е. спустя всего лишь два дня с момента возвращения Д. Вяткина, отправилось к Коке Абакову. 2 сентября оно прибыло в ставку князя, где Дмитрий Копылов сообщил ему о цели посольства, а также о царском «жаловании», о возвращении его пленников и о разрешении алтайским послам ехать в Москву.

Выслушав Д. Копылова, Кока и Мачик, их многие «лучшие» улусные люди присягнули на верность русскому государю и обещали служить «в правду», набегов на русские города и уезды не совершать и обид их населению и ясашным не чинить.

Успешно завершив свою миссию, Д. Копылов 7 сентября 1658 г. возвратился в Томск. Вместе с ним прибыли телеутские послы, направленные Кокой в Москву[69].

Посланцы князя Мамрач, Келкер, Чиик, Уруска и Кормышак, прибыв в Томск, передали воеводам пожелания Коки «жить в мире и привет держати и по вся годы торга водить». В знак преданности «великому государю явили в подарок» 150 красных лисиц[70].

«Желая надежно Коку к российскому престолу приблизить», «воеводы», по согласованию с Сибирским приказом, «отпускают» 14 сентября 1658 г. телеутских посланцев в сопровождении Д. Вяткина в Москву, куда они прибыли 30 декабря того же года[71].

Поездка телеутского посольства в Москву, состоявшиеся там переговоры явились важной вехой в развитии русско-телеутских отношений в XVII в. Уже сам факт его приема в Посольском приказе является показателем того значения, какое русское правительство придавало делу нормализации отношений с Абаковичами и другими телеутскими правителями, их роли в политической жизни Южной Сибири[72].

В 60—70 гг. XVII в. произошел заметный спад в развитии русско-алтайских посольских связей. Он объяснялся, во-первых, смертью Коки Абакова, который, несмотря на свою непоследовательность, все же стремился к установлению дружественных контактов с Русским государством. Во-вторых, — не соблюдением русскими властями своих союзнических обязательств по отношению

к телеутским князьям, их вмешательством во внутренние дела Абаковичей. Непоследнюю роль сыграли и противоречия из-за феодально-зависимого населения и права сбора дани с него[73].

Повлияла на интенсивность посольских связей между алтайской родоплеменной знатью и сибирской администрацией и русско-джунгарская проблема. России то и дело приходилось предотвращать попытки джунгарских феодалов производить насильственный сбор дани с подвластных ей территорией. В 60-х — 70-х гг. XVII в. вопрос о данниках встал особенно остро[74].

И лишь нормализовав отношения с Джунгарией, где в это время вновь вспыхнула династийная борьба за власть[75], русские власти принимают меры к восстановлению связей с представителями алтайской кочевой знати, на которую длительные дебаты России с Джунгарией по вопросу о данниках и сборе ясака с них оказали отрицательное воздействие. Так, старший сын Коки Абакова Табун Кокин, ставший после смерти отца правителем телеутских улусов, неоднократно предпринимал попытки «под шумок» русско-джунгарских противоречий вторгнуться в российские пределы и пограбить русское и ясашное население[76].

Воеводы Томска и Кузнецка принимали меры к отражению набегов телеутов, решившись даже на совместный поход против Табуна Кокина. Известие о нем устрашило последнего, ибо ни его воины, ни союзники телеутов не в состоянии были противостоять русским ратникам, имевшим на вооружении огнестрельное оружие. Не сулила ему ничего хорошего и междоусобица в Джунгарии. Поэтому Табун решил перебраться поближе к русскому соседу на севере, но для этого надо было нормализовать с ним отношения.

Вынуждала его сделать это и необходимость возобновления русско-алтайского торгового обмена. Ущерба от его прекращения не могли возместить телеутам никакие набеги. Мирный обмен с русскими давал им основную массу продуктов земледелия и ремесла крестьян и посадских людей. Словом, у князя было немало причин, понуждавших его к диалогу с русской администрацией о «прямом договоре»[77].

Затруднениями Табуна Кокина не замедлил воспользоваться томский воевода князь П. Л. Львов. Осенью 1667 г. он направляет к нему посольство во главе с И. Даниловым для «выговора» князю о его «неправдах». Но миссия успеха не имела[78]. Поэтому воевода снаряжает в конце 1667 г. второе посольство. Его главе В. Бубенному было наказано «внятно, тихо, по статьям» зачитать Табуну наказную память и, используя груз «его вин и неправд», понудить князя к принятию шерти о подданстве.

Однако выслушав претензии в свой адрес, Т. Кокин, в свою очередь, стал жаловаться на «жесточь» воевод и шертовать отказался, мотивировав это тем, что он Галдана-контайши (правителя Джунгарии — *Н. М.*) данник и без его ведома шертовать не смеет[79].

С возвратившимся в Томск В. Бубенным прибыл к воеводам и посол Табуна — Кирей. Его прибытие должно было означать возобновление регулярных посольских контактов между русской администрацией и телеутскими князьями. И, действительно, с 1678 г. они стали нормой[80].

Однако отказ князя шертовать государю не устраивал русские власти. К тому же, несмотря на посольские обмены, его люди продолжали взимать ясак с двоеданцев, нанося тем самым урон казне, а также нападать на русские уезды[81].

Учитывая сложившуюся обстановку, частые ссылки Табуна (в оправдание своих действий) на джунгар, воевода П. Львов посылает, по указанию Сибирского приказа, весной 1680 г. посольство к джунгарскому правителю, чтобы урегулировать отношения между Россией и пограничными кочевыми племенами, которые находились в непосредственной зависимости от него[82]. Русское правительство, заинтересованное в устранении напряженности в пограничной зоне, принимало меры, чтобы предотвратить возникновение инцидентов по вине русской стороны.

Посольство, возглавляемое Григорием Пущиным, 12 июня 1680 г. прибыло в «черные калмыки». Но оно не застало Галдана, который в тот момент ушел в поход против Казачьей орды. Послов приняли «лучшие люди» хана, которым в отсутствие его была «приказана земля его и всякие дела». Выслушав наказную память, они устроили очную ставку русским послам с прибывшими в ставку Галдана киргизскими князцами во главе с Таржан-яйзаном и князем телеутов Табуном Кокиным, на которой «заказали накрепко киргизским князцам и Табуну... чтоб с государевыми людьми жили смирно и задоров не чинили»[83].

По окончании переговоров Г. Пущин отправился в Томск в сопровождении Табуна Кокина, который говорил послу: «А как Галдан-контайша будет в своей земле и великий государь прислал бы из Томсково послов своих ко мне, а со мною б де поехали к Галдану... и я де при нем и шертовать стану»[84].

30 сентября 1680 г. посольство Г. Пущина возвратилось в Томск. Однако воспользоваться благоприятно складывающейся ситуацией сразу воеводам не удалось. В начале 80-х гг. обострились русско-монгольские отношения, отодвинувшие на время вопрос русско-алтайских посольских связей. Они возобновились лишь

только с устранением напряженности на юго-востоке Сибири.

Памятуя о словесном заявлении Табуна следовать «шерти отца своего» и не делать русским «ни какое дурно», томский воевода Кольцов-Мосальский направляет в октябре 1683 г. посольство к князю во главе с Матвеем Ржицким[85]. В полученном наказе ему предписывалось напомнить князю о его прежнем желании дать шерть на верность государю.

Прибыв 19 ноября 1683 г. в ставку Табуна, посол довел до сведения князя цель своего визита. В беседе с М. Ржицким Табун категорически отрицал участие его людей в грабительских набегах на русские территории. Наоборот, он говорил о своей верности памяти отца, который верно служил русскому престолу. Но вместе с тем, князь вновь заявил, что он не может дать шерти без разрешения джунгарского владельца[86]. С этим М. Ржицкий и вернулся в Томск.

Такой исход посольской миссии, естественно, не удовлетворил воеводу и он снова посылает в сентябре 1684 г. М. Ржицкого к Табуну Кокину. Наказ был один: добиться принятия князем русского подданства[87]. На сей раз, по свидетельству посла, он оказался более приветливым. Выслушав послов, Табун заявил им, что «ноне с вами посылаю своих посланцев в Томской, а сам поеду к хану» за разрешением шертовать великому государю[88].

На этом переговоры окончились. Возвратившийся в феврале 1685 г. М. Ржицкий представил воеводе Табуновых послов — Юргутая и Кочканака, — подтвердивших готовность повелителя «жить в мире и шерть дать». Наряду с этим, они передали Кольцову-Мосальскому просьбу Табуна запретить охоту другим ясашным людям и русским в его промысловых угодьях[89]. Это желание князя было удовлетворено воеводой[90].

Желая не упустить удобного момента, томская администрация снаряжает 31 октября 1685 г. к Т. Кокину посольство во главе с Иваном Вербицким. Целью его, как и предыдущего, было приведение князя «под высокую руку великих государей». Прибыв 24 декабря в улус князя, посол призвал его вместе с детьми, братьями и со всеми улусными людьми принять русское подданство.

Табун с почетом встретил посланцев воеводы, но в который уже раз отказался дать личную присягу, хотя заявил, что повелевает «шертовать братьям своим и всем улусным людям великим государям». Однако посол стал настаивать на том, чтобы шерть в первую очередь дал сам князь, а уж потом — его братья и все улусные люди. Такой оборот не понравился Табуну и он с раздражением заявил, что в прежние годы послы всегда привозили ему «государево жалованье», а, мол, ныне его «к себе не вижу». На это

посол ответил, что «жалование и ныне есть, но его велено дать, когда ты шертовать станешь». Ответ И. Вербицкого заметно ухудшил атмосферу переговоров. Табун попытался силой отнять у послов «государево жалованье». Но безуспешно.

Твердость и выдержка И. Вербицкого охладили князя. И, когда первый «явил Табуну государево жалованье», то последний принял подарки «с честью и на ноги встал» и обещал под государевы города и остроги войнами не ходить ни самому, ни ево улусным людям». На этом и закончились переговоры[92].

И надо сказать, князь сдержал свое слово. Так, в 1686 г. лазутчики и разведка доносили в Томск, что Коокен-Матур, собравшись «с воинскими людьми в полутретье тысячи, прошал у Табуна на помочь людей и он де ему... людей не дал», а отказав, «сказал ему.., что с государскими людьми ссорица не будет»[93].

В начале 1688 г. участились военные столкновения между Галданом-Бошокту-ханом и монгольскими тайшами. Набегам и грабежам подверглось и подвластное Табуну население. Вследствие этого он прикочевал ближе к русской границе[94]. Создавшейся ситуацией не замедлили воспользоваться местные власти. Они предприняли (в который уже раз) попытку склонить Табуна к принятию русского подданства. 10 апреля 1688 г. к нему направляется томский сын боярский Семен Лавров. На этот раз пославание было удачным. Нависшая угроза со стороны монголов и джунгаров понудили князя принять русское подданство и взять на себя обязательство не ходить войною на русские города и уезды самому, а также не посылать на них ни детей своих, ни братьев, ни племянников, ни улусных своих людей[95].

Об этом успехе томской дипломатии не преминул доложить в Сибирский приказ воевода С. Вяземский[96].

Но это достижение коллеги чуть было не свел на нет кузнецкий воевода И. Конищев, который, узнав о затруднениях князя и воспользовавшись ими, решил заставить его шертовать вторично и понудить к постоянной уплате ясака в Кузнецк. Последнее обстоятельство повергло Т. Кокина в недоумение: на таких условиях ни отец его, ни дед шерти не давали. Потому-то он и ответил кузнецкому посланцу Авдею Сметанникову, прибывшему в улус летом 1688 г., что «я, Табун, дал шерть в Томской при сыне боярском Семене Лаврове» и вторично шертовать не намерен[97].

После принятия Т. Кокиным русского подданства, заметно оживился меж сторонами посольский обмен. В марте 1689 г. в Томск прибыли посланцы князя — Сабай Тюреев и Тоян Урмаев. Вручив Табунов подарок — «5 лисиц красных...» — воеводе, они извинились за скромность даров, объяснив это тем, что «ныне в их

земле разорение чинится, война с Кошеуцкою землею, с князцом Араптаном Данжиновым, да с князцом Телеуцкой земли Саптаном Маллаевым». Подтвердив князеву шерть, послы передали Вяземскому просьбу Табуна: разрешить ему и его людям вернуться на старые кочевья «на Мереть-реку, коя от Томсково в самых ближних местах». Ходатайство, по словам посланцев, основывалось на том, что князцы Араптан и Саптан «уведомившись, что он, Табун, находится под высокою рукою в вечном холопстве... ему разорение чинить перестанут»[98].

Вняв просьбам послов, местные власти, тем не менее, удовлетворять их не торопились. Им ни к чему было беспокойное соседство. Поэтому они начали переписку с Москвой и намеренно затягивали решение этого вопроса. Для Табуна же возвращение на старые кочевья являлось вопросом жизни или смерти. Потому-то он не перестает ставить его перед сибирской администрацией. В декабре 1689 г. в Томск прибыли новые посланцы Табуна — Номой Киреев с товарищами, которые вновь передали прошение князя о разрешении вернуться на реку Мереть и о пропуске его послов в Москву.

Но воевода снова ушел от прямого ответа. Он вновь, как и в прошлый раз, пообещал довести просьбы князя до Москвы[99].

Тем временем в Телеутской земле заполыхал огонь междоусобиц, активное участие в которых приняли джунгарские феодалы. Эти события вызвали естественное беспокойство местных властей, так как в такой непредсказуемой обстановке Т. Кокин мог легко нарушить данную ранее присягу и разрушить все, созданное таким трудом. Чтобы «проведать намерения» князя, к нему выезжает 31 августа 1690 г. Иван Рыбников с товарищами[100]. Однако дальнейшая судьба данной миссии неизвестна. Можно лишь предположить, что на ее исход не последнюю роль, а может, главную, сыграли события, разыгравшиеся в Телеутской земле.

Отрывочные данные свидетельствовали, что между телеутскими улусами и русской администрацией в 1691—1694 гг. поддерживались и торговые, и посольские контакты. За этот период, как явствуют документы, между телеутами и служилыми людьми Томска и Кузнецка не было зафиксировано ни одного столкновения. Хотя, как справедливо замечает А. П. Уманский, эти добрососедские мирные отношения не могли абсолютно исключить разного рода конфликты, в частности из-за промысловых угодий, феодально-зависимого населения, обманов на торге[101].

Пользуясь тем, что Джунгария увязла в войнах со своими извечными врагами — владетелями Халхи, Кукунора, Восточной Монголии, а затем и Циньской империи — и почти не уделяла вни-

мания своим данникам, русские власти последовательно усиливали свои позиции в Верхнем Приобье, приводя к шерти телеутских князей. Именно с таковой целью в сентябре 1694 г. томским воеводой Р. Ржевским был направлен к алтайскому князю Ирке Уделекову опытный дипломат М. Ржицкий. Его пославание увенчалось успехом. Вернувшись в Томск, он доложил воеводе, что Ирка подтвердил свою шерть и просил «великих государей его прежние вины отдать (простить — *Н. М.*)»[102].

Миролюбие князя импонировало русской администрации. Но ей хочется завлечь его в Томск и «накрепко» подчинить влиянию русского престола. Реализуя этот замысел, она направляет 2 ноября 1695 г. М. Ржицкого к Ирке Уделекову. Прибыв к князю, посол опять просит его подтвердить свою шерть, что последний и делает. После этого М. Ржицкий приглашает князя поехать в Томск. В ответ на это Уделеков заявляет, что в Томске живет его сын, Шал, который, выполняя волю отца, будет «великим государям служити и прямити и во всем добра хотети»[103].

Закончив пославание, М. Ржицкий отправился в Томск. Но на пути к нему он подвергся грабежу со стороны сына Т. Кокина — Матая. Несколько раньше, в том же 1695 г., такому же грабежу подверглось возвращавшееся посольство Калины Греченина и Алексея Кругликова, бывшее у Табуна, «для проведывания вестей»[104].

К счастью, эти инциденты не переросли в конфликт. Чтобы устранить возникшие недоразумения, 25 декабря 1695 г. к Табуну выехало посольство во главе с Никифором Прокофьевым. Прибыв в улус, он «выговорил князю его вины и насильства» по отношению к государевым людям. Выслушав посла, князь ответил, что «зло причинено за их прежние обиды». Так, мол, «томский толмачев сын Иван Шумилов у Табунова сына Матая взял детину, а хотел Ивашко привести сам или с кем послать пансырь добрый, а по сей день не присылывал, а тому де третий год, да он же, Ивашко, взял у его людей трех лошадей и за сих лошадей ничего не присылывал»[105]. За обиды эти, заключил Табун, и был «отнят живот и товары» у русских посланников в 1695 г. После долгих препирательств обе стороны пришли к взаимопониманию и договорились «жить меж собою в совете и любви»[106].

Свою миссию Н. Прокофьев завершил весьма успешно, так как он не только добился подтверждения Табуном своей шерти, но и привел к ней его сына Шала, «коей приехал от князца Ирки к отцу своему Табуну на прежнее свое жилье»[107].

Последние годы XVII в. прошли под знаком постоянных забот сибирской администрации, прилагавшей постоянные усилия к тому,

чтобы не утратить контроль и влияние над главами алтайских кочевых племен. С помощью посольств она устраняла возникавшие между сторонами трения и противоречия. Именно решая такие задачи, бывал в 1697—1698 гг. Н. Прокофьев у князя Бейкона Мачикова, у Табуна Кокина, а после его смерти в 1697 г. — у сына Шала. Главная цель поездок была одна: призывать всех князей верно служить «великому государю... войною не ходить и русских, и ясашных не разорять»[108].

Такая тактика местных, а в конечном итоге центральных властей помогала Русскому государству закрепляться в южно-сибирском регионе, расширять здесь сферу своего влияния. Так, в 1698 г. только в одном Кузнецком уезде под контролем России находилось почти 37 волостей и улусов[109]. И вместе с тем, это еще не свидетельствовало о непоколебимости позиций самодержавия на юге Сибири, ибо вмешательство джунгарских феодалов в политическую жизнь южной Сибири по-прежнему оставалось достаточно активным.

Последнее обстоятельство играло немало важную роль в установлении и последующем развитии русско-алтайских отношений, посольских контактов. Усиление напряженности в пограничных районах Сибири, набеги монголо-джунгарских и других кочевых феодалов неизменно повышали интенсивность сторон в посольских обменах. Развивая их, стороны содействовали укреплению мирных и дружественных контактов между русскими и алтайскими кочевниками, усиливали тягу последних к Русскому государству, что привело в конечном итоге к добровольному (в 1756 г.) вхождению алтайцев в состав России[110].

Но к этому историческому моменту последние шли целых полтора столетия. Их отношения с Русским государством с самого начала вылились в сложный процесс, развитие которого шло отнюдь не всегда прямолинейно и по восходящей. Следует отметить, что в рассмотренное время, инициатива в установлении контактов, как правило, мирная, всегда исходила от представителей русской администрации и лишь в редких случаях — от телеутской феодально-племенной знати. Это была характерная черта русско-алтайских отношений в XVII в.[111]

3. РУССКО-АЛТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С НАЧАЛА И ДО СЕРЕДИНЫ 40-х ГОДОВ XVIII в.

В начале XVIII в. Россия закрепляется в районах, которые близко примыкали к верховьям Енисея, Иртыша и Оби. Если до этого времени крайним русским поселением на Иртыше была

Чернолуцкая слобода (примерно в 60 км ниже впадения р. Оми в Иртыш), то теперь уже вся прииртышская долина была присоединена к России. Также быстро осваивались долины среднего и верхнего течения Енисея, где в начале XVII в. русских поселений не было и в помине[112].

Это успешное продвижение русских в южном и юго-восточном сибирском направлении повлекло за собой сокращение сфер влияния джунгарского владельца, что привело в начале XVIII в. к обострению отношений между Россией и Джунгарией. Последнее обстоятельство существенно отразилось на характере русско-алтайских отношений, ибо к началу века телеуты и другие кочевники Алтае-Саянского нагорья попали в полное подчинение к джунгарам[113]. Провоцируемые и подталкиваемые последними они совершают постоянные набеги на русские уезды. Так, в 1700 г., опираясь на поддержку джунгарских феодалов, предпринимает набег на Томский уезд киргизский князец Корчинко Ереняков[114]. Также не без содействия джунгар нападает на Рождественский монастырь калмыцкий князец Тонгыстай[115].

Русское правительство принимает ответные меры, чтобы пресечь подобные вторжения на российские территории. С этой целью 16 февраля 1700 г. из Томска в Киргизские степи был направлен отряд служилых людей в количестве 200 человек под командой сына боярского Юрия Раецкого и пятидесятника Алексея Свиридова. За шесть недель своего похода отряд усмирил воинственно настроенных князцов, погромив их кочевья и нанеся ощутимый урон в живой силе[116].

Бесспорно, карательная экспедиция Ю. Раецкого была вынужденной мерой местных властей и она не могла принести желаемых результатов: оградить русские пределы от набегов. Наоборот, она дала лишь повод для новых вторжений в русские волости и уезды отрядов различных кочевников. Об этом гласят донесения местных администраторов. В частности, кузнецкий воевода Б. Синявин сообщал в 1700 г. в Томск, что «приходили под Кузнецк войною контайшина владения князца Танбыта люди с киргизы... и... разорение учинили», ущерб от которого составил 1 400 руб.[117]

Выступали против русских, поддавшись подстрекательству джунгаров, и алтайские кочевые племена, в частности, население Кумандинской волости. Для подавления последних кузнецкий воевода, согласно указу сверху, направил в волость отряд в 90 человек во главе с Яковом Максюковым, который в конце ноября 1700 г. наголову разбил взбунтовавшихся кумандинцев[118]. Сибирская администрация ясно себе представляла, что могут повлечь за собой подобного рода акции. Поэтому она стремится избегать

таковых, а все спорные вопросы, конфликтные ситуации, возникавшие между ней и алтайскими князьями, решать мирным путем. Потому-то воеводы и прибегают к дипломатическим связям. Примером могут служить посольства, направленные в 1701 г. к алтайским князьям Шалу Табунову и Бейкону Мачикову. Несмотря на их «шалости и вины», воеводы не стали смирять их силой, а через посланцев призвали их жить мирно «по прежней шерти своей»[119].

Указанные послования завершились лишь возвращением беглых ясашных вместе с отогнанными скотом и лошадьми. Других задач решить не удалось, поскольку обстановка в регионе в это время изменилась далеко не в пользу русских. Несмотря на это, русская администрация намерена была сохранить традицию и практику посольских связей, однако телеутские князья из-за усиления в начале XVIII в. джунгарской зависимости потеряли былые права на посольские сношения с соседями[120]. Потому-то посольские миссии воевод уже не приносили былых результатов. Так, посланный в 1703 г. в «калмаки» кузнецкий служилый человек Иван Андреев сообщал, что ему не удалось установить контактов с ясашными людьми Комляжской и других волостей, ибо, «ноне они отложились и бежали в Саяны». С еще более худшим результатом закончилась его поездка вместе с сыном боярским Ефремом Кирилловым к алтайским князьям Шалу и Бекеню. «Князцы», — как свидетельствует документ, проявили к посланцам полное непочтение: их «держали и мучили... многое число раз»[121].

До предела обострившаяся обстановка в Южной Сибири держала русское и ясашное население в постоянном страхе. Сибирская же администрация по-прежнему не располагала достаточными воинскими силами, чтобы надежно оградить своих подданых от нападений джунгаров и зависимых от них других кочевых феодалов. Следует отметить, что рядовые кочевники не всегда поддерживали грабительские акции своих правителей. Наоборот, они старались предотвратить их, а в крайнем случае — предупредить русские власти о возможном нападении своих владельцев на русские поселения. В этом отношении весьма характерно заявление алтайца Бумы Талаева. Прибыв в 1704 г. в Кумандинскую волость к соплеменнику Одияку Кубаеву, он сообщил, что «белые калмыки и точи, и мугалы все в собрании стоят в многолюдстве за Биею рекою... Сказывают будто хотят пойти к Ямышевской Соли (к крепости в верховьях Иртыша — *Н. М.*) для оберегания бухарцов. А наяву... хотят идти под... Кузнецкой или Томской». Это предупреждение своевременно достигло Кузнецка, где были приняты соответствующие известию меры[122].

О симпатиях рядовых алтайцев к русским говорит и другой

пример. В августе 1707 г. кузнецкие служилые люди Е. Кириллов и А. Буимов «проведывали вести» в приграничных районах. Будучи у телеутского князя Аюгана, они спрашивали его «о воинских вестях», но последний ничего разведчикам не сообщил. Когда же они возвращались из Аюганова улуса, их проводник Сибек Езбалыков, «Аюганова ж улуса человек,... сказывал, что Бошокту-ханов сын со многими воинскими силами вверх Иртышу-реки у Амели реки... многих... побили киргиз и телеут, которые были взяты к нему». Далее Сибек сообщил, что «Шал со своими улусными людьми от брутов живут вельми опасно»[123].

Неспокойная обстановка на юге Сибири диктовала правительству необходимость возведения в низовьях реки Бии какого-либо опорного пункта, который стал бы своеобразным щитом и защитил бы окружающий его район от вторжений кочевников, а также способствовал бы расширению сферы русского влияния на этом направлении. Реализуя эту идею, правительство направляет весной 1708 г. в Кузнецк соответствующий указ. Им воеводе М. Овцыну предписывалось «на реках Бие и Катуни в пристойном месте... построить острог со всякими крепостями для защиты от приходу воровских калмыцких и киргизских воинских людей»[124].

Воевода все сделал для того, чтобы выполнить правительственное предписание. Но закрепление русских в районе слияния Бии и Катуни никак не отвечало интересам джунгарских феодалов. Возведение же летом 1709 г. в указанном месте Бикатунской крепости послужило поводом для их активных выступлений, а также киргизской, алтайской родоплеменной знати против «русского засильства» и их дальнейшего продвижения в глубь Южной Сибири. Донесения из Кузнецка запестрели тревожными сообщениями. «В начале 1709 г. — свидетельствует одно из них, — приходили под Кузнецкой войною контайшина владения белые калмаки князца Бойдоя Сакылова и Кузнецкого уезда деревни Ускацкую, Калачикову, Бунгарскую и Шары сожгли и на полях людей, которые в работе были в полон побрали», причинив русским ущерб на 1000 рублей[125]. В августе того же года на территорию Кузнецкого уезда вторглись объединенные силы «калмыцких князцов Бойдоя Сакылова, Бойкана Уюжина, Бейкона Будаева, Аюжи Оскубина... в 100 человеках... и деревни... сожгли и на полях 17 человек убили, а иных в полон побрали... Хлеб и сено около тех деревень сожгли и потравили»[126].

Набеги джунгарских, киргизских и алтайских феодалов понудили местные власти принять ответные меры. Об этом кузнецкий воевода не преминул доложить в Сибирский приказ. «И августа в 23 день 1709 г., — писал М. Овцын, — послал я... кузнецких вся-

ких чинов людей... против воинских калмацких людей и был с ними бой от Кузнецка в трех верстах и божию милостью... тех калмацких князцов и рядовых калмаков с 300 человек побили... полоненных русских и ясашных и кошт (имущество — *Н. М.*)... отбили, а... калмаки разбежались к реке Обе разными дорогами»[127].

Но, несмотря на принятые меры, набеги кочевников продолжались. В 1710 г. «князец Духара с черными... и белыми калмыками приходили во многолюдстве,... разорили 8 деревень,.. 2 часовни,.. хлебы пожгли, людей побили и отогнали 260 лошадей, 839 рогатых скотин, 949 овец... Они же напали на... Бикатунскую крепость и сожгли ее»[128].

Совершая набеги, налетчики подвергали издевательствам население захваченных улусов и деревень. Особенно преследовались лица, сочувствовавшие или выражавшие симпатии русским. Об этом опять-таки свидетельствуют документы. В ноябре 1710 г. говорится в одном из них, «набежали из-за Оби-реки воинские люди Байгорок (сын Табуна Кокина — *Н. М.*) с товарищами 30 человек в Азкыштымские ясачные волости и Ческтонов улус... разбили и его Чеоктона, поимав, у живого глаза вынесли и ременья из спины вырезали... и повесили на дерево». Свою жестокость Байгорок объяснял тем, что Чеоктон, «усмотрел как они, воинские люди,... шли войною под Кузнецкой в 1710 г. ...подал весть в Кузнецкой», благодаря чему «кузнецкие обыватели от ... разорения многие спаслися»[129].

Набеги джунгар и телеутских князей на подвластные России территории заметно усилили их претензии на единоличный сбор дани с ясашных людей Кузнецкого уезда. В 1712 г. джунгарские сборщики регулярно наведывались в Кумандинские волости и «взыскивали» с их населения дань в пользу «своего владельца»[130]. Посланный в мае 1719 г. из Томска в горные порубежные волости Павел Петров «для мены русских товаров на меха» и там встретил несколько ханских сборщиков дани, которые не преминули пограбить купца-разведчика, нанеся ему ущерб на сумму более 1000 рублей, тяжело ранив при этом двух работников, один из которых умер от побоев[131].

Нередко джунгарский хан через своих сборщиков требовал поставлять ему дань в виде изделий из железа с каждого ясачного человека. В случае отказа последнему грозила смерть[132].

Алманные акции джунгаров и телеутских князей наносили немалый урон «государевой казне». Поэтому русское правительство все делало для того, чтобы урегулировать вопросы, связанные со сбором дани. Однако джунгарские феодалы противились этому. Отправленному к ним в 1713 г. русскому послу Ивану Чередову,

они открыто заявили о своем намерении и в дальнейшем продолжать вторжения на русские территории и взимать дань с ясашных людей[133]. Угрозу своих покровителей повторяли и телеутские князья. Так, один из них (Бейкон Мачиков — *Н. М.*) передавал в Кузнецк через своих посредников, что «ежели кузнецкие служилые люди построят... новый Бии-Катунский острог или какую крепость, то будем город Кузнецкой воевать»[134].

Еще более агрессивно был настроен Манзу Бойдоев. Перехватив русских послов, направлявшихся к телеутскому князю Бейкону, он доставил их к себе в улус и держал, и морил голодом целую неделю. Понося русских, он заявлял, что имеет право собирать ясак с двоеданцев и на себя, и на контайшу. При этом Манзу высокомерно добавил, что «ежели полковник алману давать не велит и за то (будем — *Н. М.*) Кузнецкой по вся годы воевать»[135].

В этой обстановке сибирские воеводы на свой страх и риск пытались «оружною рукою» предупредить вторжения кочевников на русские территории, а также помешать сбору дани в ясашных волостях. Так, посланные в 1714 г. служилые люди во главе с Федором Кузьминым не дали алманщикам произвести сбор дани с ясачного населения, проживавшего в бассейне реки Мрассы[136]. Аналогичную операцию осуществил в степных волостях сын боярский Серебренников. «На двух станах» ему удалось «переймать и перевязать» всех алманщиков и доставить их в Кузнецк[137].

Срыв сбора алмана в двоеданческих волостях Кузнецкого уезда, пленение русскими Байгорока, Чапа и многих других сборщиков дани еще более усилили остроту русско-джунгарских противоречий. Особенно опасное положение создавалось в 1715 г. на границах Кузнецкого уезда, когда на Алтае появился двоюродный брат Цэван-Рабдана тайша Черен-Дондук, отличавшийся резкой враждебностью к России, с пятитысячным войском. Целью похода была не только демонстрация силы, но и устрашение русских властей и населения уезда, особенно жителей ясашных волостей. Наряду с этим, тайша, похоже, планировал и нападение на Кузнецкий уезд[138].

Реальная опасность заставила власти принять меры предосторожности. Учитывая неоднократные ультимативные требования джунгар и телеутских феодалов, они пошли на выдачу им Байгорока в обмен на русских пленников. Но этот шаг не смягчил остроту положения. Поэтому сибирская администрация в срочном порядке пополняет Кузнецкий гарнизон людьми, вооружением и боеприпасами. В начале 1715 г. сюда из Томска прибыл отряд конных и пеших казаков под командой О. Качанова. В середине лета —

другой в количестве 760 человек. Его привел в Кузнецк полковник Черкасов[139].

Набеги кочевников заметно нарушили ход хозяйственной жизни уезда. Замерли торги, сокращалась запашка. «Кузнецкие всякого чина люди, — доносил сибирскому губернатору в 1715 г. воевода Б. Синявин, — пашен пахать на калмыцкой стороне Томиреки перестали и от оного разорения и за недопашкою хлеба... люди обнищали»[140]. Учтя сложившуюся в регионе обстановку, правительство оказывает материальную поддержку гарнизону. Оно высылает ему в 1715 г. хлебный провиант, который из Тобольска в Кузнецк доставил сын боярский Панфил Дубровский[141].

Вести об укреплении кузнецкого гарнизона воинскими силами, провиантом и снаряжением, видимо, дошли до Черен-Дондука и охладили его пыл. Сыграла тут свою роль и экспедиция подполковника Бухгольца, двинувшегося по приказу Петра I вверх по Иртышу, якобы для разведки недр. Продвижение русского вооруженного отряда встревожило джунгар, которые имели свои виды на западную часть восточного Туркестана и верховье Иртыша[142]. Потому-то и становится понятной осада построенной русскими в 1715 г. Ямышевской крепости. 21 февраля 1716 г. предводитель джунгаров направил Бухгольцу письмо, в котором потребовал, чтобы русские немедленно покинули этот район. В случае отказа, грозил применить силу. Бухгольц попал в очень сложное положение. На помощь из Тобольска выслали подкрепление, но на пути к Ямышевской крепости оно было перехвачено джунгарами.

Сибирские власти пытались мирно разрешить эту затруднительную ситуацию. С этой целью они направляют в феврале 1717 г. к джунгарскому хану сотника И. Чередова. Однако джунгарский правитель и слушать не хотел о посольстве. Он приказал заключить посла под стражу. Спасло последнего лишь письмо Петра I, которое он отправил в марте 1717 г. контайше. Отвечая на письмо, хан в качестве мер по урегулированию конфликта назвал снесение крепости и возвращение гарнизона в Россию. В сложившихся условиях русские были вынуждены подчиниться диктату. 28 апреля 1717 г. крепость была снесена, а войска, погрузившись на суда, отплыли, не встретив противодействия джунгаров, по Иртышу в Тобольск[143].

Противоборствуя России в южной Сибири, Джунгария вместе с тем старалась и не перегнуть палку, то есть не довести дело до военного конфликта. Объяснялось все это очень просто: ее правители находились в постоянной вражде с Цинской империей, борясь за Тибет. Соперничали они с казахскими ханами за господство в Семиречье. Потому-то полный разрыв отношений с Россией по-

ставил бы Джунгарию в крайне тяжелое положение. В свою очередь, Российская империя, связанная войной со Швецией, также не имела возможности одним махом закончить в свою пользу спор с беспокойным южным соседом.

События на Иртыше, вызванные экспедицией Бухгольца, конечно же, сказались на положении России в юго-восточном районе Сибири. Посланный в мае 1717 г. бердский приказчик-разведчик Иван Будкеев доносил в Кузнецк, что ему путем расспросов «ведомо, что на Алее-реке стоят... 2000 черных калмыков, кои собираются идти под государевы городы и уезды»[144]. Это донесение понудило воеводу обратиться в высшие инстанции с просьбой пополнить на всякий случай Кузнецкий гарнизон людьми. И она была удовлетворена. 21 мая 1717 г. в Кузнецк «для оберегательства города» прибыл отряд в количестве 274 человек под командой Алексея Гребенина[145]. Принятые меры помогли предотвратить крупное вторжение кочевников. Однако мелких набегов, конфликтов и стычек избежать не удалось. В начале июня 1717 г. белоярский приказчик Степан Серебренников сообщал в Кузнецк, что «служилые люди, посланные для проведывания вестей, столкнулись с калмыками и имели бой.., убили 15 калмыков, многих ранили, у служилых убито 4 и ранено 4 человека»[146]. В середине этого же месяца воеводу известили ясачные люди Шебакова улуса Тагарской волости о том, что к ним приходили «белые калмыки Беэконев сын Могулан в 26 человеках и 12 юрт разбили и пожитки разграбили и увезли с собою, да 9 лошадей отогнали»[147].

Но эти стычки не играли решающей роли для исхода борьбы за Верхнее Приобье. На них правительство мало реагировало, а потому требовало от местных властей пусть даже медленного, но неуклонного продвижения вверх по Оби и закрепления Приобья. Здесь предписывалось, несмотря ни на что, строить новые остроги и крепости[148]. Исполнением этого предписания и явились те экспедиции, которые были направлены для возведения опорных пунктов на устье Бии и Катуни. В наказной памяти по этому случаю данной 9 июня 1717 г. кузнецкому сыну боярскому Тимофею Бессонову было предписано «на устье Бии и Катуни сделать город... и посадить служилых людей сколько достоит» (сколько надо — *Н. М.)*. Строить его велено силами «беглых и гулящих людей»[149].

Более развернутый план строительства нового опорного пункта дан в наказе кузнецкому дворянину Ивану Максюкову от 15 июня 1717 г. Последнему вменялось «построить город, посадить кузнецких служилых людей и начального человека». Для решения задачи Максюкову разрешалось «взять ис Кузнецка служилых людей 150 человек, обинских служилых татар — 10 человек, подго-

родных выезжих калмык — 20 человек, казаков-татар — 104 человека, жителей мерецких деревень сколько надо... 6 полковых знамен, 2 пушки медных, 2... больших железных, к ним 160 ядер, дроби железной 2 пуда, 6 больших пушек, к ним 320 ядер, пороху пушечного — 11 пудов, ручного — 16 пудов, свинцу — 5 пудов». Был в наказе и пункт на непредвиденный случай. «А если будет оное место прежде вашего приезду, — гласил он, — занято неприятелем и будет он силен, то осмотря подъездами неприятеля, что есть силы ево, о том писать в Кузнецк наскоро. А самому тебе стоять, ополчася в крепком месте»[150].

Однако на сей раз все обошлось. Не встретив неприятеля, И. Максюков сообщил 15 июля 1717 г. о постройке белоярской крепости (недалеко от современного Барнаула). Спустя год, на правом берегу Бии, выше ее устья, была построена Бийская крепость[151].

Но несмотря на появление двух форпостов с достаточно сильными гарнизонами, что позволило русскому правительству закрепить за собой междуречье Оби и Томи, тем не менее джунгары и «белые калмыки» продолжали «наведываться в государевы ясачные волости» и взыскивать с их населения дань. В челобитной родовых старост Щелкальской, Кумандинской, Комляжской, Кузенской и Кергежской волостей сообщалось в Кузнецк, что « в декабре 1718 г. приезжали к ним в волости контайшина владения белые калмыки Дюрен да Болчак Буянтин в 649 человеках и взяли с них... со всякого человека... алман за 2 года по 12 соболей и всякое им разорение и грабеж чинили»[152].

Русское правительство видело, что возведенные по его приказу крепости вызывают неприязнь джунгаров и могут стать очередным поводом к обострению отношений. Чтобы не допустить этого, оно активизирует свои усилия на дипломатическом поприще.

В 1719 г. из Петербурга в Сибирь отправляется миссия майора И. Лихарева с целью расследовать деятельность сибирского губернатора М. Гагарина. Наряду с этим, она имела задание «на сколько можно проникнуть до Зайсана-озера.., построить у озера крепость», но в столкновение, если там окажутся джунгары, не входить, «дабы даром людей не потерять и убытку не учинить»[153]. В мае 1720 г. И. Лихарев выступил из Тобольска с отрядом в 440 человек и беспрепятственно добрался до озера Зайсан. Джунгарское население, кочевавшее около него, бежало при появлении русских. Вооруженные же джунгары, охранявшие свои рубежи от возможного наступления цинских войск, обстреляли русский отряд. Когда русские заявили, что «они занимаются поисками рудокопных мест» инцидент был исчерпан и восстановился мир. Джун-

гарский правитель, узнав о мирном разрешении зайсанского конфликта, очень был доволен таким исходом. И демонстрируя свое миролюбие к русским, он даже освободил значительную часть ранее оспариваемой им территории. На ней-то и были заложены Усть-Каменогорская и Ямышевская крепости[154].

Их закладка положила начало основанию Иртышской военной линии, сыгравшей важную роль в освоении Южной Сибири. По мере ее укрепления, джунгарские феодалы вынуждены были откатываться все дальше на юг, что, в свою очередь, ослабляло их влияние на алтайские племена. Естественно, джунгары не хотели терять своих данников и поставщиков военной силы. Поэтому джунгары принимают все меры к тому, чтобы заставить данников последовать за собою. Их очень беспокоит то, что алтайцы могут уйти к русским. Эта мысль красной нитью пронизывала всю речь джунгарского посла, прибывшего в Россию. Завершая переговоры, он с сожалением констатировал, что большинство «контайшиных данников» осталось у русских. Однако он тут же не преминул добавить, что на них его владелец не претендует. Он, мол, лишь просит за эту уступку «защитить его от китайцев»[155].

Русское правительство тут же решило воспользоваться благоприятной ситуацией и попробовать присоединить к себе Джунгарию. С этой целью в 1722—1723 гг. в Джунгарию отправилось посольство И. Унковского. Ему предписывалось добиться согласия хана подписать договор о добровольном его переходе в Российское подданство, после чего русское правительство обещало хану защиту от китайцев как своего подданного[156].

Но поставленной задачи И. Унковскому решить не удалось. Временное прекращение борьбы между Джунгарией и Цинской империей, где разгорелась схватка за ханский престол, резко изменило отношение Цэван-Рабдана к России. Изменение позиции джунгарского правителя к Русскому государству, у которого он только год назад искал защиты от китайцев, наглядно отразилось в его ответе И. Унковскому. Он говорил, что «было наперед сего его прошение, чтобы построить городы для того, что китайцы на улусы его чинили нападения, а ныне старый китайский контайша умер, а на место его вступил сын, который прислал к нему послов своих, что жить по-прежнему в дружбе... и китайцы не стали делать худа и ныне ваши (русские — *Н. М.*) городы не надобны»[157].

Стало очевидным, что установившееся было спокойствие на юге Сибири вновь будет нарушено. И, действительно, вскоре в спорных райснах южной Сибири опять появились сборщики дани для джунгарского правителя[158]. Русские пытались воспрепятствовать этому, но безуспешно. Не помогали ни сила, ни ди-

дломатня. Тогда местные власти вновь прибегают к хитрости, чтобы проникнуть в новые районы и попробовать закрепиться там. Под видом «поиска рудных мест» русские проникают в достаточно обширный по территории регион и устанавливают контакты с его населением. Маневр, как показало время, удался. Интерес русских «к приисканию рудных мест», действительно, успокоил джунгаров и не вызвал с их стороны противодействия, так как рудоискатели не предпринимали шагов к взысканию дани или ясака с населения новых районов.

Фиктивные же поиски «рудных мест», по случайности, привели их к действенным открытиям. В 1725 г. Степаном Костылевым по реке Алею и на Змеевой горе было открыто богатое рудное месторождение, о чем он и сообщил в Екатеринбург. Вскоре месторождение было захвачено Демидовым, который стал добиваться у правительства разрешения на открытие здесь плавильного завода. В начале 1726 г. он добился своего. Первый медеплавильный завод был построен на речке Локтевке. Однако прибывшие осенью 1727 г. горные специалисты признали его месторасположение неудобным и посоветовали начать строительство завода на притоке Локтевки — речке Белой. Новый завод получил название Колывано-Воскресенского[159].

Пограничное положение завода обязывало его хозяина позаботиться об его охране, так как завод, не успев дать первую продукцию, сразу же стал объектом нападения со стороны кочевников. В июне 1728 г. кузнецкий воевода сообщил в Тобольск о том, что на «Колыванские Демидова заводы набегали неприятельские воинские люди» и «отогнали 370 лошадей и 2 человек ранили»[160].

Русское правительство внимательно следило за развитием демидовских заводов на Алтае, ибо они, как частные предприятия, одновременно являлись и передовым форпостом России, откуда самодержавие думало шагнуть вглубь южно-сибирских просторов.

Возобновление военных конфликтов между Джунгарией и Цинской империей отвлекло на время внимание джунгаров от мероприятий, проводимых северным соседом. Однако ряд побед, одержанных Джунгарией в борьбе против Цинов, вновь изменили отношение джунгарских феодалов к России. Опять, в который уже раз, всплыл вопрос о границе между Россией и Джунгарией. Основную роль в нем играла проблема сбора ясака. В создавшейся ситуации Россия идет на принятие более решительных мер. В августе 1738 г. правительство принимает решение: в случае прихода джунгар в российские пределы «отвращать силу силою... и подданных своих до разорения не допускать»[161]. Но принимая такие

крутые меры, оно в то же время не отказывается от мирного решения возникших проблем. В этом отношении характерен указ, посланный правительством 4 сентября 1738 г. в Сибирскую канцелярию. В нем предписывалось не чинить препятствий джунгарскому владельцу в сборе дани в тех волостях, где он ее «с давних пор емлет (взимает — *Н. М.*)» и не допускать его сборщиков в те волости, в которых «прежде сего сбору не бывало»[162].

Узнав о таком решении правительства, джунгары буквально наводнили пограничные ясачные волости. О сборе дани с ясашных Кумандинской, Щелкальской и других волостей свидетельствует их челобитная, поданная 8 декабря 1738 г. в Кузнецк[163]. Сведения аналогичного характера содержались и в донесении кузнецких служилых людей Петра Калачикова и Семена Осипова от 10 декабря 1738 г. В нем они сообщали, что были посланы в ясачные волости Кузнецкого ведомства и порубежные волости: Канскую, Каракольскую и Тау-Телеутскую для разведки под видом послов и «встретили в оных сборщиков дани»[164].

Обеспокоенная подобными известиями местная администрация начинает укреплять гарнизоны пограничных районов. Так, 6 марта 1739 г. в Бийскую крепость из Кузнецка была направлена воинская команда в количестве 102 человек[165]. Была оказана помощь и другим гарнизонам[166].

Начало 40-х гг. XVIII в., как и ранее, прошло в разрешении территориальных споров. Джунгары требовали прекратить дальнейшую колонизацию Южной Сибири, снести города Томск, Кузнецк, Красноярск, крепости по Иртышу, а также медеплавильные заводы Демидова на Алтае. В противном случае они угрожали применить силу[167]. И как бы подтверждая угрозу джунгар, командующий Усть-Каменогорской крепости поручик Егоров доносил летом 1744 г. в Сибирскую канцелярию о концентрации джунгарских войск в этом районе[168]. Сообщения об опасности поступали и из других источников. Так, 28 июля 1744 г. в Усть-Каменогорскую крепость тайно пробрались три алтайца: Черен, Иречак и Союн. В беседе с представителями военного ведомства они предупредили русских о необходимости соблюдать предосторожность, поскольку джунгарский хан Галдан-Церен собрал большое войско и имеет намерение напасть на Усть-Каменогорскую крепость, а также на Колывано-Воскресенский завод. В заключение они заявили, что предупредили об этом «жалеючи вас, наперед сего мы бывали у вас в крепости почасту для мены кож» и, мол, люди принимали их хорошо. Предупредив русских о грозящей им опасности, Черен, Иречак и Союн выразили также свое отношение к военным конфликтам между Джунгарией и Россией. «А как началась ссора, — зая-

вили они, — мы от владельца своего (джунгарского хана — *Н. М.*) откочевали с женами и детьми... и имеем намерение идти для жития поблизости Колывано-Воскресенских заводов». Совершенно другой точки зрения придерживались в этом вопросе представители алтайской кочевой родоплеменной знати. В частности, зайсан Бобой, к которому в том же, 1744 г. приезжал приближенный Галдан-Церена зайсан Хоргож с целью согласования военных действий, советовал ему напасть на крепость зимой, поскольку «в летнюю пору из-за водных преград ее взять будет невозможно»[169].

Перед лицом реальной спасности сибирская администрация выражала законную обеспокоенность по поводу малочисленности своих воинских сил. Против 80-тысячного войска джунгар, располагавшего по данным разведки огнестрельным оружием («огненным ружьем»)[170], стояла горстка русских солдат и казаков, численность которых не превышала 3000 человек[171].

Словом, складывавшаяся обстановка на юго-восточной границе не сулила России ничего хорошего. Джунгарское ханство, достигшее наивысшего могущества к середине 40-х гг. XVIII в., являло собой грозную силу, претендовавшую на господство в Южной Сибири. Оно стремилось к ликвидации всех, возникших здесь, русских горнозаводских предприятий, крепостей, острогов и других опорных пунктов.

Развитие отношений между Россией и Джунгарией наложило свой отпечаток и на характер развития отношений между русскими и алтайскими кочевниками. Русско-алтайские отношения в рассматриваемый период характеризовались нарушением тех связей и контактов, которые были установлены между русскими и алтайскими кочевниками на протяжении XVII в.

Немаловажную, причем негативную, роль в этом сыграло вмешательство джунгарских феодалов во внутриполитическую жизнь южносибирского населения, в том числе и алтайского. Антирусская политика, проводимая джунгарами на Алтае, как свидетельствуют документы, часто не находила поддержки у рядовых кочевников и, наоборот, всегда поддерживалась представителями алтайской родоплеменной знати. Набеги алтайских князей на русские поселения, ясашные улусы, сопровождавшиеся убийством людей, грабежом имущества и отгоном скота, естественно, сеяли недоверие и вражду между русским и алтайским населением. Конечно, сами по себе алтайские князья не представляли серьезной силы для России. Однако, активная поддержка их джунгаро-киргизскими и другими степными феодалами вынуждала последнюю все же считаться с ними. Русское правительство силой и дипломатическими средствами пыталось пресечь эту провокационную дея-

тельность джунгаров и их пособников, но эти попытки на данном этапе к успеху не привели.

4. РУССКО-АЛТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С КОНЦА 40-х И ДО СЕРЕДИНЫ 50-х гг. XVIII в.

1745 г. стал переломным в истории Джунгарского государства. Вспыхнувшая после смерти Галдана-Церена (сентябрь 1745 г.) острая династийная борьба между различными претендентами на ханский престол существенно подорвала силы джунгаров. Это сказалось на их и внутренних, и на внешнеполитических делах. В частности, распря в Джунгарии разрядила атмосферу ее отношений с Россией. Воспользовавшись ею, последняя принимала срочные меры по укреплению своей юго-восточной границы. В начале 1748 г., в соответствии с распоряжением Военной коллегии, развернулось строительство Ануйской и Катунской крепостей. Линия, взятая на создание новых укреплений в алтайском регионе, была продолжена и в 1749 г. Так, в бассейне реки Ульбы были возведены форпосты Красноярский и Шемонаевский[172]. В том же году в укрепленный пункт была превращена старожильческая деревня Кабановка на реке Чарыше[173]. Вновь возведенные крепости, форпосты и редуты, объединившись со старыми, составили в начале 50-х гг. сплошную цепь укреплений, протянувшуюся от Усть-Каменгорска к Бийску и далее до Кузнецка. Она получила название — Колывано-Кузнецкая военная линия[174].

А тем временем борьба за ханский престол в Джунгарии продолжалась. После очередного кровавого переворота ханом Джунгарии в конце 1752 — начале 1753 г. при поддержке нойона Амурсаны (Амыр-Саны) стал чоросский князь Дебачи. Но этот союз оказался недолговечным. За помощь и поддержку в борьбе за ханский престол Амурсана потребовал от Дебачи половину ханства, включая и Алтай[175]. Последний ответил отказом: «нигде... в одной земле... два владельца не водится»[176]. В ответ на это Амурсана начинает в конце 1753 г. вооруженную борьбу против Дебачи, в которую насильственно (на стороне Дебачи) была втянута и часть алтайских зайсанов[177]. Закончилась она поражением Амурсаны, который бежал после этого в Китай.

Цинская империя, неоднократно пытавшаяся сокрушить Джунгарию, внимательно следила за ходом развития событий в ней и исподволь готовилась к войне с джунгарами. Ее армия, включавшая в свой состав отряды южных монголов и енисейских киргизов, была готова к походу. Предчувствуя агрессию Цинов, готовились к ее отражению и джунгары. Наращивая армию, они принуждали

своих данников, в том числе и алтайцев, пополнять ее состав своими отрядами. В случае отказа джунгары прибегали к насильственным мерам. Об этом, в частности, свидетельствует докладная башлыка[178]. Кергежской волости Киштея Чиглекова командующему Колывано-Кузнецкой военной линией полковнику Дегарриге (де-Гарриге) о том, что «мунгальцы сильно» (насильно — *Н. М.*) угнали от Телецкого озера многих алтайцев-двоеданцев[179].

Алтайское население с тревогой следило за развитием событий в Джунгарии, за развитием ее отношений с русскими, ибо все это накладывало непосредственный отпечаток на его жизнь. Особенно была обеспокоена та его часть, которая изъявляла желание принять российское подданство. Но она опасалась, что русские, по словам «джунгаров, новоподданных уведут жить в русские городы». В случае же возвращения алтайцев от русских к «контайше» — последний грозился их «мучить разными муками.,.. чтоб не бегали от него»[180].

Из этого заявления отчетливо видно, что джунгарские феодалы, распуская слухи о возможном уводе «новоподданных» и других алтайцев в русские уезды, явно стремились приписать русским то, к чему последние никогда не прибегали, в то время как подобные «переселения» хорошо были известны кочевому населению Алтае-Саянского нагорья, которое неоднократно подвергалось угону степными феодалами, в том числе и джунгарами. Наглядный тому пример — угон ими хакасов в 1703 г.[181]

Но то, что удалось сделать в начале XVIII в., нельзя было повторить сейчас, в середине 50-х гг., когда страна была охвачена огнем междоусобной борьбы и когда над ней нависла реальная угроза цинского нападения.

Поводом для последнего послужило обращение к китайцам одного из претендентов на ханский престол Амурсаны оказать помощь в его борьбе с Дебачей. Цины не заставили долго упрашивать себя. Они прекрасно понимали, что «выжидать нет больше никакого смысла»[182] и обрушили на джунгаров всю свою военную мощь. Не встретив организованного сопротивления со стороны джунгаров, цинские войска быстро оккупировали страну, повергнув в ужас ее население своими действиями. По свидетельству очевидцев, захватчики уничтожали на пути «все живое». Те же, кому удалось избежать геноцид Цинов, «бросились в Сибирь»[183]. Вслед за беженцами устремились и цинские отряды.

Угроза захвата китайцами понудила алтайские племена, ранее кочевавшие в бассейне р. Кобдо и прилегающих к ней районах, переселиться в южные районы Горного Алтая: в верховья Чуи и Катуни. Сюда-то, вслед за беглецами, и прибыли летом 1754 г. цин-

ские войска. Лишь небольшую часть алтайцев (445 чел.) им удалось «привести в покорность»[184]. Большинство же алтайцев отказалось принять китайское подданство и вернуться на покинутые кочевья. В ответ на это захватчики увели с собой «молодых, а старых вырубили всех безостатка»[185].

Сложная военно-политическая обстановка вынудила алтайских зайсанов искать выход из создавшегося положения. Было решено провести в 1754 г. съезд алтайской знати, чтобы обсудить складывающуюся ситуацию, а также наметить пути и скоординировать действия по ее преодолению[186]. Однако сведений о том, состоялся ли он разыскать не удалось.

А тем временем масштабы цинской агрессии в Горном Алтае разрастались. Цинские отряды вторглись в юго-восточные районы края, вышли к Телецкому озеру, всюду «чиня грабеж и насилие», склоняя алтайцев к принятию китайского подданства. В этой обстановке местные зайсаны собираются в марте 1755 г. в ставке Намыкая Малаева на совет для обсуждения вопросов по отражению цинской агрессии. После жарких споров было принято решение об организации общеалтайского ополчения. Местом его формирования был избран бассейн р. Ело, то есть во владении зайсана Намыкая[187].

Сформированный десятью зайсанами алтайский отряд, вооруженный «ружьями, сайдаками и копьями», той же весной нанес не одно поражение захватчикам[188]. Но к лету алтайцы стали сами терпеть одно поражение за другим. Сказалась здесь и малочисленность, и неорганизованность, отсутствие единого командования. Но главная причина состояла в том, что не все зайсаны были сторонниками борьбы с агрессорами. Некоторые заняли выжидательную позицию, другие — склонялись к принятию китайского подданства. Например, сосед Намыкая канский зайсан Омбо. По свидетельству вахмистра А. Беседного, он не ездил на совет, отказался участвовать в формировании отряда[189], считая неразумным участвовать в распре между Дебачей и Амурсаной с китайцами. Кто «из них будет на войне правее (т. е. победит — *Н. М.*), — говорил зайсан, — к тому я и склоняюсь»[190]. Имел Омбо и контакты с китайцами, рассказал он А. Беседному об их угрозах в случае непринятия зайсаном китайского подданства, но о своем ответе китайским послам он собеседнику ничего не сказал[191].

Ухудшение общей обстановки в Горном Алтае в связи с цинским вторжением понудило алтайцев устремить свои взоры в сторону России. В своих прошениях, ставших поступать в различные инстанции местных и центральных органов власти с начала 1755 г., они просили «взять их в российскую империю» и защитить «от

злого времени». К лету поток такого рода ходатайств нарастает. Однако русские власти (ни гражданские, ни военные) не могут определиться как поступить в данной ситуации. На запросы командующего Колывано-Кузнецкой линией полковника Дегарриги и командующего сибирскими войсками бригадира Крофта из Коллегии иностранных дел приходил весьма неопределенный ответ: «в близость границы и к крепостям... зенгорцев не допущать», но и не отгонять «их от оных»[192].

В сентябре 1755 г. против Цинов восстал Амурсана, потерявший всякую надежду стать с их помощью ханом единой Джунгарии. Но это обстоятельство не объединило его с алтайскими зайсанами. Последние по-прежнему продолжали борьбу с ним. Такого рода столкновения имели место в районе Телецкого озера, на Катуни и Семе[193].

В октябре отряды Амурсаны прекратили борьбу с алтайскими зайсанами и ушли в Джунгарию, опасаясь действий крупного китайского войска, дислоцировавшегося в южном Алтае. Но это не принесло мира на алтайскую землю. Вскоре Цины вновь напомнили о себе, прислав к зайсанам приказ срочно явиться «в то войско для отсылки в Китай». Зайсаны подчинились ультиматуму. В течение четырех месяцев там побывало около 20 человек. Вернувшись в январе 1756 г., зайсан Намыкай известил русские власти о том, что им приказано собрать свое войско и выступить вместе совместно с китайцами против Амурсаны[194]. В связи с распоряжением китайцев, он просил русских ускорить решение вопроса о приеме алтайцев в российское подданство.

Но русские власти по-прежнему хранили на этот счет молчание. Учитывая настойчивые притязания китайцев взять алтайцев в «мунгальское подданство», — алтайские зайсаны собирают на р. Кайрлук совет, который постановил еще раз обратиться к русским властям о приеме их со своими подданными «в российскую протекцию»[195]. В январе 1756 г. прошение с такой формулировкой поступило от имени 13 алтайских зайсанов в Бийскую крепость, в Чагырскую крепость — от зайсана Омбы и других[196].

Прошения о приеме алтайцев в русское подданство передавались также административным лицам или военным, в силу обстоятельств попадавших в алтайские кочевья. Таковое, например, в феврале 1756 г. было передано капитану Тараковскому представителями Каракольской волости ведомства зайсана Намыкая Малаева[197]. 15 февраля того же года уже им лично было передано командующему Колывано-Кузнецкой военной линией полковнику Дегарриге прошение от имени 12 алтайских зайсанов, под властью которых «имелось более 1500 юрт»[198].

В разгар этих дипломатических сношений русским становится известно о новом вторжении цинских войск в Горный Алтай. Об этом в начале марта сообщили в Бийскую крепость посланцы зайсанов Буктуша, Бурута, Намыкая, Намыка, в Усть-Каменогорскую крепость — посланец зайсана Кулчугая (Гулчугая), в Чакырскую крепость — люди зайсана Омбы — Алтай Мабырашев и бухарец Абреимов[199]. Несколько раньше (в феврале 1756 г.) люди Омбы известили о наступлении китайцев капитана Тесницкого. В беседе с ним они сообщили, что «прибыли к ним» в Канскую волость «от китайского державца 30 человек и объявили, что позади их идут войска для взятия их под китайское владение»[200].

Разворачивавшиеся на Алтае события поставили русское правительство в весьма затруднительное положение. Во-первых, налицо была угроза распространения цинской экспансии за пределы Джунгарии. Но имевшимися в данном регионе воинскими силами предотвратить агрессию Цинов не предоставлялось возможным. Во-вторых, весьма сложным и проблематичным делом являлось взятие алтайцев, бывших данников Джунгарии, под свою защиту.

Видя затруднения и нерешительность русских властей, цинские отряды начинают проявлять большую активность в достижении своих целей. Принуждение к принятию китайского подданства, грабежи, массовые угоны в плен мирного населения, насилия и убийства ни в чем неповинных жителей стали обычным явлением тех дней в Горном Алтае. Не дождавшись покровительства со стороны русских властей, алтайцы снова вынуждены были взяться за оружие и выступить на защиту своей свободы, независимости и своих владений. В этом противостоянии Цинам особенно преуспели отряды Омбо, Гулчугая, Бобоя и других алтайских предводителей, которых китайский император Цяньлун объявил своими личными врагами, осмелившимся оказать сопротивление цинским войскам, за это к ним подчеркнул он, «нельзя проявлять снисходительность»[201].

Цинские отряды, разыскивая «изменников» все глубже проникают вглубь Горного Алтая. Преследуемые противником алтайцы уходят к границам Русского государства, а часть их скрывается в глухих труднодоступных местах. Посланник зайсана Буктуша алтаец Кайсан Бектешев, прибывший в мае 1756 г. в Бийскую крепость, передал Дегарриге прошение владельца о приеме в российское подданство, а также сообщил полковнику о наступлении китайцев, от которых его соплеменники разбежались «по разным урочищам»[202].

Те же, кому не удалось уйти от преследователей, стараются вести двойную игру. Под предлогом, якобы обсуждения условий

приема китайского подданства, они намереваются выиграть время, надеясь на положительное решение их просьб русскими властями. Однако китайское командование не проявляет доверия к такого рода заявлениям и настаивает на своем. Тайно приехавший весной 1756 г. алтаец Аксак Едженин поведал в Бийской крепости, что к его зайсану Номкы «из китайского войска присылаются послы и просят со всех... двенадцати зайсангов алман». Кроме того, они намерены взять тех зайсангов с их людьми «с мест, где ныне кочуют, в свою землю», а коль откажутся переходить, то их всех «перевешают на березах»[203].

Используя любую возможность, зайсаны вновь и вновь направляют свои прошения русским властям о приеме их в подданство России. Одно из таковых 9 марта 1756 г. было направлено сибирскому губернатору В. Мятлеву[204]. Не получив от него ответа, зайсаны 6 апреля 1756 г. обращаются через В. Мятлева с прошением в Коллегию иностранных дел[205]. Не зная какой она даст ответ, алтайские кочевники, ища защиты от китайцев, самовольно прикочевывают к русским укрепленным пунктам и селятся около них. Такого рода сведения поступили весной 1756 г. в Томск от командования Чакырской, Усть-Каменогорской и других крепостей[206].

Взвесив все «за» и «против», правительство принимает решение о приеме алтайских кочевников «в русскую протекцию». Это решение было закреплено указом от 2 мая 1756 г., в котором были обстоятельно изложены условия и порядок приема алтайцев в российское подданство[207].

С июня 1756 г. в крепостях, форпостах и редутах Колывано-Кузнецкой военной линии начался прием алтайских кочевников в русское подданство. К концу года, по свидетельству правительства, российское подданство приняла основная масса алтайского кочевого населения[208].

Непременным условием приема в «русскую протекцию» являлось переселение «новоподданных» на новое место жительства, в частности, на Волгу. Какие для этого были основания и все ли «новоподданные» подлежали переселению?

Согласно законоположению, переселению на новое место жительства подлежали лишь алтайцы, не являвшиеся двоеданцами. Последних же рекомендовалось не отправлять на Волгу, а «поселять внутри Сибири». Относительно мест поселений, то наилучшим вариантом были признаны калмыцкие в Нижнем Поволжье. Возможность поселения «принявших русскую протекцию» алтайцев на бурятских землях была сразу исключена, ибо рядом была китайская граница. Оставить их в предгорном и степном Алтае тоже бы-

ло невозможно, ибо, как указывалось в документе, вряд ли «зенгорская или киргис-кайсацкая сторона оставят их в покое»[209].

Поэтому, руководствуясь указом, власти выявляли подлежащих переселению алтайцев, формировали «команды», которые начинали готовить к «препровождению на Волгу». Отправка первой партии планировалась на конец 1756 г., но ввиду бедственного положения «новоподданных», отправка «команды» была отложена до весны 1757 г.[210] А положение алтайцев действительно было тяжелым. Большая часть их скота, имущества была разграблена захватчиками. Учитывая это, русское правительство распорядилось об оказании помощи алтайцам, принявшим русское подданство. По местам их нового расселения из Сибирской канцелярии было выслано на пропитание 150 рублей серебром, из расчета: зайсану — 10 копеек в день, рядовым алтайцам — «по четверику муки»[211]. Учитывая, что кочевники «к хлебу не так сродни, как к мясу и молоку», то предписывалось выдавать сверх указанного провианта «по три деньги в день» на человека[212]. Имевшийся скот был размещен по «конюшням и пригонам» и обеспечен сеном. К примеру, в 13 верстах от Бийска зимовало 55 алтайских семей. Для их скота из Бийска посылалось ежедневно по 12 возов соломы[213].

Решение русского правительства взять под «свою протекцию» алтайцев, бесспорно, расстроило планы Цинов на Алтае. Отныне необходимо было каждый свой шаг в данном пограничном районе соотносить с последующей реакцией на это сильного северного соседа. Осознавая это, китайцы, тем не менее, продолжали осуществлять здесь свои прежние намерения: понуждали алтайцев принять китайское подданство.

Чтобы предотвратить уход последних под защиту России, они расставляли свои кордоны на путях возможного следования алтайцев к укреплениям Колывано-Кузнецкой военной линии для принятия русского подданства, стремясь захватить их до выхода к ней. По докладам военных и сообщениям с мест таковые «во множестве», были устроены по рр. Катунь, Бия, Иша, Майма, Сема, Белая, в Канских волостях, неподалеку от Бийской, Чакырской, Усть-Каменогорской крепостей и Колыванского завода[214]. На претензии русских представителей китайцы отвечали, что они задерживают лишь тех, кто «в прошлые годы пришел в подданство к китайскому хану.., но потом отложился»[215]. Но как показывали события, действия китайцев далеко не соответствовали делам: они задерживали всех шедших к линии алтайцев.

Созданные китайцами кордоны «заблокировали» многих алтайцев: одни остались (как жители Канских волостей ведомства зайсана Омбы) на прежних своих кочевьях, другие (как люди зай-

сана Киндиша остановлены на р. Белой) — задерживались на подходах к военной линии. Кто имел силу — пробивался к русским. Но большинство «блокированных» самостоятельно сделать этого не могли. На помощь им приходили русские власти (гражданские и военные). Их представители выезжали в «блокированные» районы и там «учиняли присягу всем желающим быть в русской протекции», прием алтайцами русского подданства завершался составлением официальных документов, которые и избавляли «новоподданных» от китайских домогательств.

Так, вхождением алтайцев в состав России, присоединением к ней территорий, на которых они кочевали, закончился этот не простой во всех отношениях отрезок русско-алтайских связей. Последние существенным образом отличались от таковых, которые имели место между русскими и алтайскими кочевниками на предыдущих этапах. Как отмечалось выше, инициатива установления добрососедских отношений на первых этапах исходила от представителей русского правительства — сибирской администрации. На последнем этапе роли поменялись. Джунгаро-китайская война, в ходе которой было уничтожено Джунгарское государство, вторжение цинских войск в Горный Алтай, геноцид, который учинили здесь китайцы, понудили глав алтайских племен искать защиту у России. Их намерения нашли свое отражение в многочисленных их прошениях о добровольном принятии ими и подвластными им людьми русского подданства, направленных алтайскими зайсанами в различные инстанции местных и центральных органов власти.

Вхождение алтайцев в состав России не только обеспечило им защиту от иноземных посягательств и спасло их от угрозы физического уничтожения цинскими войсками, но и создало условия для дальнейшего экономического и культурного развития на качественно новой основе. Правда, переход под протекторат России нес им и «постепенное превращение их в колониально зависимых «инородцев». Немалая роль в этом деле принадлежала внутренней политике царизма, нередко становившейся своеобразным барьером на пути развития экономики и культуры алтайцев. Но полностью остановить этот процесс она была не в состоянии, ибо решающее слово в нем принадлежало трудящимся массам и в первую очередь — русскому трудовому народу[216]. Добрососедские связи, установленные алтайцами с ним в начале XVII в., а затем совместная жизнь в рамках одного государства, привнесли естественную специфику в развитие хозяйства, экономики и культуры алтайцев.

5. ПОСОЛЬСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ В СНОШЕНИЯХ СИБИРСКИХ ВОЕВОД С АЛТАЙСКИМИ КНЯЗЬЯМИ в XVII в.

Сибирская администрация, не имея своих постоянных представителей среди алтайских кочевых племен, по мере надобности отправляла к тому или иному кочевому правителю свое посольство. Следует отметить, что последнее существенно отличалось от посольств государственного ранга, укомплектованных опытными дипломатами и возглавлявшиеся высокими должностными лицами (боярами, окольничими и стольниками). Так, в 1567—1569 гг. русское посольство в Швецию возглавляли боярин И. М. Воронцов[217], в Англию в 1582 г. — профессиональный дипломат, дворянин Ф. А. Писемский[218] и в 1667 г. во Францию и Испанию — стольник П. И. Потемкин[219].

Обмен посольствами «высокого ранга» всегда проходил в обстановке неукоснительного выполнения послами дипломатического этикета. Чем выше был ранг главы посольства, тем многочисленнее была его свита. Например, прибывшее в 1636 г. в Москву шведское посольство во главе с маршалом Германом фон-Штаденом, состояло из 92 человек[220]. Численный состав русского посольства, снаряженного в 1667 г. во Францию и Испанию, насчитывал 55 человек[221].

В сношениях же сибирских воевод с алтайскими князьями все было гораздо проще. Посольства к последним осуществлялись на уровне местной воеводской канцелярии. Численный состав посольства зависел от степени значимости кочевого правителя для русских властей. Чаще всего он колебался от 2 до 5 человек и возглавляли посольства, главным образом, сыны боярские[222]. К послам для письмоводства прикомандировывались подъячие[223] и переводчики — толмачи. В наказе казачьему атаману Зиновию Амосову велено было ехать в 1639 г. с посольством к князю Коке Абакову, «для толмачества — пешему казаку Куземке Гаврилову»[224]. Дипломатическая миссия томского служилого человека Василия Бурнашева к тому же князю в 1649 г. имела в своем составе двух толмачей: пашенного крестьянина Ивана Козлова и чатского татарина Тосмамета Енбагачева[225].

Воеводские посольства к главам алтайских кочевых племен организовывались с целью урегулирования пограничных споров, торговых отношений и подчинения кочевых правителей с подвластным им населением влиянию Русского государства. Эти мотивы местных властей пронизывают все наказы русским послам, посылавшимся на протяжении XVII в. к представителям алтайской родоплеменной знати.

Насколько позволяют судить имеющиеся документы, обмен посольствами между сибирской администрацией и алтайскими князьями и другими кочевыми правителями велся, видимо, по давно сложившемуся обычаю.

Приняв решение об отправке посольства, воевода вызывал в съезжую избу[226] лицо, назначавшееся главой миссии и в присутствии свидетелей поручал ему выполнить определенное задание. Получив наказ, посольство отправлялось в путь и, начиная с момента отъезда и до своего возвращения, вело своего рода путевой дневник — статейный список.

Получив известие о следовании к нему посольства, князь начинал подготовку к приему русских посланников. При приближении посольства к улусу, князь высылал для его встречи «лучших улусных своих людей», то есть подражал тому приему, который оказывали русские при встрече иностранных послов[227], и иностранные державы — при встрече русских послов[228]. В связи с этим возникает естественный вопрос: «Как алтайские правители могли знать о выполнении русскими подобного рода ритуалов?» Сведения об этом представители алтайской родоплеменной знати могли получить, во-первых, в результате личных посещений русских городов (например, дипломатический визит Абака в Томск в 1609 г.), во-вторых, через своих посланцев, бывавших в Томске, Кузнецке и даже в Москве[229].

Однако, в момент встречи русского посольства стороны не соблюдали положения, кто из них должен первым сойти с лошади, в то время как этот пункт дипломатического этикета строго соблюдался русскими при встрече западноевропейских и азиатских послов[230].

В данном случае важен был сам факт встречи. Вот что сообщает по этому поводу в своем статейном списке русский посланник, томский сын боярский Иван Петров, посланный в марте 1650 г. к Коке Абакову. 5 апреля 1650 г. Петров с посольством достиг кочевья князя и «Кока выслал навстречу улусных своих людей Едерка и Ендоя», которые и сопровождали посольство до Кокиной юрты[231]. «А как пришли к нему, Коке, в юрту (русские послы — *Н. М.*) и он,.. встав на ноги, а не на колени спрошал про государево... здоровье». На что Петров ответил, что «царь... здоров». Услышав это, Кока «поклонился и пожелал государю здоровья на многие лета»[232]. Следуя этикету, Кока спросил далее о здоровье воевод «Томского города», на что посол вновь дал положительный ответ. И только после этих церемоний стороны приступили к обсуждению существа дела. Князь, как обычно, справился о цели прибывшего посольства, а глава дипломатической миссии вычи-

тал ему одну за другой статьи, данной ему наказной памяти.

В случае достижения согласия князя со всеми статьями вычитанной ему наказной памяти, ему в знак признательности и поощрения, преподносилось «государево жалованье» — вино и ткани. Так, И. Петров, добившись от Коки присяги на верность государю, выдал ему «государево жалованье»: «портище доброе червчатое мерою пол четверта аршина, да портище «темносинее... пол аршина, да портище летчинное... 4 аршина». «Государевым жалованьем» были наделены также его брат Кулудай, сыновья Коки — Ишик, Юрган и некоторые «лучшие улусные люди», в том числе Ендай и Бетень[233].

Выше уже упоминалось о различиях между посольствами, отправляемыми к главам западноевропейских и азиатских стран от посольств, снаряжаемых к представителям алтайской родоплеменной знати. В данном случае количество и ценность «государевых даров» являются самыми непосредственными показателями различий между этими посольствами. Выше приведенный перечень «государева жалованья», преподнесенного И. Петровым Коке Абакову, конечно же, не идет ни в какое сравнение с теми дарами, которые предназначались главам западноевропейских и азиатских стран. Так, в 1637—1638 гг. крымскому хану Богадыр Гирею было отправлено подарков на 23 720 руб.[234] В 1667 г. русским послом П. И. Потемкиным в дар французскому королю было преподнесено мехами, товарами, золотыми и серебряными предметами на 1 248 руб.[235]

И тем не менее, даже небогатые дары, преподносимые русскими послами алтайским князьям, помогали первым часто справляться с полученным заданием. В данном случае посольство И. Петрова успешно справилось с воеводским поручением и возвратилось «со щитом» в Томск.

Соблюден был посольский церемониал Кокой Абаковым и осенью 1654 г., когда прибыл к нему с посольством воеводский посланник Василий Былин[236].

Активное вмешательство джунгарских феодалов во внутриполитическую жизнь Алтая накладывало свой негативный отпечаток как на ход развития дипломатических контактов, так и на исполняемый при этом церемониальный ритуал. В этом отношении весьма характерным примером является посольство томского служилого человека Афанасия Сартакова, направленного воеводами в октябре 1657 г. «в белые калмыки ко князцу Коке Абакову»[237]. Оно прибыло в кочевье последнего в момент, когда на юге Сибири было неспокойно, военные конфликты и провокации были довольно-таки частым явлением. Вопреки общепринятому обычаю, по сви-

детельству А. Сартакова, Кока не встретил послов и «не взял к себе» русских посланников, а повелел «поставить послов между улусов своих», причем не в юртах[238]. «На другой день, — пишет посол, — прислал к нам Кока шурина своего Курумшу и велел... спросить, што вы, государевы послы, приехали ко князцу Коке, с каким посольством... да дары от воевод... есть ли... И я, Офонька Сартаков, с товарищами велел выговорить шурину его.., што.., приехали ко князцу Коке пословать без даров... за то што... Кока... праведному государю измену свою показал: под государевы городы и под остроги и на ясашных людей войною... людей своих посылал». Выслушав претензии русских послов, Курумша вернулся к Коке. Через несколько дней он же передал послам ответ Коки, в котором последним «говорено ехать назад в Томской.., с вами де пословать не о чем, потому что ис Томсково Коке даров не прислано». В заключение Курумша передал вызов Коки: «А буде де государь изволит и... воеводы велят его воевать, то де воюйте»[239]. Не добившись желаемого результата, посольство вынуждено было вернуться в Томск.

Сопоставив два предыдущих посольства с только что описанным, обнаруживаются заметные расхождения как в конечных результатах, так и в соблюдении и выполнении традиционного дипломатического церемониала.

Обострение отношений Коки Абакова со своими джунгарскими покровителями вновь сделали Коку покладистым и сговорчивым, а также предельно пунктуальным в соблюдении традиционных посольских обрядов. Прибывший в июле 1658 г. пятидесятник Дмитрий Вяткин и сопровождавшие его лица были с почетом встречены перед улусом, высланными навстречу Кокиными «лучшими улусными людьми Юргаем и Белтюреком» и препровождены до юрты князя[240]. Соблюдая обряды и традиции приема посольства, обе стороны приступили к переговорам, которые закончились весьма успешно для томских воевод, ибо Кока не только подтвердил ранее данную присягу «быть верным государю», но и дал обещание «две волости под высокую царского величества руку в ясак привесть»[241]. Выполнив порученное ему дело, посольство Д. Вяткина 24 июля 1658 г. благополучно прибыло в Томск[242].

Однако соблюдения и выполнения традиций приема посольств, при ведении переговоров придерживались не только алтайские правители. В равной степени данный этикет соблюдался и русским правительством при приеме иностранных послов. По мере развития дипломатических отношений Русского государства с другими странами и народаами, на Руси сложилась определенная традиция, касавшаяся встречи и приема чужеземных послов. Характерный

пример в этом отношении — отписка томских воевод И. Приимков-Ростовского и А. Коковинского в Сибирский приказ, сообщающая, что в 1658 г. «сентября в 18 день по государеву указу отпущены ис Томсково к великому государю к Москве белых калмыков князцов Коки и Мачика посланцы: Мамрач, Кенкер, Чиик, Уруска, Кармышак. И Дмитрию Вяткину с товарищи ехати с теми... посланцами... до Москвы... и чтобы те послы городов не рассматривали, и ни с кем не разговаривали... Но к тем посланцам держати честь и береженье во всяких мерах. И будут те посланцы учнут говорить и им, Дмитрию... с товарищи, с ними говорить о разных делах остерегательно, чтоб государству было к чести и повышению»[243]. Следовательно, местные власти и русское правительство в целом чрезвычайно строго оберегали честь государей, «почитая ее за самое большое дело»[244].

Непременным пунктом посольского этикета было соблюдение правил передвижения по русской территории. Эта традиция отражена и в вышеуказанной отписке. В ней Д. Вяткину, сопровождавшему алтайских послов, предписывалось: «не доезжая до... городов... в те городы посылать наперед себя к воеводам служилого человека с вестью, чтоб воеводам про то было ведомо, что они (Д. Вяткин с товарищами — *Н. М.*) с посланцы идут и корм бы, и питье, и подводы... были готовы, а безвестно... к городам не подходить. А как он, Дмитрий, с товарищи и с посланцами приедут блиско Москвы, и ему, Дмитрию,.. не доезжая Москвы послать наперед себя служилого человека с вестью в Сибирский приказ»[245]. В Москве алтайские посланцы были встречены «людно и нарядно» как и посланники такого же ранга других стран. Об этом говорит и факт приема их в Сибирском приказе[246].

С момента вступления посольства в пределы государства, забота о содержании его полностью ложилась на тех, к кому оно направлялось. Подтверждение этому — опять-таки наказная память, данная томскими воеводами Д. Вяткину. В ней расписано, «что, почему давать посланцам поденнова питья и корму, едучи дорогою». В «росписи» показано, что «трем человекам» приказано «давать по две чарки вина, да двум человекам по одной чарке. А хлебом и мясом кормить как им сытым быть (то есть вдоволь — *Н. М.*). А где корму не будет и с ним, Дмитрием... послано на корм пять рублев денег, из которых на корм давать, — трем человекам — по одному алтыну человеку, а двум человекам — по четыре деньги человеку на день»[247]. Как видно из «росписи», не все участники посольства занимали равное положение в иерархической структуре алтайского общества, если местные власти распорядились трем человекам давать и питья, и денег больше, не-

жели двум остальным. Согласно вышеприведенному списку этих посланников, можно отнести к более важным членам посольства Мамрача, Кенкера и Чиика, к второстепенным — Уруску и Кармышака.

Последующие десятилетия не внесли каких-либо заметных изменений в существующий обычай приема посольств, ход переговоров и проводов послов. Нарушение этого традиционного этикета воспринималось как вызов к обострению отношений. В истории русской дипломатии известен не один случай нарушения посольского церемониала. Самый невероятный из них произошел в 1637—1638 гг. в Крыму с русскими посланцами И. Фустовым и И. Ломакиным, которых «крымцы» приняли не только «грубо и нечестно», но и «били и пытали, и голодом морили»[248].

Случаи нарушения правил дипломатического этикета были отмечены и в южной Сибири. Примером может служить история с посольством томского сына боярского Василия Былина к джунгарским тайшам Сенге, Кутухте и Чокуру в 1668 г.[249] Прибыв поздно вечером в улус Сенге-тайши, русские послы никем не были встречены и стали самостоятельно располагаться на ночлег. Во втором часу ночи к В. Былину явился человек от Сенги и велел посланцам прибыть в юрту тайши. Войдя в нее, русские послы, как требовал этикет, поприветствовали Сенге, справились о его здоровье. Но положительного ответа не получили. Тогда В. Былин заявил тайше о цели своего приезда и сообщил ему о доставке «государева жалованья». Все это тайша, в нарушение сложившейся традиции приема послов, выслушал сидя. Услышав о «государевом жалованье», он велел немедленно поднести его ему и, когда Былин поднес Сенге сукно, последний взял его и, не глядя, кинул ткань «середь юрты, а про государево здоровье так и не спросил» — писал посол[250]. Несмотря на все старания В. Былина, тайша открыто уклонился от переговоров, всем своим видом и поведением демонстрируя пренебрежение к послам, не преминув при этом вскользь упомянуть о возможности военного конфликта между Россией и джунгарами[251].

Аналогичная история повторилась с посольством В. Былина и в улусе Кутухты-тайши[252].

Джунгарские тайши явно шли на обострение отношений, не упустив возможности продемонстрировать свою неприязнь к русским и во время дипломатических переговоров. С возвратившимся в Томск 17 июля 1668 г. В. Былиным прибыл посол от Сенге-тайши, который передал воеводе С. Вельяминову письмо на имя царя, в котором тайша требовал немедленного возвращения ему белых калмыков. В противном случае он угрожал русским

войной[253]. Однако, как показало время, война не началась, а причины, воспрепятствовавшие Сенге-тайше осуществить свои угрозы, остались неизвестными.

Словом, нарушение посольского церемониала всегда рассматривалось как недружелюбный акт. Поэтому русские послы, направлявшиеся к алтайским правителям, ревностно следили за тем, справлялись ли последние о здоровье государя, стоя ли выслушивали наказные речи посла и снимали ли при этом головные уборы. Как правило, послы в большинстве своем предельно кратко излагали суть самих переговоров, но достаточно подробно останавливались на церемониально-этической стороне дипломатической миссии. Например, наказная память Ивану Вербицкому, посланному в 1686 г. из Томска к Табуну Кокину, состоит из трех листов. Два с половиной из них посвящены изложению инструкции как поступать с «государевым жалованьем» в случае нарушения князем какого-либо пункта посольского этикета. В данном случае он не был нарушен. Хотя Табун и отказался от личной присяги, «государево жалованье» ему все же было выдано, которое он «принял с честью и встал на ноги»[254]. Отказ князя от дачи личной присяги вызвал отправку к нему последующих посольств: Матвея Ржицкого — в 1695 г.[255], Никифора Прокофьева — в 1696 г.[256] В их отчетах заметное место уделено характеристике традиций и обычаев посольского церемониала. Вот что пишет по этому поводу Н. Прокофьев в своем статейном списке: «декабря в 26 день приехал в Телеутскую землицу... ко князцу Табуну Кокину... в улус и стали особо своим станом в двух верстах от Табуна. И князец Табун генваря в 6 день собрался с товарищи и с детьми своими, и с братьями, и с племянники, и со всеми улусными людьми и к себе в юрту ево, Никифора, с товарищи взяли и про государское... здоровие спроша, он, Табун, снял шапку и дети ево Коен, Матуй, да Байгорок и братья, и племянники, и «все улусные люди сняли шапки тож, стоя, спрашивали честно». Русский посол ответил согласно требованиям наказной памяти, после чего им были высказаны претензии томской администрации в адрес князя. После их «вычтения», Н. Прокофьев призвал последнего «под высокую государеву руку. И Табун... со своими детьми и улусными людьми великим государям вины свои принесли и поклонились... и говорили быть им всем под высокою рукою и великим государям служить и прямить, и во всем добра хотеть. И если я, Табун, или дети..., или улусные люди шерть свою в чем нарушили... и на нас всех меч и сабля, и всякое разоренье безостатку»[257].

Таким образом, на основании изложенного можно констатиро-

вать, что по мере развития отношений с зарубежными странами, в России сложилась своеобразная традиция встречи и приема послов, которую сибирская администрация стремилась соблюдать и в глубокой провинции. Добиваясь приведения алтайских правителей в зависимость от русского престола, послы между тем следили за неукоснительным соблюдением первыми правил посольского этикета, нарушение которого настораживало местные власти и служило своеобразным предупреждением о возможной опасности. В силу этого они и добивались соблюдения и выполнения представителями алтайской родоплеменной знати правил посольского церемониала.

Глава вторая. ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ АЛТАЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ в XVII—XVIII вв.

С конца XVI в. начинается активное проникновение Русского государства в просторы Сибири. К этому же времени относится и начало освоения ее русским народом. По данным исследователей, за Уралом «раскинулась» огромная земля, площадь которой составляла более 10 млн. кв. км. Проживало же на этой территории всего около 236 тыс. человек нерусского населения. Если учесть, что при охотничьем хозяйстве на каждого едока в умеренном поясе требуется примерно 10 кв. км угодий, а при самом примитивном животноводстве у скотоводческих племен — лишь 1 кв. км, то становится очевидным, что коренному населению Сибири, в том числе и алтайцам, к XVII в. было не под силу освоить всю территорию региона даже на его уровне хозяйствования[1].

Каков же был уровень хозяйства у алтайцев в рассматриваемое время? Чтобы дать ответ на поставленный вопрос, необходимо охарактеризовать каждую отрасль алтайского хозяйства и ее роль в жизни алтайцев.

1. СКОТОВОДСТВО

Алтайцы, как и другие народы Алтае-Саянского нагорья, с давних пор вели комплексное отраслевое хозяйство, умело используя при этом естественногеографические и климатические условия своего края. Основой их хозяйственной деятельности являлось полукочевое (яйлажное) и кочевое скотоводство. По общему признанию специалистов, занятия им требовали от людей гораздо

меньших усилий, чем другие отрасли, но в то же время скотоводство быстрее и, в известной степени, несколько легче обеспечивало их насущные потребности в пище, одежде, обуви, а в степной зоне — и топливом (кизяк).

По свидетельствам археологов, древнее население Горного Алтая в немалом количестве разводило все виды домашних животных, за исключением свиней. Но предпочтение оно отдавало лошадям, овцам (козам) и коровам[2]. И это не случайно. Заготовка кормов на зиму древними обитателями края, как известно, не производилась. В таких условиях массовое разведение скота было возможно только при круглогодичном его содержании на подножном корме. При большом количестве осадков, выпадавших в зимнее время в данном регионе, наиболее подходящими видами скота для такой системы животноводства являлись лошади, коровы и овцы. В летнее время скот, как правило, содержался на высокогорных пастбищах, а зимой тебеневал в долинах, защищенных от ветров, с неглубоким покровом снега[3]. На такое пастбище сначала выгоняли лошадей, которые разрыхляли копытами снег и поедали верхушку травы, затем выгоняли пасти коров. И последними выпускали овец[4]. Такая техника пастьбы скота сохранялась и в рассматриваемое время. Для подтверждения сказанного, сошлемся на свидетельство источника. Так, в поданной в 1663 г. томским воеводам челобитной сообщалось, что алтайские кочевники, разогнанные в разные годы «всякими воинскими людьми» по урочищам, горам, степям и даже по другим «землицам», просили воевод помочь им вернуться на свои прежние кочевья, ибо «здесь — (на новых местах — *Н. М.*) снега глубокие и большие, а на старых местах мелки; а сен... они на скот не готовят»[5]. Правда, в отдельных местностях и в незначительных размерах заготовку сена алтайцы все же производили, делая это весьма примитивно. Не зная кос, они срезали траву ножами и свивали ее в жгуты, которые затем развешивали на деревьях для сушки и последующего хранения[6]. Естественно, что таким примитивным способом нельзя было сделать больших запасов сена. Поэтому то, что было заготовлено шло главным образом на подкормку молодняка.

Такая система хозяйствования всецело зависела от погодно-климатических условий. Холодные зимы, большие снега, заваливавшие пастбища, часто подрывали экономику алтайского хозяйства. Но настоящим бичом для животноводства всегда была бескормица. Обычно она наступала с началом весны. Это было самое страшное время для скотовода. Трава, которая хорошо сохранялась в течение зимы под покровом снега, при первых же оттепе-

лях прилегала к земле и быстро загнивала. Снег превращался в кашицу, а затем смерзался в ледяную корку, которую животным было трудно разбить копытами. Положение усугублялось внезапно налетавшими буранами, которые заносили снегом оледеневшие пастбища. После оттепели снег покрывался плотным настом, который еще больше затруднял скоту доступ к корму[7].

При такой системе хозяйствования и думать не приходилось о повышении и улучшении продуктивных качеств разводимого скота. На первый план выходила количественная сторона этого дела, то есть постоянное наращивание поголовья. Каковы же были качественные характеристики разводимого алтайцами скота?

С давних пор первостепенное место в хозяйственной жизни алтайцев занимала лошадь. Она была у них не только основным продуктивным, но и главным транспортным животным. Они разводили лошадь местной алтайской породы, которая по свидетельству ветеринара Калнинга, представляла собой помесь с породами лошадей живущих по соседству киргизов и монголов[8]. Характерными ее признаками были «большая несоразмерно с туловищем голова, толстая короткая шея, длинный корпус и короткие ноги»[9]. Высота лошади составляла в среднем 1,3—1,4 м, длина — 2,2 м. К числу достоинств алтайской лошади, уже упоминавшийся Калнинг, отнес ее выносливость, нетребовательность к уходу и корму[10].

Как продуктивное животное, лошадь давала в среднем 15—18 пудов (240—288 кг) мяса и 1 пуд (16 кг) жира. Конина очень высоко ценилась алтайцами. Они предпочитали ее не только говядине, но и баранине. Из кобыльего молока приготовляли кумыс. Шкура и конский волос шли на удовлетворение хозяйственных нужд[11].

Местной породы был и крупный рогатый скот. Его породными особенностями были: короткая голова с широким лбом, крупными глазами и широкой мордой, короткая и мясистая шея и довольно большое брюхо. При забое одно животное давало в среднем до 12 пудов (190 кг) мяса и 5—6 пудов (80—96 кг) жира. Алтайская корова давала очень питательное и жирное молоко. За лактационный период, длившийся около 8 месяцев, от нее получали 400—450 л молока, из которого приготовлялись напитки — «чегень» и «айран», кислый сыр — «курут», творог — «быштак», «ааарчы», сметана — «каймак» и др.[12] Выделанная шкура — на изготовление кожаных мешков.

Бытовавшая в Горном Алтае овца являла собой разновидность овцы монгольского типа. Это было мясосальное животное с грубой шерстью, наличие которого было характерно для хозяйств большинства народов Алтае-Саянского нагорья. Овца да-

вала «инородцу» шерсть (1 кг), молоко (60—64 л за весь период дойки — с марта—апреля по июль) и в зависимости от возраста от 10 до 24 кг мяса в убойном весе[13].

Если в целом говорить об алтайском скоте, то можно констатировать, что по многим статьям он уступал так называемому культурному скоту. Но в то же время он имел и свои достоинства. Это сравнительная нетребовательность его к кормовому режиму и уходу, высокая выносливость, что в какой-то мере все же компенсировало его низкую продуктивность.

Установив на основе данных археологии, русских источников и памятников фольклора основные виды животных[14], разводимых алтайцами в рассматриваемое время, попробуем хотя бы приблизительно реконструировать структуру алтайского стада. Здесь следует сразу же оговориться, что в нашем распоряжении нет каких-либо статистических данных XVII в. на этот счет. Поэтому мы вынужденно прибегаем к использованию данных середины XVIII в. Используя их, мы руководствовались тем, что алтайское хозяйство эволюционировало достаточно медленно.

В свое время материалы 1756 г. нами уже использовались в этих целях, но без достаточного комментария об их полноте, а значит, и достоверности за что и подверглись совершенно справедливой критике[15]. Следуя пословице: «Лучше поздно, чем никогда», попробуем сегодня устранить ранее допущенный промах.

Согласно обобщенным данным на осень 1756 г. у алтайцев, принявших русское подданство, было зарегистрировано 6982 лошади, 1204 головы крупного рогатого скота, 1664 овцы и козы, 23 верблюда[16]. Однако на основании этих данных и сведений материалов, которые будут проанализированы ниже, все же невозможно точно сказать о соотношении поголовья скота различных видов в алтайском хозяйстве, поскольку они не отражают реальной картины, ибо джунгаро-китайская война, цинская агрессия в Горный Алтай, отступление алтайцев под натиском цинских отрядов (в большинстве своем по труднопроходимой гористой местности) привели к потерям значительной части скота. Немало его было захвачено китайцами, брошено или спрятано. Так, по заявлению четырех зайсанов (Буктуша, Бурута, Намыка и Серена), ими в результате указанных акций было потеряно 1069 лошадей, 470 голов крупного рогатого скота и 1318 овец[17] или в расчете на одного хозяина в среднем 267 лошадей, 117 коров и 329 овец. Возможно, что цифры потерь несколько завышены, но они, надо полагать, все же недалеки от истины, ибо трудно поверить в то, что хозяйство зайсана Буктуша имело всего 30 голов скота (20 лошадей, 6 коров и 4 овцы), а зайсана Намыка — 27 (20 ло-

шадей и 7 коров). Именно столько скота было у них зафиксировано в «именной ведомости» при приеме в русское подданство[18].

Иначе говоря, скота у алтайцев в целом было гораздо больше, чем это зафиксировали материалы 1756 г. Поэтому, не продолжая далее разговор о подлинном количестве скота у алтайцев на данном этапе, отметим лишь главное: лошадь, овца и корова и в XVIII в. являлись основными «компонентами» алтайского стада, что они, по образному выражению Г. П. Самаева, являли собой «трех китов», на которых базировалось алтайское скотоводческое хозяйство[19].

Это обстоятельство нашло свое отражение и в «Именной ведомости, учиненной на Кузнецкой линии, пришедшим в протекцию ЕИВ» алтайцам в 1756 г. Помня о неполноте этого документа, попробуем все же произвести кой-какие подсчеты и на их основании поговорим о структуре алтайского стада. Согласно им, она была следующей: лошади — 68,6%, овцы — 16,8, коровы — 12,2 и верблюды — 2,4%[20], то есть документ (при всех отмеченных выше недостатках) наглядно показал, что основную массу скота в алтайском стаде составляли лошади, как животные наиболее приспособленные к климатическим условиям края и как животные всецело отвечавшие требованиям той системы хозяйствования, которую практиковали алтайцы. С другой стороны, он подтвердил и ранее сделанный вывод о первостепенной роли лошади в алтайском хозяйстве, составлявшей, по свидетельствам источников[21], главное богатство алтайца.

Говоря о скоте как о богатстве населения Алтая, проанализируем (опять-таки на основе материалов 1756 г.) степень их обеспеченности им. Начнем это с анализа степени обеспеченности алтайских хозяйств лошадьми.

Таблица 1

Уровень обеспеченности алтайских хозяйств лошадьми

№№ пп.		Количество хозяйств		Количество скота	
		абсолют.	в %	абсолют.	в %
1.	Хозяйства, не имеющие лошадей	10	2,8	—	—
2.	» имеющин 1—2 лошади	41	11,6	65	2,0
3.	» » 3—5 лошадей	123	34,5	144	4,5
4.	» » 6—11 лошадей	106	29,7	901	28,2
5.	» » 14—50 лошадей	73	20.6	1579	49,6
6.	» » свыше 50 лошадей	3	0,8	500	15,7
	Итого:	356	100,0	3189	100,0

Источники: Ведомости, принятым в 1756 г. в русское подданство алтайцам (АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 398—437).

Примечание: Таблица составлена автором. Им же произведены подсчеты.

Даже при беглом взгляде на таблицу обнаруживается явная неравномерность в обеспеченности хозяйств лошадьми. В частности, она свидетельствует, что 2,8% алтайских хозяйств вообще не имели лошадей. Отмечая важное значение лошади в кочевом хозяйстве, можно предположить, что и 11,6% алтайских хозяйств, располагавших одной или двумя лошадьми, в хозяйственном отношении не очень существенно отличались от хозяйств, не имевших лошадей. Поэтоому две первые группы хозяйств с полным основанием можно отнести к категории необеспеченных. Принимая во внимание утверждение И. Г. Георги, посетившего в 70-х гг. XVIII в. телеутов и отмечавшего, что «у кого есть 10 лошадей... тот почитается у них нескудным человеком»[22], то третью группу алтайских хозяйств тоже следует причислить к разряду недостаточно обеспеченных. Таким образом, общее число малообеспеченных лошадьми хозяйств составит — 48,9%, в распоряжении которых имелось всего лишь 6,5% от общего количества лошадей.

Группу хозяйств, имевших от 6 до 11 лошадей, определим как среднюю, не причисляя ее ни к категории обеспеченных хозяйств, ни к категории — необеспеченных. В зависимости от различных условий, она может пополнить как ряды той, так и другой категории хозяйств.

Две последние группы с полным основанием можно причислить к разряду хорошо обеспеченных, зажиточных хозяйств. Составляя 21,4% от общего количества хозяйств, они располагали основной массой лошадей. У 76 зажиточных хозяйств было 65,3% от общего числа лошадей, то есть основная масса алтайских хозяйств (88,6%) располагала гораздо меньшим числом лошадей, чем 21,4% представителей феодальной верхушки алтайского кочевого общества.

Аналогичная картина и в характере обеспеченности алтайских хозяйств крупным рогатым скотом.

Анализируя данные таблицы 2, можно с полным основанием констатировать, что крупный рогатый скот в хозяйстве алтайцев играл менее важную роль, чем лошади. И такое положение сложилось в Горном Алтае издревле. Вследствие большого количества осадков, выпадавших здесь зимой, крупный рогатый скот не всегда мог тебеневать и нуждался в течение известного времени в году в стойловом содержании[23]. Последнее же в изучаемый период алтайцами не практиковалось. Поэтому можно предложить,

что они довольствовались содержанием лишь ограниченного по численности поголовья крупного рогатого скота, за исключением сарлыков (яков), хорошо приспособленных к условиям тебеневки.

Таблица 2

Уровень обеспеченности алтайских хозяйств крупным рогатым скотом

№№ пп.		Количество хозяйств		Количество скота	
		абсолют.	в %	абсолют.	в %
1.	Хозяйства, не имеющие коров	159	44,6	—	—
2.	» имеющие 1 корову	80	22,5	80	17,4
3.	» » 2—3 коровы	69	19,4	155	33,7
4.	» » 4—10 коров	46	12,9	190	41,3
5.	» » свыше 10 коров	2	0,6	35	7,6
	Итого:	356	100,0	460	100,0

Источники: Ведомости принятым в 1756 г. в русское подданство алтайцам (АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 398—437).

Примечание: Таблица составлена автором. (Подсчет наш — *Н. М.*).

Итак, приводимая таблица подтверждает вывод о второстепенности крупного рогатого скота в алтайском хозяйстве. Свидетельством тому (с учетом качества материалов) общая численность животных. Если численность лошадей в 356 хозяйствах составляет 3189 голов, то крупного рогатого скота — всего 460 голов. Основная его масса, согласно документам, сосредоточилась в руках зажиточных хозяйств, в которых имелось от 5 до 10 и более голов. Большинство же алтайских хозяйств — первые две группы — владело незначительным количеством крупного рогатого скота. Если судить по данным вышеназванных ведомостей, естественно, с учетом последствий войны, то самым вероятным показателем для них был вариант: 1 корова на 1 хозяйство.

И, наконец, как же обстояло дело с обеспеченностью хозяйств мелким рогатым скотом.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на таблицу 3, это резкая неравномерность в обеспеченности хозяйств мелким рогатым скотом. Подавляющая их масса (81,3%), как явствует из таблицы, вообще не располагала мелким рогатым скотом. 10,5% алтайских хозяйств имели от 1 до 10 голов или 20% от общего поголовья учтенного здесь скота. Две эти группы хозяйств без сомнения можно отнести к разряду необеспеченных, другие же пять групп хозяйств — к категории обеспеченных.

Таблица 3

Уровень обеспеченности алтайских хозяйств мелким рогатым скотом

№№ пп.		Количество хозяйств		Количество скота	
		абсолют.	в %	абсолют.	в %
1.	Хозяйства, не имеющие овец	289	81,3	—	—
2.	» имеющие до 10 овец	37	10,5	230	20,5
3.	» » 11—20 овец	14	3,9	236	21,0
4.	» » 21—30 овец	7	1,9	201	17,8
5.	» » 31—40 овец	6	1,7	240	21,4
6.	» » 41—50 овец	1	0,2	45	4,0
7.	» » свыше 50 овец	2	0,5	172	15,3
	Итого:	356	100,0	1124	100,0

Источники: Ведомости принятым в 1756 г. в русское подданство алтайцам (АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 398—437).

Примечание: Таблица составлена автором. (Подсчет наш — *Н. М.*).

Взяв во внимание большую долю хозяйств, не имевших овец, можно было бы сделать заключение о незначительной роли овцеводства в хозяйственной жизни алтайцев. Но такой вывод неправомерен. Он опровергается самой же таблицей, которая свидетельствует, что среди учтенного в 1756 г. общего поголовья скота овцы занимают второе место после лошадей.

Наряду с вышесказанным, ведущее положение овцеводства в хозяйственной жизни алтайцев, особенно на юге и юго-востоке края, подтверждают и другие материалы. В частности, на это указывает рапорт сибирского губернатора Ф. Соймонова от 1 апреля 1760 г., посвященного разбирательству обстоятельств грабежа алтайцев казахами в долине р. Чуи. В числе скота, отнятого у алтайцев налетчиками, указано 400 лошадей, 100 голов крупного рогатого скота и 1000 овец. Не будь овца главным видом животных, разводимых чуйцами, вряд ли поголовье захваченных овец превалировало бы над числом лошадей и коров.

Наконец, на основании данных таблиц, можно предположить, что основная масса овец находилась в руках более или менее зажиточных людей. Попробуем обосновать это утверждение на примере сводной таблицы, в основу которой положен уровень обеспеченности хозяйств лошадьми.

Анализ данных таблицы 4 показывает, что хозяйства, не обеспеченные лошадьми, также не были обеспечены ни коровами, ни овцами. Согласно приведенной здесь классификации хозяйств

(по степени обеспеченности лошадьми — таблица 1) можно утверждать, что вторую и третью группы алтайских хозяйств тоже нельзя отнести к разряду хозяйств, обеспеченных скотом, поскольку из 126 хозяйств, имевших от 3 до 5 лошадей, лишь 45 хозяйств имели по одной корове. Обеспеченность же этой категории хозяйств овцами была совсем ничтожной. Четвертая группа, определенная выше как средняя, промежуточная между бедными и зажиточными хозяйствами анализу не подвергается, ибо, как уже отмечалось, она в зависимости от условий может пополнить ряды как бедняков, так и богачей.

Таблица 4

Обеспеченность алтайских хозяйств всеми видами скота

№№ пп.		Обеспеченность хозяйств скотом								
		лошадьми			коровами			овцами		
		к-во х-в	к-во гол.	%	к-во х-в	к-во гол.	%	к-во х-в	к-во гол.	%
1.	Хозяйства, не имеющие лошадей	10	—	—	—	—	—	—	—	—
2.	Хозяйства, имеющие 1—2 лошади	41	65	2,0	5	6	1,3	1	30	2,6
3.	Хозяйства, имеющие 3—5 лошадей	123	144	4,5	45	49	10,6	1	10	0,9
4.	Хозяйства, имеющие 6—11 лошадей	106	901	28,2	78	142	30,8	18	130	11,6
5.	Хозяйства, имеющие 14—50 лошадей	73	1579	49,6	65	222	48,3	43	893	79,5
6.	Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей	3	500	15,7	4	41	9,0	4	61	5,4
Итого:		356	3189	100,0	197	460	100,0	67	1124	100,0

Источники: Ведомости принятым в 1756 г. в русское подданство алтайцам (АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 398—437).

Примечание: Таблица составлена автором. (Подсчет наш — *Н. М.*).

Две же последние группы хозяйств с полным основанием могут быть отнесены к разряду хорошо обеспеченных, зажиточных хозяйств, в распоряжении которых имелось значительное по количеству поголовье лошадей, коров и овец. Подтвердим этот тезис примером из документов, на основе которых были составлены вышеприведенные таблицы. Так, «сотник Качай Муйнаков, ведомства зайсана Боннекова Омбы» имел в своем хозяйстве 230 лошадей, 25 коров, 70 овец и 5 верблюдов. Этого же ведомства «сотник Самур Хошутов» — 50 лошадей, 25 коров и 2 верблюда[24]. И это после всех перепетий цинской экспансии, с ее бесчисленными

грабежами, которым подверглось население ведомства зайсана Омбы со стороны цинских захватчиков и их пособников. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что до цинской агрессии у названных «сотников» скота было гораздо больше.

Богатство двух упомянутых «сотников» резко констрастировало с положением их соплеменников: из 100 хозяйство рядовых скотоводов, также входивших в ведомство зайсана Омбы, 10 хозяйств — вообще не имели скота, большая же их часть имела в лучшем случае от 2 до 5 лошадей.

Словом, налицо было имущественное неравенство не только среди алтайцев, пришедших в 1756 г. в русское подданство, но и в алтайском обществе в целом. Такой вывод позволяет сделать анализ сводной таблицы. Она наглядно показывает, что на одном полюсе концентрируются хозяйства совершенно не обеспеченные скотом, а на другом — хозяйства, в которых скот исчисляется десятками и сотнями голов.

Отсутствие скота или его малочисленность самым отрицательным образом сказывались на жизни кочевника, ибо он кормил его, одевал, давал необходимый материал для изготовления предметов хозяйственного и бытового обихода. Но и этим не исчерпывалось значение скота. Он так же являлся и предметом уплаты ясака. Так, в отмечавшемся выше соглашении между томскими воеводами и телеутским князем Абаком (1609 г.) указывалось, что с его людей «брать ясак лошадьми, сколько они дадут»[25]. Факты уплаты лошадьми ясака-дани — джунгарским феодалам алтайскими кочевниками отражены русскими источниками XVII—первой половины XVIII вв.[26]

Возникновение укрепленных пунктов и русских поселений на юге Сибири оказало свое влияние на хозяйственную жизнь алтайцев. Наиболее заметным оно становится после вхождения алтайцев в состав России, особенно после прекращения набегов китайцев и казахских феодалов на территорию Горного Алтая. С этого момента крестьяне все чаще стали самовольно уходить за «пограничную линию», чтобы «хлебопашество и сенокошение там производить»[27]. Своей хозяйственной деятельностью они не могли не оказывать воздействие на соседствующее рядом алтайское хозяйство. В результате этого уже в середине 60-х годов XVIII в. в последнем в незначительных размерах зарождается сенокошение. Это можно подтвердить выдержкой из челобитной ясачного человека Телеутской волости, новокрещенного Петра Алексеева. В 1764 г. у него началась тяжба с заводским крестьянином Василием Тихоновым, отнявшим силой покосы у алтайца. Челобитчик просит не только вернуть ему захваченные Тихоновым

покосы, но и заставить последнего заплатить ему, Алексееву, за «потравление сен»[28].

Опираясь на такие отрывочные сведения, конечно же нельзя говорить о широком развитии сенокошения у алтайцев. Бесспорным может лишь то, что оно явилось результатом непосредственного влияния русского крестьянина на развитие алтайского хозяйства, на развитие его основной отрасли — животноводства.

2. ОХОТА

Важное место в алтайском хозяйстве занимала охота. Горные отроги Алтая были покрыты таежными лесами, где водились маралы, олени, косули, соболи, росомахи, волки, лисы, рыси и другие звери. Как свидетельствуют археологические памятники, охотничий промысел на территории Алтае-Саянского нагорья существовал на протяжении многих столетий[29]. Добытые в тайге олени и косули, разная боровая дичь использовались охотниками для питания. Шкуры же животных шли на изготовление одежды и обуви.

Охотничий промысел у алтайцев, как и у других народов Сибири, окружался ореолом святости и сверхестественности. Во время промысла охотники никогда не называли зверя его настоящим именем, а использовали всевозможные отвлеченные понятия и названия, под которыми подразумевали того или иного зверя. Так, медведя называли «кырдын эзи» (хозяин горы), «талтак бут» (косолапый); волка — «узун куйрук» (длиннохвостый), хотя основные их названия: медведь — аю; волк — бёрю.

Наиболее распространенным оружием охоты являлся лук с набором разных стрел. Например, для охоты на крупного зверя использовалась «канду ок», то есть кровавая стрела. Для остановки зверя применялась свистящая стрела — «осту ок». С ее помощью охотник сгонял белку с вершины дерева и добивал стрелой с шариком на конце — «томор ок». Ее применение обеспечивало сохранность меховой шкурки.

О подобном наборе стрел и их применении на охоте повествует и устное народное творчество алтайцев. Так, в сказке «Кара-Кубек» говорится, что богатырь с помощью лука и стрел «горных зверей убивал»: медвежонка и тигренка он поразил восьмигранной стрелой, против тигра была использована «живая стрела»[30]. Наконец, об использовании алтайцами лука с железными и другими «наконечниками разных размеров и формы» свидетельствуют русские документы XVII в.[31]

Самым распространенным промысловым животным на Алтае

была косуля. На нее охотились круглый год и промышляли ее «только что есть»[32]. Добывали косуль путем настораживания петель и самострелов на переходных тропах, облавами, сторожением на солонцах, подманиванием животных свистом и с помощью ловчих ям[33].

Кроме охоты на копытных животных, алтайские охотники промышляли и пушного зверя, в частности соболя, горностая, куниц, волков, лисиц, росомах, белок и т. д. Об их добыче кочевниками свидетельствуют ясачные книги Кузнецкого уезда, в которых зафиксированы ясачные поступления, взимавшиеся на протяжении XVII—XVIII вв. с алтайского населения в казну[34].

Охота на пушных зверей была кропотливым и трудоемким делом. В арсенале промысловика были лишь петли, самострелы, самые разнообразные самодельные ловушки, представлявшие в одном случае настороженный лучок-самострел, в другом — просто плашки или еще проще обыкновенные обрубки бревен[35]. Лишь в исключительных случаях охотник прибегал к помощи лука, а позднее — пищали. Последние, как свидетельствуют источники, стали появляться у населения Алтае-Саянского нагорья в последней четверти XVII в. Основными каналами его приобретения являлись покупка у служилых людей и грабежи. Например, осенью 1680 г. ясачный человек Секира Серков, будучи на допросе, заявил, что «...купил... он ту пищаль у томского служилого человека, у Юшки Щедрихина». Другой ясачный человек Алтыка, как выявило следствие, приобрел ружье у тобольского сына боярского Ивана Астраханца[36]. В августе 1743 г. Кузнецкая канцелярия доносила об убийстве калмыками в степи двух крестьян Бийского ведомства. У убитых были взяты винтовки и порох[37].

Но несмотря на появление у аборигенов огнестрельного оружия, тем не менее, его роль в охотничьем промысле в рассматриваемое время была невелика, ибо им владели лишь единицы. В этом наглядно убеждает выборка, сделанная командованием Усть-Каменогорской крепости в ноябре 1756 г. Из 1575 человек, принявших здесь подданство, ружья имели только 189 человек[38].

Завершая разговор об алтайской охоте, следует отметить, что на копытных животных она носила промысловый характер. Несколько по иному пути шло ее развитие при охоте на пушного зверя. Взимание дани пушниной понуждало алтайцев в той или иной степени интенсифицировать добычу пушных зверей, наиболее ценным из которых являлся соболь. Сколько же его мог добыть охотник за сезон? Учитывая богатство зверя в тайге, промысловик, даже при примитивности орудий лова, предположительно добывал за сезон на протяжении XVII в. от 10 до 15 соболей.

Внеся в ясак от 7 до 8 соболей с человека в год[39], остальную пушнину охотник мог обменять на нужные ему предметы, продукты или продать подвернувшимся торговцам[40].

В связи с хищническим истреблением соболя, тайга заметно оскудела. Это незамедлило отразиться на количестве добываемой пушнины. В 1715 г. с ясачного населения Мрасско-Кондомских волостей (куда входили и алтайские) с 561 человека было взыскано 1674 соболя[41] или около 3 соболей с человека. Принимая во внимание предложенный расчет, можно предположить, что в это время охотником добывалось не более 4—5 соболей.

С проникновением русских в пределы Алтая наметилась заметная активизация занятий пушным промыслом. В нем постепенно, но с каждым годом все сильнее начинает вырисовываться его несовершенный, но все же товарный характер. Войдя в контакт с Русским государством, многие алтайские князья дали присягу на верность царю и обязывались за себя и своих улусных людей платить ясак, на первых порах русское правительство довольствовалось только тем, что дадут «инородцы» в казну[42]. Но по мере укрепления позиций России в этом регионе, такое положение перестает его устраивать и оно начинает требовать от объясаченного алтайского населения производить выплату ясака только высококачественной соболиной пушниной[43]. Центр предписывает местным сибирским властям «сбирать», как можно больше соболей, которых «кроме Сибири нигде на свете достать не можно», а они (соболи — *Н. М.*) «повсевременно потребны»[44].

Словом, в XVII — начале XVIII вв. Сибирь, в том числе и Алтай, стала для Русского государства своеобразной кладовой мягкой «рухляди» (пушнины — *Н. М.*)[45]. Уплата (в обязательном порядке) ценным пушным зверем, на определенное время, «стимулировала» развитие охоты у алтайцев. Однако эта «стимуляция» принесла и некоторые негативы. В частности, пушные богатства алтайской тайги начали использоваться все более хищнически. Добытая алтайцами пушнина никак не содействовала улучшению их жизни, ибо она всецело становилась достоянием русского правительства и ее чиновников на местах и их помощников — представителей алтайской родоплеменной знати.

3. ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Домашней промышленностью, как известно, называют обработку сырых материалов в самом хозяйстве, в котором они добываются. Она составляла одну из характерных черт замкнутого натурального хозяйства. Такой его тип, составной частью

которого, были домашние промыслы, мог существовать преимущественно в отдаленных местах, не имевших связей с торгово-промышленными центрами. Именно таким захолустьем был в XVII в. алтайский регион. Установившаяся спорадическая связь с феодальной Джунгарией не могла внести каких-либо существенных изменений в хозяйственно-экономическую жизнь алтайского населения. Образно говоря, алтайское хозяйство «варилось в собственном соку». Все что в нем производилось — потреблялось им самим же. Характер и направление домашней промышленности определяло главное занятие алтайцев — скотоводство. Оно давало кожу, овчины, шерсть, конский волос. Их обработкой, покраской, шитьем одежды и обуви, изготовлением из животного сырья хозяйственных, бытовых изделий и занимались алтайцы.

Наряду с этим, существовала в алтайском хозяйстве обработка дерева и рога. В зависимости от целей и назначения предмета использовались разные виды древесины. На изготовление седла (верхового и вьючного), ступки, чашек, ножен и других предметов шла березовая древесина. Для украшений в быту или для конского снаряжения — мягкая кедровая древесина. Изделия из рога, как правило, украшали седельные луки, подпружные седельные ремни. Из рога же делали пряжки, седельные подвески[46].

Прямых указаний на существование у алтайцев в XVII в. ткачества нет. Но опираясь на отдельные отрывочные сведения, можно предположить, что оно у них существовало. Сырьем для него служила дикая конопля (кендырь). О ней, довольно-таки, часто упоминается в ясачных книгах Кузнецкого уезда. Так, в перечневой ведомости за 1642 г. указывается, что «инородец» Кубай не платил ясака потому, что «ушел в кендыри»[47]. Данная посылка, конечно же, не говорит, что названный человек ушел непосредственно за дикой коноплей для ткачества. Но предположить такой вариант можно. Другим свидетельством возможного существования ткачества у алтайцев могут служить донесения Кузнецкой комендантской канцелярии, в которых приводятся перечни «алманного сбора, учиненного контайшинными людьми» с ясачного населения порубежных волостей в конце XVII — начале XVIII в. Среди массы различных предметов, изъятых сборщиками у алтайцев, довольно-таки часто упоминаются «сермяжные зипуны» и «сермяжные рубахи»[48]. В данном случае речь, видимо, идет о верхней одежде сшитой из ткани, изготовленной из шерсти. Приготовление таковой народам Алтае-Саянского нагорья было известно с давних пор[49]. Ничего общего с грубым некрашенным сукном — сермягой — она не имеет. Но служителю комендантской канцелярии было, естественно, не до тонкостей. Ему надо было

«составить перечень пограбленного «воровскими людьми» у алтайских кочевников и по своему разумению назвать вещи, предметы «своими именами».

На основе этих отрывочных сведений, бесспорно, нельзя утверждать о существовании ткачества у алтайцев в рассматриваемое время, но предположить о его бытовании у них, причем, в ограниченных размерах, видимо, можно.

Значительно больше сведений сохранили русские источники относительно кузнечного ремесла у алтайцев. Для примера сошлемся на ясачные книги Кузнецкого уезда, в которых дана номенклатура ясачных поступлений. В одной из них помечено, что в 1697 г. с ясакоплательщиков Кумандинской волости взыскано вместо соболей 140 криц железных[50]. О сборе 35 железных криц с ясачных людей Кузенской волости сообщает другая — за 1702 г.[51] Подобные упоминания опять-таки дают возможность предположить о существовании у алтайцев железодобычи. Кричное железо, как правило, получали путем плавки руды в примитивных сыродутных печах[52]. Они, если верить И. Г. Георги, были знакомы многим аборигенам Алтая и Саян[53].

Для получения кричного железа необходимо было большое количество древесного угля. Последний получался путем пережога дров в угольной яме. Вот это занятие, по свидетельству Л. П. Потапова, хорошо было знакомо тубаларам (алтайское племя — *Н. М.)* еще со времени джунгарского владычества. У них даже существовал род «кобурчи кондош», то есть угольщики. Совместными усилиями тубалары добывали железо из гор, расположенных между реками Уймень и Кара-Кокша[54].

Но получением железа не заканчивался процесс. Из него надо было еще изготовить предметы, в которых нуждалось хозяйство алтайцев. Ему же нужны были таганы, котлы, приспособления для охоты и множество других металлических изделий.

Какими же способами обработки железа владели алтайские умельцы? Можно с уверенностью сказать, что основным из них, как и в древней Руси, была свободная ковка, то есть механическая обработка нагретого металла при помощи ударов молота[55]. Данные о их существовании у алтайских кузнецов можно, опять-таки, почерпнуть в ясачных книгах. В частности, одна из них зафиксировала, что в 1661 г. ясачный человек Ябит не платил ясака потому, что «отшиб руку молотом в кузне»[56].

Ковка ножей, различных колец, скоб, блях, удил, стремян и примитивных сельскохозяйственных орудий не требовала, в общем-то, каких-либо сложных операций. Более сложным, по своему технологическому процессу, являлось изготовление котлов, тага-

нов, тазов, других предметов домашнего обихода. Много труда и времени отнимал процесс изготовления оружия, так как кричное железо, используемое для хозяйственных нужд, не всегда годилось для этих целей. Наличие же оружия (копей, луков со стрелами, кольчуг, позднее ружей) у алтайцев, опять-таки зафиксировали документы. Так, журнальная записка разведчика Петра Шелегина, ездившего в 1745 г. по видам рудоприемщика, «для проведывания вестей», в район Телецкого озера, гласит, что в вершинах реки Башкауса встретили его канские, каракольские, чулышманские ясачные алтайцы «сот с пять, у каждого... по турке (ружью — *Н. М.*) и саадаку (луку и колчану со стрелами — *Н. М.*)». Заметил разведчик у них и 47 кольчужников[57].

Изготовление предметов быта, сельскохозяйственных орудий, оружия алтайскими умельцами не осталось незамеченным джунгарами и они принуждают алтайских данников выплачивать им алман металлическими изделиями, в том числе и оружием. Наказ, посланный им в 1667 г., выражал требование сделать джунгарам 1000 куяков (кольчуг — *Н. М.*) на Мрассе и 1000 куяков на Кондоме, что ими и было выполнено[58].

Таким образом, та часть алтайцев, которая освоила добычу железа и производство металлических изделий в результате насильственных действий со стороны джунгарских феодалов невольно превратилась в базу снабжения последних холодным оружием и военным снаряжением[59].

Но зародившись, кузнечное ремесло у алтайцев, надо полагать, не оставалось неизменным. Оно должно было совершенствоваться. И так оно, наверное, и было, поскольку источники начала 40-х гг. XVIII в. начинают свидетельствовать об изготовлении алтайскими умельцами ружей. В частности, «распросные речи» тарского разночинца Ивана Ушакова и казака Семена Терехина, этот факт зафиксировали. Будучи «в зенгорской стороне», заявили разведчики, они видели у тамошних алтайцев ружья. «А оные... и порох делают... сами»[60]. Аналогичное упоминание есть и в упомянутой выше журнальной записке Петра Шелегина[61].

Пользование оружием (произведенным самими алтайцами, купленным у служилых людей, или добытым грабежом) требовало пороха и свинца. Как уже отмечалось выше, отдельные алтайцы умели делать порох. В 60-х гг. XVIII в. этими навыками владел более широкий круг жителей Алтая. В марте 1762 г. инженер-поручик Уксусников докладывал, что в районе озера Кеньги им были пойманы ясашные алтайцы, занимавшиеся поисками селитры для производства пороха. При обыске у них была обнаружена селитра и готовый порох. Руководитель экспедиции инженер-

капитан Плутов ездил вместе с задержанными в места, где алтайцы брали селитру. И они при нем «доставали ее ис каменистых гор поблизости... озера Кеньги», а «по приезду в лагерь», по приказу Плутова «и порох зделали»[62].

О «приискании» свинцовой руды и плавке ее алтайцами с целью получения свинца, также есть немало свидетельств. Вот одно из них. Во время поездки колыванских рудознатцев в 60-х гг. XVIII в. в Горный Алтай для приискания руд ими был встречен алтаец по имени Босурман, который заявил колыванцам, что «в вершинах... реки Цаган Бургусана (Чаган-Бургузин — *Н. М.*) он не токмо из гор, но и из сурковых ям вырытый свинец брал и пули лил многократно»[63]. Сведения о рудах, в том числе и свинцовой и о ее использовании алтайцами, сообщал в 1762 г. зайсан Тандут кузнецкому разночинцу Петухову, бывшему на реке Куроте «для сыска коней»[64].

Появление русских на Алтае и основание ими заводов на его территории негативно отразилось на развитии алтайского кузнечного ремесла. Оно начало постепенно глохнуть, а к концу XVIII в., видимо, и совсем перестало существовать. Во всяком случае в нашем распоряжении нет источников, сообщавших бы какие-либо сведения о бытовании местного железоделательного производства в последующие годы. Видимо, его изделия было проще купить у русских, чем самим заниматься этим трудоемким делом. Тем более, Колыванский завод в первой половине XVIII в., по утверждению П. А. Словцова, производил много изделий, в том числе и «посуду» и другое «на вкус калмыков...»[65].

4. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Более скромное место по сравнению с охотой и домашней промышленностью, не говоря о скотоводстве, занимало в алтайском хозяйстве примитивное земледелие. Об его существовании у алтайцев в XVII в. говорят коллективные жалобы керсагальцев[66] в Кузнецкую приказную избу. В ноябре 1671 г. они жаловались местным властям о причиняемом им ущербе от набегов «разных воинских людей. Мы... ясашные люди... Керсагальской волости от своих жилищ и от пашен (при набегах — *Н. М.*) разбегаемся в горные, крепкие места»[67]. В другом челобитье они сообщали в августе 1675 г. в Кузнецк о приходе к ним в волость джунгаров. «А случилось де это в... пору, в которую жали ячмени»[68].

Занимались хлебопашеством и кумандинцы (одно из крупных алтайских племенных объединений)[69]. Осенью 1676 г. куз-

нецкой администрации через керсагальцев стало известно о грабеже кумандинцев телеутами Бачикова улуса. Возвратившиеся после набега лодки грабителей были «полны насыпаны ячмени»[70]. Наконец, о существовании земледелия у насельников Алтая в рассматриваемое время свидетельствует отписка кузнецкого воеводы Ивана Давыдова. Осенью 1678 г. он докладывал томскому воеводе П. Л. Львову о том, что приходил в Забийские волости Талай Суртаев (двоюродный брат Табуна Кокина — *Н. М.*) с воинскими людьми и у ясачных алтайцев «ячмени, что было заготовлено про себя и на семена... те... воинские люди.. пограбили без остатку»[71].

Трудно сказать что-либо определенное относительно орудий труда, которыми пользовался алтайский земледелец. Можно лишь предположить, что главным из них была мотыга. Такое утверждение базируется на отрывочных сведениях, которые сохранили документы. В частности, упомянутый выше Петр Шелегин, обследовав в 1745 г. места в бассейнах рек Бии, Клыка, Лебедь и в районе Телецкого озера, отметил в своем дневнике, что «на великих горах каменных, к полуденной стороне, живущие там иноверцы-двоеданцы... копают землю кирками и сеют еровой хлеб»[72].

Если относительно орудий труда много неясностей, то относительно культивируемых алтайцами культур дело обстоит несколько проще. Выше уже приводилось несколько свидетельств о существовании у алтайцев земледелия. И они неизменно называют и выращиваемую культуру — ячмень. И это не случайно, ибо он являлся самой распространенной злаковой культурой возделываемой аборигенами Алтае-Саянского нагорья. Об этом писал в своих записках Н. Я. Бичурин[73]. На это же указывал Е. М. Залкинд, исследовавший историю Бурятии до и в момент присоединения ее к России[74].

Доминирующее положение ячменя в земледельческом хозяйстве аборигенов Алтае-Саян, в частности, алтайском, объяснялось тем, что данная культура была наиболее морозоустойчивой. С другой стороны, даже при крайне ограниченных производственных возможностях сельскохозяйственных орудий алтайского земледельца, она все же приносила желаемые конечные результаты. Однако даже и эта культура не всегда выносила суровые условия алтайского климата. Так, алтайские земледельцы, жившие севернее Телецкого озера никогда не могли с полной уверенностью поручиться за судьбу урожая, даже если считать, что все подготовительные весенние работы ими были проведены с наилучшим качеством. В связи с этим уместно привести характерное замечание С. Плаутина, посетившего в 1745 г. северные волости.

Здесь, — писал он, — не только холодно, но и «земля гористая, к хлебопашеству недовольная». И все же тутошние «татары сеют... ячмень, но самое малое число, да и тот более позебает (погибает — *Н. М.*), нежели в совершенство приходит»[75].

По мере продвижения С. Плаутина с севера на юг, им отмечается улучшение климатических условий для землепашества. В Кумандинской, Яуцкой и Тау-Телеутской волостях, расположенных в бассейнах рек Бии, Иши и Маймы, «земля добрая и к хлебопашеству угодная, сеют тут яровой ячмень, пшеницу и рожь... но недовольно». Основную причину «недовольного хлебопашества» С. Плаутин видит в том, что «татары... постоянного жительства не имеют... кочуют все время»[76].

Появление русских крестьян в алтайских просторах, естественно, не могло не оказать влияния на развитие земледелия у аборигенов. И в этой связи нельзя не привести справедливое замечание П. М. Головачева относительно роли крестьянских масс в деле освоения Сибири, в том числе и Алтая. «Словно красные и белые шарики, — писал он, — в организме разносящие жизненное начало по всем мельчайшим капиллярам, так и пашенные люди располагались сначала по большим рекам земледельческой полосы Сибири, потом по их притокам, наконец, добирались до крохотных речек, всюду разнося жизнь и труд»[77].

Вполне естественно, что проникновение крестьян в алтайские просторы не могло не наложить свой отпечаток на развитие хозяйственной жизни алтайцев и, в частности, земледелия. Алтайцы, соседствовавшие[78] или проживавшие совместно с русскими, вольно или невольно начинали хозяйствовать так, как это делали крестьяне[79]. Но, несмотря на отдельные успехи, алтайское земледелие в целом играло незначительную роль в хозяйственной жизни аборигенов. И, тем не менее, взаимодействие его с русской земледельческой культурой вызвало в нем зарождение новых, доселе неизвестных ему форм, дало толчок сначала к зарождению, потом укреплению хозяйственных и культурных связей между русским и алтайским народами.

5. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ АЛТАЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ в XVII—XVIII вв.

Русские источники этого периода не дают исчерпывающих сведений об общественно-политическом и социальном строе алтайских племен. На основании их отрывочных данных, относящихся к началу XVII вв., можно утверждать, что к моменту первого

знакомства алтайских кочевников с русскими, общество первых было уже классовым, то есть в нем налицо были знать и рядовые кочевники. Последние, в свою очередь, делились на две группы: имевшие свое хозяйство и не имевшие такового. Особую группу в алтайском обществе составляли домашние рабы («холопы» — по русским документам) и «кыштымы», то есть данники.

Уровень производительных сил, описанный выше, — устойчивость натурального хозяйства, большое значение скотоводства, отсутствие постоянных населенных пунктов — должен быть отразиться на развитии феодальных отношений, привел к сложению своеобразных их форм, к устойчивости патриархально-родовых пережитков. В рассматриваемое время они были еще настолько крепки, что, может быть, правильнее говорить о патриархально-родовом укладе, который сохранялся наряду с феодальными производственными отношениями. Здесь и далее термины «патриархальный», «патриархально-родовой» употребляются нами в широком значении пережитков первобытнообщинного, бесклассового строя.

Алтайские племена, как и другие кочевые народы, управлялись в это время богатыми и знатными людьми, главным среди которых был тот, «кто всех превосходит летами»[80]. Таковых русские документы именуют князьями. Последние считали себя знатоками всех родовых традиций и обычаев, а потому и принимали на себя роль правителей и судей. Это обстоятельство в свое время было подмечено Г. Ф. Миллером. «Князцы, — писал он, — перед прочими более богатства имеют... Простые люди в происшедших меж собою ссорах за судей и за посредников их принимают»[81].

По утверждению К. Ф. Голстунского, князь в своем улусе был и царем, и богом. Он судил, миловал, бил[82]. Столь свободное распоряжение судьбами своих соплеменников, может быть объяснено только подчиненным положением этой части алтайского кочевого общества. Говоря о высоком положении князей в кочевых обществах, уместно привести свидетельства источников. Например, хакасский князь Табун высокомерно заявил русскому посланнику Василию Старкову в 1639 г., что «в своей земле он сам воевода»[83]. В этом же духе высказался в 1638 г. вогульский князец Искандер служилым людям: «Мы... на Лале с батькой больше государя»[84].

Говоря о всесильности князей, в том числе и у алтайцев, следует отметить, что источники XVII в. не донесли до нас ни одного прямого указания на право собственности князя на землю. Но это вовсе не свидетельство того, что у народов Алтае-Саянского нагорья вообще не существовало в это время феодальной собствен-

ности на землю. Ведь трудно предположить, что князья, обладая таким всесилием в обществе, не использовали бы его в целях присвоения пастбищ и охотничьих угодий. Конечно же использовали. Сошлемся в этом плане хотя бы на примеры Хакасии, Тувы. Земля здесь формально считалась родоплеменной собственностью, но на деле ею распоряжались нойоны, стоявшие во главе общественно-административного управления. Используя власть, народные обычаи и традиции, они выступали фактическими монополистами, держателями родовой земли[85]. Надо полагать, что алтайские князья не были исключением в этом плане. В пользу данного предположения может свидетельствовать и общеизвестный вывод о том, что у пастушеских племен и народов собственность на скот одновременно предполагала и собственность на землю. Передвигаясь по ней, они распоряжались ею по собственному усмотрению, нигде не фиксируя юридически право собственности на землю[86]. И тем не менее, это не мешало кочевым феодалам передавать землю по наследству[87].

Следующую после князей ступеньку иерархической лестницы алтайского кочевого общества в XVII в. занимали «лучшие улусные люди». Русские документы, зафиксировав эту социальную прослойку алтайского кочевого общества[88], конкретно о ее положении в нем ничего не говорят. А ведь к этой категории могли быть отнесены и представители алтайской родоплеменной знати, и просто зажиточные люди, чье богатство не могло не броситься в глаза представителям русской администрации. Понятие «лучшие улусные люди» фигурирует в русских документах на всем протяжении XVII в. Оно исчезает в начале XVIII в., так и не раскрыв своего истинного содержания.

Более или менее достоверные данные, на основании которых можно судить о социальной структуре алтайского общества, относятся к XVIII в. Феодальные сословия этого периода, как указывает Г. П. Самаев, представлены в источниках зайсанами, демичами и шуленгами. Термины, обозначающие указанные сословия, идентичны ойратским[89]. Длительные алтае-джунгарские контакты, видимо, способствовали частичному видоизменению прежней социальной терминологии. Так, теленгиты, оставшиеся на старых кочевьях, (по р. Бачат) сохранили и в середине XIX в. воспоминания о таких представителях господствующего класса как каан, солтон, мурза, бий»[90]. Их же соплеменники, переселившиеся в Джунгарию и принявшие затем российское подданство, управлялись, согласно ведомости 1756 г., зайсанами, демичами и шуленгами[91]. У северных алтайцев в XVIII в. вместо наименования «зайсан» бытовало название «башлык» (баштык), вме-

сто «демичи» или «шуленги» — «ясаул». Однако, несмотря на происшедшие изменения в терминологии суть данных социальных категорий алтайского общества осталась прежней: все они стояли у кормила власти.

Итак, что же являли собой зайсаны, башлыкы, демичи, шуленги и ясаулы — «полноправные представители и управители» алтайского общества?

Заметной фигурой алтайского общества в середине XVIII в. становится зайсан. Источники дают крайне скудные сведения об этой категории людей. Термин зайсан, по утверждению Ф. И. Леонтовича, происходит от наименования китайского титула «цзайсян», который был широко распространен у монголов в период Юаньской династии (1260—1368 гг.). После ее крушения этот титул продолжал автоматически бытовать в среде монгольской феодальной знати, обозначая наследственных владельцев и правителей улусов. В дошедших до нас древних монгольских и ойратских уложениях, термин «зайсан» означает «второе привилегированное сословие белой кости», то есть дворянство[92].

К алтайцам этот титул перешел от монголов, ибо как упоминалось выше, они длительный период находились под властью последних[93]. Во второй половине XVIII в. в алтайском обществе появились зайсаны, выросшие из его среды. Они выросли из числа представителей собственной феодальной верхушки, дав тем самым начало появлению у алтайцев своеобразного родового и наследственного дворянства.

В рассматриваемое время население Алтая распределялось между 6 волостями (северные алтайцы) и 5 дючинами (южные алтайцы). Во главе волости стоял башлык (баштык), дючины — зайсан. Обязанности того и другого были идентичными и заключались в раскладке ясака между родами волости, дючины, в его сборе и доставке на «казенный» пункт сбора «мягкой рухляди». В случае невозможности доставить ясак на пункт лично, поручали сделать это одному из своих помощников (демичи, ясаулу). Зайсан и башлык олицетворяли собой судебную и полицейскую власть на местах. При исполнении их функций неизменно руководствовались бытовавшими в крае народными обычаями и традициями.

В подчинении у зайсана находилось несколько демичи, количество которых зависело от числа родов в дючине. Демичи являлся непосредственным управителем рода. Последнему подчинялись более мелкие административные управители — шуленги (десятники — «арбанаки»). У баштыка помощником являлся ясаул. Обязанности демичи, шуленги, ясаула в миниатюре повторяли обязанности зайсана и башлыка применительно к соответствующей

административной единице. Наряду с этим, каждый из них обязан был сообщать по инстанции о спорах, преступлениях, чрезвычайных происшествиях, случившихся с его соплеменниками. Суммировав их, зайсан, башлык (на свое усмотрение) доводили данную информацию до русских властей.

В имущественном отношении названные «радетели за благоденствие и процветание» алтайцев были несомненно, состоятельными людьми, особенно зайсаны. Например, переписные ведомости 1756 г., на которые мы неоднократно ссылались, показывают, что даже после грабежа Цинами зайсанские хозяйства имели немало скота. Так, у зайсана Брута Амгулунова значится 50 лошадей, 20 коров и 40 овец. Свыше сотни голов скота имелось в хозяйстве зайсана Церена Уракова[94].

Имели в своем распоряжении зайсаны и вооруженные отряды. Например, в донесении сибирского губернатора В. Мятлева в Коллегию иностранных дел от 16 февраля 1756 г. упомянуто, что у алтайского зайсана Омбы имеется «боевого люду... человек до 1000 и более, с коими он мунгальцам противится»[95]. Такие отряды, конечно же, выполняли не только функцию защиты зайсана от посягательств внутренних и внешних врагов, но и служили средством обогащения его, путем совершения набегов как на соседние народы, так и на своих соплеменников. В частности, в 1763 г. зайсан Чедак с отрядом в 3000 человек совершил набег на Тау-Телеутскую волость. В ходе его 17 человек было взято в плен и отогнано более 1000 голов скота[96].

Продолжая разговор о социальных категориях алтайского общества в XVIII в., хотелось бы сказать и о следующем. В одной из своих ранних работ в социальную структуру алтайского общества XVIII в. нами (на основании ведомости 1756 г.), наряду с зайсанами, демичами и шуленгами, были включены как социальная группа «сотники»[97]. На этом этапе подготовки, автор в силу разных причин, не разобрался в характере документов, принципах их составления и допустил, как показали дальнейшие исследования, существенную ошибку, ибо лица, поименованные в «реестрах» 1756 г. сотниками, при анализе подлинников — «калмыцких писем» — оказались демичами и шуленгами[98].

Когорту представителей господствующего класса XVIII в. некоторые исследователи дополняют баями. Так, Л. П. Потапов, ассоциируя данную социальную категорию с «лучшими людьми» XVII в., ставит, по сути дела, знак равенства между ними[99]. Такой подход, как нам представляется, преждевременен. Разъяснения по поводу «лучших людей» нами даны выше. О баях как социальной категории правомерно говорить относительно XIX в. И пра-

вы те исследователи, которые считают, что в раннефеодальном кочевом обществе баем считали любого феодала, а примерно с середины XIX в. баями называли только тех феодалов, хозяйство которых было непосредственно связано с рынком[100].

Заметное место в жизни алтайского кочевого общества занимали служители религиозного культа — камы (шаманы). В противовес утвердившемуся мнению, Г. П. Самаев дополняет эту категорию еще и ламами[101]. Опираясь на архивные документы, он достаточно аргументированно обосновывает свой тезис. Например, в ведомстве алтайского зайсана Омбы в середине XVIII в. большим влиянием пользовался лама Лобзанг Зундуй. Подпись последнего рядом с подписями зайсанов стоит в трех обращениях теленгитов Горного Алтая к русским властям о приеме их в российское подданство. В ведомстве зайсана Урган Жирана «реестр» 1756 г. зафиксировал 6 лам. В целом среди алтайцев, принявших российское подданство в районе Семипалатинской крепости, Долонского форпоста и Шульбинского завода, зарегистрировано переписными ведомостями 22 представителя ламаистского сословия[102]. Приходится сожалеть, что в других пунктах Колывано-Кузнецкой и Иртышской военных линий, где велся прием алтайцев в российское подданство, учет лам отсутствует, что не позволяет более подробно и глубоко судить об этой категории, о глубине и широте процесса внедрения ламаизма в среду алтайского кочевого общества. И тем не менее, даже наличие отрывочных сведений о ламах в алтайском обществе, понуждает нас считаться с данным фактом при изучении социальной структуры алтайского кочевого общества XVII—XVIII вв.

Как уже было сказано выше, основную массу алтайского кочевого общества составляли феодально-зависимые скотоводы. Большая их часть не имела ни скота, ни земли, а потому всецело была зависима от родоплеменной верхушки. Часто лишь за пропитание бедняк ухаживал за скотом феодала, выполнял другие работы. Это позволяло последнему без особых затрат увеличивать свое богатство.

Нелегкая доля в алтайском кочевом обществе выпала на долю «кыштымов». По Л. Р. Кызласову — «это данники — зависимые, притесняемые, а также подвергаемые давлению люди»[103]. В качестве кыштымов всегда выступали некогда покоренные племена и платившие дань победителям. Она взималась скотом, пушниной, железными изделиями бытового и хозяйственного назначения, одеждой[104]. Нередко, когда дань не была приготовлена к положенному сроку, князь забирал у данника в уплату долга жену и детей[105].

Не в лучшем положении, чем кыштымы, находились домашние рабы — «холопы» по русским документам. Источником их поступления служили грабительские набеги, алманные сборы и частично торговля. Так, в 1696 г. бывший у Табуна Кокина посол Н. Прокофьев сообщал в Томске, что были в Табуновом улусе тарские бухарцы «и продавали... калмыкам и меняли на всякие товары и на ясыри (пленников — *Н. М.*) свои товары»[106]. Или другое свидетельство. Летом 1752 г. сибирская канцелярия доложила в Сенат о междоусобной войне кочевых владельцев на юго-востоке Сибири, в ходе которой победители пленили 500 человек, «коих владелец роздал в холопи»[107].

Нередко холопов из числа алтайцев можно было встретить и у русских. Они появлялись у последних или в результате купли-продажи, или в качестве подарка князя тому или иному лицу «в знак дружбы и уважения». Были и случаи залогов, как, например, с ясачным Иваном Табакаем, заложенным в 1668 г. родным дядей пятидесятнику Григорию Шороху за 40 соболей[108]. Аналогичные истории произошли с новокрещенным Андреем Макаровым и Алексеем Яковлевым. Первого отец заложил за 40 соболей, второго дядя — за одного коня[109]. Немало холопов из числа алтайцев появилось у русских в результате известных событий, имевших место в середине 50-х годов XVIII в. на юге Сибири. Так, переводчик Девятияровский купил в 1756 г. у одного алтайского князя «двух холопов» — мальчика и девочку, заплатив за них два быка, два кирпича чая, кожу красную и четверик крупы. Сержанту же Ердыкееву князья «подарили раненую бабу с сыном... в вечное услужение»[110].

Подобные акции были обычным делом у кочевых феодалов, ибо в их распоряжении было немало «холопов». Даже после трагических событий цинского геноцида «именная ведомость, пришедшим в русское подданство алтайских кочевников», зафиксировала в 1756 г. у зайсана Брута Амгулунова 10, у демичи Менко Церинова — 8, у сына сборщика Дабы Лутзанова 4 холопов[111]. Кроме зайсанов и демичи, холопов имели башлыки, шуленги и сотники[112].

Завершая характеристику категорий зависимого населения в алтайском кочевом обществе, следует сказать пару слов о «работных людях». О них упоминают опять-таки русские документы, например, в конце 40-х гг. XVIII в. сибирская губернская канцелярия сообщала в Сенат, что в Ямышевскую крепость прибыли «с торгом зенгорские» купцы, а с ними «работные люди — 30 человек»[113]. На основании такой посылки трудно раскрыть истинную суть этой категории людей: возможно это были слуги, обслу-

живавшие торговцев, выполнявшие связанные с торговлей работы и охранявшие товары и караван в целом. А могли ими быть и нанятые на время поездки, торговли случайные люди. Но как бы там ни было, считаться с такой категорией людей (пусть и неизвестных) все же приходится.

В политическом отношении Алтай XVII в. не представлял собой единого целого. Он был разделен на множество мелких частей, управлявшихся своими князьями. Каких-либо прочных связей меж племенами не было. Основными причинами этого были кочевой образ жизни алтайцев и натуральный характер их хозяйств. Сильно подрывали и без того неустойчивое алтайское хозяйство междоусобные распри князей, частые войны с соседними народами и иноземные нашествия. Любая из этих акций, начавшись непосредственно между двумя лицами или сторонами, постепенно втягивала в распрю все новых и новых участников, часть которых нередко прибегала к помощи иноземцев. В качестве примера сошлемся на сообщение сибирских воевод о том, что в 1625 г. «учинилась меж калмыцких тайшей Чокура и Байбагиша... война. И к ним учали (стали — *Н. М.*) приставать друг за друга другие тайши... и услыша это мунгальские люди войною идут»[114]. Почти аналогичная ситуация сложилась в 1649 г. Тогда распря вспыхнула между телеутскими князьями, братьями Мачиком и Кокой Абаковым. В ходе ее обе стороны прибегли к помощи извне, Мачик обратился за помощью к русским, Кока — к джунгарам[115]. Однако распря между родичами[116] длилась недолго. По донесению кузнецкого воеводы Ф. Баскакова уже в 1653 г. Кока и Мачик совместными усилиями «воевали Кузнецкий уезд»[117]. Они же, по сообщению томских властей, в 1657 г. «соединясь, соопча воевали» Томский и Кузнецкий уезды[118].

Однако союзы алтайских князей были недолговечными. В 1658 г. воеводский посол Д. Вяткин доносил в Томск, что «ныне... Кока завоевался с черными калмыками (джунгарами — *Н. М.*) и з братьями своими», в том числе и с Мачиком[119].

Внутренние распри и междоусобицы алтайских князей, набеги и вторжения на их земли иноземных захватчиков, естественно, подрывали силы алтайского общества, наносили громадный урон алтайскому хозяйству, отрицательно сказывались на росте численности алтайского населения. По подсчетам Б. О. Долгих, примерная его численность не превышала 5000 человек[120].

При такой численности, вряд ли можно было рассчитывать на сохранение своей политической независимости. Потому-то большинство правителей алтайских племен находились в вассальной зависимости или у монгольских, или джунгарских ханов. Так,

в 1646 г. посол П. Сабанский, по распоряжению томских воевод, предпринял попытку привести под «высокую государеву руку» Коку Абакова. Но последний отказался присягать. Свой отказ он мотивировал тем, что уже дал таковую шерть «Богатур-контайше (джунгарскому хану — *Н. М.*)» и если тот «проведает, что Кока дал шерть государю... Руси.., то... Коке от богатура быть разорену»[121]. Подобный ответ, но только в 1686 г. дал русскому послу И. Вербицкому сын Коки — Табун Кокин[122].

Словом, и на своей земле алтайский правитель не всегда был хозяином. Будучи вассалом, он полностью зависел от своего сюзерена. Влияла на поведение алтайского князя и политическая ситуация, складывавшаяся в регионе. Если ему грозила опасность с юга, он устремлялся на север и наоборот. Характерное в этом плане положение сложилось в 40-х гг. XVIII в., когда отношения между Россией и Джунгарией сильно обострились. Джунгарские феодалы, чтобы не потерять данников, распустили слух о том, что все, кто захочет остаться под защитой России, тех русские уведут жить в свои города, а кто «не пойдет... тех обратно зенгорскому владельцу вышлют, а он... их мучить разными муками будет, чтоб не бегали»[123]. Не зная истинного положения дел и поддавшись джунгарской агитации, многие алтайские племена, боясь мести хана, откочевали на юг[124]. Однако обман джунгаров скоро обнаружился и беглецы потянулись на север. Этот процесс довершила джунгаро-китайская война. Угроза цинского геноцида понудила алтайцев искать защиты у России[125].

Глава третья. ЯСАЧНАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И РУССКО-АЛТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ в XVII—XVIII вв.

1. РУССКО-АЛТАЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В развитии добрососедских отношений между русским и алтайским населением немаловажную роль играла торговля. На наличие торгового обмена между русскими и сибирскими «инородцами» неоднократно указывали в своих записках иностранные путешественники. Так, поляк Сигизмунд Герберштейн, автор книги «Записки о московских делах», путешествовавший по России в середине XVI в., писал о «черных людях, проживавших в верховьях реки Оби», которые «приносят с собою разно-

образные товары»[1]. Более определенно по этому поводу высказался итальянец Александро Гваньини, путешествовавший в 1578 г. «Близь Китайского озера (видимо, Телецкого — *Н. М.*), — писал он, — где берет свой исток Обь живут... люди невладеющие общепонятной речью, кои имеют обычай приходить к Грустинской крепости, принося с собой разные товары.., которые грустинцы и серпоновцы[2] приобретают у них путем обмена»[3]. На основании такого рода заявления трудно конечно судить о кочевниках, ведших торговлю с русским населением. Можно лишь предположить, что это были кочевники Алтая.

Более конкретные сведения о развитии торгового обмена между русским и алтайским населением дают русские документы начала XVII в. Так, в отписке томских воевод В. Волынского и М. Новосильцова, направленной в январе 1609 г. в Сибирский приказ, указывается, что «белые калмыки (телеуты — *Н. М.*) начали часто... с лошадьми... и с коровами приходить в Томский город», в результате чего, «лошадьми и коровами служилые люди наполнилися», то есть обзавелись[4].

О номенклатуре русских товаров, имевших спрос у сибирских инородцев и условиях обмена с ними, трудно судить по отрывочным сведениям. Но тем не менее, какое-то представление об этом они дают. Так, из грамоты, посланной в августе 1609 г. из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе И. В. Масальскому, можно узнать, что русские «давали однорядки и иную рухлядь, а калмыки давали мяхкую рухлядь (пушнину — *Н. М.*),.. лошади, коровы, овцы... С нашими людьми торговати им велели повольно (повсеместно и свободно — *Н. М.*), меняти на всякие товары, а не на деньги. И пошлины с них (калмыков — *Н. М.*) и с их товаров не имали, чтобы им вперед со всякими товары приходить было повадно»[5].

Развитие беспошлинной (как в данном случае) торговли с сибирскими «инородцами», в том числе и с кочевниками Алтая, должно было по замыслу правительства содействовать установлению добрососедских отношений с народами Сибири и, в известной мере, способствовать укреплению позиций Русского государства в «новоприисканных землицах».

Однако торговля между русскими и кочевым населением Сибири носила все же ограниченный и случайный характер. Нередко установившиеся связи нарушались княжескими междоусобицами. Последние всегда беспокоили сибирских воевод, ибо к тем или иным «инородцам», докладывали они в Сибирский приказ, с «базаром людей послати немочно, — ибо инородцы — ныне промеж себя секутца»[6].

Заметное воздействие на развитие русско-алтайских торговых связей оказывали пограничное положение региона, а также соседство значительного количества воинственно настроенных тюркоязычных племен. Учитывая это, правительство делает попытку регламентировать товарообмен. Оно накладывает строжайший запрет на продажу оружия сибирским «инородцам», с тем чтобы оно в случае конфликта не было бы обращено против русских. Об этом красноречиво свидетельствует грамота, направленная в 1623 г. из Сибирского приказа тобольскому воеводе Ю. Я. Сулешеву. «А коль учнут приезжать к вам з базаром (инородцы — *Н. М.*), — гласила она, — и вы бы с ними торговать велели и лошадей покупать, а им бы... самопалов и сабель, рогатин и копей, и топоров, и ножей, и саадаков, и стрел и иного никакого ружья продавать не велели»[7].

Подобного рода ограничения, конечно же, не стимулировали развитие торговли. Они снижали активность товарообменов, но полностью прекратить его не могли. Алтайцы продолжали пригонять свой скот под Томск, где обменивали его на русские ткани, кожи и другие товары. В сентябре 1628 г. томские воеводы сообщали в Сибирский приказ о частом приходе «ко Томскому городу белых калмыков Абакова улуса... с торгом»[8]. Подобного же рода сведения содержатся и в наказе томскому десятнику Василию Седельникову, отправленному воеводами в качестве посла к князю Абаку. В нем подчеркнуто, что в прошлые годы Абаковых людей приходило под «Томск с торгом человек по 13, и по 40, и по 50, и больше». Ныне же, в результате вмешательства западно-монгольских ханов во внутренние дела алтайцев, торговых людей от Абака под Томский город стало приходить «по два и по три человека»[9].

Но даже в обстановке напряженности торговые обмены между русскими и «инородцами» не прекращались. «Инородческие» купцы на свой страх и риск продолжали приходить под русские города и на их рынках производили товарообменные операции. Доходили они и до таких крупных городов как Тобольск. Подтверждение тому тобольская таможенная книга. Ее записи гласят, что в 1646 г. горожанин «Степка Семенов купил у калмыков корову... барашка.., а Иван Бардак купил у тех же калмыков четыре скотины рогатых»[10].

На основании этих отрывочных сведений таможенной книги трудно, конечно, установить национальную принадлежность торговцев, объединенных под одним общим названием «калмыки». Вместе с тем, нет никаких оснований и отрицать возможность проникновения алтайцев на Тобольский и другие российские рынки.

Однако русско-алтайская торговля не состояла лишь из наездов алтайцев со скотом под русские города и крепости. Часто и сами русские торговые люди совершали поездки в алтайские улусы. Так, зимой 1649 г., как явствует статейный список томича В. Бурнашева, в улус Коки Абакова «приходил с торгом Немир Попов», а летом того же года с аналогичными целями в алтайских кочевьях был томский житель Иван Козлов[11].

Осложнения внешнеполитического характера, о чем было сказано выше, тормозили развитие русско-алтайских торговых связей. Антирусские выступления алтайцев, спровоцированные джунгарскими феодалами, наносили несомненный вред складывающимся отношениям между русскими и алтайским кочевым населением. Сибирская администрация прилагала немало усилий к тому, чтобы урегулировать положение в юго-восточном районе и возобновить товарообмен с населением Алтая. Устремления воевод находили отклик и поддержку у алтайской родоплеменной знати, которая потерпев неудачу на военном поприще, начинала заискивать перед сибирской администрацией и выискивать пути для восстановления былых добрососедских отношений. И таким путем каждый раз становилась торговля. Проиллюстрируем сказанное на примере. В 1652—1654 гг. алтайский князь Кока Абаков при поддержке джунгаров выступил против русских. Но вскоре он вынужден был искать защиту у последних, так как его взаимоотношения с союзниками по неизвестным причинам в 1655 г. сильно обострились. По донесениям лазутчиков, Кока готов был к урегулированию отношений с русскими и высказывал желание возобновить прерванный на время распри товарообмен. Сибирские власти, ратовавшие за мирное урегулирование конфликтов с кочевниками, не преминули воспользоваться затруднениями Коки. В 1658 г. они уже доносили в Сибирский приказ о том, что князь присылал «своих людей под Томский город с торгом, кои мы... вести решились»[12].

Устанавливая товарообмены с кочевым населением Алтая, сибирские воеводы всегда увязывали их с решением основной задачи: приведением кочевых правителей с их людьми в зависимость от русского престола. Это обстоятельство хорошо отражено в наказе, данном в июле 1658 г. Д. Копылову. В нем говорилось, что если Кока Абаков подтвердит ранее данную им присягу «быть под высокою рукою государя неотступно», то «государь простит его прошлые обиды, — только в этом случае разрешит им (Коке и его улусным людям — *Н. М.*) торговать свободно»[13].

Освещая русско-алтайские торговые связи в XVII в., можно предположить, что людьми, первыми вступившими в торговый

обмен с алтайскими кочевниками, были, по всей вероятности, русские служилые люди. За свою службу они получали определенное жалование, которое нередко выплачивалось им товарами. Для подтверждения этого, сошлемся на грамоту, посланную в марте 1666 г. из Сибирского приказа кузнецкому воеводе Н. Доможирову. Ею он ставился в известность «о посылке в Кузнецк заморских сукон для раздачи кузнецким служилым людям ... в жалование — вместо денег. А послано... сукон англинских 10 половинок... сукон анбургских... 14 половинок.., летчины 40 половинок.., 84 кындяка разных цветов.., 62 кумача красных... всего на 700 рублей»[14].

Получив жалованье товарами, служилые люди часть его возможно использовали на удовлетворение своих потребностей, а часть вынуждены были сбыть на сторону, чтобы обеспечить себя необходимыми продуктами питания. Одними из потребителей такой части жалованья могли быть и алтайские кочевники.

Местные власти, естественно, не препятствовали такого рода товарообмену. Однако они строго следили за тем, чтобы служилые люди «корысти ради» не продавали и не променивали аборигенам оружие, порох, свинец и другие предметы военного снаряжения. На всем протяжении XVII в. грамоты «о строжайшем запрете» на подобного рода торговлю, о чем уже упоминалось выше, рассылались правительством по сибирским городам[15]. Но ни запреты, ни «государев гнев и опала» не в силах были пресечь торговлю оружием. Служилые люди и в силу объективных причин, а также из корыстных побуждений то и дело совершали запретные торговые сделки. Судебные следствия конца 70-х начала 80-х гг. XVII в. выявили немало случаев продажи оружия служилыми людьми аборигенам Сибири. Так, в 1680 г. «инородцы Секира и Алтыка» в распросе заявили, что имеющееся у них оружие в разное время они приобрели у томского служилого человека Юшки Шадрихина и тобольского сына боярского Ивана Астраханца, которым было уплачено в общей сложности одна корова, два быка, три соболя и один бобр[16].

Другим каналом, через который оружие проникало в улусы кочевников являлось посредничество бухарских, монгольских и других торговых людей, имевших жительство в сибирских городах. В 1696 г. посол Н. Прокофьев, будучи в улусе Табуна Кокина встретил там тарских жителей-бухарцев: Атыкожу, Боянку и Мертенку с тремя кошевами, нагруженных до верху товарами, которые они меняли на «калмыцкие товары и ясырей». Особым спросом пользовались в улусе «пищали, порох, свинец», тайно доставленные бухгарцами в алтайский улус[17].

Таким образом, ни правительственные запреты, ни наказания за торговлю оружием не возымели. Последняя, несмотря ни на что, продолжалась. И развитию этого процесса, как ни странно, содействовало само правительство, точнее установленная им система выплаты жалованья служилым людям товарами. Сбывая на сторону определенную его часть, они при удобном случае сбывали и оружие.

Начало XVIII в. ознаменовалось, как известно, обострением положения в юго-восточном районе Сибири. Создавшаяся напряженность, естественно, отразилась на процессе развития русско-алтайских торговых связей. Враждебные антирусские настроения, характерные для джунгарских феодалов, усиленно прививались последними представителям алтайской родоплеменной знати, которая, не разобравшись в истинном положении дел, направила оружие против России. Участившиеся пограничные конфликты надолго прервали русско-алтайскую торговлю. Торговые люди Верхотурья, Тары, Томска и других сибирских городов, в прежние годы часто посещавшие для торговли алтайские кочевья, с сожалением отмечали, что «ныне (в 1715 г. — *Н. М.*) за ссорою, — они никуда не выезжают по улусам и торговые люди (имеются в виду алтайцы — *Н. М.*) к нам давно не бывали»[18]. И такое положение сохранялось почти до середины XVIII в. Вспыхнувшая джунгаро-китайская распря несколько охладила воинственный пыл джунгарских феодалов по отношению к Русскому государству. Испытывая трудности, вызванные войной, они все чаще начинают обращаться к русскому правительству с просьбами о предоставлении им финансово-экономической помощи.

Установившееся затишье на юге Сибири вновь позволяет возобновить торговый обмен между русскими и алтайцами. В марте 1738 г. Кузнецкая таможня зафиксировала привоз товаров «кузнецким ясачным человеком белым калмыком Василием Елбаем». Совершив торговые операции в Кузнецке, он выехал для торгов в Ургу[19].

Наряду с официальными разрешениями на поездку в сопредельные районы для торговли, таможенные власти не раз отмечали и самовольные отъезды. Например, уже известный нам В. Елбай был «и по второму отъезду своему в Урге, а ездил он туда без пашпорту» (то есть без разрешения — *Н. М.*). Кстати, данный вояж был неудачен для торговца. Будучи на Кане, он подвергся нападению канских алтайцев, которые отняли у него товаров на 900 рублей[20].

Но приезды кочевых торговцев в том числе и алтайских, на русские рынки не всегда радовали посадских людей и крестьян.

Нередко они терпели урон от таких визитов. В 1738 г. командующий Белоярской крепости прапорщик А. Тарасов доносил в Кузнецк, что «идущие для торгу с русскими бухарцы и алтайские калмыки, при возвращении их из Томска в свою землю чинят обиды русским: сена травят, лошадей отгоняют, — а кое-где и, — людей побивают»[21]. Донесения подобного характера поступали в 1738 г. от крестьян деревни Елуниной, от начальства Колывано-Воскресенских заводов — в 1741 г., от крестьян деревни Иконниковой — в 1743 г. и других пунктов сибирской укрепленной линии[22].

Суммировав эти сообщения, сибирская канцелярия весной 1744 г. ставит в известность о происходящих событиях в регионе Коллегию иностранных дел. Последняя не заставила себя долго ждать. В мае 1744 г. она направляет в Сибирь ответ, в котором предписывает местным властям «иметь в сих делах крепкую предосторожность», чтобы через наказание виновных «не дать повод зенгорскому владельцу» для побуждения «его к противным российской стороне поступкам»[23].

Принятое Коллегией решение заметно сковало действия местных властей, предлагавших «оружно» раз и навсегда пресечь «обидные действия» кочевых торговцев. Однако последующие годы показали правильность расчета русского правительства. Именно таким мирным путем ему удалось избежать осложнений на юго-востоке Сибири и способствовать дальнейшему развитию русско-алтайских торговых связей. Весной 1745 г. Тобольская таможня отметила неоднократные приходы в город «зенгорских торговых людей»[24], среди которых возможно были и алтайцы. Более конкретные сведения о русско-алтайской торговле в этот период содержит рапорт разведчика Саввы Соболева, посланного летом 1745 г. под видом купца в порубежные с Джунгарией волости «для проведывания вестей». Выполняя задания, он посещал алтайские кочевья, где обменивал свои товары, в основном на лошадей, ибо «в России на лошадей охотников и купцов довольно». В результате этих торговых операций им было наменено большое количество скота, значительная часть которого была доставлена в Россию[25].

Стабилизация мира на южной границе еще больше активизировала и расширила ареал русско-алтайской торговли. Торговые люди из числа алтайцев стали появляться в Ямышевской, Семипалатинской и других крепостях. Так, летом 1747 г. командованием Ямышевской крепости был отмечен приход «шести зенгорских калмык для торгу скотом». В том же году «для мены товаров» побывало в Семипалатинской крепости «17 калмык зенгорской

стороны» во главе с башлыком Бабаем Яметовым. К досмотру ими были представлены следующие товары: 28 ружей — турок «калмыцкого дела», порох, свинец «на 10 турок по 100 зарядов, а на 18 турок — пороху и свинца по фунту на каждую». 217 «зверей вьючных и простых, 35 лошадей вьючных, 157 лошадей под седлами и простых, 462 вьюка других товаров»[26].

Наряду с торговыми операциями, совершаемыми русскими купцами с приезжими торговцами в русских крепостях, первые нередко выезжали со своими товарами в инородческие улусы и кочевья. В частности, в конце 1751 г. «крайние с Зенгорией улусы» посетил тарский житель Герасим Зенков. «Торговались, — отмечал купец, — благополучно. Во время мены от калмыков нам никакого озлобления и обид не было»[27]. Такую же поездку в этот район совершили в апреле 1752 г. каптенармус Черемисин и драгун Тагильцов. Русские товары они меняли на скот и пушнину[28].

Возраставший спрос кочевников на русские товары понуждал торговцев доставлять на русские рынки все большее количество своих товаров. Расширялся их ассортимент. Вот как он выглядел в приезд летом 1752 г. в одну из южных крепостей. Бухарцы, джунгары и алтайцы доставили 98 турок, 3 панцыря, пороху и свинцу — по 20 выстрелов на каждую турку, 53 лука, 1060 стрел, 45 сабель, 250 лисьих шкурок, 250 волчьих, 152 плиты нашатыря, 755 верблюдов, 729 лошадей[29]. Однако наладившийся с середины 40-х г. XVIII в. взаимный и регулярный товарообмен между русскими и кочевыми торговцами, в частности алтайскими, вскоре был нарушен. Новая вспышка в начале 50-х гг. джунгаро-китайской войны опять отодвинула на задний план вопросы русско-алтайской торговли.

Разгромив Джунгарию, Цинская империя вплотную подступила к Алтаю. Надвигавшаяся опасность порабощения, а затем и непосредственная экспансия китайцев в крае ускорили процесс вхождения алтайцев в состав России. Этот шаг, открывший новую страницу в истории Алтая и его населения, явился логическим завершением длительных политических и экономических связей, имевших место на всем протяжении XVII — первой половины XVIII в. между русскими и кочевым алтайским населением.

Подытоживая изложенное, можно отметить, что алтайское хозяйство с его низким уровнем развития производительных сил не в состоянии было удовлетворить потребности кочевого населения. Появление в начале XVII в. в предгорьях Алтая русского населения дало толчок к установлению и развитию торговых связей между русскими и алтайцами. В условиях натурального хозяйства меновая торговля явилась одной из основных форм развития рус-

ско-алтайских торговых отношений. Меновой характер торговли у кочевников Алтая в XVII — первой половине XVIII в. свидетельствовал о слабом развитии у последних товарно-денежных отношений.

Как явствует из источников, на протяжении всего XVII и первой половины XVIII в. русско-алтайская торговля налаживалась с большим трудом. С одной стороны, ее развитию мешали набеги монголо-джунгарских феодалов. С другой — русские власти сами не допускали торговли с алтайцами до сдачи ими ясака, чтобы не причинить ущерба казне. Кроме того, правительство предписывало сибирским воеводам проявлять большую предосторожность при пропуске торговых «инородцев», в том числе и алтайцев, с тем, чтобы они под видом торговли не занялись бы сбором разведывательных сведений. Поэтому местные власти стремились сосредоточить торговлю у острогов, крепостей, форпостов, у других укрепленных пунктов, ни в коем случае не допуская свободного товарообмена между русским и алтайским населением. И лишь в виде исключения они шли на нарушение предписаний. Но это делалось только в том случае, когда надо было под видом торговцев отправить в алтайские кочевья разведчиков для сбора сведений военного характера. А такая практика разведки имела место на всем протяжении рассматриваемого периода.

Но как бы там ни было, русско-алтайская торговля жила. Преодолевая многочисленные трудности политической неурегулированности отношений, «шатость глав алтайских племен», она служила важным звеном в общей цепи развивавшихся русско-алтайских отношений.

2. ЯСАЧНАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА АЛТАЕ в XVII—XVIII вв.

Начало присоединения сибирских земель к Русскому государству относится к концу XVI в., когда развернулось переселение русских в Зауралье и его освоение, в первую очередь крестьянами и ремесленниками. Этот процесс был обусловлен той сложной обстановкой, которая сложилась в стране в этот период. Упорное сопротивление крестьянских масс усилившейся феодальной эксплуатации (увеличение барщины и повышение оброка) вынуждало московских государей приступить к активным действиям на окраинах Русского государства, в том числе и в Сибири. Успешная экспансия окраин, по замыслу правительства, должна была смягчить, пусть даже и временно, ту остроту классовых противоречий, которая возникла внутри Московского государства.

Однако возникшие противоречия внутри страны отнюдь не были главной причиной колониальной экспансии царизма вглубь Сибири. Развитие феодального способа производства в стране, развитие феодализма вширь — вот главная причина экспансии русского самодержавия. Армия и бюрократический аппарат, возникшие в процессе формирования Русского централизованного государства, лишь только способствовали развитию этого процесса, ибо армия и чиновничье-управленческий аппарат требовали за свою службу денег, а казна в результате неоднократных войн России с западными и южными соседями была пуста. Это вынуждено было признать и правительство, отмечавшее, что «ныне в казне денег... и денежных запасов в житницах нет, — в результате чего, — и служилым людям жалования дать нечего»[30].

Попытки изыскать источники пополнения казны в центре страны не увенчались успехом. Единственным способом умножения «государевой прибыли» являлось освоение новых территорий, и в частности сибирских, с коренного населения которых правительство взыскивало натуральную подать — ясак пушниной, сыгравшей в конце XVI — начале XVII вв. роль ценнейшего валютного товара. Сначала ватаги смельчаков, а затем организованные отряды правительственных войск отправлялись за Урал в поисках дорогостоящей «мягкой рухляди», которая, «по все времена потребна» и которую, «кроме Сибири, нигде на свете достать не можно»[31].

Расширение русской экспансии в глубь Сибири с каждым годом увеличивало число коренных сибирских народов, попадавших под власть московских государей. Естественно, что это в свою очередь увеличивало сумму ясачных поступлений, обеспечивших русской казне валютные накопления. Побуждаемые этими мотивами, московские государи постоянно стремятся к расширению границ Русского государства на Кавказе, в Прибалтике, Средней Азии и в Сибири. Постепенно продвигаясь по ее просторам, преодолевая один рубеж за другим, русские военные отряды пришли в соприкосновение с алтайскими кочевыми племенами.

Достигнув в начале XVII в. пределов Алтая, русское правительство начинает планомерное освоение этого края. По известным ему источникам, данный регион славился своими природными богатствами, и в частности пушниной. Присоединив к себе ту или иную «землицу» или улус, правительство спешило обложить новоподданных налогом-ясаком[32]. В период первоначального знакомства русских с алтайскими кочевниками, то есть в начале XVII в., он по своему характеру являлся данью, которую платили побежденные победителю. Такой характер ясака был известен

в Сибири давно и существовал еще до прихода русских. Различные иноземные поработители, покорявшие население Алтая, взимали с него дань-алман в свою пользу. По словам С. Ремезова, татары, достигнув бассейнов рек Иртыша и Оби, «дани со многих... взяши». А весь этот сбор, по его словам, производился в пользу Кучума. «Весна же близу, — писал он, — приспе время Кучуму ясак с подданных своих збирати... лис и прочих зверей и рыб»[33].

Словом, опыт предшественников, на первых порах, был почти безоговорочно принят на вооружение русским правительством.

Однако ясак — алтайский соболь — нужен был не только русским, он привлекал и монгольских феодалов. Поэтому они всячески стремились ограничить сферу влияния Русского государства. Неустойчивость позиций последнего в этом районе вынуждает его проводить здесь политику «завоевания авторитета» среди алтайцев по возможности мирными средствами. Нашла свое выражение она и в сборе ясака с них. «Новые люди, — гласило правительственное предписание, — которые прежде сего государю не плачивали, взяти с них государев ясак как можно, чтоб им было не в тягость и тем бы их не ожесточить и от государевой... руки не отогнать, а в государеве б казне... учинити прибыль»[34]. Другим важным моментом в упрочении русского влияния на Алтае служили методы сбора ясака. В противовес насильственным, как это делали монгольские феодалы при сборе алмана, русское правительство предписывает местным властям «собирать ясак всякими мерами, но лаской и приветом, а не жесточением и правёжем»[35]. По мнению правительства, эти меры должны были содействовать и укреплению русских позиций на Алтае. Но это был всего лишь дипломатический прием русского правительства в его борьбе с монгольскими феодалами за монопольное господство на юге Сибири. Борьба эта шла с переменным успехом. Победа той или другой стороны в первую очередь сказывалась на очередности в сборе ясака. Признав, например, в 1610 г. силу Русского государства, монгольские феодалы дают заверение его правительству в том, что они «на калмыцких тайш и на себя преже государева ясаку... алман имать не будут... А после государева ясака плохую рухлядь, которые ясачные люди в волю (то есть добровольно — *Н. М.*) станут давать и то будем имать по-прежнему»[36].

Если рассматривать сложившуюся ситуацию с позиции непосредственного плательщика, то ему, надо полагать, было безразлично кому он должен был платить дань в первую очередь, кому — во вторую. Он лишь с горечью должен был признать, что отныне ему надо платить гораздо больше, чем до этого взыски-

вали с него, ибо к поборам пользу монгольского хана и собственного князя добавился еще один обязательный налог — в пользу русского государя.

Какой же из них (ханский или царский) был все же легче для алтайца? Конечно, оба нелегким бременем ложились на плечи аборигена. Но если выбирать между алманом и ясаком, то надо признать, что русский ясак, в известной степени, был все же легче алмана, сбиравшегося монгольскими феодалами, которые отнимали у алтайца почти все, что можно было отнять. Из-за отсутствия развернутого перечня алманного сбора, взысканного джунгарами в XVII в., сошлемся в качестве иллюстрации на номенклатуру алманного сбора, произведенного джунгарским сборщиком Дюренем в начале XVIII в. в Кумандинских волостях. Подобная ретроспекция ни в коей мере не противоречит истине, ибо и в XVIII столетии методы и приемы сбора алмана джунгарскими феодалами с алтайского населения не претерпели каких-либо существенных изменений. Итак, каков же был перечень? Спасаясь от преследования кузнецких служилых людей, Дюрень бежал и в панике оставил часть алмана, где оказалось 660 белок, 1 бобер, 3 черевиси бобровых (черевись — мех, снятый с брюшка зверька — *Н. М.*), 66 железных котлов, 109 таганов, 6 пар стремян, удила, 900 наконечников для стрел, тавро железное, 60 железных ковшов и 2 курительные трубки[37]. Русское же правительство на первых порах не стремилось к взысканию ясака с алтайцев в максимальном размере. Оно неизменно даже напоминало местным властям, что брать с них надо лишь то, что ясачные люди дадут сами. Правда, здесь речь шла исключительно только о пушнине. Замена ее чем-либо другим не допускалась. Об этом воеводам было четко сказано: «У ясашных людей в государев ясак в соболей место железом и иным чем не имать»[38]. Эти распоряжения правительства на долгое время стали руководящими для сибирских воевод в деле сбора ясака с алтайцев.

Каким же образом кочевники, в том числе и алтайцы, попадали в зависимое положение? По всей вероятности, это достигалось двумя путями. Первый — вооруженный захват. На этот счет есть свидетельства источников, которые подтверждают ,что русское правительство прибегало к военным средствам при захвате новых территорий и подчинении своей власти местного коренного населения. В этом отношении весьма характерна грамота, полученная тарским воеводой К. С. Вельяминовым-Воронцовым в 1618 г. из Приказа Казанского дворца, в которой ему выражалась благодарность за то, что он «чинил расширение нашего величества государству и нашей казне прибыль, за твою службу»,

выразившаяся в «повоевании улусов», в ходе которого служилые люди «многих калмыцких людей побили и жен, и детей взяли»[39]. Не менее интересен в этом плане наказ кузнецкому воеводе, направленный Сибирским приказом в начале 20-х гг. XVII в. Он повелевает ему привести кузнецких и ясашных людей... под государеву... руку». В случае неповиновения последних «воевать их сколько... бог помоги даст»[40]. Еще одним свидетельством вооруженного захвата территории в начале 30-х гг. XVII в. является челобитная кузнецкого служилого человека, поляка Кузьмы Уманского. В ней он сообщает, что «был... в... посылках (походах — *Н. М.*) на калмыцких людей... войною и божею милостью... тех калмыцких князей и улусных людей побили... и под государеву руку привели»[41]. Не избежали такой печальной участи и алтайцы. В 1633 г. томский служилый человек Петр Сабанский с отрядом казаков, двигаясь вверх по течению р. Бии, с помощью оружия принудил проживавших в этом районе кумандинцев, челканцев и частично тубаларов платить ясак в «государеву казну»[42]. Подобный же характер носили походы П. Сабанского против телесов в 1642 г., пятидесятника Иванова в район Телецкого озера в 1646 г. и экспедиция казачьего атамана Петра Дорофеева против челканцев, тубаларов и телесов в 1652 г.[43]

В результате таковых действий сибирской администрации алтайское население попадало под власть Русского государства и начинало платить ясак — дань победителю. Однако следует отметить, что применение военной силы при освоении алтайской территории, Алтае-Саянской в целом, являлось мерой крайней, исключительной и к ней воеводы прибегали лишь в том случае, если «местные жители откажутся дать шерть, внести ясак или дать аманатов»[44]. Поэтому, учитывая складывавшуюся обстановку, правительство пыталось избегать насилия на Алтае, ибо здесь было сильно противодействие монголо-джунгарских феодалов русской экспансии. Потому-то оно делает основную ставку при освоении Алтая на второй путь — мирный, — на приведение местного населения к шерти (присяге) и на признание таким образом вассальной зависимости от русского престола.

Что же представляла собою шерть? Это была клятва-обязательство перед государем быть верным и преданным ему и давать ясак в его казну. Наиболее распространенной формой клятвы в Сибири был обычай, заключавшийся в том, что дающий присягу ел хлеб с острия ножа, в то время как над его шеей заносилась обнаженная сабля[45].

Однако у разных народов бытовали свои шерти, в частности, у алтайцев она заключалась в том, что присягавший в одном слу-

чае лишь прикладывался к ковшу с вином[46], гем самым выражая или подтверждая свою преданность царю, в другом — «конец пики нюхали... и золото пили»[47]. Но шерть не была единственным подтверждением верности поклявшегося «быть под высокою... рукою навеки неотступно и платить ясак»[48]. Более действенным подтверждением (к чему постоянно стремились воеводы) был аманат (заложник — *Н. М.*), бравшийся из «числа лучших людей». Практика показывала, что если аманат знатен, то «за него платят ясак» и с других родов его собирают, а «будет аманат плох (не знатен — *Н. М.*)... за него и его родня не вся платит»[49].

Став подданными русского государя, алтайцы должны были платить ему ясак. Он выплачивался исключительно пушниной (соболями). На первых порах он не был фиксированным. Сибирские власти довольствовались тем, что приносили в казну новоподданные[50]. В результате такой практики возник неокладной ясак. Это были случайные поступления и на какой-то определенный сбор не приходилось рассчитывать. Применение же силы в этом деле вызывало нежелательную ответную реакцию. Так, в 1627 г. казак Петр Дорофеев с товарищами добрались до кочевий тубаларских родов Чагат, Тибер и Тогус, обитавших в верховьях Бии, и взяли с них ясак. Однако на следующий год они отказались его платить, мотивировав свой отказ тем, что они «государю ясак уже дали», хотя, мол, мы. и не его ясачные люди. Когда же сборщики пригрозили, что применят против «непослушников» оружие, то «сии тубаларцы собралися и пришли на служилых людей и учели (стали — *Н. М.*) со служивыми людьми бится». И лишь численный перевес служилых людей помог им «сих немирных людей побить»[51]. Аналогичная ситуация имела место в Кумандинской волости, где ясачные люди убили четырех русских казаков, прибывших сюда для сбора ясака[52]. Но вскоре конфликт был исчерпан, и кумандинцы возобновили уплату ясака. Без особых затруднений решился вопрос об объясачивании телесов в 1633 г. Петром Сабанским[53]. Сын телесского князя Мандрака Айдарка сам принес с улусных своих людей 60 соболей и 2 лука за 10 соболей[54].

Произвольная система объясачивания алтайских кочевников не приносила на первых порах значительных доходов «государевой» казне. Дело в том, что обложению ясаком подвергалось лишь население близь кочующих родов. Те же, кто кочевал в глубинных районах Алтая, пока оставались вне поля зрения и контроля царских администраторов и не были объясачены. Умалчивали об этом населении и князья. Они не склонны были отдавать весь ясак даже и государю, которому присягнули на верность.

Нерегулярный и случайный характер сбора не дает возможности установить размер ясака, взимавшегося с алтайцев. Но даже и такой спорадический сбор его не всегда удовлетворял ясакоплательщиков. Появление же ясачных сборщиков зачастую настраивало некоторых князей против ясачного сбора вообще. В 1645 г. в Кузнецк прибыл посланец князя Бачика и передал протест последнего. Он настаивал не взимать ясака с его людей. «А зима будет... Бачик... и его улусные люди» добровольно принесут «государю» по лисице или кунице с каждого человека[55]. Этот добровольный взнос положил начало рождению подарочного платежа. О таковом доносил в 1647 г. кузнецкий воевода А. Зубов в Сибирский приказ. «Ясачные люди твоего государева величества, — писал он, — принесли в дарах 40 соболей...»[56]. Со временем добровольные подарки превратились в статью обязательного ясачного сбора.

Прослеживая эволюцию ясачного обложения алтайских «инородцев», можно выделить две ее характерные черты: добровольность и принуждение. Первая нашла свое выражение в «поминках» и «дарах». И таковой ясак существовал по всей вероятности, на более ранних, первоначальных этапах русско-алтайских отношений. Принудательная его форма в виде «дани» сложилась на более позднем этапе и получила свое развитие, начиная примерно с середины 30-х гг. XVII в.[57] Объединившись, эти две разновидности ясачного обложения стали основой, на которой позднее сложилась определенная система налогового обложения народов Сибири, и в частности, алтайских кочевников. Относительно последних отметим, что в первой четверти XVII в. с них, как и с большинства народов Алтае-Саян, взимался вольный ясак. Учета «сколько... человек его платит и кто по именам» ни на местах, ни в центре не было[58]. Власти довольствовались лишь тем, кто и сколько принесет.

По мере укрепления позиций Русского государства, правительство предпринимает в конце 30-х — начале 40-х гг. XVII в. шаги к учету ясачного населения Алтая и установлению, хотя бы приблизительного размера ясака. С этого момента оно предписывает «собирать ясак и вносить в книги все, что ясачные люди принесут»[59]. Выполняя установку центра, местные власти прилагают усилия, чтобы хотя бы приблизительно установить численность ясачных Алтая. Однако сделать это было чрезвычайно сложно, ибо в бескрайних просторах Сибири, в том числе и Алтая, надо было сначала отыскать ясакоплательщиков, а затем уж взыскать с них ясак[60]. Учитывая кочевой образ жизни алтайских племен, нежелание князей показать истинную численность подвластного

им населения, задача властей была более чем сложной.

Основным принципом налоговой политики, проводившейся на Алтае и в Сибири в целом, было «учинение прибыли государевой казне». Он то и понуждает правительство отказаться от практиковавшихся почти три десятилетия положений: довольствоваться тем, что принесут ясачные люди, а при взимании ясака, «имян у них не допрашивать... ничем не жесточить их,... чтоб от государевой милости не отогнать»[61]. Теперь, в середине 40-х гг. XVII в., когда его позиции в Сибири достаточно окрепли, оно начинает действовать более решительно и предписывает местным властям и вести запись «ясакоплательщиков», и ясак собирать сполна, и силу применять против непослушников[62].

Руководствуясь данным правительственным предписанием, воеводы ревностно берутся за претворение его в жизнь. Первыми в списки они вносят князей. Расчет был прост. Через него можно было выйти и на его подвластное население. Но коллективная форма уплаты ясака не устраивала власти и они все настойчивее идут на индивидуальную форму внесения ясака, ибо только таким путем можно было действительно «учинить прибыль государевой казне»[63]. Так было положено начало возникновению ясачных книг — главных отчетных документов местных властей перед правительством о своей экономической деятельности.

Наиболее ранней ясачной книгой, зарегистрировавшей ясачные поступления с алтайцев в казну, является ясачная книга за 1629 г. В шести волостях Кузнецкого уезда: Итиберской, Кумандинской, Кузенской, Комляжской, Щелкальской, Кергежской — было учтено 92 ясачных человека, с которых было взято 708 соболей, 4 недособоля[64], 75 собольих хвостов, 3 кошлока[65] и 2 лисицы. Кроме того, население Итеберской, Щелкальской и Кергежской волостей дали «в поминки» 17 соболей[66]. Таким образом, общий сбор ясака (без учета подарков) с пересчетом[67] кошлоков, лисиц, недособолей, собольих хвостов составил 738 соболей, то есть с одного человека было взято в среднем по 8 соболей (738 : 92=8,02). Такой сбор был гораздо выгоднее для властей, чем им было ждать, когда ясачные решатся «ударить челом государю и принесут с человека по лисице или по кунице».

Так, с появлением ясачных книг рождается и индивидуальный фиксированный окладной ясак. Однако, хотя в книгах и указан определенный размер ясака с каждого человека, тем не менее вопрос об окладе все же остается открытым. Поясним это на примере оклада ясачных людей Кергежской волости.

Источники: Ясачные книги Кузнецкого уезда за 1629 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 19, лл. 822—822 об.).

Таблица 6

Оклад ясакоплательщиков Кергежской волости

№№ пп.	Ясакоплательщики	Взято соболей	Примечание
1.	Бабаг	10	—
2.	Катан	10	—
3.	Бабак	10	—
4.	Менбиек	5	—
5.	Кузек	9	—
6.	Порчун	5	—
7.	Тогонак	5	—
8.	Тайга	5	—
9.	Кучигай	5	—
10.	Атый	5	—
11.	Бейбиш	10	—
12.	Кара	—	1 кошлок = 2 соболя
13.	Куча	—	1 лиса = 3 соболя
	Итого	79	

Примечание: Таблица составлена автором.

Как видно из приведенной таблицы, оклад у ясакоплательщиков неодинаков. Так, четверо платили по 10 соболей в год с человека; 1 человек — 9 соболей; 6 человек — по 5; 1 человек — 3 и 1 человек — по 2 соболя в год. Каким критерием пользовалась сибирская администрация при разверстке ясака относительно каждого плательщика? Ответа на этот вопрос ясачные книги не дают. Являлось ли это окладом, установленным на основании учета платежеспособности населения, как это было в Якутии[68] и частично в Бурятии[69], или это была инициатива служилых людей, проводивших регистрацию ясачного населения и определявших размер для каждого человека на глазок — судить трудно. Вполне, возможно, прав П. Н. Буцинский, утверждавший, что размер оклада каждого сибирского «инородца» зависел от его семейного положения: если женат — платил 7 соболей в год, коль холост — то 5 соболей[70]. Как бы там ни было, несомненно одно — определенный индивидуальный оклад существовал и впоследствии он сыграл немаловажную роль в установлении твердого ежегодного оклада с каждого ясакоплательщика. Но установив его, власти из года в год взыскивали положенный оклад с ясакоплательщика, совсем не считаясь с его платежеспособностью. А отсюда — и появление недоимок, которые росли из года в год. Проследим это на примере шести, указанных выше волостей.

Источники: Ясачные книги Кузнецкого уезда за 1633—1640 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 48, лл. 187—189, 194—198; кн. 40,

Таблица 7

Платежеспособность алтайских ясакоплательщиков

Годы	Количество плательщиков в 6 волостях	Ясак в соболях		
		предполагаемый сбор	фактический сбор	недоимка
1633	119	833	828	5
1634	120	847	821	26
1635	122	854	802	62
1636	129	903	829	74
1637	133	931	818	113
1639	137	959	808	151
1640	135	945	776	169
Итого	895	6272	5682	600

лл. 232, 234, 241—246; кн. 271, лл. 200—203, 210—215; кн. 71, лл. 21—24, 31—36; кн. 95, лл. 1097—1101, 1107—1112; кн. 127, лл. 259—265, 276—287; кн. 150, лл. 420—426, 443—452).

Примечание: Таблица составлена автором. (Подсчет наш — *Н. М.*).

Таблица свидетельствует о ежегодном росте числа плательщиков. За семь лет их численность увеличилась со 119 (1633 г.) до 135 человек (1640 г.). Это обстоятельство нашло свое выражение и в росте предполагаемого сбора с 833 соболей до 945, то есть душевой оклад равен 7 соболям с одного человека в год. Фактический же сбор за семилетие снизился с 828 соболей 1633 г. до 776 — в 1640 г., то есть казна недополучила за семилетие — 600 соболей. За столь короткий промежуток времени недоимки возросли почти в 34 раза. В результате чего они возникали? Поищем ответ в таблице.

Таблица 8

Причины возникновения недоимок

Годы	Население, не платившее ясак, в том числе					
	беглые	прямой отказ	старые увечные больные	умерли до сбора	по разн. прич.	Итого
1633	—	—	—	—	1	1
1634	—	—	—	—	4	4
1635	3	—	3	5	—	11
1636	10	—	5	4	1	20
1637	3	—	10	—	3	16
1639	5	—	6	5	6	22
1640	24	2	7	2	2	37
Итого	45	2	31	16	17	111

Источники: Ясачные книги Кузнецкого уезда за 1633—1640 гг. (РГАДА, ф. 214, кн. 48, лл. 187—189, 194—198; кн. 40, лл. 232, 234, 241—246; кн. 271, лл. 200—203, 210—215; кн. 71; лл. 21—24, 31—36; кн. 95, лл. 1097—1101, 1107—1112; кн. 127, лл. 259—265, 276—287; кн. 420—426, 443—452).

Примечание: Таблица составлена автором. (Подсчет наш — *Н. М.*).

Как видно из приведенных данных, недоимки возникали вследствие побегов, прямых отказов, старости, болезни, увечья ясашных и т. д. Среди указанных причин, главенствующей были побеги, которые являлись своеобразной формой протеста налогоплательщиков против сбора ясака. Донесения кузнецких воевод 40-х гг. XVII в. в Сибирский приказ то и дело пестрят сообщениями о побегах ясачных людей в «Киргизскую, Калмыцкую, Мунгальскую» и другие «немирные землицы»[71].

Но побег не спасал алтайца от поборов. Бежав от ярма ясака, он попадал под гнет поборов на нового «владельца». Последние «приветствовали» побеги «инородцев», но за проживание на своей земле, обязывали беглецов платить дань, какую «положит» хозяин. Оказавшись в таком положении беглец со временем уже рад был возвратиться домой. Но сделать этого не мог, ибо новый правитель «по многие годы держал у себя», не веля государю «ясака давать»[72].

Другой, немаловажной причиной, вызывавшей рост недоимок, служили старость, болезни, несчастные случаи. Однажды составленные ясашные ведомости длительное время не корректировались. В результате старики, инвалиды и умершие из года в год продолжали фигурировать в окладных списках. Для иллюстрации сошлемся на окладную ведомость 1637 г. В ней под номером 23 записан ясачный человек Битюкей. В графе о взятии с него ясака значится: «Не взято по четвертый год два соболя». Причина неуплаты — «без руки»[73]. В данном случае были все основания исключить инвалида из окладной ведомости. Но этого не случилось ни в 1637 г., ни в последующем. Более того, он числится в окладных списках 1660 г., 1661 г. Изменение — лишь в размере недоимки с него. Она за это время, естественно, намного возросла[74]. То же самое можно сказать о ясачном человеке Менбее, который «стар и слеп», но тем не менее на протяжении 12 лет он числился в разряде неплательщиков ясака. И лишь смерть его в 1661 г. избавила в тринадцатый раз попасть в список «злостных» недоимщиков[75]. Кроме Менбея, в окладной ведомости 1661 г. числилось еще более десятка алтайских «инородцев» Кузнецкого уезда, которых можно было с полным основанием исключить из числа

ясакоплательщиков. Причины для этого были более чем убедительными: «стар, слеп, увечен, болен» и т. д.[76] Однако местные администраторы все же не делали этого. Можно предположить, что на сей счет у них были свои виды. С одной стороны, это возможность убедительно и без «опалы» для себя отчитаться перед Москвой за неполный сбор ясака с алтайцев. С другой — это была своего рода «лазейка» для своего обогащения. Прикрываясь настоящими и мнимыми «недоимщиками», можно было и утаить часть собранного ясака, а отчет составить в соответствии с содеянным. Не потому ли в окладных ведомостях число беглых растет от года к году. Например, в 1636 г. их по шести волостям числилось всего 10 человек, через четверть века (в 1661 г.) только в трех волостях (Кумандинской, Кузенской и Комляжской) таковых насчитывалось уже 12 человек[77].

Конечно же, на основании предположений нельзя подвергать сомнению достоверность воеводских отчетов, но пища для размышлений все же есть. И порукой тому — грозные распоряжения, последовавшие в 60-х гг. XVII в. из Москвы. Они строго предписывали воеводам «не брать на себя поминков» и усилить борьбу с «корыстолюбием» ясачных сборщиков[78].

Наряду с корыстолюбием воевод и ясачных сборщиков, не последнюю роль в возникновении и росте недоимок сыграло и хищническое истребление соболя. Донесения сибирских воевод 40—50 гг. XVII в. то и дело подчеркивают, что «соболь во многих местах весь выпромышлился»[79]. В связи с этим в середине XVII в. наблюдается и естественное ухудшение качества ясака (см. таблицу 9).

Из таблицы видно, что в начальные десятилетия местным властям удавалось обеспечивать наибольшие сборы соболя. В то время почти весь оклад состоял из его шкурок. Не было почти никакой замены. Если и были какие, то ни шли по разряду «поминков». В частности, ведомость за 1657 г. зафиксировала таковые по Кергежской волости (25 соболей, 1 недособоль, 10 хвостов собольих)[80] и Комляжской (29 соболей, 3 недособоля и 20 хвостов собольих)[81].

Тенденция к замене соболя другой пушниной намечается и получает свое дальнейшее развитие после 50-х гг. XVII в. Например, по данным 1660 г. удельный вес произведенных замен по Кумандинской волости составил 27%* (собрано: 61 соболь, 6 не-

---

* Удельный вес определялся пересчетом в соболей, а затем выводился процент взятой взамен соболей пушнины. Например, Комляжская волость: 37 соболей+5 соб.+9 соб. = 51 соб.; 4 соб.+9 соб.=14 и далее пропорция. Подсчеты автора.

Таблица 9

Качество ясака, сбираемого с алтайских кочевников

Волость и годы	Количество ясачных в волости	Сбираемый ясак													Результат сбора без указания количества
		соболи	недособоли	хвосты собольи	лисы	черевиси бобровые	шубы	бобры	кошлоки	выдры	кожи	крицы	таганы	луки	
Кергежская (Тиргеш)															
1636	5	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сполна
1650	7	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сполна
1671	19	108	—	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	недоимка
1693	24	38	3	26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	недоимка
1695	23	35	—	30	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	недоимка
Кумандинская															
1636	30	98	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сполна
1650	27	104	31	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сполна
1671	48	296	—	315	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	недоимка
1693	79	98	—	115	2	5	4	—	—	—	—	—	—	—	недоимка
1695	59	79	—	73	2	17	—	3	10	1	2	39	3	1	недоимка
Комляжская															
1636	6	57	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сполна
1650	11	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сполна
1671	26	157	1	165	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	недоимка
1693	34	60	1	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	недоимка
1695	28	52	—	57	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	недоимка

Источники: Ясачные книги Кузнецкого уезда за 1636, 1650, 1671, 1693, 1695 гг. (РГАДА, ф. 214, кн. 71, лл. 31—35; кн. 144, лл. 322—329; кн. 426, лл. 87—90; кн. 713, лл. 534—535, 542—543, 550—551; кн. 1036, 92; кн. 1082, лл. 65—97.

Примечание: Таблица составлена автором. (Подсчет наш — *Н. М.*).

дособолей за 4 соболя, 85 хвостов собольих за 17 соболей), Комляжской — 28% (37 соболей, 9 недособолей за 5 соболей, 45 хвостов за 9 соболей) и т. д.[82] Теперь взамен соболя начинают брать предметы труда, продукты хозяйственной деятельности алтайцев: шубы козлиные, лисьи, сурковые; луки охотничьи, таганы, котлы, кричное железо и другое.

И это был вынужденный шаг со стороны местных властей, так взыскать ясак только соболем приводил лишь к росту недоимок. Принимало правительство и меры по предотвращению утечки соболиной пушнины. Изданный в 80-х гг. XVII в. указ запрещал любую торговлю в алтайских улусах с целью приобретения пушнины. Такую операцию можно было производить только в городах на гостинных дворах и на торгах[83]. Этот запрет действовал почти до середины XVIII в. Но не помог и он. Соболя в сборе оказывалось все меньше и меньше. Чтобы увеличить его поступление в казну, правительство идет на контакт с верхушкой алтайского кочевого общества. В конце 90-х гг. XVII в. оно призывает князей и их «лучших улусных людей» быть опорой правительства на местах, «строго смотреть... за своими подвластными людьми», чтобы они «на промысел ходили, и — ясак бы рухлядью платили»[84].

На рубеже XVII—XVIII вв., как было сказано выше, заметно обострились взаимоотношения России и Джунгарии. Это негативно сказалось на ясачном сборе «в государеву казну». Теперь посещение ясачных волостей, куда раньше сборщики ездили свободно, стало делом небезопасным. Часть из них гибла, а большинство из них становилось пленниками, вызволить которых можно было лишь за выкуп. Так, киргизам за освобождение трех сборщиков было выплачено разными товарами на сумму 33 рубля 93 коп.[85] Такая же участь постигла в 1716 г. кузнецких сборщиков «в Тау-Телеутской землице», а Андрея Ефимова с товарищами в Кондомских волостях[86].

В этой обстановке правительство идет на хитрость. Оно идет на поощрение исправных ясакоплательщиков. Правительственный указ начала 30-х гг. XVIII в. предписывал местным властям «выдавать (чего не было раньше) наше жалованье... вина и соли ясашным, кои сами ясак приносят»[87]. Расчет оказался верным. Это подтверждает окладная книга за 1732 г., где отмечено, что со 100 человек Кумандинской волости получено 297 соболей, с 51 человека Комляжской — 164 и с 23 человек Кергежской волости — 132 соболя[88]. Последующие годы дали еще большую прибавку. Так, реестр 1734 г. показывает, что в двух Итеберских волостях было собрано соболей, лис, волков, горностаев, белок, кошлоков, медведей на сумму 134 рубля 75 коп., в Кумандин-

ской — на 104 руб. 30 коп., в Кузенской — на 45 руб. 30 коп., в Щелкальской — на 66 руб. 15 коп., в Комляжской — на 47 руб., в Кергежской — на 40 руб., в Южской — на 9 руб. 05 коп. и в Тау-Телеутской волости взята 1 лиса — на 1 руб. 20 коп.[89]

Говоря о ясаке, следует отметить, что алтайцы платили его не только России. В силу обстоятельств они вынуждены были уплачивать таковой и Джунгарии. В этой связи небезынтересно проследить деление населения Алтая в соответствии с его данническим положением. Исходя из него, можно подразделить его на три категории. К первой следует отнести кочевников, платив-

ших ясак только «в казну великого государя»[90]. Ко второй — население, платившее ясак России и алман Джунгарии, то есть двоеданцы. Среди них документы называют телеутских татар, кочующих по реке Майме и платящих ясак государю — по одному соболю в год с человека, а контайше — по пять соболей с человека в год, южских татар, населяющих бассейн реки Сары Кокши, дающих одного соболя в год с человека государю и «по 1 котлу и тагану железному — контайше». Жители Комляжской волости (в верховьях Бии) — 2—3 соболя с человека в год платили России и контайше — по котлу и железному тагану. Такой же оклад «несло» население Кумандинской и Кергежской волостей[91].

Третью категорию составляло население, платившее алман только Джунгарии. Сюда входили Чуйские, Канские и Караколь-

ские волости, жители которых кочевали в бассейнах рек Чуи, Каракола, Ело и Кана[92].

Территории, занимаемые населением первой и третьей категорий, не являлись предметом спора между Россией и Джунгарией. Постоянным яблоком раздора были население второй категории и занимаемая им территория. Настойчивые претензии России на монопольное здесь господство не устраивало джунгаров, ибо с потерей влияния на юге Алтая они теряли и поставщиков железа и предметов хозяйственного и бытового назначения из него[93].

Российское правительство, закрепляясь в данном регионе, все делало для того, чтобы избежать военного конфликта с джунгарами. Свидетельство тому указ от 4 сентября 1738 г., посланный в Сибирскую канцелярию. Последним предписывалось не чинить препятствий для сбора алмана джунгарам в тех волостях, в которых джунгарский владелец «с давних пор его емлет» и ни в коем случае не допускать сборщиков в те волости, «где прежде сего збору на его не бывало»[94].

Но такое решение русского правительства не устроило джунгар и они силой пытаются решить вопрос в свою пользу. В на-

чале 1742 г. Сибирская канцелярия уведомляет Сенат о том, что «зенгорский владелец нападает на русские посты и народы, живущие в Кузнецком ведомстве, от верхнего устья реки Чулушмана до Телецкого озера, до Бии.., присвоить старается»[95]. В том же году в Петербург прибыли ханские послы. Они вручили А. М. Черкасскому претензии хана территориального характера. Свои действия он объяснял тем, что Россия за 100 лет лишила его и его предшественников взимать алман с 57 аймаков[96] и что он с этим крайне не согласен[97].

Россия, как и прежде, отстаивала право на владение спорными территориями. Но чтобы смягчить отношения, пошла на ликвидацию некоторых своих военных укреплений[98]. Однако и это не разрешило проблему. Обе стороны, понимая ситуацию, исподволь готовились к войне. Но смерть в 1745 г. Галдана-Церена и начавшаяся после этого борьба за ханский престол предотвратили ее.

Междоусобица джунгарских феодалов и последовавшая затем джунгаро-китайская война на время отодвинули на задний план ясачную проблему. Вновь на повестку дня она встала лишь с поражением Джунгарии и стремлением Цинов подчинить себе алтайцев. Отказ принять китайское подданство последние мотивировали тем, что «они подданные к России, ее платежные»[99]. Но такое заявление не возымело воздействия на Цинов и они силой пытаются решить вопрос о подданстве. Предотвращая это, алтайцы ходатайствуют перед местными и центральными органами власти России о принятии их «в подданство белого царя», которому они будут «и ясак платить»[100].

Суммировав все ходатайства, взвесив все «за» и «против», русское правительство дает согласие на прием алтайцев в свое подданство. Но приняв их, оно вынуждено констатировать, что в виду сильного разорения алтайцев, вряд ли можно рассчитывать на поступление в 1756 г. в казну ясачной подати с них. Другой причиной, по которой нельзя было ожидать ясачных поступлений, являлось отсутствие данных, хотя бы приблизительных, о числе новоподданных и их примерном окладе.

Учитывая все это, правительство приступает к разработке концепции налогового обложения алтайцев, как подданых России. Она нашла свое отражение в правительственном указе, направленном в начале 60-х гг. XVIII в. в Сибирскую канцелярию. Он гласил, что «ясак положено взимать с каждого иноверца покуда он способен ходить на промысел и брать по одному, два, три четыре и по пяти соболей с человека в год. Ценою каждый соболь в два рубля. А за непромыслицею соболей брать другим зверем,.. лисицами, рысьми, белкою и прочими против соболей по оценке.

А кто никакова зверя в платеже в казну не принесет, с таких брать деньгами по три рубля за соболя,... для лутчего их («иноверцев» — *Н. М.*) к промыслу приохачивания»[101].

Проанализировав опыт прошлых лет, правительство предписывает местным властям учитывать при окладе хозяйственное состояние ясачного, а также не объясачивать «престарелых, увечных и дряхлых»[102]. Другим новшеством в налоговом обложении «инородцев» явился отказ правительства от получения ясака только мехами. Теперь оно санкционирует оплату оклада и деньгами, даже если у ясачного есть пушнина. «Если кто, увидя налагаемые от сборщиков на принесенных им в платеже зверей низкие цены, — говорится в одном из пунктов указа, — пожелают заплатить тот оклад, что на него положен, деньгами, в том ему не возбранять»[103].

Однако, отработав общие принципы ясачной политики, правительству так и не удалось решить проблему размера ясака. Для ее разрешения в 1763 г. была создана специальная комиссия во главе с секунд-майором Щербачевым и направлена в Сибирскую губернию. Ей также поручалось разобраться с «грабежами и лихоимством» местных властей, которые своими «беспорядками» доводят ясачных людей до полного разорения. Направляя комиссию в Сибирь, правительство предписывает ей договариваться с родовыми старостами и князьями об установлении ясачного оклада на род или племя. В целях же обеспечения полного сбора ясака, право его взыскивать рекомендовалось передать князьям и старшинам, то есть вся ответственность за своевременное и бездоимочное поступление ясака в казну отныне возлагалась на верхушку кочевого общества. А чтобы они на то согласились, разрешалось одаривать князей и старшин «небольшими... подарками»[104].

Одним из важных условий бездоимочного сбора ясака инструкция 1763 г. считала «честность» и «радетельную службу ясачных сборщиков». Поэтому на эти должности предписывалось назначать людей состоятельных, «достойных и неподозрительных,.. читать и писать умеющих»[105]. Другим условием полноценного сбора ясака, согласно инструкции, являлось пресечение всех возможных каналов утечки пушнины. В этой связи правительство вновь напоминало о запрете купцам и другим торговым людям торговать с «инородцами» до уплаты ими ясака[106].

В начале 1766 г. комиссия закончила свою работу. Все алтайское население в возрасте от 18 до 50 лет было переписано и обложено ясаком. Что же представлял собою новый оклад? Ответ на этот вопрос дает ясачная ведомость 1765 г., составленная Кузнецкой канцелярией.

Таблица 10

Расклад ясака по волостям и дючинам

№№ пп.	Волости, дючины	Положенный ясак		
		в соболях (шт.)	в деньгах	
			коп.	руб.
1.	Кергежская волость	118	132	16
2.	Комляжская »	185	207	20
3.	Южская »	45	50	40
4.	Кузенская »	64	71	68
5.	Кумандинская »	282	299	04
6.	Итеберская »	132	147	84
7.	Щелкальская »	126	141	12
8.	Первая дючина	39	48	68
9.	Вторая »	34	38	80
10.	Третья »	28	31	36
11.	Четвертая »	51	57	12
12.	Пятая »	72	80	64
	Итого	1176	1341	04

Таблица показывает, что ясак отныне существует в двух формах: натуральной и денежной. Теперь ясачное население само определяло: платить ли ему ясак пушниной или внести вместо нее положенную сумму денег. Как известно, инструкция 1763 г. устанавливала цену соболя в 2 рубля. В приведенном окладе — налицо обесценение соболя. В 10 случаях его цена составляет 1 руб. 12 коп., а в Кумандинской волости — даже 1 руб. 06 коп. И лишь во второй дючине она чуть выше остальных — 1 руб. 14 коп.[107]

Выше уже говорилось об ориентации властей в деле сбора ясака на алтайскую родоплеменную знать. И надо сказать, расчет оправдал себя. Главы родов и племен активно включились в сбор ясачной подати. Взыскивали ее бездоимочно. Кроме того, они собирали и вносили в казну подарочных соболей, проявляя этим жестом свою, по их словам, «признательность, дружелюбие и благодарность» властям. В частности, от имени населения пяти алтайских дючин их главами было внесено в 1765 г. в казну 40 подарочных соболей[108]. Но не «признательность и дружелюбие» двигало князьями и старостами при сборе «поминков», а стремление получить от правительства награду за свое «радение». И власти не остаются в долгу перед ними. Они рачительно поощряют своих слуг, и, как правило, натурой.

Как видно из таблицы 11, основу наградного жалованья составляли вино и соль, то есть товары, непроизводимые алтайским натуральным хозяйством. Заметна значительная разница в коли-

Таблица 11

Роспись наградного жалованья алтайским князьям

№№ пп.	Волости и дючины	Наградное жалованье			
		вино		соль	
		ведер	четверть	пуд	фунт
1.	Кергежская	—	—	4	16
2.	Комляжская	—	3	—	—
4.	Кузенская	—	1	—	—
3.	Южская	—	—	4	—
5.	Кумандинская	1	3	—	—
6.	Итеберская	—	2	—	—
7.	Щелкальская	—	2	—	—
8.	Пяти дючинам	5	3	6	16
	Итого	5	14	14	32

Источники: Наградные росписи волостей и дючин, расписки в его получении (РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 746, лл. 4—6, 58—59, 66).

Примечание: Таблица составлена автором. Подсчет автора.

честве выданного жалованья главам пяти дючин по сравнению с другими. Это, видимо, объяснялось пограничным положением данных территорий.

Говоря о бездоимочном ясаке, взимаемом с алтайского населения, следует подчеркнуть, что его «несли» рядовые кочевники, а награды получала знать. В данном случае расписки за получение жалованья дали: от пяти дючин — зайсаны Ерелдей Мочаков, Кутук Кутугулин, Ереней Менков, Битюка Куранаев, Намки Малаев. За Кумандинскую волость — «башлык Акучай Иштегечев и ясаул Тютека Чечулаков; Кузенскую — башлык Ченгочак Коштогачев, ясаул Контар Кутимаев; Комляжскую — башлык Сарбачи Иванов; Южскую — башлык Чекон Тосунчаков»[109].

В последующие годы каких-либо серьезных изменений в ясачном обложении «инородцев», во всей ясачной системе в целом не произошло, если не считать появления нового пункта приема ясачной подати — Новиковского форпоста[110]. Этот шаг был принят властями потому, что форпост находился гораздо ближе ко всем ясачным волостям, нежели г. Кузнецк. А в остальном все оставалось по-прежнему: рядовые алтайцы платили ясак, «начальные люди их» взыскивали дополнительных подарочных соболей и получали «наградное жалованье» вином, солью и табаком[111].

Относительная стабилизация ясачного сбора в южной Сибири дала основание правительству частично отменить ранее установ-

ленные ограничения на торговлю. Таковой указ появился в конце 1767 года. Им дозволялось посещение улусов торговыми людьми «единожды в год», когда там будут находиться сборщики ясака. И в их присутствии купцы могли «производить мену товаров на оставшуюся мягкую рухлядь»[112].

На рубеже 60—70 гг. XVIII в. все отчетливее прослеживается тенденция к замене натурального ясака деньгами. Развитию этого процесса способствовало, с одной стороны, проникновение (пусть еще слабо) денежных отношений, а с другой — сокращение запасов пушнины. Не последнюю роль сыграло и «лихоимство» ясачных сборщиков, умышленно занижавших сортность шкурки и, соответственно, ее стоимость. В результате, этого ясачному человеку приходилось вместо 2 или 3 окладных соболей вносить гораздо большее число шкурок. Потому-то в разные инстанции поступали многочисленные жалобы на действия сборщиков, «кои ясак принимаемый зверьми ценят ежегодно разными ценами и тем им ясачным многое разорение чинят»[113].

В силу складывающихся обстоятельств плательщику все чаще приходилось прибегать к услугам рынка, где он мог более выгодно продать свою пушнину, а положенный оклад оплатить деньгами. Однако свободная торговля, как уже отмечалось, в кочевьях не разрешалась, а сбыть пушнину куда-нибудь на сторону рядовой алтаец не имел возможности. Эту операцию, опять-таки, мог проделать только глава волости, улуса или кочевья. И здесь нет необходимости говорить о выгодности этого дела для алтайской знати. «Приняв от сородича соболей стоимостью на 7 рублей, — писал А. В. Адрианов, — зайсан на ярмарке сбывал их за 18 рублей»[114].

Другим существенным недостатком ясачной системы 1763 г. стал принцип уравнительности размера ясака, не учитывавший ни численность состава родов, ни условий хозяйственной деятельности. И как результат — в канцелярских отчетах вновь начинает фигурировать неприятное для властей слово «недоимка». В 1770 г. в разряд должников попадают ясачные Телесской и Кергежской волостей. Чтобы избежать недоимки, местные власти прибегают к перерегистрации плательщиков и повышению индивидуальных окладов. Однако ясачные, по свидетельству кузнецкой канцелярии, «к переписи и к переобложению... на них ясака не пошли»[115]. Воеводам вновь пришлось прибечь к услугам алтайской верхушки. Одаренные «почестями и жалованием» ее представители оказали нажим на своих соплеменников и помогли властям осуществить задуманное. Ясачная ведомость 1777 г. свидетельствует о том, что алтайцы платили ясак по новому окладу. Так, с населения Теле-

утской волости было взыскано 464 соболя на общую сумму 519 руб. 68 коп., Итеберской — 126 соболей на 141 руб. 12 коп., Кумандинской — 267 соболей на 299 руб. 04 коп., Тау-Телеутской — 72 соболя на 80 руб. 64 коп. Кроме того, последняя взяла обязательство добровольно вносить сверх оклада «10 хороших... соболей без оценки»[116].

Как же выглядел новый оклад и сильно ли он отличался от ранее взимаемого? Попробуем разрешить этот вопрос с помощью таблицы.

Таблица 12

Размер ясака (по годам)

№№ пп.	Волости	1695 г.		1734 г.		1763 г.		1777 г.	
		к-во соболей (шт.)	ясак в деньгах, р. к.	к-во соболей (шт.)	ясак в деньгах, р. к.	к-во соболей (шт.)	ясак в деньгах, р. к.	к-во соболей (шт.)	ясак в деньгах, р. к.
1.	Итеберская	154	— —	123	134-75	132	157-84	126	141-12
2.	Кумандинская	134	— —	109	104-30	282	299-04	267	299-04
3.	Кергежская	44	— —	50	40-00	118	132-16	нет сведений	
4.	Комляжская	66	— —	37	47-00	185	207-20	»	
5.	Кузенская	23	— —	45	45-30	64	71-68	»	
6.	Щелкальская	109	— —	56	66-15	126	141-12	»	
	Итого	530	— —	420	437-50	907	999-04	393	440-16

Источники: Ясачные книги, ведомости Кузнецкого уезда за 1695 г., 1734 г., 1763 г., 1777 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 1082, лл. 38—49, 75—97 (1695 г.); ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 746, лл. 4—5 (1763 г.); АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 19, лл. 3—10, 15—20 (1734 г.); ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 886, лл. 427—428 (1777 г.).

Примечание: Таблица составлена автором. Подсчет автора.

Она же свидетельствует, что в конце XVII в. ясак представлял собою чисто натуральную повинность. Однако в начале XVIII в. уже встречаются случаи уплаты ясака деньгами. И это было характерно для всей Сибири. В частности, в 1701 г. верхнеленские буряты ходатайствовали: «Вели государь, нам за ясак соболя — деньгами платить»[117]. В 30-х гг. Селенгинская канцелярия сообщала, что с каждого ясачного берется по два рубля и сбор составил 1510 рублей. В 1734 г. с ясачных было взято 3064 рубля, а «рухляди мягкой — 7 лисиц красных, 4 росомахи, 3 волка»[118].

На Алтае, как видно из таблицы, эта практика зарождается

в 30 г. и окончательно оформляется к концу XVIII в. Сравнивая размеры оклада, нельзя не отметить его снижение в 1734 г. по сравнению с 1695 г. Оно, как мы уже отмечали, связано с обострением русско-джунгарских отношений. А в целом оклад, надо полагать, не претерпел существенных изменений. Об этом можно говорить на основе сравнения окладов Итеберской и Кумандинской волостей. И будь данные за 1777 г. по другим волостям, ответ мог быть более точным. Несомненно только одно — к концу 70-х гг. правительство окончательно перестает заботиться о номенклатуре ясака. Оно довольствуется внесенными в казну и мехами, и кожами, и деньгами. Дальнейшее развитие эта тенденция получает в середине 80-х гг. Ведомость 1784 г. показывает, что ясачными Алтая в казну были внесены шкурки соболя, лис, волков, росомах на сумму 42 руб. 56 коп. Кожами маральими, лосиными и прочими — на 118 руб. 73 коп. и деньгами — 72 руб.[119] Еще нагляднее упомянутая выше тенденция просматривается в ясачной ведомости Бийского уездного казначейства за 1785 г.

Таблица 13

Ясачная ведомость сбора с алтайцев в 1785 г.

№№ пп.	Волости и дючины	Собранный ясак: мехами: соболи	мехами: лисы	мехами: белки	меха на сумму: руб.	меха на сумму: коп.	деньгами: медными: р.	деньгами: медными: коп.	деньгами: серебряными: р.	деньгами: серебряными: коп.	Итого: руб.	Итого: коп.
1.	Первая дючина	—	—	—	—	—	29	39	—	—	263	39
2.	Вторая »	—	—	—	—	—	28	31	—	—	28	31
3.	Третья »	—	—	—	—	—	25	14	—	—	25	14
4.	Четвертая	—	—	—	—	—	40	05	—	—	40	05
5.	Пятая »	—	—	—	—	—	53	23	—	—	53	23
6.	Верхне-Кумандинская				—	—	79	03	—	—	79	03
7.	Кергежская	—	—	242	12	32	79	67	—	—	91	99
8.	Комляжская	—	—	264	13	44	151	85	—	—	165	29
9.	Южская	—	—	264	13	44	35	95	—	—	49	39
10.	Кузенская	—	—	44	2	24	68	01	—	—	70	25
11.	Нижне-Кумандинская	1	2	—	3	96	168	67	24	—	214	63
	Итого	1	2	814	45	40	777	30	24	—	843	70

Источники: Ясачные ведомости Бийского казначейства (ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 403, лл. 60—61).

Примечание: Таблица составлена автором. Итоговый подсчет автора.

Из приведенных данных, видно, что в ясачном сборе почти полностью отсутствуют меха наиболее ценных пушных зверей: соболя, лис, бобров и куниц. Их заменила в сравнительно небольшом количестве белка, стоимость шкурки которой оценивалась в 2—3 коп.[120] Незначительная доля пушнины в ясачном сборе 1785 г. — убедительное свидетельство ее вытеснения (при уплате оклада) деньгами.

Окончательно этот процесс завершается на Алтае к концу XVIII в. Подтвердить это можно реестром ясачного сбора, представленным в 1791 г. по инстанции Бийским уездным казначейством.

Таблица 14

Реестр ясачного сбора с алтайцев в 1791 г.

№№ пп.	Волости и дючины	Ясачный сбор		Примечание
		руб.	коп.	
1.	Верхне-Кувандинская волость	80	64	
2.	Нижне-Кумандинская волость	213	92	
3.	Кергежская волость	120	16	
4.	Комляжская волость	207	20	
5.	Южская волость	50	40	
6.	Кузенская волость	71	68	
7.	Первая дючина	54	88	
8.	Вторая дючина	40	32	
9.	Третья дючина	36	96	
10.	Четвертая дючина	70	56	
11.	Пятая дючина	84	96	
	Итого	1031	68	

Источники: Ясачный реестр Бийского казначейства (ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 726, л. 198).

Примечание: Таблица составлена автором. Итоговый подсчет автора.

Приведенный документ зафиксировал исправный платеж оклада алтайскими кочевниками. С другой стороны, оклад, положенный на ясачных той или иной волости, годами оставался без изменений. Заметны лишь незначительные колебания итогового результата по годам: от 1031 руб. 68 коп. до 1036 руб. 12 коп.[121]

Завершая разговор об ясаке, следует отметить, что русское правительство, приняв алтайцев в подданство, всецело использо-

вало ранее существовавшую систему их налогового обложения. Новшеством с его стороны явилась лишь замена своих сборщиков ясака. После принятия подданства алтайскими кочевниками эти функции были предоставлены российским правительством представителям алтайской родоплеменной знати. Оправдывая «высокое» доверие, последняя все делала для того, чтобы «умножить государеву казну», не забывая при этом и о себе. С этой целью она изменила установленный властями окладной возраст (с 18 до 50 лет) и стала взыскивать ясак с мужского населения от 16 до 60 лет, используя «излишнее» число ясакоплательщиков для своего обогащения[122]. Пользуясь доверием сибирской администрации, алтайская родовая верхушка нередко утаивала часть своего ясачного населения, доходы от которой опять-таки шли в ее карман. Подтверждением этого может служить заявление зайсана Мамета полковнику де-Гарриге, который поссорившись с зайсаном Цереном, показал в конце 1756 г., что «зайсан Церен... улусных людей своих по разным местам в отдаление отпускает... дабы ясак не точно... нести»[123].

Заключая анализ складывания и развития ясачной политики на Алтае, нельзя не сказать пару слов о периодизации этого процесса. Он же, как это явствует из документов, распадается на два больших периода: это время от начала русско-алтайских контактов и до вхождения Алтая в состав России (1600—1755 гг.), второй — с момента принятия подданства алтайцами и до конца XVIII в. (1756—1799 гг.). В свою очередь первый период можно подразделить на два этапа: 1. Налоговые мероприятия правительства от начала и до конца XVII в. 2. Аналогичные усилия властей с начала и до середины 50-х гг. XVIII в.

На первом этапе, как уже отмечалось выше, правительство пытается завязать контакты с главами алтайских кочевых племен и довольствуется при этом случайными поступлениями ясака в государственную казну. Приблизив в начале 30-х гг. к себе алтайских князей, власти производят учет подвластного им кочевого населения и устанавливают фиксированный индивидуальный оклад. На всем протяжении XVII в. ясак представлял собой натуральную повинность.

Обострение в начале XVIII в. русско-джунгарских отношений разрушают сложившиеся налоговые взаимоотношения алтайцев с Русским государством. Ему вновь приходится довольствоваться случайными поступлениями ясака в казну. На этом этапе зарождается тенденция замены натурального ясака деньгами. Взимаемый в это время ясак больше напоминает дань побежденного победителю.

Принятие российского подданства алтайцами дает толчок развитию новых налоговых взаимоотношений. С середины 50-х гг. ясак из дани превращается в налог (натурой, а позднее деньгами), взимаемый с земли номинальным собственником, которой стало Русское государство. Политика опоры правительства на родоплеменную знать, спорадически проводившаяся на всем протяжении первого периода, в новых условиях нашла свое дальнейшее развитие и превратила ее в агентов правительства по сбору ясака. Не менее важным явлением второго периода явилась окончательная замена натуральной подати деньгами. Подобный шаг был вызван стремлением правительства получать с алтайцев более полные ясачные сборы.

Перевод ясака на деньги не принес облегчения основной массе алтайских плательщиков. Это пошло лишь на пользу родоплеменной знати, которая при уравнительном сборе ясачной подати окончательно освободила себя от уплаты ясака, сосредоточив в своих руках широкие полномочия в распределении и взимании налога. Обобщая все сказанное, можно сделать выводы: покоренные сибирские народы, в том числе и алтайцы, были обложены царским правительством ясаком, который представлял собою обычную дань побежденного победителю. Взимался он преимущественно пушниной — соболем.

Форма ясака в рассматриваемое время менялась. В XVII — начале XVIII вв., когда территория, занятая алтайскими кочевниками, только еще осваивалась, в Томске и Кузнецке держались «инородческие аманаты» — заложники. Это вынуждало их сородичей приносить и уплачивать местным воеводам ясак. В последующем эта практика — изжила себя. За ясаком по улусам направлялись воеводские сборщики.

Хищническое истребление соболя привело к значительному сокращению его доли в сбираемом ясаке. В первой половине XVIII в. в его номенклатуре наряду с соболем появляются шкуры волков, лис, росомах, котлы, таганы, шубы и другие изделия алтайского хозяйства. Начинает бытовать практика уплаты ясака деньгами.

После вхождения алтайцев в состав России правительство предпринимает попытку упорядочить ясачный сбор, взимаемый с алтайцев. Это было осуществлено в 1763 г. специальной комиссией. С этого момента ясак с них стали взимать и пушниной, и деньгами. С 1763 г. ясачная казна была взята императрицей в свою собственность.

Проведя перепись ясачного населения Алтая, сбор ясака был возложен на представителей алтайской знати — зайсанов, баш-

лыков и их помощников — демичи, шуленги, ясаулов. «За исправный платеж ясака» они награждались «государевым жалованием» — вином и солью. На сборе ясака наживались и алтайская знать, и «приемщики» подати. Последние почти постоянно оценивали сдаваемые меха ниже их настоящей стоимости. Товарная же цена на них была значительно выше ясачных, поэтому находилось много охотников легкой наживы, скупавших пушнину и кожи у «инородцев».

Борясь с этим, правительство издавало указы, запрещавшие «российским всякого звания людям» въезжать в алтайские улусы с целью приобретения у аборигенов мехов и кож «пока оные ясак не заплатят», то есть в этом зримо просматривается стремление правительства «учинить» максимальную прибыль «государевой казне». Это, как правило, достигалось путем прямого грабежа нерусского населения глухих сибирских окраин, к числу которых в рассматриваемое время относился и Алтай. Хищническая эксплуатация его аборигенов своей знатью, русским правительством через его представителей на местах приводила к разорению алтайцев, а в конечном счете, к сокращению доходов казны.

Если же в целом говорить о политике русского правительства в Сибири, то ее можно с полным основанием определить как политику грабежа и национального угнетения сибирских народов, в том числе и алтайцев. Но справедливости ради, в ней следует отметить и некоторые особенности, которые отличали ее от политики, проводившейся в аналогичных ситуациях западноевропейскими и другими колонизаторами.

Будучи заинтересованным в выколачивании из Сибири, в том числе и из Алтая, драгоценной пушнины, царизм отнюдь не стремился к массовому истреблению коренных сибирских народов, что, как известно, широко имело место в процессе освоения Северной Америки, так как сокращение численности ясакоплательщиков неминуемо грозило уменьшением количества ясачных поступлений в казну. В свое время В. И. Шунков, касаясь проблемы численности сибирского населения, отмечал, что численность бурят, составлявшая в XVII в. немногим более 27 тыс. человек, к концу XVIII в. возросла до 289 тыс. человек. Численность же алтае-саянских народов за указанный период увеличилась с 17 тыс. человек до 108 тыс. человек[124]. Увеличение численности коренного населения Сибири является непосредственным результатом экономического и культурного сотрудничества его с русским трудовым людом. Тесный контакт с народом, имевшим более высокую экономику и культуру, вопреки самодержавной политике ограбления «инородцев», оказал первостепенную роль в развитии социально-

экономической и культурной жизни сибирских народов, в том числе и на рост их численности. Ничего подобного не наблюдалось ни у маньчжур, ни у монголов, попавших в середине XVII в. под власть китайских завоевателей. Более того, они принесли им только смерть и разрушения[125]. Не было сюда и притока переселенцев из глубины империи, что было характерно для Сибири. Не получило развития в ней и рабство, которое так было характерно для западноевропейских колоний.

Отмечая эти факты, известный историк А. А. Преображенский справедливо подчеркивал, что в данном случае «царское правительство, осуществляя свою политику, руководствовалось отнюдь не человеколюбивыми мотивами. Но факты остаются фактами и их нельзя замалчивать»[126]. Этот вывод справедлив и в отношении алтайских кочевников указанного периода.

Часть вторая

АЛТАЙ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (конец XVIII—XIX в.)

Глава первая. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ЗАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ КРАЯ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первые десятилетия после вхождения Горного Алтая в состав Российского государства мало что изменили в жизни его населения. Продолжались набеги цинских отрядов, наносивших большой ущерб населению Алтая. Последствия их усугублялись набегами на Алтай казахов Среднего жуза[1]. Правительство России, в интересах безопасности границ, приняло в 1759 г. решение «занять угодные к населению места» от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера и построить в удобных местах крепости[2]. С целью определения мест для устройства последних, летом 1760 и 1761 гг. в Горном Алтае побывало несколько экспедиций. Их заключения были однозначны: из-за труднодоступности и отдаленности края, возвести укрепления и создать здесь новую военную линию не представляется возможным[3]. Так Горный Алтай остался за военными линиями России. Взаимоотношения алтайцев с русскими властями исчерпывались сдачей зайсанами ясака. Переход через военную линию в сторону Горного Алтая русскому населению был запрещен, так как земли алтайцев, находившиеся за официальной русской границей, правительство не считало еще своими, поскольку законодательного оформления их как собственности Российского государства произведено не было[4].

Что же все-таки им было сделано после принятия кочевников Алтая в русское подданство? Да по сути дела на первых порах ничего. Со стороны его правительства не было даже попытки разрушить отсталый (по сравнению с российским) их способ производства, а также существовавшую у них систему управления. Все, сложившееся веками у алтайцев, было приспособлено к новым ус-

ловиям. Однако, вопреки правительственной политике, веское слово сказал трудовой народ. Зародилось и начало набирать силу трудовое содружество простых людей — русских и алтайцев, вылившееся впоследствии в широкий процесс приобщения алтайцев к более высокой русской народной культуре. Следует отметить, что этот процесс на всем протяжении алтайской истории составит одну из самых значительных положительных сторон жизни алтайцев в составе России. Закладывались основы и русско-алтайской дружбы. С первых же лет совместного проживания русских и алтайцев в рамках единого государства, меж ними, по свидетельствам источников, «никаких худых предприятий не происходит», с российскими людьми новоподданные «обходятся ласкательно»[5].

Проникнуть в алтайские урочища и кочевья, русские люди стремились и до присоединения Алтая к России. С принятием алтайцами российского подданства эта тенденция еще более усилилась. Что же побуждало их идти в глухие и неизведанные места? Причин к тому было немало. И одна из них заключалась в тяжелых условиях жизни, в которые попали сибирские крестьяне в XVIII в. Быстро развивавшаяся горно-заводская промышленность округа требовала значительного количества рабочей силы. А таковой, в рассматриваемое время, в регионе не было. Поэтому, чтобы обеспечить горно-заводское производство рабочей силой правительство было вынуждено прибегнуть к принудительным мерам. Во второй половине XVIII в. появилась целая серия указов, приписывавших государственных крестьян целыми семьями и волостями к определенным заводам, с обязательным условием выполнять на них различные работы по распоряжению заводского начальства. Так, указом 1760 г. к алтайским заводам были приписаны жители 438 деревень Томского и Кузнецкого уездов общим числом 17690 душ мужского пола. В 1762 г. в округе уже насчитывалось более 39 тыс. душ приписанных крестьян, а к 1781 г. их количество возросло до 54750 душ[6].

Указанные распоряжения правительства закабаляли по существу значительную часть сибирского крестьянства. Это было настоящее крепостное право, только в особой форме, а именно: 1) крестьян прикрепляли не к земле, а к заводам; 2) ими распоряжались не помещики-крепостники, а заводское начальство. Согласно предписаниям, крестьяне должны были отрабатывать заводскую «барщину», которая отнимала у них почти все рабочее время. При таких условиях крестьянину некогда было заниматься своим хозяйством. В результате этого оно постепенно хирело и приходило в конце концов в упадок. Состояние хозяйства усугублялось еще и тем, что заработная плата за выполненные на

заводе работы на руки крестьянам не выдавалась, а перечислялась заводом в казну, в счет уплаты податей.

Тяжелое материальное и правовое положение и невыносимо тяжкие условия военно-заводского режима побуждали приписных (или горно-заводских) крестьян бежать. Многие из них оказывались в горной части округа, искали там свое «Беловодье», где земля (по слухам) почти родит сама, где люди свободны и податей не платят. Бежали крестьяне и в одиночку, и целыми семьями. В конце XVIII — начале XIX в. побеги принимают массовый характер. Обеспокоенное этим окружное начальство принимает меры по их пресечению. Но ни порки, ни штрафы, ни ссылки в Сибирь, ни отдача в солдаты не останавливают крестьян. Они по-прежнему (успешно или безуспешно) бегут, в том числе в Горный Алтай. Вот как описывает один из побегов дореволюционный исследователь истории Алтая Е. Шмурло. «В июне 1828 года, — писал он, — из двух Бащелакских селений (на границе с Горным Алтаем — *Н. М.*) бежало 10 семей заводских крестьян в количестве 51 человек.., захватив все.., что только можно было взять с собою. К ним присоединились еще 29 крестьян из деревни Чечулихи, да... из поселья Абайска, с Змеиногорского рудника — в общем набралось до 100 человек... Начальство распорядилось отправить погоню. Из той же деревни Бащелакской была снаряжена партия в 107 человек крестьян со старостою Шарабариным во главе, а вслед за ними пошел сотенный атаман Литвинов с двумя урядниками и 20 казаками». Шарабарин догнал беглецов на реке Катуни, но последние были уже на ее правом берегу. Переправу беглецы разрушили. Староста уговорами, а потом угрозами увещевал беглецов вернуться. Но последние заявили, что не сделают этого, а на силу ответят силой и живыми не сдадутся. Многочисленность, хорошая вооруженность и решимость, с которой беглецы намерены были отстаивать свою свободу, вынудили преследователей вернуться ни с чем восвояси. А беглецы во главе с Федором Паломошновым ушли и рассеялись по долинам и урочищам правобережья Катуни[7].

Появившись в новых местах, беглые крестьяне довольно-таки быстро осваивались в непривычной для них обстановке: строили избы, распахивали пригодные для хлебопашества земли и начинали хозяйствовать, давая начало новым населенным пунктам. Именно такими путями, проникнув еще в конце XVIII — начале XIX в. в верховья Катуни, в долину Коксы, крестьяне основали здесь деревни Коксу и Уймон[8].

Но наряду с беглыми в Горный Алтай проникали и крестьяне для охотничьего, орешного промыслов, а также для занятий хле-

бопашеством и сенокошением. Хотя официально переселение в этот район не было разрешено, тем не менее местные власти не препятствовали тем, кто изъявлял желание поехать «за линию (Бийскую военную — *Н. М.*) для культивирования там хлебопашества и сенокошения». Поскольку администрация округа такие отъезды не контролировала, то поток крестьян в Горный Алтай с каждым годом нарастал. За сравнительно короткое время здесь возникло более 10 деревень, расположенных среди алтайских кочевий, в том числе деревни: Сростки (алтайское название — Учук) — в 1802 г., Березовка, Быстрянка (Тарханское) — в 1804 г. и др.[9]

В силу суровости природно-климатических условий, неприспособленности к ним, личной неустроенности, нехватки средств и других причин многие новоселы вынуждены были оседать в улусах аборигенов (конечно с их разрешения). Это, в конечном счете, приводило к появлению населенных пунктов со смешанным населением. Так, в вышеупомянутой Быстрянке наряду с русскими проживало 70 кумандинцев и 7 телеутов, а в Березовке — 10 кумандинцев и 30 телеутов[10].

Значительный приток русских поселенцев в Горный Алтай вызвал жалобы некоторой части местного населения на крестьян, занимающих, по словам жалобщиков, «лучшие пастбища и угодья». В ответ на это сибирское начальство потребовало от администрации Колывано-Воскресенских заводов выселения всех самовольно поселившихся за Бийской линией крестьян. Однако, томский губернатор Хвостов, опасаясь, что такой шаг разорит крестьян и вызовет их «ропот», распорядился оставить самовольщиков «впредь до разрешения главного начальства»[11]. Вслед за этим последовало формальное запрещение на переселения за Бийскую военную линию. Но запреты не помогли. С каждым годом число самовольно переселившихся возрастало. Так, если в 1805 г. их было зарегистрировано всего 387 душ[12], то в 1809 г. — уже 1430, в том числе 735 душ женского пола[13].

Говоря о проникновении русских крестьян в Горный Алтай и оседании там «для хозяйствования», следует подчеркнуть, что это, почти во всех отношениях, было явлением положительным и желательным, ибо незначительное по численности алтайское население, проживавшее в таком обширном по территории регионе[14], практически не в силах было самостоятельно экономически освоить его природные богатства. Существенным тормозом к этому были и кочевой образ жизни, и экстенсивные формы хозяйствования. По сведениям Главной Барнаульской чертежной, площадь от бывшей Колыванской линии до китайских границ составляла 8,6 млн. десятин земли[15]. Освоить ее, конечно же, алтайцы были не в сос-

тоянии. И в этом плане переселения русских крестьян на данные земли и их освоение играли, бесспорно, положительную роль. С другой стороны, переселения увеличивали население этого региона и число населенных пунктов в нем. Так, около 1810 г. до устья реки Маймы добрались крестьяне Бедаревы, Алексей и Миней Зяблицкие, Корчугановы и Калачиковы. Здесь, на левом берегу речки Чергачак, в трех верстах от «калмыцких кочевий» они основали село Майма-Чергачак. В том же году русские крестьяне, проникнув «за пограничную» линию, избрали местом своих поселений долины рек Иша, Карагуж, Ташта, Чепша и др.[16]

Но наряду с подобными заселениями, имели место переселения по инициативе военных властей. Распоряжения на них давал командующий линией генерал-лейтенант Глазенап. По получении его приказа комендант Бийской крепости подполковник Шульц лично осматривал места, предназначенные для поселения, наносил их на план и затем производил отводы участков. Так, в 1812 г. таковые им были отведены для заселения Семену Бедареву из деревни Усятской, Михаилу Осокину из деревни Усть-Ануйской, Петру Криволуцкому — из Старой Чемровки и Тимофею Громоздякову — из деревни Сверчковой[17].

Наконец, в Горный Алтай проникала и часть крестьян, которых новые места манили не столько богатством «звериного и орешного промыслов», сколько возможностью легкой наживы путем обмана и спаивания «инородцев». Намерения таких новсселов хорошо описаны горным инженером П. Фроловым. «Оказывается, — доносил он своему начальству, — что крестьяне Колывано-Воскресенского горного ведомства, имея не только в достатке, но и в излишестве на прежних своих местах земли, вдираются в дачи... калмыков по своевольству, по единственным прихотям, по устремлению отнять у... калмыков, за линиею живущих, принадлежащие им выгоды... Намерение оных крестьян к переселению за линию под предлогом... жить там распространением хлебопашества совершенно несправедливо, ибо там сии крестьяне пашут не более того, как на прежних местах... Их главнейшая цель — сблизиться с ясачными, чтобы заниматься звериными промыслами и, живя между ними.., пользоваться их простотой и неведением, вымевая у них соболей, лисиц и прочего зверя на разные мелочные, ненужные и вовсе ничего нестоящие вещи, или получать оные за табак и вино, которое даже вносить к ясачным повсюду в Сибири воспрещено, но ныне свободно здесь за линиею ясачных спаивают оным и разоряют... Калмыки по своему легковерию, размотав уловленного зверя, терпят недостаток,.. подвергаются бедности и не в состоянии делаются к платежу государственного ясака»[18].

Понятно, что эта характеристика свойственна зажиточной части крестьян, для которых переселение на новое место служило источником обогащения как путем обмана и спаивания алтайцев, так и за счет эксплуатации их и своих разорившихся односельчан. Но большинство крестьян оказывали на алтайское население противоположное влияние, чем хапуга-кулак. Имеется немало свидетельств о трудовой помощи, взаимовыручке, взаимном обмене хозяйственным опытом между русскими и аборигенами. Например, в 1811 г. русские крестьяне, поселившись в нижнем течении реки Иши, основали здесь село Карагуж. Поблизости от него проживало несколько алтайских семей. Весной того же года один алтаец купил у карагужинского крестьянина соху и борону и попросил соседа научить его пользоваться ими. Крестьянин охотно выполнил его просьбу и после этого алтаец самостоятельно вспахал полторы десятины земли под свой посев[19].

Хотя земледелие, как отмечалось, было известно алтайцам еще до прихода русских, но, вследствие экстенсивности приемов обработки земли и архаичности орудий труда, оно не смогло и в начале XIX в. занять сколько-нибудь заметное место в алтайском хозяйстве. О результатах такого земледелия достаточно хорошо подмечено в донесении Бийского уездного советника Яковлева. «Ясачные, — писал он, — бедность ныне терпят. Некоторые из них сеют хлеб, но землю под посев приготовляют капарулями и мотыгами, ручным образом, что весьма безуспешно»[20].

Говоря об алтайском земледелии, надо отметить, что большинство алтайцев до заимствования русских, более лучших, по тому времени, сельскохозяйственных орудий, готовили землю под посев абылом (мотыгой). Причем каждый год пашню заводили на новом месте, оставляя прежний участок «на отдых». Исследователи истории Алтая неоднократно подчеркивали по этому поводу, что «алтайцы» разбросанный по пахоте семенной хлеб забаранивали руками» или куском ствола ветвистого сухого дерева. Хлеб с поля снимали, срезая ножом только одни колосья или просто срывали их руками и складывали в мешки. Такая «техника» хлебопашества, безусловно, требовала колоссальных затрат человеческого труда[21].

Совершенно другая картина представала там, где алтайцы проживали совместно с русскими или селились недалеко от них. В этих случаях русские крестьяне становились истинными учителями алтайцев в области земледелия. В документах первой четверти XIX в. есть немало фактов такого рода. Один из них — уже упоминавшееся добрососедство и взаимообмен трудовыми навыками жителей Карагужа[22]. Другим свидетельством может быть до-

несение инженера Сметанина. «Те алтайцы, — писал он в 1817 г.,— которые имеют свои кочевья недалеко от русских крестьян, применяются к обыкновениям (опыту — *Н. М.*) русских, принимаются за хлебопашество не капарулями.., а таким же образом, как производят то... заводские крестьяне, не жалуясь при этом... на какое-либо стеснение от них»[23]. Все это позволяло убеждаться алтайцам на своем опыте, что русский способ обработки земли — менее трудоемкий, чем бытовавший до этого у алтайцев, что орудия, применявшиеся крестьянами, более производительны, что с использованием рабочего скота можно обработать гораздо большие земельные площади при наименьших затратах человеческого труда. Все эти моменты были учтены аборигенами, что положительно сказалось на развитии алтайского хозяйства.

Однако власти подобные обстоятельства мало интересовали. Каждое ведомство, используя крестьянские переселения, намеревалось решить свои узкоотраслевые задачи. В частности, военное все делает, чтобы снять ограничения на переселения за линию и таким образом избавиться от излишних забот, связанных с наличием пограничной зоны. Потому-то оно ратует за практику освоения Алтая по бухтарминскому образцу. Военные настойчиво доказывают правительству, что заселение земель, находящихся за Бийской военной линией «заводскими крестьянами, способных к земледелию, будет гораздо полезнее государству, нежели обладание теми местами через ясачных»[24].

Обсудив предложения сибирского командования, правительство пошло на повторение бухтарминского эксперимента. В 1818 г. вышел специальный Указ, разрешивший свободное переселение на юг от Бийской линии всем желающим, но «с ведома и утверждения» пропуска Колывано-Воскресенским горным начальством[25]. Данное разрешение заметно активизировало переселение заводских крестьян на свободные земли предгорной и горной части округа. Значительная часть новоселов рьяно занялась промыслом пушного и копытного зверя, а также сбором кедрового ореха. Но большинство крестьян занялось хлебопашеством. Для этого им часто приходилось выжигать леса. Последнее нередко приводило к страшным лесным пожарам. Они уничтожали лес, а промысловый зверь, обитавший в нем, уходил дальше в горы, сопрягая его добычу с огромными физическими затратами. Это повлекло естественные жалобы алтайцев. «Крестьяне, поселяющиеся близь нас, — говорилось в них, — производят сами зверовой промысел в наших урочищах,... собирая кедровые орехи — рубят деревья наповал, причиняя истребление тем... деревьям, отчего мы, калмыки, можем лишиться со временем сего промысла, который

ныне им... доставляет каждогодно пищу и пользу. Сверх того, поселяющиеся крестьяне, пущая для пашен и сенокосов огни, истребляют целые леса пожарами, отчего и зверь убегает за границу, и гибнет великое множество леса»[26].

Уничтожение лесных богатств, вело к естественному сокращению угодий, подрывая, в известной степени, экономическую основу алтайского хозяйства, поскольку охота в нем издревне играла первостепенную роль. Однако это вовсе не означало, что алтайцы бросали заниматься охотой и сбором кедрового ореха. Нет, они по-прежнему занимались ими. Но чтобы промыслы были удачными, надо было уходить от улуса на 100 и более верст. Вследствие этого, охота и сбор ореха требовали больших физических и материальных затрат, выгод же приносили с каждым годом все меньше и меньше. Поэтому все большее число алтайцев начинает активнее, чем раньше, заниматься земледелием. И лишь незначительная их часть, ратуя за культивирование традиционных промыслов, продолжает писать жалобы в разные инстанции, на чинящих им притеснение русских крестьян. В своих жалобах алтайцы ставили вопросы о возвращении самовольщиков «на прежние места жительства». В ответ на них власти затеяли бюрократическую переписку. Центр слал на места строгие предписания «немедля возвращать самовольщиков», но не требовал их исполнения. Местные власти, ознакомившись с очередным циркуляром относительно «инородческих» жалоб, спокойно клали его «под сукно» и таким образом молчаливо поощряли самовольные переселения крестьян «на земли ясачных народов»[27]. Бюрократическая волокита и бездеятельность администраторов разных уровней породили в отдельных районах нежелательные конфликты между новоселами и «инородцами». Но они не были результатом какого-либо национального антагонизма, а являлись следствием неурегулированности земельных отношений в данном регионе. Но об этом, конечно же, переселенцы не знали и продолжали идти за Бийскую пограничную линию. К 1825 г. за нею уже насчитывалось более 20 русских селений, которые в дальнейшем были объединены в Алтайскую волость. Рядовые алтайцы в целом спокойно воспринимали появление в своих урочищах и кочевьях русских новоселов. Этого нельзя было сказать относительно их зажиточных соплеменников. Добрососедство тружеников, русских и алтайских, их взаимопомощь подрывали устои той жизни, при которой алтайская верхушка безраздельно распоряжалась имуществом и жизнью своих соплеменников. Поэтому богачи нередко прибегали к провокациям и подстрекательству лишь бы разжечь неприязнь к новоселам, посеять рознь между алтайским и русским тружеником. И если

это не помогало, то баи и зайсаны от имени алтайцев, под видом защиты их интересов писали жалобы во все инстанции. Например, в 1828 г. алтайские зайсаны Бокай Бекитов, Кыстай Казаков и другие богачи, кочевавшие за Бийской линией, подали жалобу сенатору Безродному и князю Куракину, прибывшим в 1827 г. в Западную Сибирь «для ревизии» хода переселенческого дела. В преувеличенной форме жалобщики указывали, что они «с большой нуждой и все из-за переселений крестьян — уплатили ясак в 1827 г.» Чтоб такового не случилось в последующем, «просим,— писали они, — избавить нас от стеснения русскими крестьянами, воспретить им поселяться в местах, инородцам принадлежащим»[28].

В целом жалобы подобного рода были оставлены комиссией без внимания. Единственный аргумент, который заставил ее насторожиться — это проблема своевременной и бездоимочной уплаты ясака алтайскими аборигенами. Принимая это во внимание, сибирские власти, по распоряжению комиссии, в очередной раз объявляют запрет на заселение «калмыцких стойбищ», не принимая каких-либо конкретных мер по его реализации на практике. Потому-то все осталось без изменения. Переселенцы по-прежнему шли за пограничную линию, селились там и совместно с алтайцами осваивали «пространство» на юге Бийского уезда.

Определенную роль в освоении Горного Алтая сыграла Алтайская духовная миссия, основанная здесь в 1830 г. Первостепенной задачей ее служителей являлась христианизация алтайцев. Но сделать это было достаточно сложно. И это отчетливо понимал основатель миссии М. Глухарев. Поэтому, чтобы добиться поставленной цели, он и его окружение принимают меры, чтобы добиться привнесения «новых черт в сложившийся быт аборигенов»: пропагандируют преимущества оседлого образа жизни перед кочевым, распространяют среди алтайцев земледелие, огородничество, предпринимают попытки их обучения грамоте. Подобная деятельность миссионеров, бесспорно, играла положительную роль, поскольку итогом ее было некоторое улучшение быта и повышение культурного уровня алтайского населения[29]. Но все же главная заслуга в этом направлении, как справедливо заметил А. П. Уманский, принадлежала «не отцам — миссионерам», а русским крестьянам и выучившимся у них потомкам кузнецких телеутов[30]. Проникая в отдаленные уголки Горного Алтая, они видоизменяли быт алтайцев, становились основателями новых сел и деревень. Так, в 40-х гг. XIX в. выходцы села Тарханского с разрешения зайсана первой дючины осели в среднем течении реки Бирюли и основали здесь одноименную с рекой деревню[31]. В 1851 г. 67 крестьян во главе с Данилом Елизаровым, покинув свои старые места

(в селах Красный Яр и Верх-Катунск), перебрались в Горный Алтай, на речку Карагайку и основали деревню Карагайка[32]. Всего за последнее десятилетие в Горном Алтае было образовано 15 новых селений, в которых проживали и русские, и алтайцы, последние в большинстве своем новокрещенные. Конечным итогом «совместного жительства» являлось то, что алтайцы «учились земледелию, заводили огороды и приучались к другим занятиям оседлого домохозяйства»[33].

Таким образом, в первой половине XIX в. получило широкое распространение переселение на юг от Бийской пограничной линии, сыгравшее важную роль в хозяйственно-экономическом и культурном освоении Горного Алтая. Оно продолжило дальнейшее сближение русского и алтайского народов. Освоение новых земель способствовало развитию производительных сил края и ускоряло процесс перехода алтайцев к более прогрессивному способу производства. Говоря об освоении новых земель за пограничной линией в первой половине XIX в., надо отметить, что оно происходило главным образом за счет перемещения местного русского населения, проживавшего в низовьях реки Бии и в окрестностях города Бийска. Колонизация пространств на юге от пограничной линии, в рассматриваемое время, была преимущественно вольной и народной.

2. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫСЛОВ

а) Скотоводство и охота

Прошедшие десятилетия не внесли каких-либо серьезных корректив в развитие этой отрасли. Не претерпела существенных изменений и структура алтайского стада. Как и раньше на первом месте находилась лошадь, далее — овцы и коровы. Например, материалы 1824 г. зарегистрировали в семи алтайских дючинах 49,8% лошадей, 28,1% — овец и 22,1% — коров[34]. Остались неизменными способы и приемы ухода за скотом. Он круглый год содержался на подножном корме. В зависимости от сезона чередовались лишь летние и зимние пастбища. «Летом, — свидетельствует источник, — алтайцы со своим скотом поднимаются с зимних стойбищ в верховья близ лежащих рек, а в августе они опять возвращаются на зимники». Центром кочевий в южной части Горного Алтая был бассейн Чуи с ее многочисленными притоками (Бар-Бургазы, Тархата, Чаган-Узун и др.)[35]. Алтайцы, проживавшие в западной и юго-западной части края вели преимущественно полукочевой образ жизни, характерной чертой которого яв-

ляется наличие так называемых «летовок» и «зимовок». Для последних место выбиралось в узких горных долинах, надежно защищенных от ветров.

Сложившаяся система алтайского пастбищного хозяйства была результатом относительного многоземелья и для своего существования требовала наличия обширных территорий. Но таковых в Горном Алтае в принципе не было. Его территория, как известно, представляет собой таежную область с незначительными по площади участками степей в узких долинах рек. Только каменистая, высокогорная, пограничная с Монголией Чуйская степь занимает значительное пространство. Остальные же степные участки Горного Алтая разделяются труднопроходимыми таежными горными хребтами, затрудняющими передвижение со скотом из одной долины в другую. Поэтому алтайцы, занимавшиеся скотоводством, как и в древности, распределялись по отдельным замкнутым степным долинам.

Вследствие ограниченности пастбищ в степных долинах, они вынуждены были в летнее время направлять свои стада в горы, в зону субальпийских лугов с тем, чтобы сохранить на зимнее время корм в степных долинах, где были их постоянные жилища.

Заготовка сена на зиму производилась нерегулярно и в незначительных размерах. Г. Спасский, будучи на Алтае, отмечал, что алтайцы «запасают сено, подрезывая траву ножом и развешивая оную для просушки на деревьях»[36]. Такая заготовка кормов требовала много сил, времени и была мало производительной. Заметные изменения в этом деле происходят во второй половине XIX в. В начале 60-х гг. русские завезли в Горный Алтай косулитовку[37], с применением которой в корне изменилась сама техника уборки сена. Скошенная трава просушивалась в прокосах, затем собиралась в валки, складывалась в копны и стога. Использование русских орудий труда, приемов работы заметно повысили производительность, что не замедлило сказаться и на количестве заготовляемого сена. Например, алтайское население, проживавшее в бассейне Челушмана и Башкауса, заготовляло к концу XIX в. до 27 тыс. копен сена, что составляло от 45 до 70 копен на одно «инородческое» хозяйство[38].

Несмотря на благотворное влияние крестьян-переселенцев на аборигенов, их животноводство по-прежнему оставалось консервативным. Скот в большинстве случаев продолжал содержаться на открытом воздухе круглый год. Однако во второй половине XIX в. в районах, тесно примыкавших к русским, особенно в правобережье Катуни, все чаще стали появляться крытые пригоны для скота. Здесь же впервые стало внедряться и стойловое содержание

скота, которое алтайцы также позаимствовали у русских соседей. Отсутствовала в хозяйстве аборигенов какая-либо селекционная работа. Случка скота была произвольной. В стаде круглый год ходили молодые и старые производители.

Алтайцы доили коров, коз и кобылиц. Лактационный период у коров был небольшой, всего 5—6 месяцев. Обычно с мая по сентябрь и реже по октябрь месяцы. Применялся подсосный метод доения коров, то есть перед дойкой и после нее к корове подпускали теленка. В южной части Горного Алтая практиковалась и дойка овец. За 80—90 дней дойки от нее получали от 4 до 5 ведер молока[39].

В алтайском животноводстве полностью отсутствовала какая-либо ветеринарная помощь. Лечение скота производилось исключительно домашними, народными методами и лекарствами, приготовлявшимися каждым пастухом, животноводом по своим рецептам. Свидетельства такого рода можно во множестве найти в алтайском фольклоре. Например, пастух Малчы-Мерген, зная целебные свойства трав, лечил не только скот, но исцелил и себя[40].

Экстенсивная техника скотоводческого хозяйства алтайцев делала его весьма неустойчивым, зависящим от погодно-климатических условий. Нередко холодные зимы, снег, гололед приводили к страшным бедствиям, в результате которых гибли тысячи голов скота. Так, в неблагополучную зиму 1897 г. скотоводы только трех алтайских дючин (5-й, 6-й, 7-й) потеряли около 18 тыс. голов различного скота[41]. А в снежную зиму 1913 г. алтайскими хозяйствами, примыкавшими к Чуйскому тракту, было потеряно свыше 16 тыс. голов скота[42]. Поэтому при экстенсивном характере ведения скотоводства основное внимание, как правило, уделялось количественному росту поголовья. Качественная сторона развития животноводства алтайцев почти не интересовала. Лишь в отдельных байских хозяйствах предпринимались попытки к улучшению пород скота и лошадей.

Как и раньше, первостепенное место в хозяйственной жизни алтайцев занимала лошадь. Последние разводили животных местной алтайской породы, характерными признаками которой были «большая несоразмерно с туловищем голова, толстая, короткая шея, длинный корпус и короткие ноги». Алтайская лошадь отличалась большой выносливостью и крепкими копытами. «При скрещивании ее с породами, имеющими быть у русских крестьян, — не раз подчеркивали инспекторы Сибирского военного округа, — армия может получить хорошую упряжную и вьючную лошадь»[43].

Местной породы был и крупный рогатый скот, разводившийся алтайцами, в среде которого видное место занимали сарлыки

(яки), отличавшиеся выносливостью, приспособленностью к суровому климату края и неприхотливостью к пище. Со второй половины XIX в., то есть с момента активного заселения Горного Алтая русскими крестьянами, здесь начали появляться и другие породы скота, которые в большинстве своем стали скрещиваться с местными. Это обстоятельство привело к появлению в крае выносливых и достаточно высокопродуктивных гибридов. По общему признанию мясо алтайского скота обладало высокими вкусовыми качествами. Оно имело широкий спрос как на региональных рынках, так и общероссийских, в числе которых особо выделялся Ирбит[44].

Овцы в своей основе представляли две породы: местную алтайскую и монгольскую. Они были «невысокого роста». За две стрижки она давала — «3—4 фунта грубой шерсти»[45].

Основная масса скота, как и прежде, находилась в руках алтайской родоплеменной знати. Лестью и обманом, подкупом и насилием увеличивали свои стада зажиточные алтайцы. На рубеже XIX—XX вв. в Горном Алтае широко были известны имена алтайских богачей Аргымая и Манджи Кульджиных, Даниила Тобокова, Белека Яковлева, Чербыка Аларушкина, Ташкыла Малатышева, имевших в своих хозяйствах «тысячи и даже десятки тысяч лошадей, коров, овец»[46].

Свое ведущее место в алтайском хозяйстве сохранила и охота. Промысел крупного лесного зверя давал охотнику мясо, шкура шла на изготовление одежды и обуви. Добыча пушных — обеспечивала оплату ясака, но чаще путем продажи пушнины приобретались жизненно важные товары. Уровень производительных сил оставался низким. Соответствовали ему и приемы охоты. Наиболее распространенным способом оставалась гонка копытного зверя по глубокому снегу в начале зимы и весной — по насту. Группа охотников на лыжах, сменяясь поочередно, преследовала зверя. Глубокий и рыхлый снег зимой, а весной — жесткий наст не позволяли ему быстро и долго уходить от преследователей. Обессиленное погоней животное становилось легкой добычей охотников. Практиковалась и осенняя, тоже коллективная, облава на косуль и маралов. Для этого устраивались специальные изгороди, пересекавшие тропу, по которой следовали животные. В изгородях оставляли специальные проходы, где настораживались петли или вырывались ловчие ямы.

Из пушных зверей алтайцы промышляли белку, лисицу, соболя,зайца, горностая, колонка, хорька, ласку и других. Но основным предметом промысла была, безусловно, белка. Ее начинали добывать сразу же после сбора кедрового ореха, то есть с конца ок-

тября месяца. Наиболее распространенным оружием охоты оставался лук с набором стрел. Наряду с ним, в арсенале охотника имелась масса всевозможных самодельных капканов и ловушек. Во второй половине XIX в. на смену луку приходит огнестрельное оружие. К концу века он постепенно вытеснился последним. Этому способствовала относительная дешевизна ружей. Источники свидетельствуют, что стоимость ружья в то время не превышала 12 рублей[47]. Появление огнестрельного оружия в значительной мере способствовало индивидуализации охотничьего промысла. Оно углубило процесс разделения труда, в результате которого отдельные семьи получили возможность вести охоту самостоятельно и полновластию распоряжаться всей добычей.

Как и раньше, охота сохранила ореол святости и сверхестественности. На промысле добытчики никогда не называли зверя его настоящим именем, а использовали для этого всевозможные отвлеченные понятия и названия, под которыми подразумевали того или иного зверя[48].

К концу XIX в значение охотничьего промысла в алтайском хозяйстве заметно снижается. Причина этого не только в выжигании леса русскими крестьянами под пашни, но и в появлении спроса на пушнину со стороны торговцев. Учитывая это, добычей ее занялась значительная часть новоселов. Отмечая это, Н. Б. Шер писал, что «ввиду все большего заселения территории... белка уходит все дальше... где остались девственные кедровники, к тому же эти промыслы (охота — *Н. М.*), бывшие прежде исключительным достоянием инородцев, с каждым годом привлекают все большее число русских»[49]. Хищническое истребление зверя повлекло в дальнейшем ограниченную его добычу. Ф. А. Саглаев на основе анализа источников указывал, что кумандинский охотник добывал за зиму от 30 до 50 белок и 3—4 куницы[50].

Но несмотря на все трудности, алтайцы продолжали заниматься охотой. Для рядовых она служила средством обеспечения семей дополнительными продуктами питания и средствами к существованию. Для зажиточных же слоев алтайского общества она, как и раньше, служила всего лишь развлечением.

б) Земледелие и промыслы

Скромное место в хозяйстве алтайцев осталось за земледелием и на рубеже веков. Однако в начале XIX в. территория предгорного Алтая все чаще становится местом поселения русских людей. Последующие их маршруты пролегали по землям, находившимся за Бийской пограничной линией. Преодолевая ее, рус-

ские крестьяне уходили в глубь Алтайских гор и селились либо недалеко от алтайцев или непосредственно в их урочищах. Эти обстоятельства, естественно, не могли не отразиться на хозяйственном и культурном развитии последних. Проживая совместно или по соседству с русскими, алтайцы знакомятся с их сельскохозяйственными орудиями, приемами и техникой земледелия. Через крестьян новые орудия попадают в хозяйство алтайца. Приобретая их, последний просил своего русского соседа научить его пользоваться ими. А выучившись, «заводил свою пашню»[51]. Подобная практика имела место почти во всех районах соприкосновения русских крестьян с местным коренным населением. Годы совместного проживания, тесного трудового сотрудничества приводили к тому, что алтайцы, убедившись в преимуществах русского способа обработки земли, перенимали не только технику земледелия, но и приемы обработки земли, основанные не на ручной, как раньше, а на тягловой силе скота. В 1817 г. инженер Сметанин сообщал, что алтайцы, которые имеют свои кочевья по соседству с русскими крестьянами, применились к «обыкновениям русских, принимаются за хлебопашество не капарулями... а таким же образом, как производят то... заводские крестьяне»[52]. Словом, земледелие успешнее всего развивалось там, где алтайцы тесно соприкасались с русскими крестьянами. Например, алтайцы бассейна реки Кокши с притоками, проживавшие совместно с русскими, к концу XIX в. имели запашку в 210 десятин[53]. Жители же восточного берега Телецкого озера, где русское население отсутствовало — всего 36 десятин[54].

Из зерновых, культивируемых алтайцами, как и в предыдущие десятилетия, наибольшее распространение получил ячмень. Это была морозоустойчивая культура и в условиях Горного Алтая давала неплохие урожаи. С появлением русского крестьянства в крае начинают культивироваться овес, рожь и пшеница[55].

Более или менее активные занятия земледельческим промыслом, в известной степени, способствовали изменению образа жизни алтайцев. Это обстоятельство не раз отмечалось губернской администрацией. «Ближайшие по месту жительства к русским селениям инородцы Бийского округа, — указывала она в 1865 г., — постепенно переходят к оседлому образу жизни, понуждаясь к этому примером русских крестьян»[56]. Но не только последние способствовали этому. Хороший пример приобщения к русской земледельческой культуре, оседлому образу жизни подавали кумандинцы (одно из племенных объединений алтайцев — *Н. М.*). Они, по свидетельству источников, оказывали «немалое культурное и хозяйственное воздействие на жизненный уклад других алтайских

аборигенов». «Повсюду можно заметить, — писал В. В. Радлов, — культурное влияние... кумандинцев... на черновых татар»[57]. «Кумандинцы, — читаем у А. В. Анохина, — едва ли не первые из обитателей Алтая начали культивировать земледелие по примеру русского крестьянства... Кумандинец опередил в этом отношении своих собратьев,.. живущих дальше от полосы русского населения»[58]. Он первым применил в своем хозяйстве соху, борону, серп и др.

Применение алтайцами русской сохи и других сельскохозяйственных орудий заметно повысило производительность их труда. Теперь за день алтаец мог вспахать более одной восьмой части десятины (1/8 = 0,13 гектара). Для сравнения скажем, что для обработки такой площади абылом (ручной мотыгой) потребовалось бы не менее трех дней. При обработке пашни абылом производительность труда не превышала трех загонов в день (1 загон равнялся одной десятой части гектара)[59]. Применение сохи позволило и увеличить размер запашки на одно хозяйство до 3,25 десятины. Однако такое положение складывалось не во всех районах Горного Алтая. На большей части края, удаленной от полосы русского влияния, ни в способах обработки земли, ни в способах уборки урожая каких-либо существенных изменений не произошло. В этом плане весьма красноречив отчет томского губернатора за 1875 год. «В способах обработки земли и уборки хлеба, — подчеркивалось в нем, — не видно никакого успеха... Участок земли обрабатывается до тех пор, пока не истощится, а потом поступает в залежь»[60]. Жители указанных местностей по-прежнему обрабатывали землю ручной мотыгой — «абылом» и своей примитивной сохой — «андазыном», а боронили ее «вершиной суковатой лесины»[61]. Ручная техника обработки земли и суровые природно-климатические условия являлись главным тормозом в развитии хлебопашества в центральной и юго-восточной части Горного Алтая.

Но несмотря на отдельные успехи, по сравнению с прошлым периодом, алтайское земледелие в целом носило неразвитый характер и в хозяйстве аборигена никогда не играло ведущей роли. О второстепенности земледелия говорит и перепись инородческого населения 1823 г., в которой из 4425 переписанных душ мужского пола лишь 1243 человека, то есть 28% от общего числа, занимались этим промыслом[62]. Аналогичная картина просматривается в середине XIX в. Так, запашка коренного населения семи алтайских дючин в этот период составляла немногим более 100 десятин[63].

О подсобном значении земледелия в алтайском хозяйстве свидетельствуют и данные 1897 г. Л. П. Потапов, подробно исследовавший эти материалы, выявил, что 50% алтайских хозяйств и в

конце века совершенно не имели посевов[64]. Наконец, о второстепенности этой отрасли у алтайцев можно подтвердить и рассуждениями самих кочевников, которые утверждали, что «видят свое благополучие и благосостояние в скотоводстве», а не в землепашестве[65].

Более значительное место, чем земледелие, занимали в алтайском хозяйстве домашние промыслы. Они продолжали обрабатывать шкуры и овчины, подвергая, в зависимости от целей применения, тем или иным методам обработки. Так, если требовалась сыромятная кожа для изготовления узд, недоуздков, чембуров (удлиненных поводов) и плетей, то снятую с животного шкуру привязывали к крепко вбитому в берег колу и опускали в реку, оставляя ее там до тех пор, пока вся шерсть не вымывалась водою. После этого шкура вынималась, натягивалась и сушилась. Так получалась сыромятная кожа.

Совершенно иной была техника обработки сырья, когда требовался материал для изготовления кожаной посуды. В этом случае вначале шкуру мочили в воде, затем, немного подсушив, мяли и на заключительном этапе обрабатывали ее жиром лошади или медведя. Из готового материала изготовляли «борбый» — сосуд емкостью до одного ведра, «аркыт»—емкостью до 10 ведер и другие предметы, необходимые в домашнем обиходе.

Совсем по-другому обрабатывалась шкура, использовавшаяся для шитья обуви. Такую шкуру (лошадиную, скотскую) мочили в воде, затем брили острым ножом. Выбрив начисто шерсть, шкуру подсушивали и мяли, время от времени смазывая ее жиром. После этого кожа в течение 7—10 дней коптилась в юрте над дымом и снова мялась. Заканчивалась обработка кожи ее окраской. Если нужно было окрасить кожу в темно-красный цвет, ее опускали в горячий настой лиственичной коры. Черный цвет достигался путем обработки кожи в отваре костей с последующим ее натиранием порошкообразным пихтовым углем[66]. Выделанная таким образом кожа шла на изготовление обуви и хорошо переносила сырость.

Обработка овчин для изготовления одежды, чем занимались исключительно женщины, тоже имела свою технику. Свежеснятую шкуру опускали в соленый раствор и мыли. Вымыв, растягивали для просушки в тенистом месте, затем обрабатывали ее обезжиренной сывороткой, после чего шкуру квасили печенью, мяли и коптили. Коптили овчину большей частью в зимнее время, поскольку летом она быстро сохла и плохо поддавалась копчению. Выделанная таким образом овчина не боялась влаги[67]. Из нее шили шубы, тулупы, рукавицы и другие необходимые предметы. Нередко шубы и шапки оторачивались шкурками лисиц, выдр, сурков и росомах.

Заметную роль среди алтайских промыслов играла обработка шерсти. Из нее изготовлялись кошмы, войлоки, потники, подкладывавшиеся под седла, материал для экипировки жилищ. Чтобы получить кошму, шерсть вначале взбивали деревянными прутьями, затем раскладывали ровным слоем на старую кошму и обильно смачивали водой. Смоченную шерсть навертывали на валик и катали. Весь процесс изготовления войлока от начала и до конца производился вручную.

Среди домашних промыслов алтайцев следует отметить обработку конского волоса. Путем плетения, скручивания из него получали веревки, арканы, чембуры (удлиненные повода), которые использовались в хозяйстве для привязи телят, при строительстве юрты, а также при перевозках.

Существовала у алтайцев обработка дерева и рога. Из березы изготовляли седла, ступки, чашки, корытца для измельчения мяса, поварешки, ножны и другие предметы. Для изготовления деревянных украшений использовалась мягкая кедровая древесина. Изделия из рога, обычно являлись украшениями седельных лук, накладками на подпружные седельные ремни, пряжками, седельными подвесками и т. д.

Знали алтайцы и кузнечное ремесло. Они изготовляли ножи, удила, бляхи, стремена, различные кольца и простейшие сельскохозяйственные орудия — мотыги и т. д. Однако в целом алтайское ремесло находилось в неразвитом состоянии, и как весь комплекс алтайских промыслов, носило домашний характер.

3. БЫТ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ АЛТАЙЦЕВ И ИХ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Коренные жители Горного Алтая вели кочевой, полукочевой и оседлый образ жизни. Центром кочевий являлась южная часть края, где наряду с алтайцами проживали и казахи, пришедшие в Чуйскую степь в XIX в. из Усть-Каменогорского уезда[68].

Местом оседлого проживания алтайцев все больше становился северо-западный район, то есть местности, население которых тесно соприкасалось с русскими.

И, наконец, зона, находившаяся между указанными полосами, представляла собой территорию, население которой вело полукочевой образ жизни.

Сложившийся образ жизни предопределял и бытовой уклад населения этих областей. Алтайцы, кочевавшие по просторам Курайской и Чуйской степи, в бассейнах реки Чуи и ее многочисленных притоков, зимой и летом жили в кошемных юртах. Этот

тип жилья не обременял их хозяев при бесконечных перекочевках, ибо сборка и разборка юрты занимала не более часа.

По хозяйственному и бытовому укладу оседлые алтайцы почти не отличались от русских. Многие из них жили в избах крестьянского типа. По примеру русских жилища и усадьбы они огораживали постоянной изгородью. Для скота устраивали холодные пригоны и примитивные навесы. Более состоятельные строили конюшни и утепленные скотные дворы. На зимний период для скота заготовляли сено, поскольку оседлость ограничивала, а порой и полностью исключала тебеневку, то есть содержание скота на подножном корме. Но было немало оседлых алтайцев, основным жилищем которых являлась землянка, представлявшая собой строение с деревянным каркасом, обложенным дерном от основания до перекрытия. Они, за небольшим исключением, имели деревянный пол, два-три окна, русскую глинобитную печь[69].

Алтайцы, ведшие полукочевой образ жизни, проживали в шести- или четырехугольных аилах с деревянной или корьевой крышей в виде усеченной пирамиды. Менее состоятельные хозяева довольствовались аилом, построенным в виде конуса из жердей и коры лиственницы. Посередине жилья, как правило, располагался очаг, тепло которого в зимнее время служило единственным спасением от лютых морозов и бушевавших метелей, ибо бедняки, в особенности дети и подростки, зачастую не имели теплой одежды и обуви[70].

В начале мая полукочевые хозяйства переходили на летовку, расположенную в нескольких километрах от зимника. На летовке, кроме конусообразной юрты из жердей, покрытой корой лиственницы, другие постройки не возводились, если не считать небольших загородок для телят. Под летовку выбирали участки вблизи водопоев, леса, то есть места с учетом благоприятных условий для пастбищного содержания скота.

Пища алтайцев была достаточно разнообразной. Она состояла из мяса диких и домашних животных, дичи и молочных продуктов. Из растительной следует отметить хлебные злаки и различные дикие съедобные растения: черемша, дикий лук и чеснок, разнообразные ягоды.

Основой питания коренного населения края служило мясо. Алтайцы употребляли мясо лошадей, коров, овец; из диких животных: марала, оленя, косули, медведя; боровой дичи: глухаря, тетерева, рябчика, диких уток и гусей. Промышляли алтайцы также зайца, белку, сурка.

Из молочных продуктов, в первую очередь, следует отметить кисловатый сыр — «курут», приготовлявшийся из сквашенного,

а затем сваренного молока, продымленный и высушенный над очагом. Другой вид сыра (пресный и мягкий) назывался «пыштак». Употреблялось в пищу топленое масло, помещавшееся для хранения в бараньи или бычьи сычуги[71]. Из напитков алтайцы употребляли кумыс, приготавливавшийся из кобыльего молока и чегень, готовившийся из коровьего молока.

Из хлебной пищи алтайцы знали «талкан» (мука из поджаренных зерен ячменя) и ячменную крупу — «кöчö», «дьярма». Для размельчения ячменя в муку или крупу применялась каменная зернотерка — «паспак» и деревянная ступа «сокы»[72]. Вплоть до революции «талкан» и «кöчö» были почти единственной хлебной пищей у рядовых алтайских скотоводов.

Активное освоение русскими просторов Горного Алтая во второй половине XIX в. и тесное трудовое содружество их с аборигенами внесли заметное разнообразие в питание алтайцев. Среди продуктов питания все чаще появляются хлеб из ржи и пшеницы, крупы из проса и гречихи, а также картофель. Это обстоятельство не преминули подчеркнуть путешественники, побывавшие в конце века на Алтае. Один из них отмечал, что ныне многие алтайцы «едят... пшеничный хлеб, который приготовляется как и у русских.., но наряду с пшеничным встречается и ячменный»[73].

Повседневным напитком алтайцев был чай. С молоком или со сметаной и чуть подсоленный он составлял одно из основных угощений алтайцев. «Все мужчины и женщины, взрослые и дети, богатые и бедные, — пишет Ф. А. Сатлаев со ссылкой на Н. Б. Шерра, — употребляют кирпичный чай, пьют по нескольку раз в день.., пьют чай с молоком, иногда со сметаной»[74]. Однако справедливости ради, надо сказать, что кирпичный чай не всегда был доступен бедным семьям, поэтому они чаще всего в качестве заварки употребляли листья бадана, смородины, малины, земляники, других растений и кустарников.

Хотя отдельные группы алтайцев знали рыболовство, но в питании оно не играло сколько-нибудь заметной роли. Употреблялась в основном только свежая рыба и только в вареном виде. Из свежей рыбы варили уху, заправляя ее мучной болтушкой.

Традиционной одеждой большинства алтайцев (мужчин и женщин)[75] круглый год была длиннополая овчинная, запахивавшаяся слева направо, шуба с длинными, суживающимися к концу рукавами. Во время сильной летней жары мужчины нередко одевали ее прямо на голое тело. Повседневную одежду алтайца в XIX в. составляли штаны и рубаха, сшитые из синей далембы или белой бязи. Этот костюм дополнялся, хотя и не повсеместно, коротким кафтаном с небольшим воротником и высокими сапогами, без

каблуков, с острыми, слегка загнутыми кверху носками, с двойным швом на голенищах. Чулки, вставлявшиеся в такие сапоги, шились из кошмы, верх их немного торчал над голенищем и оторачивался какой-либо цветной материей. В зимнее время зачастую носили сапоги, сшитые из шкурок, снятых с ног косули или марала. Нередко и зимой вместо чулка на ноги навертывалась специально заготавливавшаяся пушистая трава — «загат». Она лучше, чем чулок вбирала влагу и ноги всегда были сухими.

Верхняя одежда алтайцев почти всегда кроилась по одному стандарту: прямые полы, спинка и полы одинакового прямого, так называемого туникообразного покроя, в боках — косые клинья[76]. Пользовались алтайцы и поясами — полосой материи различной ширины и длины. Мужские и женские штаны были одинаковыми как по покрою, так и по материалу. Различались они лишь по длине. Для изготовления штанов брались два куска материи и складывались по длине, а между ними вставлялся широкий клин, доходящий до пояса. Мужские штаны не имели разреза спереди. Стягивались они специальным шнурком, заделанным в поясе. Штаны носились заправленными в сапоги.

Женская одежда по покрою сильно походила на мужскую, варьировались лишь только отдельные детали. Так перед и спинка до талии кроились из одного материала, а низ — из другого. На груди делался небольшой вырез, застегивавшийся на две-три пуговицы. Замужние женщины носили специальную длиннополую одежду — «чегедек». Надевался он поверх шубы, и платья. Снять его женщина могла только лишь после смерти мужа. Но в этом случае она одевала вдовью шубу — «чуба», которая носилась до вторичного выхода замуж, после чего ею снова одевался «чегедек».

Головые уборы (мужские и женские) тоже не изобиловали различиями. Они представляли собой изделие конической формы. Для украшения к макушке шапки пришивалась кисточка из цветных ниток. В большинстве своем шапки шились из простой материи и подбивались шкурой ягненка. Но были шапки из лапок лисицы, рыси, меха белок, соболя, шкурок черного барашка, с высоким околышем, суживавшимся назад[77].

Одежда зажиточных алтайцев по покрою была аналогичной, но отличалась богатством, то есть в ней присутствовали дорогие меха, шелк, парча и т. д. В частности, у зайсанов одежда шилась из тканей: черной, желтой, лазоревой и других цветов. Наиболее распространенными видами ткани были камка, бязь, китайка, холст. Шубы зайсанов покрывались шелковой материей и опушались мехом выдры[78].

Заметные изменения претерпела одежда алтайцев, проживавших по соседству с русскими или непосредственно в одних деревнях с ними. Как отмечают источники второй половины XIX в., значительная часть «инородцев» уже совершенно усвоила русскую одежду: те же рубахи-косоворотки или пиджаки, брюки, засунутые в сапоги с высокими голенищами[79]. Из остальной половины большая часть по костюму представляет смесь русского с алтайским, и «только меньшинство стойко держится своих костюмов»[80].

Способы и средства передвижения алтайцев целиком были связаны с географическими условиями, характером производства и образом их жизни. На территории Горного Алтая совершенно отсутствовали сколько-нибудь удобные пути сообщения. Вот какую харектеристику дал транспортным коммуникациям Горного Алтая миссионер С. Ландышев. «Проезды по всему этому краю, — писал он в начале второй половины XIX в., — весьма затруднительны. Иногда они соединены бывают с опасностью лишения жизни вообще не иначе возможны, как на верховых конях и летом, и зимою, а иногда вовсе невозможны, как, например, весною, осенью и летом в ненастную погоду по причине множества чрезвычайно быстрых рек, топей и болот, между горами, скоро наводняющихся. А в черни (тайге — *Н. М.*) проезды становятся невозможны и зимою всякий раз, по падению нового снега, по... причине чрезвычайной глубины»[81]. Отсюда становится вполне понятным почему верховая лошадь стала у алтайцев основным средством сообщения.

При езде на ней необходимо было седло. Седла подразделялись на мужские и женские. Последние отличались от мужских только лишь тем, что имели более высокую луку, нежели мужские. Существовало и специальное вьючное седло без подушки, использовавшееся для перевозки грузов в труднопроходимых горных местностях. Как правило, груз помещался в две кожаные сумины, которые перебрасывались через седло и связывались арканами. В некоторых местах поклажу везли на верховой лошади при помощи волокуши, представлявшей собой две длинные тонкие жерди, одним концом прикрепленные по обе стороны седла, а вторым — волочащиеся по земле. В отдельных районах края для перевозки грузов использовалась примитивная тележка-арба на двух низких колесах. В нее впрягалась лошадь при помощи русского хомута, дуги и оглобель. Седелка заменялась обычным верховым седлом, на котором сидел верхом возница. Последний оставался в седле и в том случае, если в арбе даже и не было груза[82].

По мере освоения края русскими крестьянами в хозяйство алтайца достаточно широко входят русская телега и русские сани.

К концу XIX в. они распространились на довольно обширной территории, включавшей правобережье Катуни, бассейны Маймы, Песчаной, Ануя, Иши, Урсула и других рек. Особенно это было характерно для населения, проживавшего вблизи Чуйского тракта. Архивные материалы второй половины XIX в. отмечают, что алтайцы, «живущие по Чуйскому тракту, занимаются извозом», для чего используют русские телеги и сани[83]. Ими же пользовался алтаец, указывают эти же источники, ямщичивший между Чибитом и Улаганом[84].

Между коренным населением различных регионов Горного Алтая издавна поддерживались хозяйственные связи, в основе которых лежали элементы общественного разделения труда. Самые ранние сведения о натуральном обмене между кочевниками Алтая относятся к началу XVII в. В частности, наказ 1622 г. отмечает, что шорцы и кумандинцы продают южным алтайцам свои изделия из железа на лошадей, коров и овец[85]. Немало сведений о взаимном обмене продуктами производства между алтайцами (обмены зерна, котлов, таганов на скот, войлок и т. д.) содержат и документы второй половины XVII в.[86]. Сообщали о таких обменах и русские служилые люди. Так, казаки Шорохов и Пойлов доносили кузнецкому воеводе Шапошникову о том, что в 1745 г. приезжали алтайцы из района реки Катуни к кумандинцам, тубаларам и шорцам «для мены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают»[87].

Однако это были спорадические, нерегулярные акции. Свой негативный оттенок на алтайский товарообмен накладывали частые феодальные междоусобицы и неустойчивая обстановка, сложившаяся в 40-х гг. XVIII в. в Алтае-Саянском регионе в целом, когда любая поездка предпринимателя была сопряжена с опастностями и могла стать последней.

Положение заметно изменилось после присоединения Алтая к Русскому государству. Оказавшись в рамках единого государства, алтайцы уже без опаски могли посещать любой район Горного Алтая. В 1760 г., свидетельствует документ, население верховий Катуни, ведомства зайсана Долдоя, прикочевало в летнее время в долины Ябогана и вело натуральный обмен с местными аборигенами, которым променивало хлеб, табак, серу горючую и железо на соболей, лисиц, лосины и другие товары[88].

В первой четверти XIX в. начинает меняться характер товарообмена. В это дело все чаще начинают внедряться посредники. Ими становятся алтайцы, проживавшие по левобережью Бии, Иши, Маймы, имевшие уже контакт с русскими в сфере торговли. Например, начав с продажи хлеба среди «собратии своей, которая

не занималась хлебопашеством», кумандинцы охватили посреднической торговлей во второй половине XIX в. довольно-таки большой район. Они начинают доставлять русские товары к тубаларам, теленгитам, населению Челушмана и даже проникали в Туву[89]. Совершая такого рода поездки, они завозили не только русские товары, но и свои, оказывая таким образом определенное влияние на изменение жизненного уклада местного населения. Доказательством этого могут служить записки миссионеров, встречавших в районе Кебезеня и выше группы «инородцев», пользовавшихся при уборке урожая серпами, которые, по словам алтайцев, доставили и продали им кумандинцы[90]. В натуральном обмене алтайцев принимали участие и русские купцы. Так, колыванский купец Густоквашин, наезжая в алтайские урочища, променивал их обитателям «иглы, гребни, мишуру, ленты, зеркала, нитки», получая в обмен скот, пушнину и т. д.[91] Проникали к алтайцам и бухарские торговцы. Они привозили бумажные ткани, которые обменивали на скот, а последний продавали русскому населению[92].

В конце XIX — начале XX вв. у алтайцев под влиянием русских интенсивнее развиваются земледелие, скотоводство, появляются огородничество, пчеловодство и другие отрасли. Все это значительно расширило ассортимент алтайских товаров, изделий домашнего производства, поступавших на рынок. Теперь, кроме продуктов животноводства, промыслов, ореха и пушнины в продажу все чаще и в значительно большем количестве поступают скот, мясо, масло, мед, воск, орех, пушнина, кожи и т. д. Это заинтересовывает купцов. Они активизируют свою деятельность, скупая товары у местных крестьян и «инородцев». Так, в конце века кузнецкие купцы скупали у этого населения различных товаров на сумму более 800 тыс. рублей. Многие из этих товаров отправлялись на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, а частью — в Томск, Красноярск и Иркутск[93].

Вхождение алтайцев в состав России, естественно, не могло не сказаться на их общественной жизни, на их этносоциальных отношениях. Территория, на которой они проживали и вели свое хозяйство, отныне стала составлять «частную собственность царствующего в России дома» и попала под управление Кабинета ее величества, которому алтайцы обязаны были платить различные налоги, вносить платежи и нести некоторые трудовые повинности в связи с системой «инородческого управления»[94]. В соответствии с ним коренное население края, как и раньше, подразделялось между шестью волостями и пятью дючинами, занимавшими в общей сложности площадь в 110 тыс. кв. верст. Эта территория получила в дальнейшем название «калмыцких стойбищ», граница

которых не была четко установлена. Местные власти границей этих владений считали Бийскую казачью линию[95]. Позднее они пытались определить ее более точно, но до конца это дело ими так и не было доведено[96].

Землепользование на отведенной алтайцам территории определялось «Уставом об инородцах», по которому обширные земли «утверждались в их владении»[97]. Пользование ими определялось 27-й статьей Устава, которая гласила, что «подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жребию или другим их обыкновениям[98]. Иначе говоря, переход кочевий алтайцев к новому верховному собственнику не внес каких-либо существенных перемен в их землепользование. Бытовавшее ранее право распоряжения землей «по инородческим обыкновениям», находившееся в руках алтайской верхушки, было сохранено, с той лишь разницей, что оно «отныне было «даровано» алтайской знати «российским государем».

Как и раньше, во главе волости и дючины стоял башлык-зайсан. Власть последнего являлась пожизненной и наследственной. Об этом есть немало свидетельств. Одно из них подчеркивает, что «сын зайсана имеет первейшее право наследования, однако признание его в этом звании зависит от русского правительства и народа (алтайцев — *Н. М.*). Если он признан негодным, то может быть избран его ближайший родственник или демичи[99]. При несовершеннолетии сына управление принимает мать или один из близких родственников совместно с демичи»[100]. Почти то же самое можно сказать о достоинстве демичи и шуленги. В соответствии с административным законоположением, зайсан подчинялся бийскому исправнику и отдельному алтайскому заседателю, резиденция которого была учреждена в селе Улала (ныне г. Горно-Алтайск).

Отличительным знаком зайсана служила бляха на медной цепи, надевавшаяся на шею. У его помощника — демичи тоже имелась бляха, с помощью короткой цепочки пристегивавшаяся к петлице. Эти знаки отличия одевались ими только при исполнении служебных обязанностей или при явке к начальству[101]. Как и прежде, зайсаны разбирали тяжбы, ссоры и мелкие уголовные дела. В их решении зайсан пользовался неограниченной властью. Он мог без суда наказать рядового алтайца розгами, оштрафовать или подвергнуть аресту. Правда, насильственные действия зайсана могли быть обжалованы алтайскому заседателю или бийскому исправнику. Но практически это не делалось, ибо дальняя поездка требовала немало денег, да и очень велик был страх алтайца перед зайсаном. Наследственность и пожизненность зайсан-

ского звания была отменена в 1880 г. Но оно продолжало существовать и после этого, поскольку зайсаны и демичи, заинтересованные в этом, трактовали распоряжение русских властей как намерение превратить алтайцев в русских крестьян. Поэтому алтайцы продолжали избирать или переизбирать на новые сроки своих зайсанов и демичи, руководствуясь «обычаями и верой отцов и дедов»[102]. В немалой степени этому способствовали подарки, которые щедро раздавали зайсаны своим сородичам.

Не последнюю роль в выборах и перевыборах зайсанов играло внеэкономическое принуждение, то есть личная зависимость алтайского населения от зайсанов. Существование «полыш» (помощь), «тен улеш» (равная доля), «айбы кун» (день помощи) и других было обусловлено господством отсталого кочевого и полукочевого хозяйства. Эти формы внеэкономического принуждения, облаченные в костюм родовых обычаев и воззрений, помогали зайсанам маскировать их эксплуататорскую сущность и держать подвластное население в полном повиновении. Уйти же от зайсана алтаец не мог, ибо каждый из них был приписан к определенному зайсану, без права перехода к другому, опять-таки на основании родового признака, родового обычая.

Живучести родовых пережитков в значительной мере содействовало стремление правительства подольше сохранить родовую форму управления, как наиболее удобную для сбора ясака и тем самым искусственно поддерживать родовую организацию. Однако основной причиной сохранения в быту алтайцев пережитков родового быта был низкий уровень развития производительных сил.

Наиболее характерной для алтайцев хозяйственной ячейкой на протяжении всего XIX в. была патриархально-семейная община[103], составной единицей которой являлся аил. Последний, как правило, состоял из нескольких дворов, в которых проживали женатые члены этой семьи совместно с отцом, иногда и дедом, имея общее хозяйство. Главой семьи считался отец, являвшийся распорядителем семейного имущества. Названия поселений в большинстве своем носили имя главы семьи или старшего родственника. В. И. Вербицкий отмечает это как характерный признак общественных отношений у алтайцев. В качестве примера он называет аил Санабая, аил Пайдоры, аил Сарки. Такового рода названия сохранились вплоть до настоящего времени (Алешкин аил, Сапожкин аил, Санькин аил и др.)[104].

Появление в XIX в. на Алтае русского населения и возникновение под его непосредственным влиянием плужного земледелия и стойлового скотоводства сыграло немаловажную роль в жизни алтайцев. Именно на этой базе активизируется в последней чет-

верти XIX в. имущественная дифференциация алтайского общества, что не могло не отразиться на существовании патриархально-семейной общины. Все это способствовало созданию предпосылок и экономическому обособлению отдельных малых семей. Развитие частнособственнического элемента малой семьи подрывало корни существования большой семьи. Распад последней особенно усиливается с проникновением товарно-денежных отношений и торгово-ростовщического капитала в ее сферу, которые разрушали кровнородственные связи и вызывали формирование отдельных территориальных группировок, не связанных обязательно кровным родством. Наконец, усилившийся спрос со стороны торговцев на пушнину и развитие посреднической торговли также способствовали разложению большой еемьи.

Отсутствие источников не дает возможности назвать точное время начала процесса распада патриархально-семейной общины и зарождение новой сельской или аильной общины. Последняя, в отличие от своей предшественницы, не состояла только из одних родственников. Теперь в ее составе превалирует смешанность. Отныне место проживания получает свое название не от имени главы семьи, а от названия реки, горы, которые располагаются в окрестностях селения. Так, село Балыкса, основанное потомками кумандинцев, но в котором проживали выходцы и из других родов и племенных групп, получило свое название от речки Балыксы[105].

Характер землепользования в таких селениях-аилах был общинным, точнее общинно-аильным, ибо каждое такое селение имело в своем пользовании отдельные пахотные земли и покосы. В условиях малонаселенности каждой общине, по существу, принадлежал значительный участок земли, распределявшийся на основе обычного права, то есть по принципу примитивного захвата. Подтверждением этого тезиса может служить заявление С. П. Швецова о том, что «... два аила на речке Барда пользуются сенокосом на праве первого захвата и считают их своими», и других только «припускают» к пользованию — «сколько позволят покосить»[106].

Анализируя алтайское землепользование, С. П. Швецов делает вывод о том, что «алтайцы не только имеют все те общинные формы, какие известны в Сибири, но здесь можно проследить и постепенное их развитие, начиная с того момента, когда пользование выгонными и сенокосными угодьями не было обусловлено никакими определенными формами»[107].

Таким образом, экономическую основу аильной общины составляло общинное землепользование, распространявшееся не только на пахотные земли, но и на выгоны, пустоши и промысловые угодья. Но упомянуто общинное землепользование сочеталось так-

же с частной собственностью как больших патриархальных семей, так и малых семей на дом (аил, землянку, юрту), скот, различные орудия труда и т. д. В сочетании общинного землепользования и частной собственности прослеживается дуализм алтайской аильной общины, который являлся характерной чертой сельской (или соседской) общины, если иметь в виду ее экономическое содержание.

Глава вторая. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. РЕФОРМА 1861 ГОДА И ОСВОЕНИЕ КРАЯ РУССКИМ КРЕСТЬЯНСТВОМ в 60—90 гг. XIX в.

Вторая половина XIX в. была ознаменована эпохальным событием в истории России — отменой в 1861 г. крепостного права. После его падения в стране начинает быстро развиваться капитализм, который властно втягивает в свою орбиту не только центр, но и окраины России, в том числе и Алтай.

Но реформа 1861 г. для последнего, как и в целом для Сибири, имела непреходящее значение лишь по относительно отдельным результатам и она была всецело связана с интересами мастеровых, урочников и приписных крестьян, находившихся в феодальной зависимости от Кабинета. Общая численность таковых работников составляла 174,7 тыс. человек (29 197 мастеровых и урочников и 145 565 приписных крестьян)[1].

Поскольку затрагивались интересы Кабинета, то вопрос об освобождении мастеровых и приписных крестьян сразу же начал обсуждаться на высоком уровне. Для его рассмотрения в феврале 1858 г. в Петербурге был создан специальный комитет[2]. Одновременно при Министерстве финансов была образована подготовительная комиссия, которая должна была «составить предложения об устройстве и улучшении быта фабричных и горнозаводских людей казенных, частных и кабинетских заводов и рудников»[3]. Кабинет с самого начала ее работы развернул упорную борьбу за сохранение прежних порядков в своих владениях.

В результате длительных споров и дискуссий между государственными ведомствами и Кабинетом, 8 марта 1861 г. появилось на свет «Положение о горно-заводском населении казенных горных заводов Министерства финансов»[4].

В день своего выхода «Положение» было распространено на мастеровых, урочников и приписных крестьян Алтайского горного

округа. С его введением их принудительный труд был отменен. Согласно «Положению», крестьяне в течение трех лет переводились с «издельной горнозаводской повинности» на оброк. Они были обязаны платить по 6 руб. с души, из них 4 руб. 50 коп. — в пользу императорского Кабинета и 1 руб. 50 коп. в казну. Кроме того, крестьяне обязывались уплачивать земские (уездные) и общественные сборы, нести казенные повинности. За приписными крестьянами закреплялись в пользование усадебные и полевые земли. Мастеровые освобождались от обязательных работ в течение двух лет[5].

Раскрепощение приписных крестьян и мастеровых способствовало распространению наемного труда, росту капиталистических отношений на Алтае. Но вместе с тем оно остро поставило перед Кабинетом два основных вопроса: 1) о будущем горной промышленности после отмены принудительного труда; 2) земельный вопрос. Закон 8 марта 1861 г. распространял на алтайских приписных крестьян права «свободных, сельских обывателей личные, по имуществу и по состоянию».

Претворение «Положений» от 8 марта 1861 г. в жизнь Кабинет поручил алтайской горнозаводской администрации. Она должна была «определить род и число мастеровых, необходимых для действия заводов», выработать конкретные условия найма людей для заводских работ, а также выявить количество земли необходимой для предоставления наделов. В обязанность администрации вменялось и составление уставных грамот с определением размеров и условий землепользования, величины оброка и других повинностей мастеровых и урочников. «Положением» предусматривалось выделение мастеровому в пользование за оброчную плату по одной десятине покоса на ревизскую душу. Но этого многие мастеровые не получили. Под разными предлогами власти исключили из числа получателей 41% мастеровых[6]. Остались они и без лесных угодий, ибо последние составляли собственность заводов и разделу не подлежали.

«Освобождение» мастеровых осложнялось и неопределенностью границ земель того или иного сельского общества. Межевание же их, осуществлявшееся специалистами горной администрации, затянулось на несколько лет и сопровождалось прямым нарушением «Положения» от 8 марта 1861 г. В частности, почти половину мастеровых и урочников округа власти насильно приписали к крестьянским селениям без права на земельный надел, но с обязанностью нести повинности, выполняющиеся крестьянами, в том числе и уплату поземельного оброка (6 руб. с ревизской души)[7].

Не в лучшем положении оказались приписные крестьяне. Кабинет упорно отстаивал свое право единолично владеть и распоряжаться алтайскими землями, всячески затягивал и откладывал межевание земель в округе (к нему он приступил только в конце XIX в.). В результате этого, их землепользование (в нарушение «Положения» от 8 марта 1861 г.) в течение многих лет оставалось неизмененным.

В соответствии с «Положением» 19 февраля 1861 г.», практическое осуществление реформы возлагалось на местную администрацию. Это подтвердил и закон от 17 декабря 1862 г. «Об устройстве обществ и общественного управления горнозаводского населения казенных... и Алтайских... заводов, принадлежащих Кабинету Е. В.»[8]. Но несмотря на эти и другие законодательные акты, последний и не думал передавать «все дела по крестьянскому вопросу» — особенно по землепользованию — местным «гражданским властям». Более того, при поддержке государственных ведомств, они сохранили власть в своих руках и распоряжались вотчинными землями и лесами в Алтайском округе.

Не решая, в соответствии с законом, вопросы наделения крестьян землей, Кабинет в то же время ревностно следил за исполнением ими своих податных обязанностей. Вот здесь он четко придерживался «буквы» закона. Сельские и волостные повинности, выполнявшиеся ранее приписными крестьянами, остались без изменения. К ним добавились шестирублевый оброк и новые платежи в виде губернских сборов на межевой и пожарный капиталы, а также многочисленные натуральные повинности. В результате этого, денежные платежи бывших приписных крестьян возросли более чем в 2 раза (с 4 руб. в 1858 г. до 9 руб. 05 коп. в 1865 г.)[9].

Сохранил Кабинет и дореформенную систему раскладки повинностей, круговую поруку при их выполнении и многое другое. Любая попытка крестьян воспротивиться его диктату немедленно пресекалась Кабинетом, особенно все то, что касалось стремления крестьян изменить свое нелегкое положение путем переселений. Но несмотря на принимаемые меры, предотвратить последнее ему не удалось. Переселения, будучи непосредственным «детищем» реформы 1861 г., следствием борьбы крестьян с малоземельем в центре страны, охватили и далекие окраины, в том числе и Алтай. Освоение края, особенно его горной части способствовало не только разрешению проблемы малоземелья, но хозяйственному освоению территории «калмыцких стойбищ», возникновению здесь новых населенных пунктов. Вот лишь несколько примеров в подтверждение сказанного.

Так, крестьяне Стремяковы и другие, всего 16 душ, первоначально осевшие в Бийской волости, просили через два года (в 1862 г.) администрацию Алтайского края «о дозволении им поселиться на пустолежащую землю при устье речки Чепош (правый приток Катуни — *Н. М.*), в ведении Алтайской волости». 8 ноября 1862 г. таковое разрешение просителями было получено[10] и при устье речки Чепош возникла деревня Вознесенская[11]. В том же году выходцы разных губерний, «Субботин и Лубягин с товарищами, всего 58 душ», до этого проживавшие в Алтайской волости «самовольно заселились в алтайских урочищах, при речках Большой и Малой Катандах», образовав здесь два одноименных поселка[12]. Пример крестьян Стремяковых, Субботиных, Лубягиных и других воодушевил многих новоселов Бийского уезда. В 1863 г. 16 крестьянских семейств выходцев из Пермской губернии и ранее работавших на Верхне-Сергиевском заводе, прибыли в Горный Алтай и заселились самовольно в одной версте от местных «инородцев», образовав тут новое поселение — Усть-Кожу[13] (на левом берегу реки Бии — *Н. М.*). Аналогичным образом «родились» поселки Терехта, Балыкса и др.[14]

Отмена крепостного права не ликвидировала напряженности вокруг крестьянского вопроса. Чтобы сгладить остроту аграрных противоречий в центре страны, правительство принимает решение разгрузить его путем переселения части крестьян на окраины, в том числе в Алтайский округ, куда входил в то время Горный Алтай. Замысел правительства нашел свое выражение в законе 30 июля 1865 г. Издавая положение о переселении, оно акцентировало внимание местных властей на том, что в переселение должна быть вовлечена «не голытьба», а состоятельное крестьянство. Этот пункт закона лег в основу всех инструкций по переселению, разработанных губернскими властями. Так, в постановлении Главного управления Западной Сибири от 20 октября 1866 г., направленном уездным начальникам, предписывалось помнить, что «водворение дозволяется преимущественно... семействам, нравственные качества и материальные средства которых могут служить достаточным ручательством их благонадежности»[15].

Выход закона 30 июля 1865 г. и предусмотренные им льготы по переселению (наделение землей, освобождение от налогов и повинностей, в том числе и от рекрутской сроком на 15 лет, выдача ссуды «на обзаведение» (не более 100 руб.)[16], заметно увеличили приток переселенцев в Томскую губернию, в том числе и в Алтайский горный округ. Но пришедшие в губернию новоселы не всегда соответствовали статьям закона, предусматривавшего водворение только состоятельных крестьян. В 1868 г. из Рязанской

губернии в Томскую прибыло 1969 переселенческих семей. В финансовом отношении они выглядели следующим образом:

Таблица 15

Финансовое состояние переселенцев

Состоятельность переселенцев	Абсолют.	В %
Переселенцы, имевшие менее 50 руб.	415 семей	21,2%
» от 50 до 150 руб.	475 »	38,0%
» от 150 до 300 руб.	438 »	22,3%
» от 300 до 800 руб.	306 »	15,6%
» свыше 800 руб.	56 »	2,9%
	1960	100,0

Источники: Григорьев В. Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. 1885, с. 46.

Примечание: Таблица составлена автором. (Подсчет наш — *Н. М.*).

Таблица показывает, что первые две группы переселенцев, составлявшие 1161 семью или 59,2%, следует признать как несостоятельные, ибо, располагая суммой не более 150 руб., вряд ли можно было благополучно устроиться на новом месте. Двум первым противостоят две последние группы, имевшие 300 и более рублей. Эти домохозяева и на родине жили в достатке и, без сомнения, могли хорошо устроиться и на новом месте. Группу переселенцев, имевших 150—300 рублей, следует признать домохозяевами среднего достатка, которые в зависимости от условий передвижения, климата на новом месте и других причин по-разному могли устроиться на облюбованном месте.

Наплыв «голытьбы» из Европейской России побудил томскую администрацию к выработке системы запретов на водворение этой категории крестьян в Томскую губернию, в том числе и в Горном Алтае. 28 марта 1869 г. она предписала волостным старшинам края запрещать старожилам и алтайцам выдавать приемные приговоры переселенцам, «имущественное и материальное состояние» которых не соответствует правилам водворения. Нарушение этого правила влекло за собой выселение новоселов за «счет виновных», допустивших поселение[17]. На основании этого распоряжения окружные власти отказали в поселении в различных местах Горного Алтая 42 воронежским крестьянам[18].

Своеобразным дополнением к предписаниям по борьбе с нап-

лывом бедняков-переселенцев явилось распоряжение Алтайского горного правления «о порядке переселения крестьян из внутренних губерний» и их устройств. Руководствуясь законом 30 июля 1865 г., оно предложило Кабинету принять решение о том, чтобы переселенцам указанных губерний, «по примеру крестьян, водворившихся на землях удельных», — никакой льготы в платеже оброка не устанавливать, и со дня причисления обязать платить за земли — 6-рублевый подушный оброк. Опираясь «на сие законоположение, — убеждала администрация Кабинета, — горное правление не может допустить исключения для заселяющихся и в горах Алтая»[19]. Предложения окружных властей было утверждено Кабинетом.

Однако принятые меры, по признанию самих чиновников, «не возымели действия и по сие время имеют быть неупорядченные (самовольные — *Н. М.*) переселения». В начале 70-х гг. XIX в. свыше 20 губерний участвует в заселении южных округов Томской губернии. Самый большой контингент новоселов с 1870 по 1872 г. дали губернии: Вятская — 1019, Тамбовская — 887, Воронежская — 700, Пермская — 438, Самарская — 300[20]. Бесспорно, что число пришедших на Алтай было гораздо больше, ибо Томская казенная палата и Горное управление указывали лишь причисленных крестьян. Лица же, нарушившие какие-либо правила по переселению, естественно, в чиновничьи отчеты не вошли.

Пытаясь упорядочить переселения, губернатор Западной Сибири А. Супруненко летом 1873 г. объехал Горный Алтай с целью выяснения возможностей этого края по приему новоселов. Осмотрев места, он предложил открыть здесь 26 пунктов для приема переселенцев, в которых предусматривалось поселить почти 1500 душ обоего пола[21]. Однако обсуждение проекта колонизации Горного Алтая растянулось на целых четыре года. «Правила водворения русского населения в Горный Алтай» были утверждены лишь 30 июня 1878 г. В действие же они вступили с октября 1879 г.[22]

Пока власти обсуждали порядок заселения края, крестьяне, не ведая об этом, шли и шли в Горный Алтай. За пятилетие (1875—1879 гг.) в Бийский округ прибыло около 5000 переселенцев. Значительная их часть избрала местом жительства Горный Алтай[23]. Сведения об этом крае будущие переселенцы черпали из писем односельчан и родственников, ранее ушедших на Алтай. Их смысл — край благодатный, «у вас там можно умереть — а здесь воскреснуть»[24]. И таких писем из Бийского округа в разные губернии ушло много. Естественным ответом на них были новые переселения, что привело в конечном счете к нехватке земли. Это обстоятельство не замедлило отразиться и в письмах.

В начале 80-х гг. они сообщают, что в Бийский округ «народу наехало неисчислимо... Приписываются в захват... Приписка дошла до 40—50 рублей с души... Скот покупать стоит дорого: корова — 18—20 рублей, лошадь — 50—60 рублей, овца — 2 руб. 50 коп... Все... стало... дороже прежнего — вдвое... Потому многие вертаются назад»[25]. Однако ни такого рода письма, ни печальные рассказы очевидцев не сдерживают тех, кто отчаялся «выйти из нужды на родине». Распродав имущество, избу, землю и приобретя от всего этого не более 50—60 рублей, он пускался в нелегкий и долгий путь. Издержавшись в дороге, такой переселенец вынужден был собирать подаяние и двигаться к намеченной цели. Именно таких переселенцев многократно встречал Н. М. Ядринцев, путешествуя по Алтаю[26]. Но добравшись в конце концов до вожделенного края, новосел попадал в другой переплет. Отсутствие средств и скота негативно сказывалось на его дальнейшем существовании. Чтобы хоть как-то выжить, он шел на поклон к старожилу. Последний, пользуясь тяжелым положением новосела, обдирал его как липку. Просимое он сбывал переселенцу в три раза дороже стоимости. Так, фунт керосина, стоивший 5 коп., продавался за 8 коп., пуд соли (27 коп. на базаре) — за 60—80 коп., пуд ржи (30 коп.) — за 50—60 коп. Когда же новосел предлагал какую-нибудь вещь старожилу, он ее брал в 3—4 раза дешевле[27].

С другой стороны, старожилы всегда неохотно шли на прием новоселов в свое селение. Если последние все же добивались права на поселение, то почти постоянно подвергались нападкам со стороны старожилов. Например, в 1888 г. крестьяне-вятичи Меркурий Фефелов, Вахрамей Щукин, пермяк Федор Глушков получили разрешение на поселение на реке Терехте с последующим правом образовать здесь новый поселок. Но несмотря на разрешение властей, зажиточные старожилы Уймонской управы всячески мешали новоселам. Они угоняли их скот, травили посевы, вытаптывали пастбища и сенокосы[28].

Указанные моменты власти при характеристике хозяйственного положения переселенцев не брали во внимание. Они отмечали, что оно целиком зависит от него самого. Если, мол, он не ленив, то сможет обеспечить и себя, и семью. Но это было не так. Источники свидетельствуют, что переселенец подвергался массе испытаний и в дороге, и на новом месте. Так, во многих местах, заселенных переселенцами (Купчегень, Сальджар, Сарытуман, Келей и др.), земля оказалась невысокого качества, а ранние заморозки зачастую уничтожали и без того скудный крестьянский посев. Не хватало переселенцам и пахотных земель, лугов, пастбищ, лесов, сенокосов. Из-за этого часто возникали земельные

споры между алтайцами и переселенцами, рождались жалобы. Так, 10 августа 1883 г. родовой староста 3-й алтайской дючины Киндык Ястопоков подал прошение на имя министра государственных имуществ, в котором ходатайствовал о запрещении крестьянам «переселяться на землю, принадлежавшую калмыкам его дючины. Новоселы чинят нам притеснение и землю нашу себе забирают»[29]. С аналогичным прошением, но уже на имя императора, обратились родовые старосты Комляжской волости — Михаил Тобоков, Кузенской — Монгол Эскичеков, Южской — Саввак Тебиреков и Кергежской — Павел Рожоков[30]. В свою очередь, переселенцы жаловались на кочевников, которые травили крестьянские покосы, пастбища и посевы. Все это влекло бесконечные споры, которые приводили порой к разрушению алтайских юрт и поджогам крестьянских домов в окрестностях Чечулихи[31], Хабаровки[32], Туекты[33], Маймы-Чергачака и других деревень[34].

Власти округа принимали меры к устранению конфликтов. В населенные пункты с неопределенными границами землепользования направлялись межевщики. Но и это не решало проблемы. В зависимости от решения, одна из сторон неизбежно считала себя обделенной. И опять сыпались жалобы и прошения в разные инстанции. Так было, в частности, в Хабаровке[35], Туекте[36] и др.

Но несмотря на все трудности, приток переселенцев в округ, в том числе и в Горный Алтай не снижался. К 1893 году здесь насчитывалось более 20 переселенческих деревень, в которых проживало около 4000 душ обоего пола[37].

Словом, вторая половина XIX в. характеризовалась активным продвижением русского населения на окраины страны, в том числе и в Горный Алтай. Осваивая новые земли, оно содействовало развитию производительных сил края, внося в его жизнь более прогрессивные элементы русской земледельческой культуры. Совместное же проживание и трудовое сотрудничество способствовали дальнейшему развитию дружеских отношений между русским и алтайским народами.

2. ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТЕЙ К ПЕРЕСЕЛЕНИЯМ. ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КРАЯ

Переселение на Алтай в пореформенный период представляло собой стихийный процесс, неудержимое народное движение. Сибирская администрация с опозданием, но все же приняла кой-какие меры по упорядочению переселений, не доведя их, правда, до конца[38]. А вот управление Алтайского округа проявило полную пассивность и безучастность к переселениям и устройству

новоселов. Последние, как было показано выше, добирались до «вольных земель» окончательно разоренными и нравственно потрясенными, нередко схоронив в пути родных и близких. Однако никакой помощи, способной облегчить их «подчас трагическое положение», они не получали[39]. Отсюда и все мытарства, скитания и бродяжничество новоселов, ставшие типичной картиной Алтая 80—90-х гг. Неустроенность и отсутствие какой-либо помощи приводили к голодовкам, эпидемиям, вымиранию переселенцев, порождали значительных размеров обратные переселения. Переполнение заселков, приводившее к периодическому обновлению их состава, сопровождалось хищническим отношением новоселов к природным богатствам края. В стремлении быстрее обзавестись хозяйством и обосноваться на новом, более удобном месте, переселенцы распахивали луга, вырубали рощи, истощали землю. При отсутствии какого-либо руководства со стороны администрации новоселы оказывались во власти волостного начальства, практиковавшего вымогательства, произвол и прямое насилие[40].

Кабинет заботился только лишь о своих интересах. Он полностью отвергал возможность выдачи переселенцам каких-либо ссуд или предоставления льгот за свой счет. На предложение других ведомств принять участие в расходах по переселению он постоянно отделывался стереотипным ответом о том, что «переселения крестьян, как видах поднятия экономического благосостояния сельского населения, так и по другим соображениям, имеют общественное значение, то и средства на выдачу ссуд должны ассигноваться казной»[41].

Кабинетские чиновники, сознательно устранялись от организации переселений, тешили себя иллюзией, что время работает на них. На самом деле такая пассивность, с точки зрения интересов данного ведомства, вела к грубым просчетам. Нерегулируемые переселения приводили к фактическому захвату новоселами и старожилами большей части лучших земель Алтая, в том числе и Горного. Разумеется, Кабинет не оставался равнодушным к фактам нарушения своих имущественных интересов. Он опротестовывал право крестьянских общин брать деньги за прием новоселов (и встретил решительный отпор со стороны сибирской администрации)[42], настаивал на насильственном причислении переселенцев к старожилам без приемных приговоров (и дважды — указом от 27 апреля 1896 г. и 26 апреля 1906 г.[43] — добился осуществления этой меры), предлагал санкционировать замену в Алтайском округе подушного обложения поземельным для переселенцев, водворяемых на обмежеванных участках, неоднократно просил министерство финансов согласиться на замену обложения ревизских

душ обложением наличных (как условие его согласия на частичные льготы переселенцам)[44]. Но все это делалось только ради повышения текущих доходов от переселений. Однако предложенные Кабинетом меры не могли быть приняты, ибо они выпадали из русла подготавливавшихся общесибирских реформ (податной, землеустроительной), либо не обеспечивали коренного решения поставленной задачи. Радикальное разрешение проблем, порожденных массовым переселением, Кабинет связывал с предстоящим общим землеустройством, юридическим межеванием земель, которое, по его замыслам, должно было резко поднять ренту с земель, находящихся во владении крестьян и повысить арендные доходы на землях непосредственного распоряжения короны. Но при этом землеустройство им мыслилось как отдаленная мера, которой должно было предшествовать «наполнение» Алтайского округа крестьянским населением, по возможности более состоятельным и платежеспособным.

В 80—90-гг. в высших административных кругах шла достаточно острая борьба между сторонниками буржуазной свободы переселений (Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте) и их противниками (И. Л. Горемыкин, П. Н. Дурново), которая отражала столкновение дворянско-буржуазного и дворянско-крепостнического курсов аграрной политики[45]. Ведомственные интересы Кабинета шли в разрез интересам дворян-крепостников. Если первый был заинтересован в переселениях, то последние выступали против них, ибо они боялись потерять кабальные рабочие руки. Поэтому до середины 90-х гг. позиция Кабинета в переселенческом вопросе более ближе стояла к курсу, проводимому группой Бунге-Витте. 1894 г. стал переломным в переселенческой политике правительства. От разрешения и поощрения переселений Кабинет переходит к прямому их ограничению, к политике сдержать и запретить их. Подобный поворот был обусловлен рядом факторов, определяющими из которых явились два: 1. Это небывалый приток самовольных переселенцев, главным образом деревенской бедноты из голодающих губерний. 2. Возникновение, как ближайшей практической задачи, проблемы сплошного землеустройства на Алтае. А приток переселенцев в округ в 90-е гг. был значительным. По данным местной администрации в 1889 г. их прибыло 17 248 человек, в 1890 — 31 345, в 1891 — 28 557, в 1893 — 43 392 чел.[46] Но это лишь учтенные переселенцы. На самом же деле их было гораздо больше. По признанию Кабинета, к 1894 г. в округе скопилось свыше 100 тыс. непричисленных переселенцев, «кои не платили ему никакой подати»[47].

К середине 90-х гг. начинаются вырисовываться основные

контуры будущего землеустроительного закона, проект которого был обсужден в комиссии Гудима-Левковича[48], определившей принципы и формы «наделения» крестьян землей. Твердые позиции министерств внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ вынудили кабинетских чиновников задуматься (хотя в 1894 г. вопрос еще не был решен окончательно) над тем, чтобы предполагавшиеся к «наделению» земли не упустить из-под своего влияния. Эти обстоятельства заставили Кабинет по-новому подойти к переселенческому вопросу. Существовавшая до этого практика переселения на Алтай и податного обложения переселенцев как «явление совершенно ненормальное и могущее привести в скором будущем к раздаче кабинетских земель, если не даром, то во всяком случае на близких к тому условиях» была признана порочной. Блюдя фискальные интересы, Кабинет, в целях пресечения переселений на его земли, распорядился прекратить отвод на Алтае новых переселенческих участков, а также прирезку земли старожилам, которая «по числу принятых ими переселенцев» практиковалась ранее[49].

Конец 1894 г. прошел в дискуссиях по вопросу о переселениях на кабинетские земли. 12 января 1895 г. министерство внутренних дел высказалось за переселение в округ и за распространение на алтайских переселенцев льгот, установленных законом 1889 г. Его поддержало большинство общегосударственных ведомств, разделявших новые взгляды правительства по переселенческому вопросу. С 1895 г. переселения предписывается использовать в общегосударственных целях[50]. Однако взгляды правительства и Кабинета не совпадают. Последний заявил, что он ввиду близкого землеустройства весьма «тяготится усиленным приращением населения»[51]. Но претензии Кабинета остаются без внимания со стороны общегосударственных ведомств. 27 апреля 1896 г. Комитет Сибирской дороги принимает положение, согласно которому все самовольные алтайские переселенцы подлежали принудительному причислению, самостоятельные хозяйства — с землей, неимущие — без нее[52]. С 29 июня 1899 г. на Алтае начали действовать новые правила переселения. Отныне оно разрешалось только с согласия министра Двора и министерства внутренних дел. Выдача разрешений самовольным переселенцам категорически запрещалась. Также налагался запрет и на прием новоселов в заполненные переселенческие участки. Причисление переселенцев разрешалось лишь к старожилам и то лишь в том случае, если они располагали излишками земли сверх 15-десятинной душевой нормы[53].

Таким образом, правила 1899 г. были направлены на всемер-

ное сдерживание переселений. Руководствуясь ими, Кабинет решительно боролся с самовольцами. Он лишал новоселов земли, создавая тем самым для себя значительную армию арендаторов. Но, несмотря на принимаемые меры, поток переселенцев на Алтай не иссякал. В связи с этим не утихает борьба Кабинета с самовольцами. Она особенно обостряется после выхода в свет землеустроительного закона 31 мая 1899 г. Несмотря на причисление в 1896—1899 гг. 184 тыс. переселенцев, к осени 1903 г. на Алтае вновь скопилось свыше 200 тыс. непричисленных самовольцев[54], которые захватывали земли, отрезанные у старожилов при землеустройстве, основывали на них свои селения, нарушая тем самым «все предложения Кабинета» об организации арендного и лесного хозяйства» на освобождающихся землях». В этой обстановке Кабинет неоднократно ставит перед сибирской администрацией вопрос о «направлении потока самовольных переселенцев пока на казенные земли» и одновременном удалении с помощью крестьянских начальников и полиции самовольцев из пределов его владений. Чтобы не обострять отношений, правительство дало соответствующее распоряжение томскому губернатору, о чем В. К. Плеве и А. В. Кривошеин уведомили 16 января 1904 г. министра Двора[55].

На основании изложенного, можно констатировать, что всемерное ограничение переселений, постоянная борьба против самовольных переселений, систематический нажим на местную администрацию в целях побудить ее к решительной защите фискальных интересов против переселенческого крестьянства составляли основу политического курса, осуществляемого Кабинетом накануне первой русской революции.

Реформа 1861 г., проведенная помещиками-крепостниками, ограбила русское крестьянство и толкнула его искать новые условия жизни путем переселений. «Дом хлебом не кормит. Жить в нем весело, но есть в нем нечего», — с грустью говорили крестьяне и пускались в далекие странствия.

Одним из регионов, куда устремлялись отчаявшиеся крестьяне был, как уже отмечалось, Алтай, в том числе и его горная часть. Массовые переселения в этот район вызвали неизбежные в таких случаях изменения в экономической, общественной и культурной жизни алтайцев. Процесс колонизации Горного Алтая сопровождался и проникновением сюда капиталистических элементов, переходом алтайцев от кочевого к оседлому образу жизни, к более активным занятиям земледелием. Все это еще более усиливало классовую дифференциацию в среде «инородцев». С другой стороны, колонизация края приводила к сближению трудящихся разных

национальностей, что в конечном счете содействовало формированию союза меж ними, их интернациональному сплочению.

Переход алтайцев от кочевого быта к оседлому совершался, главным образом, под воздействием двух факторов. С одной стороны, мощным толчком к нему явилось изъятие земель кочевников в переселенческий фонд и с другой — этот переход явился результатом непосредственного влияния переселенцев, их хозяйственной деятельности на алтайцев. Как известно, основу кочевого хозяйства всегда составляла неопределенность границ его расположения. Если раньше кочевник-алтаец не имел, в общем-то, понятия о межевых границах, то теперь он с ними сталкивается и его обязывают строго придерживаться их. Ограничение земельного простора привело к неизбежному сокращению количества скота. С потерей его хозяйство кочевого типа постепенно приходило в упадок. С другой стороны, массовое изъятие земель «инородцев» в переселенческий фонд вынуждало последних к оседанию, расширению хозяйственных занятий. Так начинали появляться хозяйства земледельческо-скотоводческого типа. По данным 1903 г. такого рода хозяйств в Горном Алтае насчитывалось около 1500. Основная их масса концентрировалась по левобережью Бии и бассейнам рек Иши, Маймы и низовьям Катуни[56].

Развитие капитализма вширь содействовало еще большему влиянию русской земледельческой культуры на алтайское общество. Об этом достаточно убедительно говорит все увеличивающаяся запашка алтайцев. Если в середине XIX в., когда переселение было не столь интенсивным, а русских крестьян проживало в пределах Горного Алтая не так уж много, запашка в алтайском хозяйстве не превышала в среднем 0,5 дес. на одно хозяйство, то к 1905 г. она увеличилась до 1,8 дес., а в Нижне-Кумандинской и Верхне-Кумандинской волостях, население которых особенно интенсивно подвергалось крестьянскому влиянию, воздействию русской земледельческой культуры, она достигла 4,4 дес. на одно хозяйство[57]. Словом, в начале XX в. алтайское хозяйство под воздействием переселенцев все больше отрывается от чисто традиционных занятий. Оно становится комбинированным, в котором приоритет начинает отдаваться земледелию.

На оседлость в первую очередь переходили бедняки и середняки, располагавшие незначительным количеством скота. И это вполне понятно, ибо без скота или с небольшим его количеством успешно вести кочевой образ жизни не представлялось возможным. Всецело завися от климатических условий, а также в обстановке сокращающегося земельного простора оно уже не могло обеспечить владельца всем необходимым для его существования. Поэто-

му маломощный кочевник просто был вынужден обращаться к другим хозяйственным занятиям. Им зачастую становилось земледелие, которое постепенно, но властно привязывало к себе кочевника. «С увеличением... переселения, земледельческого населения, — отмечало Томское губернское правление в 1908 г., — распашка и посевная площадь осевших инородцев с каждым годом возрастает»[58].

Другой причиной оседания алтайцев являлось непосредственное влияние на последних русской земледельческой культуры. Будучи более высокой системой хозяйствования, она вызывала определенный интерес у алтайцев и стремление ближе познакомиться с ней. Но сделать это можно было только лишь при оседлом образе жизни. Особенно интенсивно данный процесс протекал там, где алтайцы наиболее тесно соприкасались с русским населением. «Многие алтайцы селения Эдиган, — указывалось в отчете Алтайской духовной миссии, — оставляют свои дымные аилы и строят избы и, глядя на русских, засевают понемногу... разного хлеба, начинают устраивать огороды»[59].

Влияние переселенцев на местное население проявлялось и в технике обработки земли у последнего. На смену архаичным орудиям труда, примитивным способам обработки приходили новые, более совершенные. В хозяйстве алтайцев начинают бытовать железные плуги, веялки, сенокосилки и даже жатки. «У рядом с русскими заселками и селениями живущих инородцев, — отмечал журнал Присутствия Томского губернского правления за 7 декабря 1909 г., — появляются сохи и плуги, а для уборки урожая и другие усовершенствованные земледельческие машины, вплоть до жнеек»[60].

Аналогичные явления были характерны не только для Горного Алтая. Они наблюдались и в других национальных районах. Например, К. Пален, обследуя хозяйственную жизнь «инородцев» Средней Азии, отмечал в 1907 г., что только население одной деревни Орловой Аушеатского уезда Сыр-Дарьинской области, приобрело в свое пользование свыше 300 плугов и 100 фургонов[61].

Однако следует отметить, что не все осевшие алтайцы начинали заниматься земледелием. В силу вековой традиции отдельные лица продолжали заниматься скотоводством. Но это занятие тоже преобразовывалось. Теперь оно развивалось уже на новой, русской основе. Под влиянием переселенцев алтайцы начинают разводить более продуктивные породы скота, совершенствовать способы его содержания. Но племенным скотом располагали только зажиточные люди и это, в известной степени, тормозило селекционную работу. В числе лиц, имевших племенных животных,

не последнее место занимал купец Яков Мокин, уделявший много внимания улучшению местной алтайской породы лошадей. В начале XX в. алтайцы, проживавшие в бассейне рек Кана и Чарыша, все чаще обращаются к нему с просьбой дать им своих племенных жеребцов «для выработки хорошей верховой и обозной лошади»[62]. Много работал в этом направлении бай Аргымай Кульджин, проживавший в Теньгинской долине. С этой целью он посетил Англию и Германию, где знакомился с развитием коневодства. Разведением племенных быков занимался в долине Кюма зажиточный алтаец Павел Тадыкин[63]. Баи бассейна реки Маймы и ее притоков занимались разведением племенных холмогорских коров[64]. И хотя эта работа велась в зажиточных хозяйствах, она, тем не менее, не могла не оказать своего влияния на развитие хозяйств рядовых алтайцев и переселенцев.

Подобную же аналогию можно привести из истории Казахстана и Средней Азии. Например, в «Обзоре Сыр-Дарьинской области за 1913 год указано, что «туземное население разводит крупный рогатый скот, который в последнее время стал вытеснять мелкую киргизскую породу»[65].

Культурное скотоводство, проникшее в алтайское хозяйство, потребовало от него и изменения и способа содержания животных. При господстве кочевого образа жизни скот содержался исключительно на подножном корме, что было связано с постоянной угрозой его гибели от бескормицы в снежные зимы. С проникновением в Горный Алтай русского населения и становлением его хозяйства, коренное население воочию стало убеждаться в преимуществах русской системы содержания скота. По примеру русских крестьян оно начинает строить утепленные загоны для скота и заготовлять сено на зимний период. В начале XX в. его заготовка была уже достаточно значительной. Военное ведомство, проводившее в 1908 г. обследование Горного Алтая, отметило, что его населением на зиму накошено почти 2,5 млн. копен сена, из которых на долю алтайцев приходилось около двух третей. По его подсчетам на одно алтайское хозяйство было заготовлено в среднем по 250 копен, русское — до 300[66]. В отдельных районах Горного Алтая в качестве подкормки алтайцы начинают использовать соль[67].

Переход на оседлость дал значительный толчок домостроительству среди алтайцев, которые в новой обстановке все чаще отказывались от возведения традиционных жилищ. Так, за период с 1897 по 1908 г. количество домов у алтайцев увеличивалось на 65%, в то время как юрт — только на 13%, сенокошение — на 63%. На 62% увеличилось общее количество запашки, на 70% —

число занимающихся пчеловодством. Возросло за это время и число «инородцев», проживавших в селениях совместно с русскими. С 18% в 1897 г. оно увеличилось до 24% в 1908 г.[68] Переход алтайцев от кочевого быта к оседлому заметно усилил и социальное расслоение в их среде. Уже к концу XIX в. алтайское хозяйство приобрело признаки, характерные для процесса капиталистического расслоения деревни. Причем в районах соприкосновения первого с хозяйством переселенцев этот процесс происходил значительно быстрее и интенсивнее, нежели в районах чисто скотоводческих, которые были наиболее удалены от рынков и переселенческих деревень.

В начале XX в. одинаковых хозяйств в скотоводческо-земледельческих районах Горного Алтая было уже трудно сыскать. Деление на богатых и бедных теперь просматривалось гораздо явственнее, чем раньше. С каждым годом все увеличивалась бедняцко-середняцкая масса. Местная знать стремилась сильнее закабалить обедневших сородичей и тем самым удержать их около себя. Поэтому оседание бедняков-алтайцев зачастую происходило под лозунгом освобождения их от гнета местной знати, что, в известной степени, содействовало усилению борьбы в алтайском обществе. Баи и зайсаны, захватив в свои руки общинные земли, скот, и превратив в полукрепостных бедняков, постоянно выступали против их перехода на оседлость. Фальсифицируя факты, они доказывали неправомерность оседания алтайцев, негативность переселений и влияния русских крестьян на алтайцев. Так, Аргымай Кульджин, подчинивший своей власти все инородческое население Теньгинской долины и Урсула, всесильные владетели урочищ бассейнов рек Песчаной и Большой Черги — баи Катык и Пуришкак и другие, как инородческие депутаты, неоднократно обращались к властям с жалобами на «злодейства» переселенцев, притеснения с их стороны и каждый раз настаивали перед администрацией о запрещении поселения русских крестьян на территорию Горного Алтая[69].

Важным и непосредственным результатом переселений, последующего развития края явилось сближение трудящихся алтайцев с русским трудовым народом. Объединение в одном государстве народов Кавказа, Поволжья, Казахстана, Средней Азии и Сибири, в том числе и алтайцев, способствовало развитию их в рамках одной хозяйственной системы, сближая, таким образом, их как между собою, так и с русским народом в хозяйственном и культурном отношении.

Это положение становится еще яснее, если сопоставить колониальные окраины России с колониями других капиталистических

стран. Например, порабощенные народы Индии, в лице приезжавших к ним из далекой заморской метрополии военных и чиновников колониального, административного аппарата, встречались лишь только с представителями эксплуататорских классов. Английского трудового народа здесь не было[70]. В противовес этому, трудящиеся колониальных окраин России, в том числе и алтайцы, встретились не только с представителями господствующего класса, не только с его чиновниками, купцами-ростовщиками, но и с представителями передовой интеллигенции, сельскохозяйственными и промышленными рабочими России. Общение трудящихся масс окраин, в том числе и алтайцев, с русским народом положило начало дружбе меж ними, которая крепла и закалялась в общем труде и невзгодах.

3. РАЗВИТИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КАПИТАЛИЗМА НА АЛТАЕ

Падение крепостничества в России знаменовало собой рождение новой общественно-экономической формации — капитализма. Развиваясь, он втягивал в сферу всеобщего товарного обращения все новые и новые регионы, нещадно ломая их местные особенности. Не обошел стороной этот процесс и Сибирь, в том числе и Алтай.

Однако, говоря об отмене крепостной зависимости в сибирском регионе, следует отметить, что она коснулась весьма незначительной части населения. Достаточно сказать, что помещичьи крепостные крестьяне в Сибири составляли лишь одну тысячную долю от их общего числа. По X ревизии (1858—1859 гг.) здесь было зафиксировано 36 помещиков и 70 белопоместных дворян. Общее количество крепостных составило около 3700 человек, в том числе 900 дворовых[71]. После отмены крепостного права в сибирском регионе не осталось ни одного помещичьего имения.

Своеобразную группу зависимого населения, как указывалось выше, представляли собой приписные крестьяне и мастеровые кабинетских и казенных заводов Алтайского и Нерчинского горных округов. К 1861 г. здесь имелось свыше 145 тысяч приписных крестьян и более 29 тысяч мастеровых и урочников[72]. По указу 8 марта 1861 г. принудительный труд этой категории зависимого населения был отменен. В течение трех лет крестьяне переводились с «издельной горнозаводской повинности» на оброк. Они были обязаны платить в год по 6 руб. с души. Наряду с этим, крестьяне должны были нести земские (уездные), общественные и казенные повинности. За приписными крестьянами закреплялись в пользование усадебные и полевые участки. Мастеровые осво-

бождались от обязательных работ в течение двух лет. Освобождение приписных крестьян и мастеровых от принудительного труда способствовало заметному распространению наемного труда, росту капиталистических отношений.

Однако реформа 1861 г. не затронула основной массы сибирского крестьянства, но зато она содействовала росту переселений в Сибирь, проникновению капитализма на ее окраины. Процесс развития последнего здесь проходил по одним и тем же законам, что и в центре России, но несколько в иной форме. Специфичность ее заключалась в том, что в сельском хозяйстве Сибири отсутствовало помещичье землевладение и при значительном количестве свободных земель широко распространилось «захватное» землепользование. Наконец, специфика этого региона была и в том, что он являлся колонизуемой окраиной, что, в свою очередь, еще сильнее содействовало расслоению крестьянства. Переселения заметно увеличили рынок дешевой рабочей силы, что не могло не сказаться на развитии производительных сил края.

Либералы и сибирские «областники», ссылаясь на преобладание в Сибири «принципа государственной собственности на землю», утверждали, что она будет «спасена от стремительного потока развития капиталистических форм». По данным 1899 г. на долю частного землевладения в Сибири приходилось всего 524 дес. или 0,04 ее общего пространства[73], но это не спасло ее от наступления капитализма. Сельская буржуазия (кулачество), обладая средствами для обработки земли, эксплуатируя наемный труд, фактически утверждала за собой обширные земельные угодья, достигавшие 200 и более десятин земли, хотя верховным собственником ее в Сибири считалось государство. Частичные, а местами общие переделы земель до некоторой степени регулировали «захватнородовую» форму землепользования, но не устраняли ее. Исследователи аграрных отношений в России неоднократно отмечали, что в Сибири «нет обязательного и уравнительного» надела, нет сложившейся частной собственности на землю. Зажиточный крестьянин не покупает и не арендует землю, он просто захватывает ее. Это была типичная для Сибири капиталистическая форма концентрации земли в руках зажиточных крестьян. Накапливалась она и путем покупки и аренды. Но эти формы в Сибири существовали в незначительных размерах[74].

Как известно, основная часть земли в Сибири считалась собственностью государства и Кабинета. Собственность на нее включала право пользования, владения и распоряжения. Но по законам право пользования в Сибири принадлежало крестьянину, владения — крестьянской общине, а право распоряжения остава-

лось за государством. Фактически же крестьяне не только пользовались и владели землей, но и распоряжались ею. Захватив свободные земли, они пожизненно пользовались ими и передавали их по наследству. Аренда, продажа и покупка земли как общинами, так и отдельными крестьянами также не были исключением и практиковались повсеместно.

Отсутствие помещичьего землевладения заметно способствовало росту капитализма в сельском хозяйстве Сибири, но оставшиеся в нем докапиталистические пережитки существенно тормозили развитие капиталистического способа производства. Наиболее рельефно это проявлялось в национальных районах. Эти сдерживающие факторы оказывали отрицательное воздействие на заселение и хозяйственное освоение сибирских окраин, что, в конечном счете, значительно суживало рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Негативное влияние на развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути оказывало чрезмерное обременение крестьян разного рода податями и повинностями, процветание дореформенных порядков в административно-территориальном управлении сибирскими окраинами, а также существование на Алтае и в Восточном Забайкалье кабинетского землевладения.

Говоря о феодальных пережитках как о несомненном препятствии для развития капитализма, следует отметить, что влияние их в Сибири было все же значительно слабее, нежели в центре страны, где широко бытовало помещичье землевладение. Немалую роль в общем экономическом развитии Сибири играла промышленность. Но здесь она была развита очень слабо. Кабинетские и казенные заводы, лишившись принудительного труда, не в силах были приспособиться к новым — капиталистическим отношениям и вытеснялись частнокапиталистическими предприятиями.

Трудности промышленного развития Сибири, в том числе и Алтая, были на руку промышленной и торговой буржуазии центра страны, боявшейся конкуренции. Ее устранению должна была послужить и задуманная капиталистами центра система кредитования сибирских купцов, многие из которых имели промышленные предприятия. Кредит мог быть получен только товарами, но не деньгами. Это еще в большей степени превращало сибирских торговцев из самостоятельных предпринимателей в посредников между региональными и центральными рынками. При такой системе торговцам было не выгодно заниматься промышленным предпринимательством. Поэтому оно все больше приходило в упадок и уступало место ростовщичеству.

На слабом развитии сибирской, в том числе и алтайской,

промышленности сказывались также недостаточная заселенность и хозяйственная освоенность этого обширного края, приводившие к ограничению рынка сбыта промышленной продукции, удаленность региона от крупных промышленных и торговых центров при плохих путях сообщения. Местная промышленность не могла конкурировать с более сильной и развитой промышленностью Урала и центра Европейской России.

4. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Первые десятилетия после отмены крепостного права не принесли каких-либо серьезных изменений в развитие отрасли. Она в Горном Алтае, равно как и в соседних с ним Туве и Хакасии находилась «далеко не в цветущем состоянии»[75]. Это был результат господства парозалежной системы полеводства. При ней, как известно, вся обрабатываемая земля делилась на две части: одна находилась под посевами и парами, другая — в резерве (залежь). По мере истощения плодородия «рабочих» земель, зарастания их сорняками — они оставлялись крестьянином «на отдых». В хозяйственный оборот включался резерв (залежь) или же распахивался новый целинный участок. Сроки эксплуатации и отдыха земли полностью зависели от ее плодородия, качества обработки, а также от экономической мощи крестьянского хозяйства. Надо сказать, что парозалежная система не была чем-то застывшим, с раз и навсегда установившимися севооборотами. Нет, порядки полеводства в Сибири были изменчивы. Они варьировали не только по отдельным районам, но и в пределах одного и того же населенного пункта, отличались различными севооборотами — сроками залежи и посевов. На Алтае наиболее распространенным типом парозалежной системы был севооборот в 17 лет, из которых 6 лет было занято под посевами, 2 года — под парами и 9 лет — под залежью[76]. Но наблюдались и самые различные отклонения от этого «среднего» типа залежно-паровой системы, прежде всего в сроках залежи от величины крестьянских надельных земель и качества почвы.

Плодородие же земли можно было поднять внесением удобрений. Однако в 60—80-е гг. XIX в. к удобрению полей навозом на Алтае не прибегали, ибо это требовало значительных дополнительных затрат, которые, по мнению крестьян, в тех условиях не окупались. Им было выгоднее распахать целину, чем удобрять истощившуюся пашню. Были у крестьян и другие причины, побуждавшие их не заниматься интенсификацией своего хозяйства:

это сравнительная дешевизна хлеба[77], малая емкость рынка и обилие свободных земель.

Что касается алтайского хозяйства, то в эти годы в нем заметны изменения: усиливалась роль земледелия, сокращалось табунное скотоводство, что вело к естественному увеличению оседлости и сокращению кочевания. Если говорить о системе земледелия, то она мало отличалась от той, что бытовала у русских крестьян. Единственная разница состояла лишь в орудиях труда, которыми алтайцы обрабатывали землю[78]. Но и она со временем начала исчезать. Под влиянием соседей-старожилов, а особенно переселенцев их орудия труда постепенно проникают и в «инородческое» хозяйство. На смену ручной мотыге — «абылу» — и примитивной сохе — «андазыну» — приходят вначале «рогалюха» и «вилачуха» — сохи без передка, запрягаемые в одну лошадь, а потом — «колесуха» и «сабан» — колесовые сохи, запрягаемые не менее чем в две лошади. С 80-х гг. алтайцы — через своих «учителей» — знакомятся с железным плугом, боронами с железными, реже с деревянными зубьями, веялками, молотилками, сенокосилками и др.[79]

Проникновение новых или усовершенствованных орудий труда, капиталистических начал в сельское хозяйство края породило в нем новые тенденции. Это в конечном счете нанесло чувствительный удар по основам бытовавшей на Алтае системе земледелия. Теперь, чтобы получать высокие урожаи зерновых необходимо было и заботиться о плодородии почв, и улучшать качество обработки земли. И еще одна сторона начавшегося процесса — это резкое сокращение свободных земель. К такому положению на Алтае привело массовое переселение крестьян в данный регион. В частности, с 1866 по 1889 г. сюда прибыло 100 тыс. новоселов[80]. Все это вместе взятое и предопределило постепенный переход крестьянских хозяйств от парозалежной системы к двухпольной (пар — яровые, пар — озимые), а потом и к трехпольной системе полеводства «с применением удобрения навозом, с преобладанием ржи в озимом поле, овса и ячменя в яровом, и с зеленым, ничем не занятым паром»[81]. Надо отметить, что к ним переходили не только русские крестьяне, но и алтайцы. И здесь опять-таки сказывалось соседство, совместное проживание их с русским населением. Приобретя крестьянские орудия труда и освоив их, алтайский землепашец заметно повысил производительность своего труда. Теперь за день алтаец мог вспахать в три раза больше, чем раньше. Это позволило ему увеличить размеры пашни до 3,25 дес. на одно хозяйство[82].

80—90-е гг. XIX в. явились годами заметного роста посевных

площадей и производства хлеба на Алтае. Этому содействовало окончание строительства Сибирской железнодорожной магистрали. Приток населения повысил спрос на мясо, хлеб и другие продукты. В 1889 г. только в Бийском округе под пашней было занято 345 633 дес. с которых снято 257 051 четвертей озимой ржи, 292 472 — ярицы, 1 110 160 — пшеницы, 1 118 732 — овса, 146 853 — ячменя, 118 935 — гречихи, 293 871 — проса, 64 688 — гороха и 24 076 четвертей картофеля[83]. Однако рост посевных площадей значительно отставал от роста населения. К началу 80-х гг. на Алтае проживало 342 тыс. душ обоего пола. Большой прирост его дали переселения. За 24 года (1866—1890 гг.) в округ переселилось 200 тыс. человек[84]. Увеличение населения в целом привело к тому, что к концу века на Алтае стала еще острее ощущаться нехватка земли. Это понудило крестьян еще более активнее заняться повышением плодородия почв, улучшением обработки земли, подбором культур, которые приносили наибольший доход. Культивирование последних целиком зависело от почвенно-климатических условий края. В его горной части с ее резко континентальным климатом преобладали ячмень и озимая рожь. В степных районах, где выпадало мало снега, озимые не культивировали. Здесь возделывали в основном яровые — пшеницу и овес. Повсеместно выращивался картофель. Причем, его посевы росли значительно быстрее, чем посевы зерновых. С 60-х по 90-е гг. они увеличились на Алтае и в Сибири в целом почти на 65%[85]. Наряду с указанными, крестьяне сеяли просо, гречиху, лен, коноплю, свеклу и овощи. Выращиванием последних занимались все крестьянские хозяйства. Но лучше и богаче огороды были у переселенцев. По свидетельству современников, у старожилов «редко можно найти на огородах что-нибудь кроме капусты, огурцов, лука, моркови и редьки»[86]. Но это отнюдь не говорило о нерадивости старожилов. То был результат землеустройства, проведенного в конце XIX в., в ходе которого старожилы лишились значительной части земли, что не могло не отразиться на размерах их селений и усадеб. Например, среднее по размерам селение в Томской губернии состояло из 119 дворов. Переселенческое — из 56 дворов, старожильческое — из 169. Средний размер усадьбы переселенца в три раза превышал таковой у старожила[87]. Но в данном случае неважно кто и сколько выращивал, важен факт существования огородничества на Алтае, которое благодаря усилиям русских крестьян к концу века прочно вошло в хозяйство многих алтайцев и содействовало как увеличению продовольствия, так и разнообразию ассортимента их пищи[88].

60-е гг. мало что изменили в алтайском животноводстве.

Оно по-прежнему оставалось консервативным. Скот, как и прежде, в большинстве своем содержался круглый год на открытом воздухе. Исключение делалось только для молодняка. Телят алтайцы брали к себе в жилую юрту, ягнят же помещали в ямы, предварительно выстлав их сухой травой и перекрыв жердями, поверх которых настилали бересту и шкуры. Находясь в таком укрытии, животные согревались собственной теплотой, прижимаясь друг к другу[89]. Правда, впоследствии в районах тесно примыкавших к русскому населению, особенно по правобережью Катуни, все чаще стали появляться крытые пригоны для скота. Здесь же впервые стало внедряться стойловое содержание скота, позаимствованное алтайцами опять-таки у русских крестьян. Последние завезли в Горный Алтай и косу-литовку. С ее применением в корне изменилась техника уборки сена в алтайском хозяйстве. Использование крестьянских орудий труда, приемов работы заметно повысили производительность и количество заготовляемого сена. К концу века алтайское население, проживавшее в бассейнах Челушмана и Башкауса, заготовляло до 27 тыс. копен сена или от 45 до 70 копен на одно «инородческое» хозяйство[90]. Однако и эти меры не гарантировали алтайцу благополучие. Его животноводство в целом продолжало зависеть от превратностей климатических условий. Холодные снежные зимы, гололед на пастбищах наносили ему огромный урон. Так, в неблагоприятную весну 1897 г. скотоводы только трех алтайских дючин (пятой, шестой и седьмой) потеряли около 18 тыс. голов скота[91]. А в снежную зиму 1913 г. алтайскими хозяйствами, примыкавшими к Чуйскому тракту, было потеряно 16 тыс. голов скота[92].

Однако приводя эти и другие количественные показатели, характеризующие состояние и развитие алтайского животноводства, нельзя не высказать некоторые соображения по этому поводу. В имеющейся сибирской историко-экономической литературе утвердилось положение, что основными держателями скота были «инородцы», на долю которых приходилось от трети до половины численности скота, зарегистрированного на тот или иной период в том или ином национальном регионе[93]. С подобным утверждением можно согласиться, поскольку скотоводство у большинства сибирских «инородцев» являлось основным видом хозяйственной деятельности. Но когда речь заходит о количестве скота у них, точность такого показателя можно поставить под сомнение. И вот почему. Местные власти всегда стремились иметь такие сведения, причем по годам. И они их собирали, но почти всегда со слов родовых или улусных старост, которые и сами зачастую не располагали точными данными о наличии скота в своих родах и улусах.

С другой стороны, боясь увеличения ясака (налога), алтайцы (как и другие «инородцы») всегда называли явно преуменьшенные цифры. И, наконец, о показателях, характеризующих падежи скота от бескормицы и эпидемий. Есть основания полагать, что «инородцы» из суеверного страха никогда не называли точных размеров понесенного урона (равно как и точную цифру имеющегося поголовья). Когда же представлялась возможность, они вообще старались умолчать о своих потерях.

Выше уже отмечалось, что массовый приток переселенцев повысил спрос на скот, мясо и другую животноводческую продукцию. Главными их поставщиками на рынок были алтайцы-богачи, в чьих руках сконцентрировалось основное поголовье скота[94]. Но в 80—90-е гг., наряду со скотом, кожами, шерстью, особенно возрастает спрос на масло. Алтайцы и раньше его производили, однако качество масла было низким и оно шло в основном на собственное потребление[95]. Положение изменилось с появлением сепаратора. Он внес прогресс в технику производства масла, увеличил его объемы, повысил товарность молочного скотоводства. Баи, такие как Аргымай Кульджин, отец и сын Тобоковы и другие, начинают строить маслодельные заводы. На рубеже XIX—XX вв. они появились в Теньге, Большом Карасуке, Салганде, Паспауле и других местах Горного Алтая[96]. Их появление оказало непосредственное влияние на окружавшие их хозяйства, ставшие поставщиками молока. Состоятельные алтайцы, почуяв выгоду, начали увеличивать поголовье коров[97]. Отдельные, как баи проживавшие в долине реки Маймы, заводят племенных холмогорских коров. Другие, подобно баю Павлу Тыдыкину, жившему в долине реки Куюм, улучшали свое молочное стадо завезенными племенными быками[98].

Разведение более продуктивных пород скота потребовало и совершенствования способов его содержания. И здесь опять-таки были использованы опыт и практика хозяйствования русских крестьян. По примеру последних алтайцы строят утепленные загоны для скота, заготовляют на зиму сено, причем в значительном количестве. В начале XX в. военная комиссия, обследовавшая Горный Алтай, учла 2,5 млн. копен сена, заготовленного на зиму. Две его третей было заготовлено алтайцами[99].

Получило развитие и коневодство. Его преобразование происходило на новой, исключительной русской основе. Совершенствовались как техника, так и способы содержания лошадей. Наиболее зажиточные скотоводы втягивались в селекционную работу. Особенно преуспели в этом деле братья Кульджины. С целью изучения развития коневодства Аргымай побывал на российских

конезаводах и даже посетил Англию и Германию[100]. Его усилия в области селекции увенчались успехом. Он стал даже одним из поставщиков лошадей для царского двора. Преуспел и Манджи. Он разводил полукровных орловских рысаков[101].

Новой отраслью крестьянского хозяйства в рассматриваемое время явилось мараловодство. Некоторые жители края (старожилы и переселенцы) стали заниматься разведением маралов или изюбров (подвид благородных оленей) с целью получения имевшего широкий спрос на рынке продукта — пантов (неокостенелых рогов), из которых изготовлялись лекарственные препараты (пантокрин)[102].

Однако все эти изменения не носили характер массового движения. Та же селекция была делом весьма дорогостоящим. Это понимали и алтайцы, и крестьяне. А потому не слишком проявляли интерес к селекции. Им необходим был скот, который был приспособлен к местным условиям и давал необходимую продукцию. Поэтому они брали не качеством, а количеством, хотя в конце XIX в. в условиях все усиливавшейся земельной тесноты вести так свое хозяйство было очень сложно.

Возросшим спросом на скот и продукты животноводства воспользовались также не все алтайцы и крестьяне, а лишь наиболее состоятельные. Отдельные из них, сделав ставку на скототорговлю, превратили ее в основное свое занятие. Скупив по весне по дешевой цене молодняк, они откармливали его до осени. С наступлением торгового сезона скот пригонялся в места сбыта — ярмарки. Таковые проводились в Кош-Агаче, Онгудае, Шебалино и Улале[103]. Немало скота попадало в Бийск: на Воздвиженскую ярмарку, проводившуюся 14 сентября, и на Екатерининскую (24 ноября)[104]. Цены на ярмарках были относительно низкими. В конце XIX в. корова стоила 12—20 руб., бык — 15 руб., теленок — 3—4 руб., овца местной породы — 2—2,5 руб., лошадь-четырехлетка — 20—25 руб.[105], хотя ее средняя стоимость в округе составляла 30—50 руб.[106] Невысоки были цены и на продукцию, сырье. Так, пуд масла стоил 4,5—5,5 руб., говядины — 1,6—1,8 руб., баранины — 1—1,5 руб., сала — 4 руб., шерсти — 4—5 руб.[107] За сырую конскую шкуру торговец мог получить 1—1,25 руб., за выделанную — до 3 руб., сырую воловью — 2—3 руб., выделанную — 5—7 руб. и за овчину — 40—50 и 60—70 коп. соответственно[108].

Словом, складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны был значительный спрос на скот, продукты животновдства и сырье, с другой — довольно-таки низкие цены. Это был результат своеобразного перепроизводства. Во-вторых, к такому итогу при-

водили неразвитость путей сообщения и узость внутреннего рынка. Зачастую товар не доходил туда, где он был очень нужен. Эти и другие причины не побуждали скотовода (русского и алтайского) активно работать на рынок, ибо доход от продажи никак не покрывал расходов. Потому-то и работал он в большинстве своем на производство продуктов для собственного потребления.

5. РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ В КРАЕ. ПОЯВЛЕНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА

Реформа 1861 г. нанесла ощутимый удар алтайской горнозаводской промышленности, державшейся ранее на дешевой подневольной рабочей силе. Сокращение добычи цветных металлов послужило своеобразным толчком к развитию золотопромышленности в крае. Отныне «все силы и средства, — по свидетельству, источника, — направлены были на добычу золота»[109]. Однако Кабинет оказался не в состоянии поставить золотодобычу на должный уровень. Многие кабинетские прииски вскоре были закрыты, а часть их попала в руки купцов и отдельных компаний. Они же занялись и разработкой новых месторождений. Среди компаний особенно преуспело «Алтайское золотопромышленное дело В. И. Асташева и Ко»[110]. В отличие от Кабинета купцы и компании постоянно обращались к свидетельствам источников о месторождениях золота в Горном Алтае, ибо они позволяли им открывать свои прииски именно в рудных районах. При этом учитывались транспортные связи, возможности обеспечения приисков рабочей силой, удаленность их от населенных пунктов, климатические условия и т. д. Именно по этим соображениям были отвергнуты промышленниками богатые золотоносные месторождения по рекам Куроте и Караколу, Чуе и Чаган-Баргузы, Челушману и Башкаусу[111], а избраны для разработки места по системам рек Кондомы, Мрассы, Балыксы и Лебедя. В частности, участки в бассейне Лебедя были арендованы в 1881 г. у Кабинета коллежским советником П. Д. Мальцевым[112].

При аренде, как правило, плата взималась с площади. Так, за территорию до 50 дес. платили по 1 руб. за десятину, до 100 дес. — полтора и более 150 дес. — 2 руб. за десятину[113]. Однако Кабинет полностью игнорировал установленные правила. Он просто обязывал арендатора ежегодно платить ему «пошлину в размере 15% со всего добытого золота»[114], а также «арендную плату в размере 2% со всего добытого золота». Короче говоря, за 10 лет аренды П. Мальцев должен был уплатить Кабинету 215 тыс. металлических рублей[115]. Непременным условием аренды

было также внесение Мальцевым залога в размере 50 тыс. руб. Согласно договору, эта сумма выплачивалась кредитными билетами[116].

На первый взгляд, кажется, что сумма уплаты весьма велика и вряд ли стоило вносить ее за территорию, не давшую пока ни рубля. Но арендатор, опираясь на свидетельства источников и рудознатцев, верил в успех. Этот оптимизм подтвердили и начавшиеся работы. При промывке 100 пудов песка прииски Лебединской системы дали в среднем от 2 до 5,5 г золота[117], что согласно расчетам, позволяло получать в среднем до 17 пудов шлихтового золота в год[118].

Но не только богатые месторождения приносили барыши хозяевам. Получали они их и путем нещадной эксплуатации наемных рабочих. Их наем производился по контракту в период с 1 по 15 октября. Как правило, компании и частные предприниматели заманивали на прииски рабочих обещаниями хорошо платить за «сверхурочные выработки», за найденные самородки и т. д. Рабочим, в основной массе неграмотным, трудно было разобраться в истинной сути заключаемого договора. К тому же их давили нужда и голод.

Принятым на работу выдавался задаток в сумме 10 руб. и «проездой куш» в размере 5 руб.[119] Попученные деньги не были милостью хозяина рабочему. Они записывались за ним в счет его будущего заработка. Таким образом, не приступив к работе, наемщик уже имел долг в размере 15 руб. Заполучив работника, хозяева очень скоро забывали о контрактных условиях и вводили свою жесткую, заведомо низкую оплату. Различие в ней наблюдалось не только по полу[120], профессиям, но и по сезонам работы. Так, с 1 октября по 1 марта за выполнение «дневного урока» уплачивалось: забойщику — 40 коп., возчику и отвальщику — по 35 коп. С 1 марта по 1 мая всем им платили по 50 коп. И, наконец, с 1 мая по 1 октября забойщик получал 75 коп., возчик — 65, отвальный — 60 коп[121]. Как будто, рост оплаты налицо. Но кажущееся повышение сразу исчезает, как только мы обратимся к объему выполняемых работ. Если в зимний период забойщик, возчик и отвальный должны были выработать 27 куб. аршин (19,17 куб. м) грунта[122], то весной они обязаны были выработать 34 куб. аршина (22,14 куб. м) и в летний период — 40,5 куб. аршин (29,75 куб. м)[123]. Словом, от установления таких дневных заданий 1 куб. м грунта обходился: зимой — 2,28, весной — 2,2 и летом — 2,1 коп. Следовательно, кажущийся рост оплаты труда на самом деле оборачивался ее снижением в зависимости от затрачиваемых сил.

Хотя в контрактах предусматривался отдых в праздничные дни, фактически это условие не соблюдалось[124]. Хозяева заставляли работать старателей и в такие дни. Правда, в праздничные дни труд рабочих оплачивался на 10—15 коп. выше установленной нормы. Если в будни зимой забойщик получал 40 коп. за выработку 1 куб. сажени грунта, то в праздничные дни ему платили — 50 коп.: весной — 50 и 60 коп.; летом — 75 и 90 коп. соответственно[125].

Как и на государственных предприятиях рабочий приска имел расчетную книжку. Но в отличие от первых, где существовал твердый порядок ежемесячного подсчета по рабочей книжке в присутствии самого труженика, на приисках, и это предусматривалось контрактом, такой подсчет в присутствии рабочего производился только раз в контрактный год, в конце года, что давало хозяевам возможность беззастенчиво обсчитывать и обворовывать старателя. Ежемесячно заносилось в книжку лишь то, что было взято рабочим из приискового магазина, а также деньги, выданные ему для отправки домой и на уплату податей. При такой системе подсчета должники на приисках отнюдь не были редким явлением. Например, из 316 рабочих, трудившихся в сезон 1893—1894 гг. на приисках Лебединской системы «Южно-Алтайского золотопромышленного дела» должниками остались 70 чел., сумма их долга составила 1966 руб. 62 коп.[126]

Должники не могли покинуть прииск не рассчитавшись. Поэтому, отдохнув две-три недели, они снова нанимались на работу, но теперь уже для отработки своих долгов.

Одним из средств понижения зарплаты и усиления эксплуатации рабочих были штрафы. На частных приисках они налагались совершенно произвольно и по самым разнообразным поводам. Рабочий штрафовался и за порчу материалов, машин, сбруи, за пререкания и даже за «жестокое обращение с лошадью». В частности последний «поступок» карался 2 руб. Несвоевременный выход на работу или самовольная отлучка с нее лишали работника (при помесячной и подённой оплате) одной восьмой части дневного заработка. Аналогичное нарушение при сдельной оплате лишало труженика 15 коп.[127]

Рабочие выбивались из сил, чтобы повысить свой заработок. Но это не всегда удавалось, ибо «уроки» задавались хозяевами все же большие. В течение рабочего дня (10—12 часов зимой и 15—16 часов летом)[128] рабочий должен был перебросить около двух тонн грунта. При работе он пользовался кайлом, ломом, киркой и разнообразными лопатами. Промывка золотосодержащего песка производилась в чашах, бочках и бутарах, приводившихся

в движение лошадьми. При таких орудиях труда не всегда можно было выполнить дневное задание. За невыполнение его — следовало наказание. Если не выполнялась половина задания — высчитывалась одна четверть дневного оклада (при повременной оплате) и 25 коп. — при сдельной. При невыполнении трех четвертей «урока» вычет составлял половину оклада и 50 коп. соответственно[129].

Нелегкий труд подрывал силы рабочих, а восстанавливать их было сложно, поскольку жилищно-бытовые условия на алтайских приисках были неудовлетворительными. Обычным типом жилья были бараки. Строились они на «скорую руку». Стены выкладывались из тонких бревен и слегка конопатились мхом. Отапливался барак железной печкой, стоявшей посредине «казармы». Она предназначалась и для обогрева помещения, и для приготовления пищи, и для сушки белья, одежды и обуви[130]. Общую картину неустроенности «казармы», неприспособленности ее для жилья дополняли разбитые стекла маленьких окон, плохо закрывающиеся двери, отсутствие сеней и т. д. И к такому жилью горная администрация при проверке не имела никаких претензий, поскольку не находила в нем изъянов. Так, горный исправник Алтайского округа Терехин, инспектируя в 1894 г. прииски по реке Балыксе, отметил в книге актов, что жилые помещения этого района «достаточны и удобны»[131]. А более менее оборудованные помещения Харлампиевского прииска привели его в восторг и, по его мнению, могли «служить образцом для всех приисков... Алтайского округа»[132].

Тяжелые работы, плохие жилищно-бытовые условия подрывали здоровье рабочих. Но хозяева и официальная статистика умалчивали об этом. В отчетах — почти на каждом прииске — указывалось наличие больницы с запасом необходимых медикаментов и отрицалось наличие эпидемических заболеваний и несчастных случаев[133]. На деле все было по-иному. Из семи приисков Лебединской системы больницы в 1894 г. были лишь на двух: Андабинском (на 8 кроватей)[134] и Царево-Александровском (на 7 кроватей)[135]. Их медперсонал состоял из трех фельдшеров, весьма низкой квалификации. Однако это мало беспокоило хозяев прииска. Для них важно было отчитаться перед инспекторами: есть больницы, есть медперсонал. А сколько отпускалось средств на содержание больниц, на лекарства — это дело второстепенное. А выделялись на них крохи. Так, на содержание указанных больниц, на медикаменты было выделено хозяевами всего 1107 руб. 20 коп.[136] И это на 635 приисковых рабочих[137], то есть на 1чел. отпускалось в год менее двух рублей. Если учесть, что

медицинскую помощь получали и служащие приисков и члены их семей (всего 60 чел.)[138], то ассигнования на охрану здоровья рабочего в год будут совсем призрачными. Аналогичное положение было и на золотых приисках Балыксинской системы[139].

На приисках, кроме русских, работали и алтайцы, надеявшиеся в работе на золотых промыслах найти спасение от постигших их бед. Уйти на прииск — это был последний отчаянный шаг, ибо алтайцы в массе своей почти не знали профиля приисковых работ, не имели необходимых навыков, не всегда и не все хорошо владели русским языком. Поэтому нужна была смелость и решимость, чтобы при таких обстоятельствах покинуть семью, привычный для себя быт и идти на работу на прииски. Промысловое управление нанимало и использовало алтайцев на заготовке сена, бересты, рубке и подвозке леса, дров и других подсобных работах.

В первые годы зарождения и развития частной золотопромышленности рабочие из числа алтайцев были весьма редким явлением. Однако упадок скотоводства, разложение натурального хозяйства, земельная политика властей, торгово-ростовщическая эксплуатация и другие причины привели к концу 80-х гг. к разорению основной массы алтайцев, к появлению рабочей силы, которая при мелких размерах производства и отсталой технике хозяйства не могла быть целиком поглощена капитализирующейся верхушкой. Потому-то в начале 90-х гг. разорившиеся алтайцы все чаще появляются на приисках. В числе первых были выходцы Верх-Кумандинской волости, Быстрянской и Сарасинской инородных управ, коренное население которых имело более тесный контакт с русскими людьми, постоянно работавшими на приисках. Именно с такими «бывалыми» и старались уйти алтайцы на промысел. В 1890 г. к сростинцу Попову Луке, Колокольникову Андрею, Худяшову Осипу, неоднократно работавшим на приисках, присоединились «инородцы» братья Николай и Федор Манеевы. Они решили попытать счастье в работе на расположенном в районе Телецкого озера Сергиевском золотом прииске, принадлежавшем купцу А. С. Колмакову[140]. Аналогичным образом попал сюда же и алтаец, житель села Кебезень Николай Подуев[141]. Но это были пока рейды одиночек. В «операцию 1890—1891 гг. на приисках Лебединской и Балыксинской систем» трудилось всего 10 алтайцев[142]. В их числе был и Алексей Карпов, ставший впоследствии одним из руководителей стачки на Быстрянском золотом прииске[143]. В последующие годы приток алтайцев усилился. В сезон 1896 г. только на приисках Лебединской системы их работало уже 20 человек. Расширилась и география выходов. В числе старателей шестеро представляли Быстрянскую инородную управу, 5 — Сара-

синскую, 4 — Кокшинскую волость, 2 — Нижне-Кумандинскую. По одному человеку дали Верхне-Кумандинская волость, четвертая и пятая алтайские дючины[144].

Выше уже отмечалось, что большинство рабочих-алтайцев были безграмотны и не имели представления о профиле приисковых работ. Но были «и грамотны, и сведущи». Таковых хозяева записывали в отдельные списки и при необходимости ставили «смотрителями при подрядных работах». В числе последних оказались в сезон 1897—1898 гг. Николай Николаевич Мендыяков, «инородец Сарасинской управы», работавший на Чугунешском прииске[145] и Порфирий Иванович Базеев — «инородец Верхне-Кумандинской волости» — служивший на Мало-Кондомском прииске[146].

Преследуя свои интересы, хозяева нещадно эксплуатировали рабочих, не взирая на национальность. Последние пытались протестовать против этого. Но и их противоборство эксплуататорам пока дальше побегов не шло. Это отразили и документы. В мае 1891 г. полицейский стражник Беляков доносил горному исправнику, что 3 мая с приска Андабинского бежали три крестьянина Енисейской волости Бийского уезда, а с ними — двое алтайцев[147]. Не выдержал притеснений, унижений и бежал вышеупомянутый Н. Н. Мендыяков[148]. Но основная масса рабочих, в том числе и алтайцев, оставалась на приисках. Совместная работа и жизнь взаимно обогащала представителей разных национальностей, укрепляла их взаимовыручку, солидарность и сплоченность. Это наглядно проявилось в ходе стачки на Быстрянском прииске (Бийский уезд)[149].

Быстрянский прииск находился в 125 верстах южнее г. Бийска, по речке Быстрой, впадавшей с левой стороны в реку Песчаную (левый приток р. Оби)[150]. Прииск относился к числу новых. По численности рабочих он был сравнительно небольшим. На день стачки здесь работало 105 человек. По сословному и социальному происхождению контингент рабочих был очень пестрым. Большинство их составляли вчерашние крестьяне, прибывшие на прииск в поисках заработка. В числе рабочих числились также жители г. Бийска, уволенные в запас солдаты и матросы, алтайцы, жители Тобольской, Оренбургской, Орловской, Вятской и Рязанской губерний. Работали на прииске (как выяснилось в ходе следствия) и четверо ссыльных, не имевших права жительства в Алтайском округе[151].

Причинами, вызвавшими возмущение рабочих, явились тяжелые условия труда, плохое жилье, неустроенность быта рабочих, нещадная их эксплуатация, отсутствие техники безопасности тру-

да и охраны здоровья рабочих, а главное — низкий заработок и штрафы. В добавок ко всему этому, как вскрыло следствие, на прииске царил вопиющий произвол администрации. «Отличался» на этом поприще распорядитель горных работ Коверин.

Рабочие неоднократно «жаловались» администрации на его «неправильные» действия. Но их жалобы оставались безрезультатными, хотя впоследствии, они были признаны «правильными и заслуживающими внимания». В частности, в донесении начальника Томского губернского жандармского управления в департамент полиции прямо указывалось, что «управитель» приском Коверин заставлял (вопреки контракту) работать в воскресенье, произвольно увеличивал дневные задания, «безосновательно и придирчиво штрафовал рабочих, дерзко обращался с ними, дороже, чем положено брал за продукты и чинил другие незаконные притеснения рабочим»[152].

Атмосфера общего недовольства рабочих была столь накалена, что достаточно было искры, чтобы вспыхнуло пламя всеобщего возмущения. Ею послужил очередной произвол Коверина. Вечером, 12 февраля 1894 г. рабочие попросили его дать им день отдыха в воскресенье 13 февраля. Но получили отказ. Более того, Коверин приказал рабочим выйти на работу в указанный день. Но приказ управителя не был выполнен. Причем, «отказ от работы был заявлен в самой скромной форме, без... выражения каких-либо предосудительных намерений и требований». За невыполнение приказа Коверин распорядился оштрафовать каждого рабочего на 1 рубль[153]. Это действие администратора возмутило рабочих и послужило поводом к стачке.

С самого начала стачка приняла организованный характер. Этому способствовало избранное рабочими руководящее ядро стачки в составе семи человек. В него вошли: бийчане К. Епифанов, И. Логинов, И. Костюжев, О. Ясинский, «уволенный в запас матрос» И. Чиликин, крестьянин Каинского округа П. Конев и «инородец Бийского округа Быстрянской инородческой управы Алексей Карпов»[154]. Благодаря им стачка проходила организованно, рабочие действовали сплоченно и настойчиво добивались удовлетворения своих требований. Они же касались трех основных пунктов: удаления с приска распорядителя горных работ Коверина; сложения штрафа, наложенного им за 13 февраля и последующее время; ограничения вычетов за недоработки. В ходе следствия они дополнились требованиями: своевременно заполнять и выдавать расчетные книжки; освобождать от работы в воскресные дни; закупать продовольствие в присутствии представителя от рабочих и др.[155]

В течение 17 дней противостояли властям рабочие, стойко отстаивая свои права, испытав за это время немало лишений и полицейских угроз. Они не сдались, стачечники организованно (в силу экономических причин) прекратили борьбу. Несмотря на поражение (7 человек посажено в тюрьму, 60 — выслано с прииска), рабочие все же добились победы: был уволен ненавистный им смотритель работ Коверин, отменены штрафы, наложенные им на них, заключены новые контракты, которые предусматривали полный отдых в воскресенье и праздничные дни, получено право на покупку продуктов на стороне, понижены нормы дневной выработки на 25%[156].

Пример быстрянцев всколыхнул рабочих и других приисков. Но их выступления не были столь решительными и организованными как на Быстрянском прииске. Они характеризовались локальностью, эпизодичностью и стихийностью. Эти черты были свойственны и в целом рабочему движению в Сибири, которое по своему содержанию, формам и размаху было значительно слабее, чем в европейской части страны. Но несмотря на это, рабочие выступления, имевшие место на Алтае, являлись неплохой школой для рабочих-алтайцев, увидевших силу в единстве рабочих разных национальностей в их борьбе с эксплуататорами.

Усиленное развитие капиталистических начал, рост с начала 90-х гг. промышленности еще в большей степени обострили проблему освоения новых территорий. Обширные национальные окраины являли собой огромный резерв для развития российского капитализма. Особое внимание вызывала Сибирь. «Московские ведомости» так писали о ней: «Еще не тронутые рукой человека груды благородных металлов и самоцветных камней наполняют недра нашей Калифорнии. Сказочные клады залегли в ней почти на каждом шагу; здоровый климат, плодородная почва.., леса, реки — все соединилось там для обогащения человека»[157]. Не менее лестные характеристики давались и Горному Алтаю. Член Государственной думы Н. Некрасов, проехав по Горному Алтаю, отмечал потом в Сибирском собрании, что этот «край более живописный и богатый, чем Швейцария»[158]. Но наряду с красотами путешественники видели и явления, которые начинали ломать вековую рутину и отсталость этого региона.

Крестьянская реформа, как известно, не затронула основную массу алтайского крестьянства. Но она оказала заметное влияние на переселения на Алтай и распространение здесь капитализма. Процесс его развития в сельском хозяйстве края шел по тем же законам, что и в центре страны, но в несколько иной форме. Специфика заключалась в том, что здесь не было помещичьего зем-

левладения и в то же время было много свободных земель. Другой характерной чертой Алтая было то, что он являлся колонизуемой окраиной. Это и предопределило его как один из основных районов «водворения переселенцев в Западной Сибири». На Алтай только с 1884 по 1892 гг. прибыло около 200 тыс. человек[159]. Появление русских крестьян в алтайских урочищах существенно изменило социально-экономическую жизнь алтайцев, о чем подробно говорилось выше. Земледелие и огородничество, оседлость и домостроительство воспринималось последними быстрее там, где алтайцы близко соседствовали с русскими или проживали совместно с ними[160]. С другой стороны, это содействовало и более быстрому проникновению в среду алтайцев товарно-денежных отношений, что ускоряло разложение патриархально-родового быта алтайцев, интенсивнее дифференцировало их улусы, концентрируя на одном полюсе бедняков, а на другом — баев, в руках которых сосредоточивались и скот, и земля[161].

Алтайская беднота, лишенная земли и скота, начинает к концу века все чаще уходить на заработки в русские деревни, заселки или нанимается батраками к своим же баям. Источники этого времени достаточно часто упоминают, что «алтайский инородец не имеющий ничего живет обычно в качестве дарового слуги у богатого»[162]. Затруднительное положение рядовых сородичей было на руку последним, ибо их хозяйства, уже связанные с рынком почти не могли обойтись без найма батраков и потребность в них с каждым годом все увеличивалась. По свидетельству Л. П. Потапова, в 90-х гг. XIX в. вокруг малой кучки алтайских богачей были значительные массы бедняков, которые за нелегкий труд почти ничего не получали и работали главным образом за пропитание. По переписи 1897 г. таких лиц в Горном Алтае было немало. Они составили 18,1% алтайских хозяйств[163].

Нанимались алтайские бедняки на работу и в русские зажиточные хозяйства. Но идти в такие хозяйства решались немногие, ибо для этого надо было знать русский язык и определенные навыки в земледельческом труде. Наконец, не менее серьезной причиной нерешительности алтайцев являлся национальный антагонизм, постоянно разжигаемый баями, а отсюда боязнь крещения, конфликтов с русскими переселенцами. И тем не менее, бедняки шли. Востоковед В. В. Радлов, будучи в начале 70-х гг. в Горном Алтае, отмечал, что в Черге, в русском селении, имеется немало алтайцев, «проживающих здесь в работниках»[164]. Прибегали к услугам батраков-алтайцев и кулаки-старообрядцы Нижнего Уймона, и купеческие хозяйства. В последних они работали пастухами стад, откармливавшихся для продажи[165].

Говоря об использовании наемного труда зажиточными хозяйствами (русскими и алтайскими) в 60—90-х гг. XIX в., следует отметить, что на практике все это было трудно отличить от простой работы по зависимости, ибо плата во всех случаях производилась только натурой. Общеизвестно, что богачи-скотоводы, стремясь обеспечить себя рабочей силой, там и тут сдавали свой скот на выпас бедному сородичу. За право пользоваться в течение 4—5 месяцев молоком алтаец-бедняк обязан был не только все лето пасти корову, но и содержать ее весь последующий год. Сверх того, он обязывался помогать «благодетелю» заготавливать сено, дрова, следить за табунами и т. д. «Бедняки-алтайцы, — свидетельствует миссионерский отчет, — как пастухи за свой труд получают право ездить на хозяйском коне и доить 5—6 коров, причем приплод поступает в пользу хозяина, а за молоко он должен еще поставить условленное количество сена и прокормить задаром скот»[166].

По примеру алтайских баев действовал и русский купец. Купив у аборигена скот он не угонял его, а оставлял у первого на неопределенный срок. Возвращаясь, он получал уже не теленка, а взрослого быка или корову с приплодом и т. д. Шерсть и использованное молоко считались достаточной оплатой пастуху за труд по уходу за скотом[167].

Но время властно вносило коррективы в отношении между нанимателем и батраком. В начале XX в. повсеместно исчезает практика пользования хозяйским скотом. Труд пастухов все чаще оплачивается деньгами. Они нужны были алтайцу и для удовлетворения своих хозяйских нужд, и для уплаты ясака, ибо теперь казна не требовала пушнину, ей важна была уплата налога[168]. Эта ежегодная необходимость уплаты ясачной подати деньгами вынуждала алтайца изыскивать пути их добывания. И одним из них была, как и раньше, работа на богача, но теперь уже с денежной оплатой за труд. Сообщения Кабинета начала XX в., буквально пестрят известиями о том, что алтайские богачи содержат свой скот с июня до наступления зимы на «белках — открытых горных пастбищах... Скот пасут наемные пастухи», труд которых оплачивается деньгами[169].

В земледелии практиковалась смешанная оплата. Но и здесь теперь все чаще начинает превалировать денежная оплата, хотя не изжита и оплата товарами, имевшими широкий спрос на рынке. Так, экономически маломощные алтайцы, проживавшие в бассейне реки Эдигана, каждую весну обрабатывали пашню бая Токпеша за долю урожая[170]. Эта тенденция оплаты труда зерном была характерна не только для Горного Алтая. Она бытовала

и в Туве[171]. В указанной ситуации многое зависело от того, чьим инвентарем, тяглом пользовался работник. Естественно, не все алтайцы располагали одинаковым набором сельскохозяйственных орудий. Эту разницу зафиксировали и документы. Например, в 1881 г. «Томские губернские ведомости» отмечали, что «телесы обрабатывают землю гораздо лучше, нежели другие черневые татары... Они пашут землю плугами.., удобряют и орошают ее»[172]. Большинство же алтайцев и в начале XX в. обрабатывали землю примитивными деревянными сохами и ручными мотыгами[173]. Поэтому работники, нанимаясь к богачу, чаще всего использовали в процессе работы и его орудия труда, то есть в данном случае бедняк продавал фактически баю свою рабочую силу, получая за нее оплату натурой (зерном).

Однако, говоря о наемном труде в алтайском обществе, надо отметить, что рабочие руки продавали не только бедняки. К этому прибегали и скотоводы среднего достатка. Такие лица чаще всего нанимались к зайсану или баю в период сенозаготовки, получая за свой труд деньгами. Для выполнения работ они использовали хозяйские косы-литовки, которые, по справедливому замечанию Л. П. Потапова, становились средством эксплуатации[174]. Арендовав косу, плуг, лошадь, работник должен был за них отработать. Обычной мерой отработки являлась отработка за каждый день пользования инвентарем или тяглом. Используя труд работника, хозяин старался как можно меньше уплатить ему. При этом во внимание брались все моменты, даже не связанные с наймом. Так, оплачивая труд пастуха, бай требовал стопроцентного сохранения поголовья скота, приплода и возвращения ему определенного количества животноводческой продукции. Недостача каждого теленка, ягненка или жеребенка прямо пропорционально отражалась на оплате труда и без того подвергавшейся сильной узурпации. Например, бай Катык, кочевавший по реке Чарышу, при гибели приплода обязывал пастуха возместить стоимость погибшего скота пушниной или заставлял обработать пашню или заготовить определенное количество сена[175]. Невысока была зарплата у наемных сборщиков кедрового ореха и охотников. Взяв у хозяина лошадь, съестные, огнестрельные припасы и ружье, работник обязывался отдать баю бесплатно половину добычи, то есть за «помощь» при выходе на промысел. За вторую половину добычи промысловик получал оплату. За нее давались деньги и товары, естественно, по выгодной для хозяина цене. В случаях, когда добыча промысловика была мала или по качеству не удовлетворяла бая, неудачник обязан был уплатить хозяину определенную доплату в форме отработок[176]. Таким образом, промысловику редко удава-

лось получить от хозяина положенную плату, поскольку при расчетах все, арендованное у последнего, переводилось владельцем на деньги по своему усмотрению и вычиталось из суммы оцененной добычи. Чаще всего работнику приходилось больше думать, как свести концы с концами, нежели помышлять о какой-либо доплате за свой труд.

Низкий уровень зарплаты и ее натуральный характер объяснялся тем, что в Горном Алтае, так же, как в Туве, Хакасии, был крайне низок спрос на рабочую силу, в то время как рынок ее с каждым годом возрастал. Избыток рабочих рук и предоставлял собой широкие возможности хозяевам для мошенничества и грабежа наемных рабочих[177]. Чтобы пойти и продать свои руки русскому хозяину, алтаец должен был владеть русским языком и рядом навыков, необходимых для работы у первого. Всего этого у нанимавшегося зачастую не имелось. Потому-то русские предприниматели не могли воспользоваться всей массой свободных рабочих рук, которыми располагал Горный Алтай. Несоответствие спроса на рабочую силу с ее предложением, а также господствовавший в Горном Алтае характер отношений в алтайском обществе явились результатом того, что баи-предприниматели широко прибегали к методам феодальной эксплуатации, завуалированной родовыми пережитками. Через «полыш» (помощь), «тен улеш» (равная доля), «айбы кун» (день помощи) и другие формы внеэкономического принуждения они широко использовали в своих целях бесплатный труд своих обедневших сородичей. Наемный же труд только еще входил в практику и находил отклик, бесспорно, не у всех предпринимателей (русских и алтайских), а лишь у части. С другой стороны, существование патриархально-феодальных отношений в крае искажало истинную природу и формы наемного труда. Наконец, сам переход от внеэкономического принуждения к последнему в алтайских предпринимательских хозяйствах трудно поддается фиксации и изучению, ибо совершался он зачастую неуловимо. Последнее обстоятельство привело к образованию своеобразного типа работника, эксплуатировавшегося на полупатриархально-феодальных, на полукапиталистических началах[178]. К таковому относились лица, неимевшие ни своих хозяйств, ни скота. Это были пастухи (малчы), поденщики (кюн-ишчи), ямщики (ходившие с извозом на хозяйских лошадях), работники-батраки (дьялчы). Как же оплачивался их труд? Ответ на это могут дать данные, приведенные П. М. Юхневым на основе анализа переписи 1897 г. Пастухов, указывает он, держали преимущественно крупные собственники. «Кроме профессиональных пастухов, — писал Юхнев, — существует целая категория сроковых, поденных

и сдельных рабочих», у которых в ряду различных отраслей их труда известную долю составляет занятие пастьбой скота. Годовой заработок пастухов... составляет в среднем 20—25 руб.[179] Во время пастьбы пастух получал от хозяина скудное пропитание, обувь и шубу. Последняя при окончательном расчете хозяином отбиралась. Значительно ниже оплачивался труд поденных рабочих. По данным 1897 г. они зарабатывали в год от 10 до 20 руб.[180]

Достаточно заметное место в экономической жизни алтайцев занимал извоз. Им занималось население, проживавшее вблизи транспортных коммуникаций. «Калмыки, живущие по Чуйскому тракту, — сообщают документы, — занимаются извозом. Осенью они гонят лошадей в Кош-Агач, забирают там кладь и везут ее в Бийск»[181]. Но этим промыслом занималось население и глухих, отдаленных мест, таких как Улаган, Балыктуюль и др.[182] Характеризуя это занятие алтайцев, П. М. Юхнев писал, что «извоз... при обременении их долгами, при невозможных условиях кредита всегда давал им некоторый денежный заработок, при котором они единственно только и могли нести свои податные тяготы»[183]. Каковы же были условия найма и заработки извозчиков? Юхнев указывает, что заработок этих людей «составляет минимальные доли, не превышающие в год 10—15 руб... В исключительных случаях годовой заработок... повышался до 20 рублей»[184]. Кто же нанимал их? А нанимал извозчиков зачастую не сам купец, а его подрядчик, обязывавшийся доставить купеческий товар не лично, а путем найма рабочих. Отсюда становится понятной та мизерность заработка, который получал работник за длинный, утомительный, полный опасности почти месячный путь в одну поездку, проходимый ямщиком большей частью пешком. И это была не прихоть последнего. Это была вынужденная мера, ибо дороги в Горном Алтае, и главная из них — Чуйский тракт — находились в очень плохом состоянии (подробнее об этом будет сказано ниже).

Говоря об извозном промысле, следует отметить, что он заметно видоизменял жизнь населения притрактовой полосы. Оно и лучше застраивало свои деревни и села, активнее, чем в других местах, занималось кузнечным, санно-тележным и другими промыслами, обслуживавшими извоз. Но давая местным кустарям заработок, он в то же время все больше отрывал их от традиционных хозяйственных занятий (земледелия и скотоводства), вовлекая их таким образом в товарно-денежные отношения и способствуя расширению внутреннего рынка на сельскохозяйственные продукты. Наконец, в притрактовой полосе резче просматривалась дифференциация ее жителей. Деньги не только делили их на бога-

тых и бедных, но вносили в среду новые капиталистические отношения между наемными работниками и хозяевами предпринимателями.

Однако складывавшаяся в конце XIX — начале XX в. в Горном Алтае ситуация была характерна не только для социально-экономической жизни населения притрактовой полосы, но и для других мест изучаемого региона, где также все сильнее начинают проявлять себя элементы капитализма. В это время, как свидетельствуют источники, налицо были и концентрация средств производства в руках обуржуазивавшегося байства и русского зажиточного крестьянства, и наличие свободных от средств производства батраков, и «свободный» наем рабочей силы зажиточными хозяйствами. Но развивавшиеся капиталистические отношения были опутаны пережитками патриархальщины и феодализма. Однако они были значительно слабее, чем в бывшей цитадели крепостничества — европейском центре России и не в силах были приостановить поступательное движение новых, капиталистических начал в Горном Алтае.

6. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ

В развитии капиталистических отношений в Горном Алтае заметную роль сыграла торговля. Данный край, как неоднократно указывалось выше, издавна привлекал внимание русских купцов и промышленников. Он интересовал их не только как рынок сбыта товаров, но и как важный район транзита, через который могла вестись торговля с азиатскими странами, в первую очередь с Монголией и Китаем.

Русская буржуазия, несмотря на слабость развития промышленности, сдерживаемой феодально-крепостническими пережитками, упорно искала пути для сбыта своих товаров на окраинах страны. Горный Алтай в этом плане подходил как нельзя лучше для этих целей. К этому ее также толкала и некоторая ограниченность внутреннего рынка, бедность (по сравнению с сибирским) российского крестьянства, обираемого помещиками-крепостниками и буржуазией.

Первоначально русские купцы посещали алтайские улусы от случая к случаю. Каждая поездка была сопряжена с большими трудностями. В поездку бралось товаров не более, чем на 400—500 руб. ассигнациями[185]. Медные пуговицы, иглы, кольца, карманные зеркала и другие безделушки выменивались у аборигенов на скот, пушнину, причем с большою выгодою для торговцев. Исключительная выгодность подобных операций привела последних к устройству заимок для хранения своих товаров и содержания собранного

у инородцев скота. Первая такая русская купеческая заимка «внутри Алтайских гор» возникла на реке Семе, превратившаяся к 1860 г. в русскую деревню Шебалино[186].

Наиболее быстрыми темпами развивались торговые связи русских купцов с алтайцами, которые кочевали вблизи Чуйского тракта, начало которому было положено еще в 1788 г. Осваивая это направление, русские купцы достигли в конце первой четверти XIX в. урочища Кош-Агач и построили здесь базу для торговли с местным населением и монголо-китайскими солдатами[187].

Зачинателем торговли в этом далеком крае стал Иван Хабаров, выходец из «инородцев» Иркутской губернии. Предприимчивый «инородец» сначала поселился в Кузнецке, затем переехал в Барнаул, а оттуда — в Бийск.

Последний в рассматриваемое время представлял собою достаточно крупный складочный и товарораспределительный центр Бийского уезда. Часть поступивших в город товаров продавалась на месте или близлежащих селах, другая же — по Чуйскому тракту попадала в Горный Алтай и далее в Монголию и Китай.

Именно из Бийска и стал совершать И. Хабаров регулярные поездки на реку Чую[188]. При его активном содействии в 50—60 гг. XIX в. у реки Бураты начинает действовать ярмарка, ставшая впоследствии известной не только в Монголии, но и в Китае. Проходила она в три этапа. Первый — падал на начало июня и носил название «Черю кельди» (войско пришло) и был связан с ежегодным паломничеством ламаистов к священному дереву в урочище Байхач, которых сопровождали монгольские солдаты. В августе проводилась вторая ярмарка под названием «Калан» (продажа в долг) и, наконец, третья — «Шаланга» (рождественская) проходила в декабре[189].

Следует отметить, что до середины 60-х гг. торговля бийских купцов с монголами носила пограничный эпизодический характер. С устройством купцами в 1864 г. перевалочной базы (из 10 избушек) она стала более менее постоянной[190].

Основными предметами торговли русских купцов на Чуе была юфтевая кожа, производившаяся на заводах Барнаула, Томска, Бийска и в Уймоне, сукна и различные ткани, котлы, топоры, чайники, капканы и др. Закупались главным образом кирпичный чай (до 2000 шт.), рогатый скот (до 3000 голов)[191] и сурковые шкурки. «С Чуи, — писал А. Принтц, — нами вывозится около 300 тыс. сурковых шкурок, доставляемых купцами на Ирбитскую ярмарку. На месте сурок белый (худший сорт) стоит 10 коп. шкурка, черный — 15 и 20 коп., в Ирбите первый продается по 20 коп., второй — 40—50 коп.»[192].

По оборотам с сурком бийские купцы делились на две группы: мелкие скупщики сурка непосредственно в Монголии, и перепродававшие товар в Бийске, и крупные оптовики, которые закупали сурка частью в Монголии, а частью в Бийске у более мелких торговцев, имели связи непосредственно с Ирбитской ярмаркой и эксплуатировали более мелких перекупщиков. Естественно, они имели и разные доходы от данных операций. Например, прибыль крупных оптовиков от торговли сурком достигала в 1900 г. 50% от оборота, тогда как мелким перекупщикам эта торговля принесла в среднем 20% прибыли[193].

Даже несмотря на эту разницу, надо признать, что торговые операции на Чуе были весьма выгодным делом для бийских купцов. По свидетельствам источников, русские товары здесь «продавались на 100% дороже того, что они стоили в Ирбите»[194].

Но несмотря на очевидную выгоду торговли на Чуе, купцы не могли все же развернуться здесь в полную меру. Этому препятствовала неурегулированность пограничного вопроса с Китаем. Эта неопределенность осознавалась и русским правительством, которое, начиная с начала 60-х гг., предпринимает шаги к решению этой проблемы. 20 февраля 1862 г. в целях развития межгосударственной торговли были введены временные (на 3 года) правила, которыми предусматривалось введение беспошлинной торговли на расстоянии 50 верст по обе стороны границы, а также давалось право русским купцам беспошлинно вести торговлю по всей территории Монголии подчиненной Китаю[195].

В дальнейшем эти правила были подтверждены Чугучакским протоколом о размеживании русско-китайской границы (25 сентября 1864 г.) и Санкт-Петербургским договором (12 февраля 1881 г.)[196], благодаря которым Монголия была официально «открыта» для русского купечества[197].

А пока же, в начале 60-х гг. оно довольствуется тем, что есть, «выколачивая» из торговли на Чуе немалые доходы.

Кроме Чуи, важными центрами торговли становятся: Чаган-Узун (торжок у Красной горы), урочища Кош-Агач, Кара-Кол, Алаш, расположенные к северу от вершины реки Чулышман, и местность в районе пограничного знака — Шабин-Дабага. На Кара-Коле и Алаше торговлю вели несколько бийских купцов и значительная масса местных алтайцев, среди которых выделялись чулышманцы и черневые «татары», выступавшие основными посредниками в торговле. Посреднический характер торговли алтайцев не только во второй половине XIX в., но и несколько ранее, неоднократно отмечали путешественники, исследователи и даже местные администраторы. Так, бийский исправник Горохов,

характеризуя эту сторону деятельности алтайцев, писал, что они «рогатый скот нередко скупают и у соплеменников и потом перепродают его гуртом русским купцам в большом количестве»[198]. При совершении сделок деньги были не в почете. Горный инженер Г. Басов, сопровождавший томского губернатора Лерхе в его поездке по Горному Алтаю в 1864 г., писал, что «торговля здесь исключительно меновая, кредитные наши билеты не имеют здесь никакой цены, серебро и золото наше отчасти принимаются. От инородцев принимаются сурковые шкурки, рогатый скот, а сама же мена происходит с их стороны на железные и чугунные вещи, на юфтевой, шерстяной и бумажные товары и другие мелочи (ирбитские ящики, табакерки с музыкой, маральи рога и т. д.)»[199].

Однако ассортимент доставляемых купцами товаров не удовлетворял запросов алтайских кочевников. Они все чаще просят привозить им продукты питания, такие как мука, хлебные сухари, сахар, чай и т. д. Но из-за сложности доставки купцы не брали с собой эти товары. И это было оправданно, ибо неразвитость путей сообщения значительно удорожала транспортировку этих товаров, цена доставки которых неизменно превышала стоимость их изготовления.

Чтобы представить себе состояние дорог в Горном Алтае в изучаемый период, посмотрим, что представляла собой главная транспортная артерия края — Чуйский тракт. По свидетельствам источников, он до 1870 г. представлял собой узкую вьючную тропу, проходившую большей частью в горной труднопроходимой местности и улучшенную лишь местами[200]. Особенно опасным был участок дороги от Онгудая до Кош-Агача. «Дорога, — писал Г. Н. Потанин в 70-х гг., — идет здесь по правому берегу реки, нередко взбираясь на карнизы береговых утесов, или так называемых бомов, через бом ведет обыкновенно узкая тропинка, нисколько не обделенная человеческой рукой. На этих местах часто гибнут лошади, срываясь с бома и падая с вьюками в клокочущую внизу Чую»[201].

На доставку товара от Бийска до Кош-Агача по такой дороге требовалось около 30 дней. К тому же за каждый пуд груза надо было уплатить не менее трех рублей. Учитывая сложности транспортировки, купец предпочитал не брать в такую дорогу муку, сахар, чай, хлебные сухари и подобные им товары, ибо при перевозке их потери доходили до 30%[202].

Но такое состояние Чуйского тракта мало беспокоило бийских купцов. «Для них, — писал В. В. Радлов, — трудности перевоза и стоимость не существовали, потому что заимки в Алтае дают им достаточное число перевозных животных, содержимых

ими по пути без всяких расходов. Поэтому они дорогу не поправляют и уже много десятков лет претерпевают эти трудности. Другим купцам дорого стоило бы отправлять товары через Алтай по какой бы то ни было дороге»[203]. Этим своеобразным «ничего неделанием» относительно улучшения главной дороги края устранялись возможные конкуренты бийских купцов в Горном Алтае, вследствие этого, они превратились в монополистов, державших в своих руках все нити торговли в данном регионе. Для поддержания вьючной тропы в более или менее «проходимом состоянии» бийские купцы жертвовали на это мизерные средства. Так, в 1865 г. из своих многотысячных доходов они выделили на эти цели всего 780 руб.[204] В 1870—1880 гг. их усилиями производилось лишь устранение «гиблых мест» на участке дороги от Онгудая до Кош-Агача[025].

Такая, мягко говоря, бездеятельная позиция бийских купцов объяснялась просто: они не хотели своими силами осуществлять строительство дороги, связывавшей страну с Монголией и Китаем и имевшей, по определению военных, стратегическое значение. Потому-то они совместно с губернскими властями ходатайствуют перед правительством «о признании им Чуйского тракта дорогой государственного значения и о выделении средств» на его переустройство[206]. С подобными предложениями и конкретными планами они обращались в правительственные инстанции и в последующие годы. Но из этой «затеи» бийских купцов ничего не получилось. До начала XX в. дело по переустройству Чуйского тракта так и не сдвинулось с мертвой точки. И лишь постройка Транссибирской железнодорожной магистрали понудило правительство вплотную заняться вопросами коренного улучшения Чуйского тракта[207].

Выше уже упоминалось, что мука, чай, сахар, хлебные сухари и другие продукты питания крайне нужны были алтайскому населению. А поскольку бийские купцы не брались за их доставку в горы Алтая, то оно само искало места, где эти товары можно было приобрести.

Ближайшим таким местом, от указанных выше торговых точек, был Онгудай, где ежегодно с 15 декабря по 1 января проводилась большая ярмарка. Более сносные дороги приводили сюда и большое число покупателей, и торговцев, в том числе и алтайцев. Торговали здесь преимущественно хлебом и пушниной. Цены на хлеб были сравнительно невысокими. Так, в 1887 г. пуд пшеничной муки стоил от 58 до 60 коп., ржаной — 35 коп. Ячмень продавался по цене 35 коп. за пуд, овес — 24 коп., просо — 40—50 коп. и соль — 50—60 коп. за пуд. На ярмарке было много

пушнины. Шкурка соболя стоила от 10 до 20 руб., рыси — 5—10 руб., белки — 17—18 коп. Кожа марала продавалась за 3—4 руб., козлина — от 30 коп. до 1 руб., овчина — от 30 до 50 коп. за штуку[208].

Значительный наплыв покупателей, среди которых было немало чуйских и башкаусских «инородцев», позволял торговцам осуществлять массу выгодных сделок и операций. Пользуясь темнотой и неграмотностью покупателей, они «срывали просто невероятные цены» за всякого рода безделушки. Так, если в Бийске пачка медных пуговиц (600 шт.) продавалась за 30 коп., то здесь «инородец» приобретал каждую пуговицу за одну копейку. На этой ярмарке особенно преуспевали купцы, торговавшие «мануфактурными и мелочными товарами». Это — Фирсов из села Алтайского, Бакулев — из Черги, Сафронов — из Маймы и братья Ташкины — из Бийска[209]. И все же ярмарки с их очевидной выгодой, не совсем устраивали купцов. Наличие конкурентов не позволяло им устанавливать свою коммерческую цену на товары и полностью распродать их. В результате недопродаж, каждая последующая ярмарка накапливала в лавках все большее количество товаров. Этого торговец, безусловно, потерпеть не мог. Поэтому, забрав товары, он, хоть это было нелегко, шел в алтайские деревни и урочища.

Но прибыв в места проживания алтайцев, купец не мог сразу начать торговлю. Вначале нужно было завести традиционное знакомство. В ход шли «подарки», комплектовавшиеся из числа залежалых товаров и почти ничего не стоивших купцу. После «знакомства» и взаимных угощений, начинались торговые операции. Пользуясь честностью алтайцев, это постоянно подчеркивают источники[210], новый «таныш» (друг) щедро раздаривал алтайцам свои товары в долг. Через некоторое время он сам или его человек приезжал к ним в улус и собирал долги. Алтайцы выплачивали их скотом, кожами, шерстью, орехами, пушниной, то есть всем тем, что давало алтайское хозяйство. Это была именно та продукция, которая пользовалась широким спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

По укоренившейся традиции торговля в Горном Алтае почти повсеместно велась в кредит. «Калмыки, — подчеркивал корреспондент, — как будто гордятся доверием к ним со стороны русского купца... Даже самые богатые, имеющие тысячи голов скота, и то предпочитают брать товары в долг». Понятно, что условия подобной торговли были крайне отяготительны для потребителей, которые, по словам русских торгвцев, в высшей степени добросовестно выполняют свои обязательства[211]. Этого отнюдь нельзя бы-

ло сказать о русских купцах. Взыскивая долги, они следовали утвержденной самими же фискальной практике. Товары, отданные ими в долг, даже низкого качества, оценивались ими значительно выше их действительной стоимости, а продукция, принимавшаяся от аборигена в счет погашения долга, наоборот, оценивалась очень низко. В результате должник был не в состоянии в срок рассчитаться с купцом. Поэтому он просил продлить срок уплаты долга. На это торговец шел лишь в том случае, если должник соглашался выплачивать проценты. Поэтому стоило алтайцу лишь один раз взять в долг товары у купца, как он, навсегда попадал в зависимость от него. Нередко долговые обязательства сопровождали алтайца до самой смерти. В. Радлов приводит случай, когда алтаец, взяв у купца товару на 28 коп., вынужден был впоследствии уплатить долг стоимостью 81 быка[212].

Собирая долги, купцы не считались ни с чем. Если должник оказывался несостоятельным, то к погашению долга привлекались родственники и даже соседи первого. Отнимая у них скот, купец пояснял, что им легче и ближе взыскать долг с виновного, нежели ему. Так, что и полное разорение алтайца не избавляло его от купеческого долга, с катастрофической быстротой нараставшего из года в год. За эти мнимые долги алтайцы не смели даже жаловаться на распоясавшихся дельцов. Путешественник А. Калачев, будучи на Алтае, неоднократно сталкивался с кабальными методами торговли русских купцов. Всякий из них, свидетельствовал он, «торгует с инородцами непременно на скот; едет обычно осенью... Продав товар, купец не собирает тотчас скот. По условию с покупателем, бараны должны остаться у него безвозмездно всю зиму, кормясь и оберегаясь им (за утрату он отвечает). Весь приплод поступает купцу. Весной из стада в 100 овец купец может получить 120—130. Летом он ездит, собирает скот и пасет его на инородческих пастбищах, устраивая так называемые заимки. Осенью он гонит его из гор, уводя приплод и двухгодовалых баранов, то есть с удвоенной ценностью»[213].

Аналогичным образом шла торговля и на крупный рогатый скот. Купец, зная, что алтайскую корову невозможно доить без подпуска теленка, всегда покупал последнего. Но за покупкой приезжал только через три года. За это время телок превращался во взрослого быка. В случае падежа приобретенного животного, хозяин уплачивал купцу стоимость ущерба большей частью мелким скотом, который вновь оставался на вырост у продавшего[214].

Ведя торговые сделки, купцы не брезговали и спаиванием инородцев. Характеризуя этот излюбленный прием русских торговцев, путешественник Г. Гельмерсен еще в 30-х гг. XIX в. писал,

что «когда телеуты приезжают весной для промена звериных шкур, то их до такой степени упаивают, что они в опьянении отдают весь товар за самую безделицу»[215]. Не изменилось положение и с годами. В 1860 г. бийский исправник Квятковский доносил начальству, что «торговцы, пользуясь слабостью инородцев к напиткам, выманивают у них вином лучшие звериные шкуры»[216]. Однако ввозить водку в горы было слишком накладно, а открывать и содержать кабаки в алтайских деревнях и урочищах запрещалось[217]. Но и здесь предприимчивые торговцы нашли выход, чтобы спаивать «инородцев» во время сделок. В частности, онгудайские купцы выписывали большие партии «Одеколона № 5». Пятифунтовые жестяные банки с ярлыками национальных цветов, притягивавшие внимание алтайцев, рекламировались купцами как чудодейственное лекарство от многих болезней. На самом же деле это был «киндер-бальзам». Согласно принятым рецептам, его должны были приготовлять на спирту. Но московская кампания «Феррейна» игнорировала эти предписания и готовила его на древесном спирте. Употребление такого «лекарства» в большинстве случаев приводило к отравлению и смерти[218]. Но это мало тревожило купцов. Убеждая местные власти, что это лекарство, они добились от них права беспрепятственной продажи «киндер-бальзама» среди алтайцев. Доставив последний в алтайские урочища, торговцы рекламировали его покупателям, как особый вид водки и прибыльно сбывали свой смертоносный товар.

Так, не брезгуя никакими методами и средствами, русские торговцы наживали на грабеже алтайцев огромные состояния и, по заключению административных лиц, становились «типичными эксплуататорами инородцев»[219], хотя на самом деле были типичными преступниками и подлежали суровым мерам наказания. Так, например, в середине 60-х гг. в устье реки Кана поселился бийский купец Мокин. На момент поселения у него было всего 15 голов скота. Через 20 лет, благодаря торговым махинациям, поголовье его скота превышало 3000 голов. В конце 1885 г. алтайцы второй дючины жаловались, что за «проданный им... товар он... накладывает баснословные проценты. А при сборе налогов, если кто не уплатит, он накладывает новые и требует расписку, для чего у него имеются два писаря, а для взыскания долгов — подручные киргизы». Как Мокин взыскивал долги? Современник отмечает, что в этих делах он как и «большинство торговцев чистоплотностью не отличается». Например, в 1884 г. доверенный Мокина собрал с алтайцев около 5000 рублей долга, сделав при этом соответствующие пометки в своих торговых книгах. Но в домовых книгах хозяина таких пометок не было сделано и последний

не постеснялся взыскать с должников двойную сумму. И никто не воспротивился произволу торговца. «Нигде, — подчеркнул корреспондент, — не оправдывается в такой мере мудрый народный совет: «С сильным не борись, с богатым не тяжись!» как в Горном Алтае... Калмыки в один голос заявляют: «Мы боимся Мокина больше, чем царя»[220]. К такому же типу «пауков-кровопийц» относились русские купцы Фирсов, Гилев, Соколов, Сахаров, Котельников и многие другие, обосновавшиеся в разных уголках Горного Алтая[221].

Но наряду с русскими торговцами, грабившими алтайцев края, во второй половине XIX в. начали появляться такого рода грабители и из числа предприимчивых алтайцев, в первую очередь, баев и зайсанов. Пользуясь несовершенством путей сообщения, плохим знанием русскими торговцами края, впоследствие чего отдельные уголки Горного Алтая временно остались вне сферы их деятельности, они начинают посредством торгово-посреднической деятельности удовлетворять экономические потребности тамошнего населения. Однако такого рода инициатива «новоявленных туземных негоциантов» пришлась не по душе русским купцам, привыкшим безраздельно господствовать на Алтае в сфере торговли. И последние все сделали для того, чтобы свести на нет самодеятельность «алтайских купцов», оставив им право быть лишь своими посредниками.

И предоставленной возможностью алтайские дельцы воспользовались в полной мере. Используя обычаи и традиции прошлого, внеэкономическое принуждение баи и зайсаны сосредоточивают в своих руках землю, скот, предметы алтайского ремесла. Последнее и скот оптом продаются русским торговцам и лишь в отдельных случаях некоторые баи и зайсаны решаются сами добраться до Бийска и там сбыть свои товары. К этому довольнотаки часто прибегал зайсан Семен Юлуков. Но, чтобы удачно торговать на городском базаре, необходимы были «коммерческие связи, знакомства, друзья». На их «приобретение» требовались «подарки», выливавшиеся в конечном итоге в немалые расходы. И богач шел на них, заранее зная, что он не пострадает от них. Эти затраты он с лихвой возмещал за счет своих соплеменников, которых предприимчивый делец, «ради будущего развития общего дела», обязал ежегодно приносить ему по одной лисице с человека[222].

Как уже указывалось выше, включение «туземных купцов» даже в посредническую торговлю обеспокоило русских купцов всецело монополизировавших в Горном Алтае столь важное и выгодное дело. Действенным рычагом в этой борьбе стал кредит. Рус-

ские купцы весьма неохотно стали давать деньги инородцам, а если и давали, то под большие проценты, что в конце концов вынуждало алтайских торговцев свертывать самостоятельную торговлю и заняться лишь посредничеством в этом деле[223].

Одним словом, во второй половине XIX в. «алтайские купцы» вследствии неразвитости товарно-денежных отношений, противодействия со стороны русских торговцев, плохих путей сообщения не смогли противостоять русской торговле, выдержать конкуренцию, сохранить самостоятельность и диктовать ход ее развития. На данном этапе они лишь накапливали силы, набирались опыта, уступая пока инициативу русскому капиталу.

Развивавшийся вширь капитализм все сильнее втягивал в сферу своего влияния Горный Алтай и превратил его к концу века в своеобразную базу получения не только сырья, но и продуктов, имевших большой спрос как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Однако, широкому вывозу товаров на них препятствовали докапиталистические пережитки, которые продолжали не только опутывать алтайское хозяйство и его промыслы, но и мешали свободному развитию русского торгового капитала. Но несмотря на это, русско-алтайская торговля развивалась, ширилась, крепла, способствуя более быстрому развитию товарно-денежных отношений в Горном Алтае, активно втягивая его в водоворот хозяйственной жизни России в целом.

Глава третья. ГОРНЫЙ АЛТАЙ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В СИБИРИ

1. УПРАВЛЕНИЕ СИБИРСКИМИ ИНОРОДЦАМИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Расширение границ Русского государства сопровождалось включением в его состав разных народов, в том числе и сибирских. Это понуждало правительство более или менее регулярно заниматься вопросами организации их управления. С присоединением в XVI в. Сибири к Русскому государству управление ею было возложено вначале на Посольский приказ, а с 1599 г. — на Приказ Казанского дворца. Однако последующее расширение ее территории за счет «новоприисканных» земель потребовало создания специального государственного учреждения для управления этим обширным краем. И оно было создано в 1637 г. — Сибирский приказ[1].

Основной единицей административного деления Сибири

в XVII в. был уезд. Их формирование шло по мере подчинения Русским государством сибирских территорий. Земли алтайских кочевников, попавшие в XVII в. «под высокую русского государя руку», были включены в состав Кузнецкого уезда.

Особой административной единицей в составе сибирских уездов, в том числе и Кузнецкого, являлись ясачные волости. Разгромив татарские ханства в Поволжье, а затем в Сибири, русские власти позаимствовали от них и эту специфическую административную единицу, и ясак как форму обложения местного, нерусского населения данью[2]. В состав шести таковых волостей (Итеберской, Кергежской, Комляжской, Кузенской, Кумандинской, Щелкальской) и оказались те северные алтайцы, которые в XVII в. попали в сферу влияния Русского государства, были им учтены и внесены в ясачные книги Кузнецкого уезда[3].

Последующие административные преобразования, касавшиеся Сибири, вхождение алтайцев в состав России не изменили в дальнейшем систему управления «инородцами» Алтая. Реальные шаги в этом направлении были предприняты русскими властями лишь в начале XIX в., когда в Сибири была образована новая административно-территориальная единица — Томская губерния[4].

В соответствии с новым административным делением, земли, занимаемые алтайскими кочевниками, вошли в состав Бийского уезда. Кочевое население Алтая в рассматриваемое время распределялось между шестью волостями (Верхне-Кумандинская, Кергежская, Комляжская, Кузенская, Нижне-Кумандинская и Южская) и пятью дючинами (первая, вторая, третья и т. д.). Во второй половине XIX в. к выше названным административным единицам добавились две волости (Чуйская первой половины и Чуйская второй половины) и две дючины (шестая и седьмая).

Административное деление алтайцев имело и свою специфику. Оно отражало ранее сложившуюся этнографическую структуру. Хотя алтайские волости и сформировались по территориальному принципу, они тем не менее сильно отличались друг от друга. Они были различны и по размерам территории, и по количеству населения. Если, к примеру, в Комляжской волости по данным X ревизии, числилось 328 душ мужского пола, а в Нижне-Кумандинской — 289, то в Верхне-Кумандинской — всего 116, а в Южской — и того меньше — 102 души мужского пола[5]. Наконец, их отличие просматривалось и в том, что они вобрали в себя этнографические группы различного социального содержания: от объединений «на стадии родового строя до сельской территориальной общины»[6].

Все сказанное вполне применимо и к алтайским дючинам.

Но в отличие от волостей они не имели определенной территории и объединяли аборигенов по родовому признаку, то есть объединяли алтайцев — податных лиц, — принадлежавших к тому или иному роду, но проживавших на различной территории. К этому типу административных единиц следует отнести и две вышеназванные Чуйские волости, которые также не имели определенной территории и руководствовались в своей практической деятельности родовыми традициями.

Как же выглядело расселение алтайцев, в соответствии с их административно-территориальным делением? Согласно ему, южные алтайцы составляли население семи дючин и двух Чуйских волостей. Жители первой дючины кочевали по правому берегу Катуни, преимущественно в бассейне р. Маймы. Резиденция ее зайсана находилась в с. Александровке; второй дючины — преимущественно по рр. Урсулу и Кеньге. Ее административным центром являлось село Кеньга (Усть-Кеньга). Оно же служило таковым и для пятой, шестой и седьмой дючин; третьей дючины — по рр. Кану, Чарышу, Белому и Черному Аную. Ее зайсан находился в с. Келее. Здесь же находился и глава четвертой дючины, население которой кочевало по рр. Кану и Чарышу. Местом кочевания жителей пятой дючины служили бассейны рр. Кана и Кеньги; шестой дючины — рр. Кана, Чарыша, Кеньги; седьмой дючины — левый берег Катуни. Население Чуйской волости первой половины кочевало по рр. Чуе и Аргуту. Ее родовое управление находилось в с. Чибите; Чуйской волости второй половины — по рр. Башкаусу, Чулышману и Улагану, родовое управление располагалось в с. Курае.

Северные алтайцы являлись жителями шести волостей и распределялись по ним следующим образом: тубалары составляли население Кергежской, Комляжской, Кузенской и Южской волостей; кумандинцы — Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской волостей[7]. Челканцы проживали частью в составе этих волостей. Но большинство их входило в состав 22 кочевых волостей Кузнецкого уезда[8].

Население Кергежской волости (центр с. Ынырга) проживало в селениях Ынырге, Кебезени, Балыксе, по рр. Тулою, Пыже, Сары-Кокше, Эдигану и по берегам Телецкого озера; Комляжской (волостной центр с. Ынырга) — в селениях Кебезень, Ынырге, Паспауле, Чепоше, Ильинском, Ерыхалке (Верх-Карагуже), по рр. Ише, Кузе, Тулону и по берегам Телецкого озера; Кузенской (волостной центр с. Ынырга) — в селениях Ынырге, Паспауле, Ильинском, по рр. Ише, Балыксе, Бии, Сары-Кокше; Южской (волостной центр с. Ынырга) — в селениях Улале, Сайдысе,

Чемале, Ынырге, по рр. Учак-Ише, Ынырге. Население Верхне-Кумандинской волости проживало в селениях Пильном, Елейском, Макарьевском, по рр. Бии, Ише, Нине, Сии, Лебедю; Нижне-Кумандинской — в селениях Таште, Усть-Коже, по рр. Ише, Бии, Нине, Карабошке[9].

Последующие годы не внесли каких-либо изменений в систему административно-территориального устройства алтайцев, не изменили и мест их проживания. На это неоднократно указывали ученые и путешественники, посетившие во второй половине XIX в. Горный Алтай[10].

Не претерпела до начала второго десятилетия XIX в. и система управления алтайскими «инородцами». Ее определяющим началом по-прежнему оставались интересы фиска. При этом русские власти почти не учитывали социально-экономическое состояние алтайцев, как и сибирских народов в целом.

Руководящим документом, отражавшим правовые основы управления аборигенами Сибири, по-прежнему оставалась «Инструкция пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С. Л. Владиславича-Рагузинского от 22 июля 1728 г. В соответствии с ней «ближайшее управление по улусам и стойбищам вверялось родоначальникам «иноверцев», им же предоставлялась расправа в делах тяжбенных и мало важноуголовных». Сбор ясака также возлагался на родоначальников и осуществлялся в натуральной и денежной форме. Основной административной и хозяйственной единицей определялся род[11].

Идеи и положения данного акта подтвердила и развила дальше инструкция 1763 г. Будучи полным законодательным документом правительства, она определяла порядок сбора ясака, регламентировала вопросы торговли с аборигенами[12]. И все же инструкция не могла охватить все вопросы, касавшиеся жизни и деятельности инородцев. Поэтому в начале XIX в. на местах появляются дополнительные акты, затрагивавшие вопросы управления аборигенами в том или ином регионе. В разработке их проектов принимают участие не только административные лица, но и представители демократической общественности Сибири. В частности, один из проектов преобразования жизни сибирских «иноверцев» (хакасов) был представлен в 1805 г. будущим издателем «Сибирского вестника» Г. И. Спасским. Однако его «Предложения для ясачных орд», были весьма далеки от реальной жизни. Они являли собой ничто иное как несбыточное стремление к «царству разума» путем самоусовершенствования людей, идиллическую мечту юноши, выросшего в кругу идей Просвещения XVIII в. Залог возможного благоденствия «инородцев» виделся Г. И. Спас-

скому в создании среди аборигенов «класса лучших людей», главная цель которого гуманно служить своему народу. Он, по мнению автора проекта, должен был состоять из 80 — не более — человек. Членство в нем должно было обусловливаться благовидными поступками и хорошими делами претендента, а также его беспорочной службой на благо общества. Возглавить «класс» должен был комиссар — «человек просвещенный и добрых качеств, являющий собой «пример трезвости, хорошего поведения и благоразумия». За его действиями должен был наблюдать Совет из трех человек, избираемый всем обществом путем тайного голосования сроком на два года и призванный обеспечивать «некоторые ограждения» в пользу народа[13].

Утопичность и практическая несостоятельность данного проекта были для всех очевидными. Поэтому он и был отвергнут властями как не имеющий ничего общего с вопросами практической перестройки системы управления и быта аборигенов Сибири.

Более реальным и осуществимым в этом плане явилось «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их», представленное иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным, которое и было принято правительством в 1812 г. Согласно существовавшему тогда законоположению, «старшинские» должности занимались «иноверцами» по выбору. Но допускалось также и наследование должности. Однако в обоих случаях, последнее слово — то есть право окончательного утверждения в должности — оставалось за губернской администрацией. Новое («трескинское») положение предусматривало только наследование должности. Наследственный родоначальник, по мнению Трескина, более «уважаем иноверцами, а слово его имеет больший вес, нежели слово простолюдина», который — к тому же — зачастую «не имеет ни способностей, ни навыков в деле управления». Выборы родоначальников допускались лишь при отсутствии наследников. Другим нововведением являлось отстранение родоначальников от должности «за нерадение в исполнении своей обязанности и худое правление своим родом»[14]. Несмотря на этот нюанс, данное положение в целом не нарушало прерогатив инородческой знати, служившей опорой правительства на местах. Руководствуясь им, она рьяно «радела», не упуская возможности и злоупотребить властью. Используя внеэкономическое принуждение, родоначальники породили массу различных неузаконенных сборов. Например, зайсаны Алтая, помимо официального налога, широко практиковали поборы с соплеменников в свою пользу, на подарки царским чиновникам и т. д. По поводу последних В. Радлов указывал, что зайсан, сдавая в Бийск «рухлядь», был вынужден

всюду делать подарки, чтобы его меха не были забракованы, как неугодные[15]. Эти поборы нелегким бременем ложились на плечи ясакоплательщиков, понуждая их уплачивать сверх ясака дополнительные суммы. Так, в начале XIX в. ясакоплательщики первой алтайской дючины доплачивали сверх оклада 85 руб., второй — 132, третьей — 71, четвертой — 135 и седьмой — 376 руб.[16] Допускали зайсаны и надругательства над личностью. По их повелению человека могли избить плетьми, переломать ему руки, ноги, отрезать нос и уши и т. д.[17]

Эти и другие злоупотребления чиновников и родоначальников понудили правительство вплотную заняться Сибирью. Последовало предложение о замене сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля. В марте 1819 г. последовал указ о назначении М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором. Произведенная им ревизия вскрыла вопиющую картину злоупотреблений и произвола местных властей и инородческих начальников[18]. Выполняя предписание царя «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего края», Сперанский составил отчет и представил его на рассмотрение «особому комитету». Оно состоялось 22 марта 1822 г. Спустя три месяца, «Устав об управлении инородцев», регламентирующий их экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую жизнь, был утвержден царем[19]. В его основу были положены следующие принципы: 1) разделение коренного населения на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые и бродячие); 2) ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (власть ее должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»); 3) введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) количество налогов и податей приводилось в соответствии экономическим потребностям каждого племени и впредь должно основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой»[20].

В делении аборигенов на три разряда прослеживается попытка реформаторов дифференцированно подойти к различным группам сибирских народов, с учетом их хозяйственного развития. Так, к разряду оседлых причислялись «инородцы», проживавшие в городах и селениях, основными занятиями которых было земледелие и торговля. Они приравнивались к сословию государственных крестьян, сравнивая с ними во «всех правах и обязанностях и управляясь на основе общих узаконений и учреждений»[21]. Единственным их различием было то, что «инородцы» освобож-

дались от рекрутской повинности[22]. «Особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оного в образе управления» составляли кочевые инородцы, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые». Для каждого поколения оные имеют назначенные во владение земли». Формы и способы передела родовой земли определялись самими аборгенами[23]. Наконец, третью группу коренного населения составляли «бродячие инородцы» или «ловцы», переходившие с одного места на другое «по рекам и урочищам». На них распространялись «правила, для кочующих постановленные»[24].

Регламентировал Устав 1822 г. и организацию управления «инородцев». Причем он не просто его реформировал, а построил «на основе учета некоторых национальных особенностей» нерусского населения Сибири. Устав предусматривал создание для «торговых» аборигенов ратуш и словесных судов, для земледельцев — специальных волостей. Основой административной и экономической единицы оставался род. Сохранение родовой общины заметно облегчало родоначальникам эксплуатировать соплеменников, а также создавало дополнительные возможности для внеэкономического воздействия на них[25]. Особенно подробно было разработано административное устройство кочевых народов. Их управление было поделено на три ступени: низшая — родовое управление; средняя — инородная управа; и высшая — степная дума. Первая предназначалась для управления отдельными улусами и стойбищами, вторая — для объединенных нескольких улусов и стойбищ и третья — для управления всем племенем.

Главная задача, которую обязаны были решать указанные органы управления, заключалась, бесспорно, в сборе ясака и недоимок, «исправлении» натуральных повинностей, и лишь потом уже «печься» о распространении хлебопашества, росте поголовья скота, давать сведения о «народоисчислении», заключать торговые контракты и др. Более ограниченными были полицейские и судебные функции. Родоначальникам дозволялся разбор незначительных гражданских дел, разрешение которых не затрагивало интересов высшей власти. Политические и «криминальные» дела составляли прерогативу царских чиновников.

Сохранял Устав и почетные звания среди кочевников, с одной лишь оговоркой: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Но провозглашая это, правительство оставляло за собой право окончательного утверждения в должности[26]. В случае отсутствия прямого наследника допускалось избрание на должность ближайшего родственника[27]. Сохраняя таким образом патриархально-феодаль-

ные отношения, Устав в то же время по некоторым моментам и отходил от них, что наглядно проявилось в предоставлении определенной свободы выборному началу.

Заслуживает внимания подход реформаторов к вопросам экономической политики, в оценке которых, как справедливо отмечает Л. М. Дамешек, нет единой точки зрения[28]. В частности, неоднозначно оценивается положение Устава относительно принципа свободной торговли. Трудно конечно согласиться с утверждением Л. И. Светличной об определенном поощрении Уставом в области торговли и налогового обложения кочевых народов, вследствие наличия в Сибири первой четверти XIX в., тенденции к капиталистическому развитию, буржуазных начал[29]. Более справедливее, по нашему мнению, выводы Н. Миненко и Л. М. Дамешека о том, что «официальное признание свободной частной торговли с аборигенами в селениях последних и денежного взноса ясака по своему содержанию означали в конечном счете, крах политики консервации»[30]. Действительно, Устав разрешал свободную торговлю не только на ярмарках и сугланах, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением[31].

Учитывая тенденцию к развитию товарно-денежных отношений, снижение роли пушного промысла в хозяйстве аборигенов и стремясь обеспечить поступления в казну максимума налоговых платежей, Устав закрепил перевод натурального ясака в денежный[32]. Отныне «инородец» мог уплачивать положенный на него оклад или пушниной, или деньгами. Ясак, согласно положению, сдавался или в инородное управление, или непосредственно в земский суд. Введение каких-либо дополнительных налогов на кочующих и бродячих инородцев запрещалось[33].

Словом, по мере укрепления контактов между метрополией и сибирскими окраинами происходит неуклонное втягивание аборигенов в систему общерусских государственных связей, что в известной степени было продемонстрировано и закреплено Уставом 1822 г. названном С. В. Бахрушиным важнейшим памятником, свидетельствовавшим не только о добросовестной попытке правительства урегулировать жизнь туземного населения Сибири и его отношения с русскими, но и его стремление «охранить» экономическое благосостояние и самобытный строй «туземцев». Однако сохранение последнего, закрепление привилегий «туземной родовой знати» было использовано им в целях дальнейшего «расширения» эксплуатации и грабежа аборигенов через посредство их родовых князей и старшин[34]. И с такой оценкой исследователя, данной одному из крупнейших законодательств русского правительства в от-

ношении коренных народов Сибири, в том числе и алтайцев, трудно не согласиться.

2. РАЗРАБОТКА НОВЫХ ПРАВИЛ УПРАВЛЕНИЯ ИНОРОДЦАМИ

Реформа 1861 г. затронула и вопросы управления сибирскими «инородцами», что явилось непосредственным результатом достаточно настойчивых попыток правительства распространить на аборигенов положения крестьянской реформы и подчинить их таким образом действию общего законодательства о крестьянах. Важным шагом в этом направлении явилось решение Государственного совета от 18 февраля 1866 г. о распространении положений об административном и поземельном устройстве государственных крестьян Европейской России на Сибирь[35]. Однако четкой программы, как это сделать, у правительства не было. Потому-то и в центре, и на местах состоялось немало дискуссий на эту тему, но они так и не дали какого-либо определенного результата. Исходя из этого, правительство, суммировав ранее высказанные на этот счет предложения, принимает решение о создании комиссии по выработке новых правил управления аборигенами Сибири. При их разработке оно предписывает сохранить в незыблемости «главные основания Сибирского учреждения 1822 г. и права Кабинета на ясачную ренту с инородцев Сибири»[36]. На последнем моменте внимание разработчиков акцентировалось особо. Они обязаны были «сообразить» каким образом можно «устроить» ясачный сбор с сибирских «инородцев» таким образом, чтобы он и «не стеснял» последних, и «не препятствовал обращению их к оседлости», и, что самое главное, «не уменьшал» бы доходов Кабинета[37]. А они, по свидетельству его чиновников, за последние 12 лет (с 1855 г. — *Н. М.*) — особенно ясачные поступления натурой, — к сожалению, «не увеличились»[38].

Однако правительственное распоряжение 1866 г. относительно создания специальной комиссии по выработке новых правил управления «сибирскими инородцами», было реализовано не сразу. Понадобилось почти семь долгих лет на всякого рода согласования и уточнения по этому вопросу. И лишь в начале 1873 г. такова была учреждена при министерстве государственных имуществ под руководством барона Медема. В ее состав вошли по два чиновника Министерства государственных имуществ (помощник управляющим Временным отделением по поземельному устройству государственных крестьян, действительный статский советник Константинов и вице-директор департамента общих дел, действительный статский советник Карпович) и внутренних дел (действи-

тельный статский советник Карпов и делопроизводитель земского отдела, статский советник Галахов) и один (чиновник для особых поручений, действительный статский советник Бражников) от министерства финансов. Делопроизводителем комиссии был назначен начальник отделения департамента общих дел министерства государственных имуществ — статский советник Островидов. Несколько позднее к ней был прикомандирован председатель Томского губернского правления статский советник Берестов[39]. Вот этим лицам и предстояло разрешить целый ряд вопросов, связанных с организацией управления народами Сибири.

Опираясь на указанные выше принципы и проанализировав ранее предлагавшиеся проекты, комиссия сочла возможным вновь вернуться к рассмотрению предложения «о причислении кочевых аборигенов к разряду оседлых и сравнении последних в платеже податей с государственными крестьянами». Такой подход к делу, по ее мнению, должен был способствовать более «успешному административному надзору за инородцами» и более «оперативному доведению до них правительственных и других распоряжений властей». Это, подчеркивала комиссия, тем более важно, что «инородческие» начальники, зачастую не зная русского языка, не «в состоянии» были правильно все объяснить[40]. Но предлагая все это, реформаторы полностью проигнорировали мнение тех, о ком они так «пеклись»[41]. И тем не менее, сибирские администраторы в большинстве своем «единодушно» поддержали мероприятия, предложенные комиссией. В частности, генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков от имени губернских советов обратился в 1876 г. в министерства внутренних дел и государственных имуществ с предложением причислить к русским волостям оседлых «инородцев» Тобольской и Томской губерний, не дожидаясь итогов рассмотрения вопроса о «поземельном устройстве крестьян и аборигенов Сибири». При этом в отношении землепользования он предлагал оставить коренных жителей в прежних «границах и правах». Предлагал Казнаков уравнять крестьян с аборигенами и при выборе должностных лиц волостного управления, оговаривая при этом преимущество крещеных «инородцев» перед «язычниками». И это несмотря на то, что последнее шло в разрез с Уставом 1822 г., поскольку это предложение вновь возрождало давнюю традицию предоставления крещенным аборигенам различных льгот и преимуществ[42].

Предложения Казнакова были рассмотрены Комитетом Министров в ноябре 1877 г. В ходе обсуждения возражения и настороженность вызвал временный характер предлагаемых мер. Они же, по общему мнению, должны иметь «значение определенное».

Словом, в этом моменте был усмотрен элемент неуверенности, уязвимости плана, который и был отвергнут[44]. Но это не сломило Казнакова. В 1878 г. он приказывает местным администраторам собрать все необходимые сведения о коренных жителях, чтобы дополнить и конкретизировать обсуждавшийся план. Задание на местах выполнили, но к рассмотрению собранных сведений вернулись лишь через 10 лет[44].

Начало этому положила Тобольская губерния. Весной 1889 г. здесь были образованы специальные окружные комиссии, которым было поручено всесторонне обследовать коренное население, чтобы окончательно решить вопрос о возможности и целесообразности присоединения «оседлых аборигенов» к русским властям. Задание было непростым. В короткий срок надо было изучить достаточно широкий круг вопросов, чтобы дать сравнительную характеристику «образа жизни аборигенов» и русских крестьян «в трудовом и экономическом» плане, способы отбывания ими натуральных повинностей и др. Завершающим этапом работы должно было стать заключение о «возможности, полезности и необходимости присоединения «инородческих» обществ к русским волостям с их подчинением местным по крестьянским делам учреждениям»[45].

Когда комиссии закончили работу и представили свои отчеты в губернский совет, то оказалось, что большинство заключений гласит о нежелательности и несвоевременности присоединения аборигенов к русским волостям. Не сочли комиссии возможным и распространение на аборигенов положения 19 февраля 1861 г. «вследствие неразвитости инородцев в гражданском отношении... и низшей их культуры». Приведенные комиссиями материалы служили бесспорным основанием не для причисления аборигенов к русским волостям, а для пересмотра действующих о них законов[46]. Однако губернский совет не принял во внимание заключения комиссий и постановил ходатайствовать перед правительством о причислении оседло проживающих аборигенов к русским волостям и распространении на них действия закона 1 марта 1883 г., вводившем в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам[47]. Аналогичные представления поступили в правительство от генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина, военного губернатора Забайкальской области и Приамурского генерал-губернатора Корфа[48]. Однако убийство 1 марта 1881 г. народовольцами Александра II и установившаяся после этого политическая реакция, затормозили реализацию предложенных проектов, хотя стремление к этому и в центре, и на местах было. Несмотря на задержку, правительство помнило о своем за-

мысле подчинить аборигенов русскому законодательству. Стимулирующую роль в этом деле сыграл закон о земских начальниках от 12 июля 1889 г.[49] Введение этого института, по словам П. А. Зайончковского, заметно увеличило правительственную опеку над крестьянами, усилило роль местного дворянства в губерниях и способствовало «тем самым консервации феодально-крепостнических пережитков»[50]. Но на Сибирь, как известно, положение о земских начальниках не распространялось, поскольку здесь отсутствовало помещичье землевладение.

Между тем рост капиталистических отношений в хозяйстве народов края, усиление имущественной дифференциации понуждали местные власти регулярно напоминать правительству о желательности ускорить разработку реформы управления аборигенами. В их записках и отчетах все отчетливее высказывается мысль о нежелательности сохранения «особого управления инородцами». Такого рода ходатайства, естественно, не могли не оказать воздействия на правительство. Но оно не находило конкретного направления, по которому должны были пойти реформы. Оно было подсказано иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым. Он предложил распространить на Сибирь действие закона о земских начальниках и на его основе начать работу по полному подчинению аборигенов русскому законодательству, что может послужить практическим шагом на пути к их обрусению[51]. Предложение А. П. Игнатьева, одобренное царем, было единодушно принято Комитетом Министров[52].

Найдя нужное направление для реформы, правительство поручило министрам внутренних дел и государственных имуществ разработать соответствующий (и учитывающий местные особенности) проект. В 1892 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново потребовал от руководства Иркутской, Тобольской и Томской губерний представить свои заключения по вопросу реорганизации управления вверенных им территорий. Губернаторы не заставили себя долго ждать. В конце того же года они представили свои соображения, смысл которых сводился к одному: управление «инородцами» подчинить не только контролю земских начальников, но и предоставить право последним наказывать должностных лиц «инородческого управления»[53]. При этом губернаторы единодушно отмечали, что положения устава 1822 г. относительно «инородцев» давно устарели. Так, томский губернатор Г. А. Тобизен указывал, что если в 1822 г. еще и существовали какие-то особенности быта аборигенов, которые вынуждали создавать особые учреждения для сибирских инородцев, то теперь они совершенно утрачены[54]. Вследствие этого, он призывал правительство к «не-

отложному» и скорейшему проведению соответствующих реформ.

В тон Тобизену вторил и его тобольский коллега. По его мнению, обычаи, на которых базировалось ранее управление коренными жителями, ныне не существуют. Их подменил «произвол родоначальников», который необходимо пресечь и чем быстрее, тем лучше. В связи с этим, он предлагал присоединить селения аборигенов к русским волостям или же создавать из «инородческих управ особые волости» с подчинением всего управления аборигенами ведению земских начальников[55].

Сочтя доводы губернаторов убедительными, правительство согласилось с их предложениями. Но согласившись с мнениями «с мест», оно «забуксовало» на проблеме штатов. Местное чиновничество, естественно, ратовало за их расширение и предлагало ввести: в Тобольской губернии — 68 новых чинов, в Томской — 52, в Енисейской и Иркутской — по 32. Столь значительное расширение численности чиновников требовало и немалых денежных затрат. Поэтому правительство, даже признавая правильность представленного губернаторами штатного расписания, идет на его сокращение и выделяет Тобольской губернии — 42 должности вновь вводимых чиновников, Томской — 36, Енисейской и Иркутской — по 26 чиновников[56]. Но даже и эти «урезанные» штаты требовали существенных расходов. По предварительным подсчетам они выливались в сумму в 455 тыс. руб.[87] «Где взять деньги?» Этот естественный вопрос и встал в связи с предложенными преобразованиями. Реформаторы рассчитывали на государственные ассигнования. Однако министерство финансов вежливо отказало и предложило решить эту проблему за счет Сибири. И лишь решительное вмешательство в дискуссию министра внутренних дел, ссылавшегося на рост революционно-демократического движения в стране, в том числе и в Сибири, и ратовавшего за расширение прав и полномочий полицейского аппарата по отношению к сельскому населению, склонило в конце концов чашу весов в пользу реформаторов. И в этой связи нельзя не согласиться с А. М. Дамешеком, что инициатива этих преобразований находилась в руках министерства внутренних дел, которое и контролировало, и направляло ход разработки реформы и ее претворение в жизнь[58].

Разрешение финансовой проблемы ускорило законодательное оформление реформы. 8 июня 1898 г. в свет вышел закон («Временное положение о крестьянских начальниках»), учредивший с момента выхода «надзор за всеми установлениями» крестьянского и «инородческого» управления, который осуществляли крестьянские начальники[59]. Ими, в соответствии со ст. 8 закона, могли

быть «только лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи». Однако это требование закона не всегда соблюдалось, ибо наряду с данным условием, в нем предусматривалось назначение на эти должности и лиц, не имеющих специального (высшего или среднего) образования, но выдержавших «соответствующие испытания». Какие именно, закон об этом ничего не говорит. На указанные должности не могли быть назначены лица, находящиеся под следствием или судом, «исключенные из службы» и несостоятельные должники. Согласно закону, кандидатуры крестьянских начальников в Тобольской и Томской губерниях утверждались министром внутренних дел, а в Иркутской и Енисейской губерниях — генерал-губернатором[60].

Как и предусматривалось проектом, круг обязанностей крестьянского начальника был достаточно широк. Наряду с «надзором за всеми установлениями» крестьянского и «инородческого» управления, он обязан был наблюдать за состоянием мирских капиталов сельского населения, контролировать «хозяйственное благоустройство и нравственное состояние» сельских жителей. Весьма широкими правами были наделены крестьянские начальники относительно коренного населения. Например, статья 35 закона гласила, что им «принадлежит: 1) исполнение, лежащих на полиции, согласно положению об инородцах обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев и 2) разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных и родовым управлениям»[61].

Как явствует из сказанного, закон предоставил крестьянским начальникам всю полноту административно-полицейской власти, которой до этого в отношении аборигенов обладала земская полиция. Но особенно значительной была их роль в судебных делах «инородцев». «На крестьянских начальников, — указывалось в ст. 36, — возлагается разбор превышающих подсудность волостных судов споров на сумму не свыше двух тысяч рублей: 1) по найму на сельскохозяйственные работы... 2) по отдаче в наем земли». Неисполнение предписаний крестьянского начальника грозило аборигену большими неприятностями. Он мог подвергнуться трехдневному аресту или денежному штрафу (не более 15 руб.); (ст. 40)[62].

Словом, закон 8 июня 1898 г., введший в Сибири институт крестьянских начальников, отразил в конечном итоге все те изменения, которые произошли в социально-экономическом развитии коренных сибирских народов, в том числе и алтайцев, во второй половине XIX в. и были связаны, в первую очередь, с развитием

в данном регионе капиталистических отношений и разложением вследствие этого отношений патриархально-феодальных[63]. С другой стороны, он существенным образом преобразовал административное управление сибирскими «инородцами», заметно усилив при этом полицейскую опеку над ними.

3. НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

Алтайцы, став подданными России, составили, как и другие народы Сибири, податное сословие, именовавшееся «инородцами». Взыскивавшийся с них пушниной ясак всегда привлекал неизменное внимание сначала московских, а затем — петербургских Романовых[64] и находился под неослабным контролем Кабинета. На первых порах, как уже отмечалось выше, он взыскивался исключительно мехами. Однако с 20-х гг. XIX в. (в соответствии с Уставом 1822 г.), ясак начинает вноситься и деньгами[65]. На изменение позиции правительства, проявлявшего больший интерес к «мягкой рухляди», повлияли более интенсивные, под влиянием русского крестьянства, занятия алтайцев земледелием, видоизменение их скотоводства, а главное — хищническое истребление пушного зверя. Все это вместе взятое значительно снизило роль охотничьего промысла в алтайском хозяйстве, что повлекло за собой и естественное сокращение добычи пушнины и ее доли в собираемом ясаке. Довершило процесс вытеснения его натуральной формы деньгами — активное внедрение в хозяйственную жизнь аборигенов товарно-денежных отношений.

Ясаком, как известно, облагались «ревизские работники» мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет. Размер его устанавливался ясачными комиссиями, создававшимися время от времени правительством. Раз установленный оклад не менялся долгое время. В частности, алтайцы платили и во второй половине XIX в. ясак, размер которого, и число лиц, «несших его», были установлены еще в 1835 г.[66] Но это отнюдь не говорит о безразличии казны и Кабинета к сбору ясака, об утрате их интереса к сибирской «мягкой рухляди». Наоборот, они осознают «порочность» существующей окладной системы и предпринимают шаги к ее изменению. Главной причиной, понудившей правительство к этому, явилось резкое сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины, что не «сообразовывалось» с нуждами и потребностями Кабинета и требовало приведения ясачного режима в соответствие с ними. Натуральные же ясачные поступления всегда составляли основу финансового баланса Кабинета и благотворно влияли на него. Например, в 1856 г. им было получено из Вос-

точной и Западной Сибири свыше 14 тыс. звериных шкур на сумму, превышающую 13 тыс. руб. серебром. Около 19 тыс. руб. чистого дохода принесла ему продажа с торгов присланная из Сибири пушнина[67].

Однако подобные поступления, особенно «мягкой рухляди», не устраивали Кабинет и он настойчиво «изыскивает средства и меры к восстановлению былых доходов по ясачному делу рухлядью»[68]. С этой целью им — с учетом мнений сибирских администраторов — была выработана программа «Улучшения ясачного сбора». Главными ее «китами» были: запрет на торговлю с аборигенами до сдачи ими ясака; обязательный его сбор в том количестве и теми зверями, какие положены были второй ясачной комиссией; ужесточение контроля за сбором ясака, для чего предлагалось назначить специального «управляющего» по его сбору с выделением ему двух помощников[69].

Поскольку речь шла об «интересах высочайшей фамилии», перечить ей, естественно, никто не посмел. В марте 1859 г. министр двора граф Адлерберг доложил о программе Кабинета императору, которая и была «высочайше» одобрена, а 11 марта — подписан указ об учреждении в Сибири должности управляющего по сбору ясака. Им в начале апреля 1859 г. был назначен медицинский советник Архангельского порта — статский советник Полонский, который после ознакомления с материалами по ясачному делу» отбыл к месту службы, куда и прибыл в начале сентября 1859 г.[70]

Следует отметить, что «Программа», разработанная Кабинетом, напрямую не касалась алтайских «инородцев». Они продолжали жить по законам и положениям 1822 г. Что же касается ясака, то его сбор с них, как упоминалось выше, осуществлялся на основе положения 1835 г. О размере ясака, взимаемого с «инородцев» Алтая, формах его уплаты известное представление может дать ниже приведенная таблица 16. Она же свидетельствует, что на протяжении 30 с лишним лет число кочевых ясакоплательщиков остается почти неизменным. Стабилен и их душевой оклад, который равнялся 1 руб. 39 коп. Беря его в расчет, можно присовокупить к кочевым инородцам и 82 плательщика двух двоеданческих* волостей (114 р. 28 к.: 1 р. 39 к. = 82), выплачивавших ясак, согласно документам, исключительно «маральими

---

* Речь идет о Чуйской волости 1-й половины и Чуйской волости 2-й половины. До 1864 г. они находились на положении двоеданческих, т. е. платили ясак России и дань Китаю. По обоюдному согласию с 1865 г. обе волости полностью отошли к России. Но в окладных документах по-прежнему именовались двоеданческими.

и сохатинными кожами»[71]. Прослеживая по годам уплату ясака алтайцами, можно заметить известную устойчивость их оклада. Есть, правда, некоторые отклонения в таковом у оседлых, но они не меняют общей картины. Отличие есть в другом. Если у кочевых алтайцев, пусть даже в самых незначительных размерах, еще бытует натуральная форма ясака, то у оседлых — она полностью вытеснена денежной. Анализируя далее данные таблицы, напрашивается вывод «о бездоимочном несении» алтайцами положенной на них ясачной подати. Но, увы, они были и власти принимали меры, чтобы их ликвидировать. Например, в окладной ведомости за 1868 г. указано, что с 3673 душ «кочевых инородцев» положено «взыскать 5074 окладных руб., да недоимки за прошлые годы» в сумме 2929 руб. 19 коп., которые, как свидетельствует документ, «были полностью выплачены»[72]. Так же обстояло дело и с оседлыми «инородцами», выплатившими наряду с окладом (5432 руб. 14 коп. с 2254 душ) и 902 руб. 32 коп. недоимки[73]. Такая практика была характерна и для последующих лет, десятилетий. Так, в 1891 г. «кочевые инородцы» выплатили оклад в 4851 руб. 75 коп. (с 3481 души) и 2239 руб. 72 коп. недоимки. С оседлых было «взыскано» 5458 руб. 65 коп. (с 2265 душ) оклада и недоимки — 33 руб. 76 коп.[74] Нередки были случаи и списания властями недоимок в связи со знаменательными событиями в стране. Одним из таковых явилось «бракосочетание императора Николая Александровича с княжною Александрой Федоровной». Тогда, в 1894 г. только по Сибири[75] было списано недоимок: «по ясачному сбору на 22 309 руб. 31 коп. и по оброку — на 150 105 руб. 81 коп.[76] Справедливости ради, следует отметить, что ясачные Томской губернии задолженности по сбору ясака на этот год не имели[77].

Принимая во внимание душевые ясачные оклады (1 руб. 39 коп. — у кочевых и 2 руб. 52 коп. — у оседлых), их годовые суммы, может возникнуть мысль о незначительности подати, взимаемой с алтайских «инородцев». По цифрам — да, фактически же при раскладке внутри улусов и селений оклад заметно повышался, так как оставшимся приходилось «уплачивать за умерших и убывших после очередной ревизии, за больных и калек». Это, по общему признанию, составляло «большое отягощение для общества», которое должно было нести «за них все денежные повинности»[78]. А их было немало. Так, в 1896 г. алтаец, кроме ясака, уплачивал: 1) подушную подать в размере 29 коп. с ревизской души; 2) губернский земский сбор (15,5 коп. с ревизской души); 3) церковные сборы (для крещеных). Наряду с названными, он «нес» и натуральные повинности, такие как исправление дорог,

Ясачный сбор с оседлых и кочевых инородцев бийского уезда

Таблица 16

	1866 г.						1883 г.					
	Число душ м. п.	оклад	недоимка	приход: меха и кожи (на сумму)	приход: деньгами	приход: итого	число душ м. п.	оклад	недоимка	приход: меха и кожи (на сумму)	приход: деньгами	приход: итого
С кочевых		5074 руб. 75 к.	—	1024 руб.	1432 руб. 17 к.	2456 руб. 17 к.		5060 руб. 41 к.	1223 руб. 15 к.	687 руб. 96 к.	1811 руб. 96 к.	2499 руб. 92 к.
	3673						3641					
С двух двоеданч. волостей		114 руб. 28 к.	—	114 руб. 28 к.	—	114 руб. 28 к.		—	—	—	—	—
С оседлых		6356 руб. 18 к.	16 руб. 26 к.	—	6372 руб. 43 к.	6372 руб. 43 к.		3909 руб. 02 к.	—	—	6745 руб. 95 к.	6745 руб. 95 к.
	2246						1622					
		11545 руб. 21 к.	16 руб. 26 к.	1138 руб. 28 к.	7804 руб. 60 к.	8942 руб. 88 к.		8969 руб. 43 к.	1223 руб. 15 к.	687 руб. 96 к.	8557 руб. 91 к.	9245 руб. 87 к.
Итого		5919						5256				

	1893 г.						1898 г.					
	число душ м. п.	оклад	недоимка	приход: меха и кожи (на сумму)	приход: деньгами	приход: итого	число душ м. п.	оклад	недоимка	приход: меха и кожи (на сумму)	приход: деньгами	приход: итого
С кочевых		4849 руб. 13 к.	178 руб. 72 к.	—	4694 руб. 68 к.	4694 руб. 68 к.		4988 руб. 59 к.	—	180 руб.	4922 руб. 87 к.	5102 руб. 87 к.
	3479						3583					
С двух двоеданч. волостей		114 руб. 28 к.	114 руб. 28 к.	289 руб. 27 к.	—	289 руб. 27 к.	—	114 руб. 28 к.	—	—	114 руб. 28 к.	114 руб. 28 к.
С оседлых		5458 руб. 65 к.	—	—	5458 руб. 65 к.	5458 руб. 65 к.		3877 руб. 09 к.	40 руб.	—	3891 руб. 04 к.	3891 руб. 04 к.
	2226						1619					
		10422 руб. 06 к.	293 руб.	289 руб. 27 к.	10153 руб. 33 к.	10442 руб. 60 к.		8979 руб. 96 к.	40 руб.	180 руб.	9828 руб. 19 к.	9108 руб. 19 к.
	5705						5202					

тушение лесных пожаров, предоставление лошадей для земской гоньбы, заготовка дров для церквей и миссионерских школ[79]. Насколько обременительными были натуральные повинности можно проиллюстрировать на примере населения Онгудая. В 1892 г. здесь проживало 522 чел., в том числе 310 кочевых и оседлых «инородцев». Все они, как явствует из документа, «несли государственные повинности». Для их отбывания определялось определенное число дней в году. Для «инородцев» оно равнялось 209 дням, у русских — 79 дней, то есть в среднем по 3 дня на хозяйство. На тушении пожаров «инородцы» обязаны были отработать 119 дней, русские — 109 дней или — 5 дней на хозяйство. Существовали еще «сельские поборы и ямская гоньба». А «всех платежей приходится у инородцев более 10 руб. Раскладываются они на инородцев с 18 до 50 лет». Кроме этого, «инородцы» должны были содержать земскую квартиру и ямщика. На их содержание собиралось по 1 руб. 95 коп. в год с каждой ревизской души, да «на писаря общего — 90 руб. в год со всех»[80].

В ряде районов общая сумма уплачиваемых алтайцами налогов и сборов была еще выше. Так, в Чулышманской долине она составляла более 20 руб. на одно «инородческое» хозяйство, что было весьма разорительно для технически отсталых, полукочевых хозяйств алтайцев[81]. И эти суммы были неокончательными. Практически они были значительно большими, вследствие бесконтрольной системы сбора, господствовавшей на Алтае. Это откровенно признавали местные администраторы. Так, один из русских писарей, «правивший службу» в Чуйской волости признавал жизнь среди алтайцев «блаженной»[82]. О том, как дорого обходились аборигенам налоги, писали почти все путешественники и исследователи, побывавшие на Алтае. В частности, А. Калачев, посетивший теленгитов, писал, что они вместо положенных на них 57 руб. 14 коп. ясака и 1500 — 2000 руб. земских сборов, по словам местного волостного писаря из Кош-Агача, «разными поводами и причинами принуждены выплачивать до 11000 руб.», многие из которых идут в карман зайсана и его помощников, поскольку подать собирается тут «без всяких окладных листов»[83]. Подобное взыскание ясака и налога, бесспорно, позволяло наживаться и русским администраторам и алтайским родоначальникам. На это также неоднократно указывали современники[84]. Вся тяжесть налогового обложения, естественно, ложилась на плечи рядовых алтайцев, поскольку зайсаны и демичи освобождались от налогов, а баи, при уравнительной системе раскладки — подушно, платили столько же, сколько и его бедный соплеменник[85].

Несмотря на указанные выше поборы с «инородцев» Алтая,

правительство принимало меры к увеличению поступлений с них в казну. Одной из таковых, как известно, стало введение в конце XIX в. в Сибири, в том числе и на Алтае, института крестьянских начальников, приравнивавший в налоговом отношении кочевых «инородцев» к государственным крестьянам. Какие же повинности несли в это время крестьяне Алтая? А они, как и сибирское крестьянство в целом, эксплуатировались через систему податного обложения. Накладывавшиеся на них повинности подразделялись на две категории: государственные и местные. Последние исследователями часто называются земскими[86] и относят к ним только часть местных платежей, таких как содержание губернских и уездных властей, ведавших крестьянскими делами, больниц, фельдшерских пунктов, приютов и богаделен, строительство школ всех ведомств и помощь им, сборы на содержание общественных библиотек, земских станций и исправление дорог[87]. Наряду с этим, в разряд местных нужд включались также волостные, сельские (или мирские) и церковные сборы. Исполнялись местные повинности как в денежной, так и в натуральной форме.

До конца XIX в. казенные сборы включали подушную подать со всего тяглового населения и поземельную оброчную подать с государственных крестьян. На Алтае роль государственного оклада играл 6-рублевый оброк, установленный указом от 27 июля 1861 г. для крестьян и постановлением от 29 июля 1863 г. — для бывших горно-заводских рабочих, причисленных к крестьянским общинам. Общеизвестно, что правительство неизменно стремилось к повышению казенного налогообложения в пореформенный период сибирского крестьянства, в том числе и алтайского. Однако на пути этого стремления вставали препятствия, перед которыми власти вынуждены были отступать. Главным из них было развитие капитализма, капиталистических отношений. Уступая им, они вынуждены были отменить подушную подать в Европейской России. Ссылаясь на эти обстоятельства, власти, конечно же, скрывали истинные причины своего шага. Они же, крылись, как отмечал Н. И. Ананьич, в революционной ситуации 1878—1881 гг. и в расстройстве финансов после завершившейся русско-турецкой войны[88]. В сложившейся ситуации правительство планировало отменить подушную подать для плательщиков всей страны, за исключением Сибири, с 1 января 1887 г.[89] Правда, до этого срока оно освободило с 1883 г. от подушной подати тех сибирских крестьян, которые приписались к сельским обществам без приемных приговоров и не имели земельных наделов. В эту же категорию «освобожденцев» были включены ссыльно-переселенцы и приписанные к крестьянским обществам бывшие мастеровые. Основ-

ная же масса крестьян продолжала нести подушную подать, оклад которой был снижен на 10%. Окончательное освобождение от нее сибирякам принесла налоговая реформа в конце 90-х гг. Причины, вызвавшие ее, были те же, что и в Европейской России: развитие денежных отношений, рост задолженности крестьянских хозяйств, несоответствие объема налогового обложения доходам от земледелия. Однако реформа 1898—1899 г. не предполагала уменьшения, а тем более полной отмены подушного сбора. Он просто заменялся другим. Единицей обложения стал земельный надел.

Единая государственная оброчная подать на казенных сибирских землях была введена в январе 1898 г. Ее раскладку производили уездные съезды крестьянских начальников. Правильность расклада проверялась вызванными сюда уполномоченными от обществ и селений. Утверждался он, в частности, в Томской губернии, куда и входил Алтай, общим присутствием губернского правления[90]. Согласно реформе, объем подати не подлежал изменению до составления новой раскладки. Менять его можно было только лишь в двух случаях: 1. В районах, где завершилось поземельное устройство, посему ранее установленная раскладка уточнялась в соответствии с отведенными населению наделами. 2. При ошибках в определении суммы подати с населения более чем на 10%. Проводя разверстку, власти признавали, что добиться равномерности обложения почти невозможно. Чтобы приблизить окладные суммы к реальной платежеспособности населения, они произвольно повышали или понижали сумму сборов по сельским обществам на 50, а по волостям и округам на 25%. Такой подход к разверстке — прямой путь к злоупотреблениям на местах.

Реформа 1898—1899 гг. установила и размер оброчной подати. Для кабинетских земель Томской губернии он был определен в 1 млн. 535 руб. и оставался неизменным с 1899 по 1907 гг. В последующие годы он увеличился и составил в 1908—1910 гг. — 1 млн. 537 тыс., в 1910—1912 гг. — 2 млн. 122 тыс., в 1913—1915 гг. — 2 млн. 570 тыс. руб.[92] Данное повышение явилось результатом заключения финансовой комиссии «о... невероятной льготенности окраин», на основании которой и был принят Думой соответствующий законопроект. Установленные налоги опять-таки не соизмерялись с данными о количестве земли, размерами угодий, с доходностью земледелия и промыслов, ибо таких материалов в Томской казенной палате просто не было. Весь подсчет, по справедливому замечанию И. В. Островского, производился путем упрощенного «учета выручек и затрат» крестьянских земледельческих хозяйств[93]. Определение их доходности «на глазок», бесконечные корректировки в сторону увеличения в разных инстан-

циях привели к тому, что в короткий срок налоги возросли с 29,7 до 32,1 млн. руб. На Алтае они повысились на 21,1%. Это повышение оброчной подати никоим образом не соответствовало росту численности обложенного населения[94].

В отличие от казенного обложения система местных платежей и повинностей характеризовалась относительной стабильностью. До конца XIX в. местные сборы крестьян всех разрядов взимались на основе положения 1851 г. о земских повинностях[95]. В отличие от государственной оброчной подати земские и мирские (волостные и сельские) денежные платежи, как и натуральные повинности, имели определенное назначение. Власти сами признавали, что в структуре денежных повинностей сибирского крестьянства местные повинности в сравнении с государственными налогами играли большую роль, нежели у селян Европейской России[96]. Если говорить о структуре сибирских местных платежей, то она характеризовалась значительным превалированием доли мирских платежей над земскими. Намного выше были в Сибири и натуральные повинности. На их исполнение крестьяне тратили много сил и времени. Та же, к примеру, ямская гоньба. Даже к началу XX в., чтобы преодолеть расстояние от Бийска до Кош-Агача, по улучшенной трассе Чуйского тракта, требовалось (в зависимости от загруженности, вида повозки, числа запряженных в нее лошадей) от 20 до 30 дней[97].

Раскладка натуральных повинностей осуществлялась опять-таки «на глазок». Раз составленные сметы не менялись годами. Объем подводной и дорожной повинностей определялся грубо: на основе общей протяженности подлежавших ремонту дорог или количества пар лошадей, необходимых для работы. При этом во внимание не принимались различия в стоимости пары лошадей и работ в зависимости от региона[98]. Страдали крестьяне и от местных денежных сборов. Значительная их часть шла на содержание разного рода чиновников и учреждений. Причем расходы не везде были одинаковыми. Так, в Томской губернии они составляли 23%, тогда как в 34 центрально-русских губерниях — лишь 6% от земских бюджетов[99]. Казна, никоим образом, не участвовала в образовании последних. И вся тяжесть местных платежей и натуральных повинностей была уделом крестьян. А они, помимо этого, платили еще ругу (плата, чаще всего натурой) церковным священнослужителям за совершение обрядов. Ее размер (вносился обществом или рядом их) оговаривался, чаще всего, при строительстве новой церкви. В дальнейшем он корректировался (естественно, в сторону повышения) епархиальным начальством.

Тяжесть обложения алтайского крестьянина усугублялась

«темными поборами». Механизм таковых убедительно раскрыт Худяковым В. Н.[100] Но бытовали и другие «темные поборы», которые остались вне поля зрения Худякова. Это сборы на религиозные праздники, «угощение начальства» и т. д.

И вот к таковому обложению подводили власти алтайских «инородцев», вводя на Алтае институт крестьянских начальников. Реализация этого распоряжения правительства, не только устраняла старое управление «инородцев», но и предполагала уравнение их в налоговом обложении с крестьянами.

4. ДЕЙСТВИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЛИЦ НА МЕСТАХ

С самого начала вся политика Русского государства по отношению к аборигенам Сибири определялась и направлялась интересами фиска. Охраняя их, оно даже вело борьбу со злоупотреблениями воевод и служилых людей, поскольку их жажда обогащения наносила ущерб казне. Чтобы пресечь их «злодеяния», Москва не раз издавала грозные распоряжения, предписывавшие «сборщикам ясака не брать на себя поминков.., не возить с собою товары для мены их на мягкую рухлядь»[101]. Принимались меры против «корыстолюбия» воевод, стремившихся также обогатиться за счет казны. В частности, с июня 1667 г. действовал указ, предписывавший таможенным чиновникам производить осмотр и переписку имущества воевод и приказных людей, ехавших на службу в уезд. По ее окончании все административные лица вызывались «на Москву». При следовании их от места службы к столице вновь устраивалась проверка имущества. Обнаруженные излишки изымались и «писались на московского государя»[102]. Подобные мероприятия, проводившиеся правительством, афишировались им «как защита инородцев» от чрезмерной эксплуатации «воровских людей». Но это было далеко не так. Отдаленность Сибири от Москвы, несистематический контроль за деятельностью воевод и приказных людей приводили к безграничному произволу местных администраторов. И неудивительно, что на этой почве выросли такие фигуры как Похабов, приказчик Братского острога, цинично заявлявший, что «после... меня — хоть трава не расти», или как камчатский управитель Кох, руководстовавшийся принципом: «На небе бог — на Камчатке — Кох»[103].

Некоторая близость Алтая к центру не дала истории столь колоритных фигур, подобных Похабову и Коху. Однако и здесь были лица, жизненное кредо которых мало чем отличалось от вышеописанных принципов. К числу таких администраторов следует отнести воевод Б. Синявина, М. Ржевского и С. Бартенева. О дей-

ствиях последних документ свидетельствует, что они грабят, бьют, разоряют инородцев, сильно емлют их к себе в холопы, продают оных и тем... корыстуются»[104]. Множество фактов чиновничьего произвола выявила ясачная комиссия 1828 г. «Земские чиновники Бийского и других округов, — указывала она, — являлись инородцам не защитниками, а утеснителями, так что один слух о приезде земского начальника наводил на всех преждевременный страх»[105]. В 1832 г. жители Южской и Комляжской волостей жаловались членам ясачной комиссии на бийского заседателя Черепанова, который, приезжая к ним для сбора ясака, постоянно торговал вином и вымогал у них подарки[106]. Такую же недобрую славу заслужили своими деяниями у алтайцев отдельные алтайские заседатели Судовский, Коршунов, Кудрявцев, Паутов и др. Занимая самую низшую полицейскую должность, они, тем не менее, пользовались широкими полномочиями: разбирали все «инородческие дела», следили за раскладкой ясака, повинностей, контролировали деятельность родоуправлений и волостей и многое другое. Все это позволяло им наживать крупные состояния, злоупотребляя властью[107].

Истощение в начале XIX в. пушных богатств в Сибири, в том числе и на Алтае, значительно усугубило положение ясакоплательщиков. Неулов зверя не изменил размера оклада. Изменилась лишь форма его уплаты. Теперь ясак пушниной почти повсеместно был переведен на деньги[108]. Замена «мягкой рухляди» деньгами сама собою отменила существовавшие в прошлые десятилетия ограничения на торговлю, на посещения купцами «инородческих» стойбищ и улусов[109]. Отныне торговый капитал стал свободно проникать в самые отдаленные области. За счет беззастенчивого ограбления «инородцев» русские торговцы стали быстро увеличивать свои богатства. Примером такого рода может послужить стремительный рост капитала у русского торговца Мокина. Приехав в 1860 г. в Горный Алтай, он имел всего лишь 5 лошадей и 10 голов крупного рогатого скота. Спустя 15 лет, его стадо насчитывало 3000 голов скота. В 1887 г. он раздавал в кредит алтайцам товаров на 25 тыс. руб. и имел в торговом обороте капитал в 150 тыс. рублей[110]. В эти же годы миссионеры указывали, что «на Чуе производят торговлю 17 русских капиталов; цифра всего торгового оборота... не выше 300 тыс. руб.»[111]. Сомнительно, что это точная цифра. По крайней мере, она на полтора-два порядка должна быть выше, ибо русские торговцы не встречали на Алтае каких-либо препятствий для развития своей деятельности, а с другой — они широко практиковали обман, обсчеты, внеэкономическое принуждение для наращивания своих капиталов[112].

Торгово-ростовщическая эксплуатация алтайцев, соединяясь со старыми формами эксплуатации, заметно ухудшала положение рядовых алтайцев, большая часть которых, по признанию властей, влачила жалкое существование. Этот вывод подтверждает и «Журнал Томского губернского правления» от 20 марта 1864 г. «Алтайцы Бийского и Кузнецкого округов, — записано в нем, — сделались «неоплатными должниками» торговцев и впали в их полную зависимость... Эти обстоятельства ввергают инородцев в крайнюю бедность, мешают их всякой возможности образования и вредно действуют на их нравственность»[113]. Медленно развивались и производительные силы края. Торгово-ростовщический капитал не был заинтересован в их развитии. Ему было гораздо сподручнее действовать, когда во всех отраслях алтайского хозяйства наблюдалось «решительное преобладание своих самодельных, а не привнесенных извне средств производства»[114]. Последнее обстоятельство негативно сказывалось и на самом населении: оно не давало расширенного воспроизводства. Об этом убедительно говорят исследования С. Патканова. Обработав статистические материалы, он пришел к выводу, что «инородческое население Сибири не отличается жизнеспособностью». Нормально существовала лишь родовая верхушка «инородческого» общества[115]. Это с полным основанием относилось и к представителям алтайской родоплеменной знати, которая в условиях установившегося режима и торгово-ростовщической эксплуатации помогала грабить и угнетать обедневших своих сородичей.

Грабя и угнетая коренное население Сибири, в том числе и Алтая, правительство равнодушно относилось к судьбам людей, проживавших в этом регионе. Его устраивала забитость, невежество и темнота алтайцев. Достаточно сказать, что накануне 1917 г. коренное население Горного Алтая было почти сплошь безграмотным. И это было не случайное явление, а закономерный результат государственной политики, проводившейся на окраинах империи, в том числе и в Сибири, где согласно официальным данным грамотность аборигенов в 1908 г. составляла 0,5—1,2%[116]. Столь же неблаговидно обстояли дела и в области здравоохранения. Так, в 1910 г. в Тобольской губернии один врач приходился на 2500 человек и обслуживал территорию, равную 36 тыс. кв. верст, в Енисейской — 12,5 тыс человек — 93 тыс. кв. верст, в Якутии — 25 тыс. человек и 348 250 кв. верст[117]. Если учесть, что основная масса врачебно-медицинского персонала находилась в городах, то вполне можно представить какую медицинскую помощь получали жители окраин. Поэтому не случайно, что среди населения окраин, в том числе и Горного Алтая, свирепствовали оспа, тиф, трахома, рев-

матизм, туберкулез и другие социально-бытовые болезни. Характеризуя медицинское обслуживание аборигенов России, исследователь И. П. Ямзин отмечал, что «лечением» их безраздельно занимаются шаманы[118].

Прогрессивная общественность России, выступая против существующего строя, форм правления, политики угнетения и грабежа народов национальных окраин, естественно, не могла пройти мимо положения коренных народов Сибири, ибо многие из ее представителей, побывав в сибирской ссылке, воочию столкнулись с ее населением, его культурой и бытом. Так, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев, отбыв в 1790—1797 гг. ссылку в Сибири, написал ряд работ об этом крае и его населении. В письме А. Р. Воронцову (24 июля 1791 г.) он писал: «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира»[119]. В освоении сибирских просторов первостепенную роль он отводил русскому трудовому народу. «Здесь, — подчеркивал писатель, — имеет случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении, суть качества, отмечающие народ Российский»[120]. Но воздавая должное русскому трудовому народу, он, вместе с тем, заклеймил позором «алчность... городских заимодавцев», обман «зверских ростовщиков» и «неистовства священных служителей», которые своей деятельностью ухудшали и без того тяжелое положение коренных народов Сибири[121].

То же самое можно сказать и о Н. Г. Чернышевском. Он горячо отстаивал принцип равноправия больших и малых народов, выступал против политики, проводимой правительством в национальных районах. «Вы, — говорил он в беседе с чиновником О. Жуковым, — презираете якутов, называя их тварями, но ведь каждый якут — человек, и равен не только вам, но даже выше вас. Он является производительной силой, а вы — потребительной. Не будь якута — у вас не было бы масла, мяса, рыбы, дров, избы, в которой вы живете, и прочего необходимого в домашнем обиходе. Позвольте спросить, что вы даете якутам взамен всего этого»[122]. Эти слова Н. Г. Чернышевского в полной мере приемлемы при характеристике положения населения Горного Алтая и отношения к нему представителей царской администрации.

Передовые люди того времени не раз представляли властям проекты культурных и социальных преобразований в Сибири. В частности, историк-демократ 60-х гг. XIX в. А. П. Щапов указывал, что коренное население Сибири ждет «от нас помощи к развитию и лучшему проявлению сил на пользу общенародную. Не крести-

ками миссионеров, не табаком и водкой русских торгашей мы должны располагать, привлекать их к себе, к своей расе, не хитростью и обманом, а русским хлебом и солью, дешевым, добросовестно продаваемым товаром... хорошими школами, человеческим обращением с ними»[123]. Преобразователь настаивал на открытии в Сибири университета, доказывая, что «университет... необходим не только для самого русского населения.., но и для умственного развития, усовершенствования и возвышения природных сибирских племен, для возбуждения и вывода их, спящих и тщетно тратящихся,.. здоровых.., умственных сил к полезной и производительной общественной деятельности»[124].

Однако в условиях существующего строя, программа, выдвинутая А. П. Щаповым, была утопией. Правящему классу не нужны были «инородческие Ломоносовы», о которых мечтал преобразователь. Его вполне устраивали существующее положение «инородцев» и тот административный аппарат на местах, который при всех изъянах проводил там правительственный курс и защищал интересы фиска.

5. АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Включение Алтая в состав России привнесло свои изменения в идеологию его населения: потерпели, в известной степени, «крах» нормы обычного права, заметно видоизменялись старые религиозные представления и обычаи. Свой вклад в это дело внесла и православная церковь. Начиная с XVIII в., она предпринимала меры, чтобы обратить алтайских кочевников в христиан, но в целом безуспешно. Упразднение же в 1789 и 1799 гг. миссионерских должностей и вовсе свели эти усилия к нулю, ибо даже то незначительное число алтайских кочевников, обращенных в христианство, вновь возвратилось в лоно шаманизма[125]. Исключение составили лишь немногие обрусевшие семьи, осевшие на жительство в крестьянских селениях: Березовке, Майме, Тарханском и Улале[126].

Несмотря на неудачный опыт, идея обратить алтайцев в христианство не была забыта. Она была реанимирована в конце 20-х гг. XIX в. В 1828 г. православная церковь настойчиво ходатайствует перед правительством о «дозволении» ей вести целенаправленную миссионерскую деятельность среди многонационального и разноконфессионального по религиозной принадлежности населения России с целью приобщения его к единой государственной религии — православию. Правительство одобрило и поддер-

жало эту идею. Получив «добро», Святейший Синод предписал иркутскому, казанскому и тобольскому епископам[127] организовать при епархиях[128] специальные миссии и подобрать людей, способных вести миссионерскую работу. Указ об учреждении Алтайской духовной миссии был подписан Святейшим Синодом 15 декабря 1828 г. Реализован 28 августа 1830 г.[129] Его претворение в жизнь и последующая деятельность Алтайской духовной миссии непосредственно связана с именем архимандрита Макария Глухарева (в миру — Михаил Яковлевич Глухарев), о котором следует сказать несколько подробно.

Родился он 8 ноября[130] 1792 г. в г. Вязьме Смоленской губернии, в семье священника. Под руководством отца, человека высокообразованного, знавшего несколько иностранных языков, рано научился читать, писать, познал арифметику, латинский и другие иностранные языки. Дальнейшее его образование проходило в Вяземском духовном училище, куда он в возрасте 8 лет был принят сразу в третий класс. Однако обстановка схоластики, грубости и жестокости, царившие в училище, понудили отца перевести сына в Смоленское духовное училище. В Смоленске же Михаил закончил в 1814 г. и духовную семинарию. Как лучший ученик был рекомендован и принят в Санкт-Петербургскую духовную академию (сразу на второй курс). Грамотного и прилежного юношу, отличавшегося от сокурсников глубокими знаниями по богословию, истории, географии, другим дисциплинам, владевшего латинским, французским, немецким и еврейским языками, заметил ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов), оказавший в дальнейшем большое влияние на формирование характера и взглядов Глухарева. По окончании в 1817 г. академии молодой магистр богословия Глухарев назначается инспектором Екатеринославской духовной семинарии, а также профессором церковной истории и немецкого языка[131].

Но инспекторская и преподавательская деятельность не удовлетворяли его. К тому же надо было окончательно решить: кем быть — или пойти по гражданской стезе, или посвятить свою жизнь монашеству. После нелегких и продолжительных раздумий и смятений он избирает второй путь. В июле 1818 г. Михаил принимает постриг и нарекается Макарием. Однако постриг не устранил житейские проблемы, он добавил немало новых. Одна из них — возникшая нерасположенность екатеринославского архиепископа[132] Иова (Потемкина) к молодому священнослужителю. Причина ее — высокая образованность, добропорядочность, гуманность, прямой и вспыльчивый характер Глухарева. Архиепископская опала породила целую волну придирок, неудовольствий, делавшихся

в угоду высокому духовному сановнику как руководством семинарии, так и консервативно настроенными преподавателями, чьи педагогические взгляды и методы не раз подвергались критике со стороны Глухарева.

В этой обстановке он пишет в 1820 г. прошение о переводе его на ту же должность в другую семинарию. Просьбы были удовлетворены, но в несколько ином плане. В апреле 1821 г. Глухарев назначается ректором Костромской семинарии, «с занятием кафедры богословия» и «поставлением архимандритом в Богоявленском монастыре»[133].

Возложенные обязанности не радуют, а тяготят Макария. К тому же начинает пошаливать слабое с детства здоровье, болят глаза, учащаются приступы лихорадки. И он начинает подумывать об уединении, об исследовательской рабте. К концу 1824 г. такое решение созревает окончательно. Принять его не помешали даже предлагавшиеся должность и сан епископа. В начале 1825 г. просьба Макария «об отпуске на успокоение» была удовлетворена Синодом и Глухарев отправляется сначала в Китаевскую пустынь[134] Киево-Печерской лавры, а через год — в Глинскую Богородицкую пустынь Курской епархии[135]. Здесь ему и попалось на глаза послание тобольского епископа Евгения, приглашавшее желающих посвятить себя миссионерской деятельности.

Макарий сразу же откликнулся на это предложение. Он посылает прошение в Святейший Синод о дозволении ему «проповедывать Евангелие сибирским инородцам». 27 мая 1829 г. такое разрешение ему было дано[136] и в июне того же года он покинул Глинскую пустынь и отправился в Тобольск, куда и прибыл 30 сентября 1829 г.[139] Здесь он пробыл девять месяцев, решая вопросы, связанные с организацией миссии, подбирал кадры, особенно переводчиков, «имеющих познания» в тюркских диалектах. И таковые Макарием были найдены. Ими стали семинаристы Василий Попов и Алексей Волков[138].

Завершив все приготовления, Глухарев вознамерился в начале отправиться в Кокчетавский округ. Однако ответ генерал-губернатора Западной Сибири на епархиальный запрос о выезде туда, был категоричен: «без Высочайшего повеления» выезд в Кокчетавский округ не возможен[139]. Препятствий для поездки на Алтай с миссионерскими целями не было. И Макарий отправился в Бийский округ «для проповеди слова Божия алтайским калмыкам»[140].

Но не только в силу самоотверженного подвижничества попал он в этот далекий край. «Повинны» были в этом и превратности его собственной судьбы. С первых лет монашества Глухарев про-

слыл в своих кругах вольнодумцем. Его либерально-буржуазные взгляды воспринимались церковным начальством «постдекабристской эпохи» чуть ли не ересью. Святейший Синод не мог ему простить его упорства в дискуссиях относительно перевода Библии на русский язык. Не иначе как святотатство воспринималась церковным начальством идея Макария о соединении православной, римско-католической и лютеранской церквей в единую христианскую церковь. Все эти моменты до предела обострили его отношения с Синодом, что даже встал вопрос о заточении «строптивца» в монастырь. Вот в этой непростой для Макария ситуации и застало его объявление о наборе желающих поехать в Сибирь «для несения слова Божия иноверцам».

28 августа 1830 г. Глухарев со своими сотрудниками прибыл в Бийск. В начале сентября к нему приехал новокрещенный алтаец Иеремей Шишков и пригласил его в Улалу для крещения живущего у него семнадцатилетнего алтайского подростка по имени Элески[141]. Макарий с радостью принял приглашение и 6 сентября уже был в Улале. Совершив первое крещение, архимандрит долго беседовал с юношей, названным после крещения Иоанном. В ходе беседы Макарий выяснил, что Иоанн доволен принятием новой веры, но побаивался осуждения со стороны отца, который был недоволен решением сына. Учитывая это, Макарий уговорил юношу поехать с ним в Бийск. Более того, у него возникла идея сделать его переводчиком миссии. Однако, Иоанн, прожив в Бийске около двух недель, выразил желание вернуться домой и заняться там хлебопашеством[142].

Познакомившись с Улалой, которая в те годы, по свидетельству документа, являлась «ничтожным улусом, в котором жили 3 русских пчеловода, 4 семейства крещенных инородцев и семейств 15 некрещенных», Макарий решил организовать здесь главный стан миссии[143]. С этой целью весной 1831 г. в Улале была куплена изба для миссии. Однако «улалинские идолопоклонники», опасаясь насильственного крещения «задумали скочевать в Кузнецкий округ». Узнав об этом, «мудрый служитель.., желая приобресть их Христу, на время удалился от них в Майму». И лишь в 1834 г. когда большая часть улалинцев была крещена, он переселился обратно в Улалу и перевел сюда главный стан миссии[144].

Разворачивая ее деятельность, Макарий вновь проявляет своеволие. Отправляясь в Сибирь, он получил «высочайше» утвержденное руководство по организации миссионерской работы. Ознакомившись с ним, Глухарев нашел его совершенно непригодным для ведения столь многотрудного дела, каким являлось приобщение людей одной веры к другой. Поэтому он отбрасывает его

и разрабатывает свою методику ведения миссионерской работы применительно к Алтаю и его населению, имея при этом в виду и возможность ее использования и в других регионах при соответствующей корректировке на условия края и особенности тамошних народов. Его программа, призванная не только крестить «инородца», делать его «истинно русским» царя небесного и земного, но и приобщать новокрещенного к оседлому образу жизни, грамотности, более культурному и рентабельному способу производства, была выдержана в либеральном духе и не одобрялась официальными властями.

В начальный период существования последней ее состав был весьма малочислен. Уже в первые годы Макарий лишился своих помощников. Умер Василий Попов, отошел от миссионерской работы и ушел на гражданскую службу Алексей Волков. В сложившейся ситуации Глухарев мог рассчитывать только на свои силы да на помощь добровольного своего помощника — ссыльного старца Петра Лисицкого. С годами, благодаря стараниям Макария, миссия пополнилась новыми сотрудниками. Ими стали: выпускник Нижегородской духовной семинарии Стефан Ландышев; ученик Томского духовного училища Михаил Ниглицкий; бывшая воспитанница Смольного института София Густовна де Вальмон; студент ветеринарного отделения Московской медико-хирургической академии Артемий Ловицкий и другие. Помогал Макарию одно время его родной брат — Алексей Глухарев. До приезда на Алтай он был священником в г. Вязьме. Овдовев, Алексей задумал принять монашеский постриг и удалиться в монастырь. Перед этим он решил помочь брату, а главное — испытать себя миссионерской работой. Определив в приют при монастыре двух своих дочерей и распродав свое имущество, Алексей приезжает в 1837 г. на Алтай. Но работа в миссии оказалась ему не по душе и в 1838 г. он покидает Алтай[145].

Начало миссионерской деятельности Макария и его сподвижников было сопряжено с немалыми трудностями. Главная из них— незнание языка и обычаев алтайцев. Потому-то Макарий с первых дней пребывания на Алтае начинает изучать язык и культуру алтайских «иноверцев». Овладев языком их, познав обычаи и верования, он с успехом решал задачу «приобщения алтайских инородцев к вере Христовой». По свидетельствам документов, им за время руководства миссиею (13 лет и 8 месяцев) было «окрещено 645 душ обоего пола»[146].

Но наряду с решением чисто церковных проблем, реализация которых осуществлялась не только увещеванием, но и силовыми методами (угроза, взятие письменного обязательства с новокре-

щенного не обращаться к шаманам, не приносить кровавых жертв скотом, введение института «крестных отцов», ответственных за возвращение своих «подопечных» к шаманизму и т. п.[147]), Макарий занимался и другими вопросами. Процветание Алтая, Сибири в целом, он видел в приобщении «инородцев» к православию и европейской культуре. Достичь этого, по его мнению, можно было через развитие у «инородцев» системы религиозного просвещения, здравоохранения, культурно поставленного сельского хозяйства. Центральное звено в данной цепи он видел в переводе алтайцев с кочевого на оседлый образ жизни[148]. С этой целью Макарий все делал для того, чтобы добиться соблюдения на Алтае в полном объеме положения Государственного Совета от 17 июля 1826 г. «О льготах инородцам, принимающим святое крещение», в соответствии с которым с «инородцев, вступающих в христианскую веру» на три года «слагались» ясак и другие подати и повинности[149]. Наряду с этим, он пытался, но безуспешно, создать особую волость для новокрещенных, которая была бы независима как от местных зайсанов, так и от государственных чиновников[150]. Со своей стороны Глухарев всячески помогал тем, кто решил перейти на оседлость: одним содействовал в обзаведении избой, другим — скотом, третьим — земледельческими орудиями, семенами злаковых и огородных культур[151].

С первых лет деятельности миссии было организовано обучение детей. При непосредственном участии Макария в 1830 г в Улале и Майме были открыты миссионерские школы для мальчиков и девочек, обучение в которых велось бесплатно[152]. Открытие этих школ стало возможным благодаря усилиям Глухарева, создавшим к этому времени на основе русской графики алтайскую письменность[153]. Обучение в школах полностью соответствовало основной задаче миссии. В них изучались славянская и русская грамота, закон Божий, церковное пение и элементарные правила арифметики. Отсутствие учебников понудило Макария к созданию таковых, к переводу на алтайский язык молитв, богослужебных книг и других, использовавшихся в школах в качестве учебной литературы. Тем самым, он, по справедливому замечанию Л. П. Потапова, намного предвосхитил «знаменитую систему Ильминского, основанную на образовании «инородцев» и обращении их в христинство с помощью родного языка»[154].

Занимался Макарий и медициной, видя в ней одно из средств «завоевания сердец и расположения инородцев». Он самостоятельно освоил и успешно применял на практике оспопрививание, лечение лекарственными травами. Эта сторона деятельности архимандрита так отражена в «Томских епархиальных ведомостях»

за 1897 г. «В последние годы своей жизни на Алтае, — говорится в них, — он приобрел уже достаточные сведения по медицине, имел у себя аптечку, из которой отпускал бесплатно лекарства и сам во всякое время в качестве врача неотложно являлся к тем, которые его приглашали. Для бездомных и больных в 1838 г. в Майме он завел больницу-богадельню. И язычники охотно шли к о. Макарию сначала лечиться, а потом креститься»[155].

Заботясь о здоровье других, он не заботился о своем. А оно с каждым годом становилось все хуже и хуже. Все труднее становилось заниматься делами миссии, и Макарий принимает решение уйти с поста начальника Алтайской духовной миссии и совершить паломничество в Иерусалим. Но Святейший Синод по-своему отреагировал на прошение Глухарева. В июле 1844 г. его освобождают от должности начальника миссии и переводят настоятелем Болховского Троицкого монастыря Орловской епархии[156]. Передав руководство миссией своему ученику — Стефану Ландышеву[157], архимандрит Макарий 4 июля 1844 г. покинул Алтай. Но до конца своей жизни[158] он не порывал с ним связи, помогал чем только мог созданной его руками миссии. Он пересылал сюда денежные пособия, учебники, подбирал способных сотрудников. По его, например, совету прибыл в Алтайскую духовную миссию послушник Болховского монастыря Дмитрий Коновалов (в будущем иеромонах Дометиан), посвятивший свою жизнь миссионерскому служению в Горном Алтае[159]. По его же рекомендации прибыла и работала в Улалинской женской школе Болховская учительница Евдокия Варламова[160].

С отъездом Макария мало что изменилось в делах миссии. С. Ландышев всецело придерживался позиции и взглядов, свойственных его учителю. Учитывая обширность территории края, разбросанность по ней «инородцев», вследствие чего «нет сил и возможностей» с успехом «нести в среду язычников слово Божие», новый начальник миссии продолжает начатую еще Макарием работу по устройству новых станов (отделений) Алтайской духовной миссии. Наряду с центральным Улалинским станом, укрепляется Мыютинский, основанный в 1842 г.[161], куда еще в 1843 г. Макарий отправлял на жительство новокрещенных алтайцев[162]. К концу века это отделение, охватившее «собою все течение реки Семы (левый приток Катуни) с ее окрестностями», имело в своем составе 14 селений и аилов «при 1 церкви и 8 молитвенных домах, 7 школах». На его территории проживало: русских — 1777 душ обоего пола, крещенных инородцев — 1349 и некрещенных — свыше 1000 душ обоего пола[163].

Следуя задумкам предшественника, С. Ландышевым были от-

крыты: Черно-Ануйский стан (в 1844 г.), Урсульский (в 1855 г.) и Макарьевский — в 1856 году[164]. Особое внимание миссии в этом плане привлек Чемал. И даже было принято решение открыть в 1849 г. здесь новый стан. Однако намеченный план не удалось осуществить, поскольку в этом районе в означенное время поселились 13 семей раскольников, которые выгнали оттуда алтайцев, отобрав у последних пастбища и примитивные пашни. Решительными действиями миссии раскольники были выдворены из Чемала и в 1850 г. здесь были поселены новокрещенные алтайцы в количестве 25 семей[165].

Расширяя сеть станов (в 1858 г. открывается Кузедеевский, — который под руководством миссионера В. Вербицкого развивает энергичную деятельность), миссия и ее руководство заботится и о расширении ее штатов. И это ей удается. Согласно отчету инспектора-полтавчанина о. Парфения, посетившего Алтай в 1855 г., Алтайская миссия состояла из 5 станов с 4 походными церквами, в их составе были: 1 протоиерей[166], 2 иеромонаха[167], 3 священника[168], 5 причетников[169] и 2 послушника[170]. На содержание миссии отпускалось из казны 571 руб. 41 коп. в год[171].

Наряду с инспекцией, о. Парфений имел задание найти «благотворителей среди бийских и томских купцов». И он нашел таковых. Но особенно поразил его среди них «юный годами, даже неопытный, но исполненный живой энергии, неутомимой деятельности и беззаветной преданности долгу и службе» молодой человек, окончивший в феврале 1855 г. Тобольскую семинарию[172]. Это был Михаил Андреевич Невский[173].

Ознакомившись с работой миссии, инспектирующий «нашел, что оная весьма успешно ведет многотрудную апостольскую работу», в результате которой «немалое число идолопоклонников приобщилось к вере Христовой», а край «до селе слабо заселенный. покрылся множеством селений, наполненных новокрещенными алтайцами». В заслугу С. Ландышеву и руководимой им миссии ставилось образование более 10 селений и 7 миссионерских школ. Отметил Парфений и усердие миссионеров в том, что они, чтобы расположить к себе новокрещенных, обучают их земледелию, оседлому родничеству, другим занятиям оседлого образа жизни, лечат крещенных и некрещенных. 22 апреля 1856 г. свой отчет он представил в Святейший Синод[174].

В июне 1857 г. по нему «последовало Высочайшее определение». Оно гласило: «1. В виду успешного действования Алтайской духовной миссии на идолопоклонников и магометан, обитающих в Томской губернии, для обращения их в христианство и утверждения обращенных в православной вере, сверх существующих

пяти станов в Бийском округе с таким же числом походных церквей, утвердить еще один стан с церковью... 2. В каждом стане иметь миссионера, причетника, толмача и сверх того одного причетника при начальнике для треб письмоводства. 3. Станы подчинить ведению начальника миссии. 4. На случай болезни его, отлучек и других подобных обстоятельств назначить ему двух сотрудников, старшего для участия в управлении и младшего для спопешествования в проповеди, духовном надзоре за новокрещенными, не освобождая впрочем ни того, ни другого от общей всем миссионерской обязанности. 5 На содержание миссии отпускать... 5000 руб. в год в течение пяти лет»[175].

Высокая оценка деятельности миссии, данная официальными властями, воодушевила ее сотрудников на новое подвижничество по приобщению алтайцев «к вере Христовой». Каким оно было и как к нему относилось алтайское население? Однозначно ответить на эти вопросы нельзя. Различными были и методы приобщения алтайцев к христианству, и отношение разных социальных групп последних к христианизации. На первом этапе, особенно в бытность Макария Глухарева, миссионеры старались делать акцент при крещении алтайцев на добровольность. Подтверждение тому — крещение алтайского юноши Элески осенью 1830 г., его отца весной следующего года, большинства улалинцев — в последующие годы[176]. Существовала и другая категория «новодцев», которая также добровольно, но по нужде — принимала крещение. Это бедняки и калеки. Об этом достаточно подробно рассказал Л. П. Потапов. Им приведен целый ряд примеров такого вынужденно-добровольного приобщения алтайцев к христианству. В числе таких новокрещенных упоминаются три слепых многодетных вдовы, инвалиды, сироты и нищие[177]. Этих «иноверцев», пожелавших стать христианами, конечно же, не прельщали ни проповеди миссионеров, ни христианская концепция. К крещению их понуждали безысходность и тяжелое материальное положение. Этого не скрывали даже сами миссионеры. В одном из отчетов прямо говорится, что «переход в христианство начался с бедных, бесприютных и загнанных»[178].

Наряду с указанными группами, была еще одна категория алтайцев, которая соглашалась добровольно принять крещение. Но прежде чем исполнить этот обет, они требовали от миссионеров выплаты материальной «компенсации». Подобные «добровольцы» вызывали неприязнь миссионеров своей необязательностью и иждивенчеством. Такие новокрещенные, по их мнению, редко, по-честному меняли свои взгляды, в миссии же они видели лишь источник для своего дальнейшего безбедного существования[179].

И, наконец, были «инородцы», ни под каким предлогом не желавшие принимать крещения. При появлении миссионеров они покидали жилища и разбегались по урочищам[180]. Когда это сделать не удавалось, неприязненно встречали проповедников, отказывали им в проведении у них бесед, а порой и угрожали. В такую ситуацию попал однажды Макарий, будучи в Аносской долине с проповедями «слова Божия». Встретившийся в пути «татарин Гюрюш», узнав о цели поездки миссионера в их аил, заявил, чтобы последний не ездил туда, иначе «мы тебя можем побить и даже убить»[181]. Когда же удавалось отдельных окрестить, «идолопоклонники ополчались» против «принявших святое крещение». Так, мать-язычница, узнав, что дочь окрестилась схватила ее за горло и начала душить. Лишь вмешательство соплеменников избавило девушку от смерти[182]. Или другой пример. Некрещенные кебезенцы в качестве мести за крещение сожгли у новокрещенной женщины юрту со всем имуществом[183].

В ответ на подобные акции, миссия принимала меры по защите новокрещенных: переводила их в русские селения или в деревни крещенных алтайцев, ходатайствовала перед местными и даже центральными властями о «предотвращении туземного произвола». Последние по инстанциям довели до сведения родовых правителей, чтобы подчиненные им «калмыки не препятствовали желающим креститься и не судили бы без крещенных новокрещенных инородцев»[184]

Подобные правительственные распоряжения, бесспорно, били по прерогативам зайсано-байской верхушки алтайцев. Ей не хотелось терять своего монопольного влияния на сородичей и соплеменников, лишаться пастбищ и угодий, земель вообще, которые отторгались у нее в пользу миссионерских селений. Вследствие этого, баи и зайсаны всячески противодействовали крещению алтайцев, не останавливаясь при этом даже перед наказаниями «самовольцев». Но несмотря на принимаемые меры, они видели, что их былая власть над соплеменниками уходит в прошлое. Потому-то они ненавидели миссию и отрицательно относились к ее деятельности[185].

Той же «монетой» платила миссия алтайской родоплеменной верхушке. Уже при С. Ландышеве она начала добиваться, чтобы зайсаны и демичи были выборными и притом из числа крещеных алтайцев. «Зайсаны, — указывали миссионеры, — имеют для себя особенный интерес держать массы единоплеменников во мраке язычества и невежества, т. к. они опасаются... потерять свое обаяние власти и силы. Звание азйсанов у калмыков наследственно и сохраняется пожизненно, а потому и власть... их... неограничен-

на и подчиненные относятся к ним с раболепством, боясь и думать о протесте на несправедливые действия своего начальства. Под влиянием зайсанов инородцы... оказывают порой упорное сопротивление проповеди христианской... Для устранения этого... противодействия и враждебного отношения зайсанов-язычников к проповеди Евангелия, желательно.., чтобы должность зайсанов на... Алтае была выборная на известный срок, при этом в... волостях, где есть достаточное число инородцев, выбор начальника должен производиться непременно из числа крещенных... Если... не изменится порядок и образ местного инородческого управления на Алтае, миссия будет встречать великие препятствия со стороны тех самых инородцев, просвещение и обрусение которых составляет ее коренную задачу»[186].

Однако Томское губернское правление, идею миссии о реорганизации «инородческого» управления на Алтае сочло преждевременной и не поддержало. О чем и известило миссию в декабре 1857 г.[187]

Встретив непонимание губернских властей, миссионеры с особым рвением продолжали осуществлять свою главную задачу, всецело полагаясь в работе на собственные силы, опыт и инициативу. В ходе ее ими используются самые разнообразные формы и приемы. Наибольший эффект и желаемый результат миссионерам, как и в прошлые годы, приносит лечение ими больных «инородцев» и последующее их крещение. Например, иеромонахом Дометианом только за две недели января 1862 г. было окрещено таким путем в Кебезени 7 алтайцев, да 4 человека — с помощью выдачи им подарков[188]. Трех вылеченных алтайцев крестил за это время в аилах по р. Аносу миссионер Макарий (Невский)[189].

Были случаи крещения пьяных (как это случилось с эдиганцем Тебеком[190]), а также тех, кто был деморализован каким-либо несчастьем. В частности, алтаец Тыкчак был «принужден креститься из-за смерти детей». Из 12 родившихся в его семье детей, на день крещения у него осталось трое — остальные умерли[191].

«Приобщая» алтайцев «к христовой вере», миссионеры понимали, что без закрепления ее у них — все их труды «пойдут прахом». «Укрепить» же новую паству в вере, можно было лишь поселением ее в миссионерские селения и улусы, в которых имелись церкви или молитвенные дома. Однако для создания таковых «очагов веры», у миссии не было средств. Начинается поиск «жертсвователей». И они были найдены, причем в немалом числе. Благодаря им, миссии удалось в довольно-таки короткий срок возвести церкви и молитвенные дома во многих населенных пунктах Горного Алтая. Вот лишь несколько примеров. Так, церковь

в Кебезени была построена на средства купца П. Тренихина[192], в Онгудае — купца А. В. Соколова[193], в Черном Ануе и Ильинке — новокрещенной вдовы Тюденековой в память по убиенному мужу»[194], в Ынырге — купцов Петрова и Михайлова[195], в Чемале — купца А. В. Соколова[196], молельные дома: в Туекте — на средства местного жителя В. С. Воронцова[197], в Никольском — мещанина Л. Федорова[198], в Турачаке — крестьянина Казанцева[199], в Бешпельтире — новокрещенного «калмыка» Н. Тачакова[200], в Эликманаре — на средства крестьянина А. Зырянова[201].

Укрепляясь материально и организационно, миссия все дальше углубляется в просторы Алтая. С учреждением в 1862 г. Кебезенского стана[202], под ее влиянием оказалась значительная часть правобережья Бии и территория, прилегающая с юга и запада к Телецкому озеру. Однако его восточное побережье, бассейны Чулышмана и Башкауса, по-прежнему оставались вне сферы влияния миссии. Поэтому она принимает меры, чтобы освоить данный район. Традиционный для этого путь — учреждение нового стана — по ряду причин (экономического, финансового и кадрового характера) миссией временно был отвергнут. Используя ситуацию (реформа 1861 г., благосклонность правительства к переселению и освоению новых территорий и т. д.), она выдвигает идею организации монастырей «в калмыцких стойбищах и землях, которые бы решали ту же задачу: «приобщение инородцев к христовой вере». Предложение миссии было поддержано и вскоре последовало «Высочайшее разрешение» на устройство Улалинского и Чулышманского монастырей, «коим Государем Императором» было пожаловано 6444 и 3000 дес. земли соответственно[203].

Несколько слов об идее организации монастырей. В 1857 г. по инициативе нескольких «новокрещенных девиц» во главе с Анной Чевалковой[204] при активной поддержке со стороны начальника миссии С. Ландышева и миссионера М. Чевалкова в Улале была создана женская монашеская община. Для ее «жительства и существования» решено было организовать монастырь. Идея об его создании была подхвачена барнаульским купцом А. Г. Мальковым. Он привез из Москвы копию чудотворной иконы Царицы Небесной, Спорученицы Грешных и пожертвовал ее миссии. Он же выделил деньги и начал активно хлопотать по созданию монастыря[205]. Место под него выбиралось по жребию. Из трех урочищ: вблизи Улалы, Чемала и Телецкого озера, выбор дважды выпал в пользу первого. К 1863 г. на выбранном месте был построен небольшой храм и несколько келий, куда и перешли улалинские подвижницы во главе с первой настоятельницей общины бывшей

ученицей Серафима Саровского монахиней Ардатовского Покровского монастыря Анастасией Семеновой[206].

Улалинцы были недовольны учреждением монастыря, поскольку они лишились лучших земель в долине р. Маймы, которыми «доселе» пользовались. Но делать было нечего, ибо отвод земель монастырю был утвержден 7 февраля 1863 г. императором Александром II. Согласно указу, эти земли «передавались монастырю в безоброчное пользование» на следующих условиях: «1. Они принадлежат горному округу и уступаются временно. 2. С закрытием монастыря, земли возвращаются округу. 3. Обнаружение в отведенных землях металлов и минералов приводит к автоматическому их изъятию и предоставлению монастырю других свободных земель»[207].

На таких же условиях был учрежден и Чулышманский Благовещенский (мужской) монастырь. Он также возник по инициативе купца А. Г. Малькова, возбудившего в ноябре 1862 г. ходатайство перед правительством об устройстве монастыря близ Телецкого озера и отводе под него имеющиеся здесь «пустолежащие земели». Правительство не стало углубляться в суть проблемы и дало «добро» на освоение «пустующих» земель, хотя на самом деле они были заселены алтайскими кочевниками. В решении этого вопроса оно руководствовалось лишь тем, что организация монастыря будет способствовать дальнейшему распространению «христианства и цивилизации... в сем крае»[208].

Отведенный под монастырь участок, как явствует из чертежа Алтайского округа, располагался на р. Чулышман, в 36 верстах от его устья[209]. Свое существование монастырь начал совершенно необустроенным, ибо пекшийся об его учреждении купец Мальков, вопреки обязательствам и клятвам, построил всего лишь одну церковь[210]. Миссия приложила немало усилий, чтобы вывести на должный уровень «сию обитель», и вывела. Его благополучие и процветание было достигнуто за счет ухудшения материального положения живших в этом районе алтайцев. В короткий срок монастырь полностью захватил Чулышманскую и Башкаусскую долины, поставив тамошних жителей перед выбором: либо покинуть обжитые места, либо остаться на них, но платить монастырю арендную плату. Поскольку алтайцам было некуда выехать (ближайшая к ним Чуйская долина не располагала ни хорошими пастбищами, ни удобными землями, к тому же она была хотя и редко, но заселена), они вынуждены были остаться и смириться с монастырской кабалой. Иначе и нельзя было расценить его арендную плату. Так, за право поставить юрту на монастырских землях, алтаец обязан был платить монастырю 1 руб. в год; за право по-

сеять хлеб — 1 руб. за пуд высеянных семян; за пастьбу крупного рогатого скота — 25 коп. с головы; мелкого — 5 коп.; за копну накошенного сена — 10 коп.; за право пользоваться лесом — 1 руб. в год. Если алтаец занимался хлебопашеством, то с него взыскивалась руга, размер которой составлял десятую часть урожая[211].

Сложившееся положение, естественно, не устраивало алтайцев. На произвол, чинимый им монастырем, они жаловались уездным и губернским властям. Когда же жалобы не приносили желаемого результата, алтайцы решались на скрытую борьбу с монастырем: они поджигали леса, тайком вырубали монастырские дачи, похищали и убивали монастырский скот и т. д.[212]

Создав цитадель «христианства и цивилизации» на Чулышмане, миссия продолжает наступление далее на юг — в направлении Улагана — Чибита — Кош-Агача. В Совет Миссионерского общества уходит ее прошение об открытии в этом районе двух новых миссионерских станов. Приводимая ею аргументация была такова: 1. На окраинах восточного и южного Алтая проживает немалое число алтайцев-идолопоклонников, которых необходимо привести «в лоно христовой веры». 2. Вследствие удаленности указанных местностей и плохих путей сообщения, поездка в данные районы миссионеров, доставка предметов первой необходимости для работы сопряжены с большими трудностями. 3. Вновь открываемые станы будут содействовать не только «распространению христианства среди инородцев», но и «укреплению новокрещенных в вере». 4. Пожалуй самый главный довод: проектируемые станы станут барьером на пути проникновения в среду «алтайских идолопоклонников магометанства и ламаизма»[213]. В связи с последним аргументом возникает вопрос: «Почему он не поставлен ходатаями на первое место, он, наверняка бы, способствовал положительному разрешению поставленного вопроса?» Здесь, как показало время, миссионеры действовали с определенным умыслом. Поставь на первое место эту проблему — недолго и до немилости начальства, почему, мол, раньше об этом не доводили до него, допустили такое безобразие и т. д. А так — мы в курсе событий, владеем ситуацией, но радикально решать вопрос не хватает сил, потому и направляем свое ходатайство.

Небезынтересен в этом плане и другой ход миссионеров. Простятся устроить в Улагане миссионерский стан, они рекомендуют властям «учредить неподалеку от него... и магазин с товарами». Это, по мнению миссионеров, позволит им более успешнее решать свою главную задачу, поскольку «приезжающие за покупками язычники незаметно будут знакомиться с духом веры христовой...»[214].

Как говорится, резон в этом предложении есть, но еще больше в нем — меркантильности миссионеров.

Развитие капиталистических начал в метрополии и проникновение их на ее окраины, в том числе на Алтай, заметно видоизменяют деятельность миссии. В 60-х гг. она все больше отходит от работы по преобразованию образа жизни, быта и культуры новокрещенных алтайцев. Ее внимание теперь все больше концентрируется на одном — лишь бы увеличить число обращаемых в православие. Один из путей достичь этого было расширение сети миссионерских школ. Именно этой точки зрения придерживался новый начальник миссии архимандрит Владимир, который в 1866 г. сменил на этом посту С. Ландышева. База же для реализации задуманного в жизнь у нового начальника была. Возраставшие с каждым годом переселения русских крестьян на Алтай, в том числе и в его горную часть, давали толчок к возникновению здесь новых населенных пунктов. Таковых за время деятельности архимандрита Владимира в Горном Алтае, по свидетельству Л. П. Потапова, появилось 19. Это: Усть-Балыкса, Чепош, Унгуря, Кан, Тюдрала, Марьинское, Тундинское, Сайдыс, Александровское, Пешпельтир, Карасук, Каинча, Эдиган, Карагем, Курай, Манжерок, Камлак, Усть-Улаган и Балыкса[215]. На наш взгляд, этот список, на основании изученных материалов, должен быть дополнен. В него должны были включены следующие селения, появившиеся в период с 1866 по 1884 гг., как результат подвижничества крестьян-переселенцев: Верх-Иша, Культура (Поросята), Салганда, Ускуч (Верх-Пьянково), Чоя, Туекта и Топучая[216]. Следует отметить, что все эти селения возникали не на голом месте. В большинстве своем переселенцы «приселялись» к «калмыцким стойбищам и улусами», поскольку без помощи и содействия старожилов (русских и алтайцев) новоселу трудно было обосноваться на новом месте. Вот на такие селения, где было русско-алтайское население, миссия обращала свое внимание, устраивая в них свои школы. Благодаря ее повседневным «заботам» о распространении религиозного образования, появились миссионерские школы и в вышеуказанных селениях: Карасуке, Салганде, Александровском, Чепоше, Манжероке, Тюдрале, Марьинском, Кане и др.[217]

Расширение сети школ в Горном Алтае не было свидетельством стремления миссии, правительства в целом внедрять образование в среду алтайцев, развивать их культуру. Объяснение этому заключалось в другом: миссии нужны были кадры, которые разрешали бы ее главную на данном этапе задачу — «через школу, родной язык и соплеменных учителей нести инородцам слово

Божие». Ее, по мнению миссии и начальника, должно было разрешить миссионерское училище, открытое «стараниями и заботами» архимандрита Владимира в 1867 г. в Улале. Некоторое представление о его работе* по подготовке учителей, переводчиков, церковно-служителей дают воспоминания бывшего выпускника этого училища С. Ильтеева, уроженца Мыюты[218].

На первых порах оно располагалось в доме толмача миссии М. В. Чевалкова. В год открытия учебу начали 8 человек. Невелик был и учительский коллектив. Учителями в нем были бывшие студенты Петербургской духовной академии И. В. Солодчин, ставший впоследствии игуменом[219] Иннокентием и помощником начальника миссии, и П. И. Макушин, забросивший потом учительство и занявшийся торговлей и книгоиздательством.

Образовательная программа целиком соответствовала главной задаче, решаемой миссией. Воспитанники изучали священную историю Ветхого и Нового завета, арифметику, краткий катехизис, письмо, чтение и пение. Отсутствие учебников, литературы и материалов светского характера на алтайском языке осложняло обучение, отсутствие же последних — обедняло обучение воспитанников, их культурное развитие. Понимая это, учителя, руководство миссии активно занимаются переводческой деятельностью, привлекая к ней и учащихся. Ею в 1870 г. занимались под руководством начальника миссии, толмача М. Чевалкова, учителя И. Солодчина воспитанники Ильтеев С., Петров Т. и Тозыяков В.[220]

Занимаясь в основном переводами церковной литературы, миссионеры оправдывали свои деяния тем, что все большее число новокрещенных увлекается чтением книг духовно-нравственного содержания. Нежелание переводить светскую литературу на алтайский язык они объясняли отсутствием у «инородцев» интереса к ней, а также, якобы, их заявлениями о том, что «в сих книгах нет ничего наставительного»[221]. Безусловно, причины отсутствия переводов светской литературы крылись совершенно в другом — в курсе, которому следовала миссия. А интерес к светской литературе у алтайцев был. Это убедительно доказала литературно-просветительская деятельность первого алтайского поэта и прозаика М. В. Чевалкова, о которой подробнее будет сказано ниже.

Окончив училище, выпускники разъезжались по местам своего назначения. С ноября 1871 г. вышеозначенные учащиеся стали учителями и священнослужителями: С. Ильтеев — в Чепошской школе, Т. Петров — в Черно-Ануйской, В. Тозыяков — в Чулыш-

---

* Более подробно о его работе будет сказано в главе о культуре.

майской школе[222]. Но не все выпускники пошли по стезе, указанной миссией. В частности, А. Пыжанкин занялся коммерцией, И. Кучуков — делами, которыми вскоре заинтересовались судебные органы, а П. Кучуков — истинно просветительской деятельностью[223]. Миссия, естественно, была недовольна поведением этих воспитанников. Поэтому она предписывает своим служителям строже подходить к подбору кандидатов, которые будут обучаться в школах, училище за счет средств миссии, дабы не иметь неже-
лательных результатов при выпуске.

Разрешив задачу подготовки квалифицированных кадров для миссионерских школ, училище поставило перед миссией новую проблему: необходимо было и его обеспечить высококвалифицированными учительскими кадрами. Об этом неоднократно упоминал в своих отчетах начальник миссии. В одном из них, направленном в Совет Миссионерского общества, он подчеркивал, что училище «в учащих (учителях — *Н. М.*) чувствует недостаток». Чтобы его устранить, архимандрит Владимир просит принимать ежегодно в Казанскую учительскую семинарию по два человека из числа алтайских «инородцев», которых по окончании семинарского курса можно было бы использовать в качестве учителей Улалинского миссионерского училища[224].

Казанская учительская семинария неслучайно была избрана миссией местом подготовки кадров для себя. Она в те годы по праву зарекомендовала себя настоящей кузницей национальных кадров[225]. Ее выпускники получали неплохую подготовку. Наряду с законом божьим и церковным пением, в ее стенах преподавали педагогику, русский и церковно-славянский язык, арифметику, геометрию, русскую историю, географию, естествознание, чистописание и черчение. Кроме того, в семинарии обучали гимнастике и разным деревенским ремеслам по выбору учащегося[226].

Ходатайство миссии с пониманием было встречено центральными властями. Они воочию видели, что алтайские миссионеры целенаправленно проводят курс, направленный на внедрение в «инородческой среде христианско-монархической идеологии», подчиняя этой цели и «образование инородцев». Задачи последнего, предельно четко сформулировал в свое время министр просвещения, граф Д. А. Толстой «Конечной целью образования всех инородцев, — подчеркивал он, — ... должно быть обрусение их и слияние с русским народом»[227]. Это положение в дальнейшем было всесторонне развито известным русским педагогом — миссионером Н. Н. Ильминским, разработавшим целую систему распространения религиозного просвещения среди «инородцев», преследовавшей одну цель: «... обрусение инородцев и совершенное

слияние их с русским народом по вере и языку»[228]. Видя в алтайских миссионерах своих единомышленников, Ильминский, с ведома Синода, дал согласие начать подготовку учительских кадров для Алтайской духовной миссии. Благодаря этому, последняя получила возможность, начиная с 1879 г., ежегодно направлять на учебу в Казань двух-трех своих кандидатов. Первым прибыл сюда в 1879 г. выпускник Улалинского миссионерского училища Степан Тодогошев[229]. В последующие годы в Казани учились Иван Штыгашев, Кузьма Укунаков, Моисей Орочинов и др.[230]

Одобрение центральными властями действий миссии способствовало претворению к концу 70-х гг. планов, ненашедших поддержки в прошлые годы. Теперь она добилась, чтобы в миссионерских селениях проживали только лица православного вероисповедания (русские и алтайцы). Наконец-то миссии удалось изъять новокрещенных алтайцев, проживавших в миссионерских селениях, из ведения и управления некрещенных зайсанов, демичей, паштыков (баштыков). Отныне они управлялись сельскими старостами, выбиравшимися из числа новокрещенных[231] и утверждавшихся губернским начальством. Но это было номинально только на бумаге. Фактически же административное управление новокрещенными алтайцами в миссионерских селениях перешло в руки Алтайской духовной миссии. Решительное вмешательство миссии в дела административного управления алтайцами нанесло чувствительный удар старой системе управления «алтайскими инородцами», по прерогативам зайсано-байской верхушки алтайцев[232].

Начало 80-х гг. XIX в. внесло новый штрих в жизнь и деятельность Алтайской духовной миссии. Положительно оцененный Синодом опыт алтайских миссионеров по распространению христианства среди алтайцев послужил основанием для дачи им «высочайшего» поручения вести «сию нужную престолу и церкви» работу и среди других «инородцев» — сойотов, дербетов, киргизов, казахов и др. В связи с этим возник вопрос и о приближении центра миссии к «означенным инородцам», но не удаляя его сильно от алтайцев. После недолгого обсуждения таковым был избран г. Бийск, куда в 1883 г. и были переведены центр Алтайской духовной миссии и Улалинское миссионерское училище, на базе которого было организовано Бийское катехизаторское училище[233].

Начавшаяся реорганизация завершилась и изменениями в руководстве миссии. В 1884 г. ее начальником был назначен миссионер Макарий (в миру — Михаил Андреевич Невский), с именем которого связана вся последующая деятельность миссии. Родился Михаил в 1835 г. в Тобольске. Учился здесь в духовном училище, а потом — в семинарии. После окончания последней при-

ехал на Алтай[234], где с 22 февраля 1855 г. стал, по словам о. Парфения, одним из «благотворителей» Алтайской духовной миссии. В отчетах за 1855 и 1856 гг. в Святейший Синод сообщалось, что «юноша этот по одному усердию к пользе миссии, изъявивший желание послужить ей своими трудами, сделался усерднейшим и благочестивым содействователем протоиерея Ландышева... при устройстве в главном стане миссии, Улале, послеобеденных в праздничные дни... обучений в училищном доме инородцев христинскому благочестию в самом простом виде, посредством чтения отеческих книг»[235]. О своей деятельности в те годы Невский писал позднее: «... занимался... около трех лет при Улалинском отделении обучением инородческих детей русской грамоте, церковному житию, чтением для народа духовно-правительственных книг по домам и сказыванием поучений в церкви... учился татарскому языку»[236]. И он овладел последним, чему немало способствовал М. Чевалков. Его современники отмечали, что молодой «содействователь... изучил язык алтайских инородцев в такой полноте и владел им в таком совершенстве, в каком не знал и не знает его ни один из природных киргизов»[237].

Стремление познать язык коренных жителей явилось для Невского не данью моде, а необходимостью. Он понимал, что без знания «языка — трудно рассчитывать на успех на ниве «просвещения» и просветительства. «Новокрещенные, — указывал он уже будучи миссионером, — читают русскую грамоту не понимая. Очевидно, что грамотность для этих не может приносить ожидаемой нравственной пользу до толе, пока они не изучат книжного русского языка, но будет ли это когда. Скорее может, что за неимением для чтения полезных и понятных книг новокрещенный грамотей потеряет охоту к чтению и забудет грамоту... другое дело, если дать ему печатное на родном языке... Он и сам стал бы охотнее читать, больше верить и назидаться. Русский разговорный язык усваивают инородцы там, где живут русские насельники. Это относится к Улалинскому стану, а в Урсульском, Кебезенском и Чемальском едва ли есть один понимающий русский язык из ста человек». Это было сказано в период его учительствования в Чемале в 1861 г.[238] К этому времени он уже принял постриг и монашествовал под именем Макария.

Образованность, знание алтайского языка, энергия и настойчивость, с которыми он действовал на миссионерском поприще, в короткий срок выдвинули его в число наиболее компетентных и активных членов миссии. Указанные качества сыграли не последнюю роль при подборе С. Ландышевым человека, способного подготовить алтайские тексты к публикации и осуществить

их печатание. Выбор не случайно пал на Макария, которого к тому же, благодаря отчетам уже упоминавшегося о. Парфения и С. Ландышева, «достаточно» знали в Петербурге[239]. В 1864 г. он командируется в столицу для печатания текстов (переводов на алтайский язык) в синодальной типографии. По пути в Петербург он останавливается в Казани, где знакомится с Н. И. Ильминским. Общность взглядов в деле распространения просвещения и христанства среди «инородцев» сближает их. В 1867 г. известный педагог-миссионер приглашает единомышленника к сотрудничеству. В связи с этим, Макарий приезжает в Казань и в течение двух лет живет и работает здесь под руководством Ильминского[240]. Благодаря этому сотрудничеству, в 1868 г. увидел свет букварь на алтайском языке[241]. Через год — под редакцией профессоров Н. И. Ильминского и А. К. Казембека «Грамматика алтайского языка», составленная миссионером В. И. Вербицким[242]. Ее выход, по словам выдающегося тюрколога С. Е. Малова, имел большое значение не только для того времени. «Грамматика» не утратила его и теперь. Не без ее влияния была написана «Краткая грамматика казак-киргизского языка»[243]. Последняя оказала влияние на создание «Опыта краткой крымско-татарской грамматики»[244].

Выход учебников и пособий на алтайском языке оказал заметное воздействие на постановку и развитие школьного дела на Алтае по «системе Ильминского». Отныне детей новокрещенных алтайцев стали целенаправленно учить в школах чтению и письму по-алтайски, что значительно ускоряло процесс обучения грамоте, о чем еще в начале миссионерской карьеры «пекся» Макарий. Сам же он «по возвращению из Казани спопешествовал этому делу» в Чепоше[245]. Программа обучения во всех миссионерских школах, как отмечали сами миссионеры, носила «церковно-воспитательный характер»[246].

Трагические события 1 марта 1881 г. и воцарение Александра III существенно ужесточили внутреннюю политику правительства. В числе ее первых жертв оказалась школа, поскольку в некоторых из них были обнаружены «следы пагубного влияния преступной пропаганды». Поэтому в части воспитания, правительство предписывало неукоснительно придерживаться правил, изданных во времена Д. А. Толстого[247].

Воспитание в духе православия, любви и уважения к самодержавной власти потребовало определенной перестройки внутри самой системы образования. С этой целью указом царя все школы, в том числе и Алтая, были переданы в 1884 г. из ведения Министерства просвещения в подчинение Синоду. С выходом его

миссия заметно расширяет сеть своих школ. Спустя пять лет в ее ведении имелось 25 церковно-приходских школ, в которых обучалось 474 мальчика и 166 девочек[248] и работало 23 учителя и 4 учительницы[249]. К этому же моменту в сфере влияния миссии находилось 167 селений, улусов и аилов с населением 22555 человек (7080 русских и 15475 алтайцев). В каждом населенном пункте имелась церковь или молитвенный дом[250]. Простое сопоставление вышеназванных цифр явно не в пользу школ. Потому-то почти 600 детей школьного возраста не были в 1889/90 учебном году охвачены обучением[251]. Но, надо сказать, что этот контингент, да и взрослые не были оставлены миссией без внимания. К решению своей главной задачи она, вследствие нехватки миссионеров, привлекала учеников своих школ, которые ходили по домам, юртам крещенных и некрещенных алтайцев с пением благочестивых стихов на алтайском языке, с чтением на нем же соответствующей религиозно-пропагандистской литературы[252].

Осуществляя обучение и воспитание детей, новокрещенных алтайцев в целом в духе «угодном вере христианской и монарху», миссия в то же время строго следила за жизнью учителей-алтайцев, за выполнением ими установленных канонов. При этом ее не смущало то, что многие из них вышли из стен Бийского катехизаторского училища, которое воспитывало своих питомцев как «истинно русских людей» (разумеется, как справедливо отмечал Л. П. Потапов, «русских» в миссионерском понимании) и не только по духу, но и по крови»[253]. В соответствии с этой установкой, учитель-алтаец ни в коем случае не мог вступить в брак со своей соплеменницей (даже крещенной), он обязан был жениться только на русской женщине. Отступления от этих правил допускались лишь в исключительных случаях. Вот один из таких примеров. В 1887 г. учитель Урсульской школы Д. Никифоров изъявил желание заключить брак с Маврой Хабаровой, дочерью новокрещенного алтайца. Миссия не разрешила. И только заступничество деда Никифорова — священника М. Чевалкова — и миссионера К. Соколова, давших поручение нести ответственность за дальнейшее поведение жениха, позволило положительно решить этот вопрос[254]. Однако из этого, «злочастного» брака миссия извлекла немалую пользу для проповеди своих идеологических установок. Этому содействовала болезнь невесты. После брака она стала быстро прогрессировать и свела Мавру в могилу. Миссия сразу провозгласила: Никифоров нарушил установленный завет — женился на соплеменнице — потому его постигла кара небесная.

На этом примере наглядно прослеживается характер правительственной политики, проводившейся в национальных районах,

Претворять ее на Алтае помогала миссия и она не отрицала этого. «Алтайская миссия, — подчеркивалось в одном из печатных ее заявлений — совершает служение не только церковное, но и государственное»[255]. Отделяя крещенного от некрещенного, русского от алтайца, она содействовала реализации принципа: «Разделяй и властвуй», помогая тем самым господствующему классу (русскому и национальному) грабить и эксплуатировать коренных жителей Алтая, не забывая при этом и о своем экономическом благополучии. На этом этапе своей деятельности она, по сути дела, полностью отказалась от работы по преобразованию образа жизни, быта и культуры алтайцев, проводившейся ранее. Теперь это за нее делали русские крестьяне, которые, как свидетельствуют документы, были «в каждом почти селении»[256], однако результаты их преобразующей деятельности миссия беззастенчиво приписывала себе[257]. Но могла ли это сделать сотня миссионеров, а именно таков был штат миссии в начале XX в., четверть которых находилась к тому же в Бийске[258]. Наконец, своеобразным опровержением тезиса о широком культурном воздействии миссии на алтайцев может служить и число школ, функционировавших в это время в крае. Их было всего 60, тогда как число церквей вместе с монастырями достигло почти ста[259].

Если говорить о культурном воздействии миссионеров в быт-

ность М. Невского, то оно связано с именами отдельных личностей, в первую очередь, с именами М. В. Чевалкова и В. И. Вербицкого. Если первому мы обязаны рождением алтайской литературы (о чем подробно будет сказано ниже), то второму признательны за его деятельное участие в создании «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869 г.), «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884 г.) и сборника «Алтайские инородцы» (Москва, 1893 г.). К сожалению, труды В. И. Вербицкого слабо привлекаются при изучении истоков алтайской духовной культуры, генезиса алтайской национальной религии, в чем до сих пор, по справедливому замечанию Б. Я. Бедюрова, нет должной ясности, наличествует масса разночтений и толкований[260]. Между тем, в религиозных исторических преданиях алтайцев, собранных В. И. Вербицким, просматривается их буддийская первооснова. И это первая по времени фиксация начальных буддийских преданий у нас на Алтае[261]. Сам собиратель не уделил им должного внимания, поскольку не был специалистом в области «буддологии». Он был миссионером и боролся с «язычеством, шаманизмом» и благодаря этой его борьбе мы имеем сегодня прекрасные образцы преданий, которые к настоящему времени

не сохранились в алтайской национальной среде и которые ждут сегодня своего исследователя.

Помимо воли своей миссия оказалась причастной к становлению профессионального изобразительного искусства в Горном Алтае. В Улале при местной миссионерской школе функционировала иконописная мастерская. Именно в ней и приобщались алтайцы к азам живописи. Из мастерской иконопись, как своеобразное течение в живописи, проникала в самые разнообразные уголки Горного Алтая. В Улалинской иконописной мастерской освоил начальные навыки в живописи Г. И. Гуркин, ставший позднее известным художником[262]. В ее стенах начинали свой путь к профессиональному искусству Н. И. Чевалков и другие.

Подобное спонтанное культурное воздействие миссии на алтайцев резко контрастировало с тем, которое она несла через православие. Будучи специфическим структурным подразделением государства, миссия не могла не выполнять правительственного «заказа». Согласно ему, «инородческие окраины, смежные с чужеземными государствами» (к числу таковых окраин относился и Горный Алтай — *Н. М.*) должны быть заселены только православными, которые обязаны «ассимилировать инородческий элемент... и образовать твердый государственный оплот против чужеземных народностей»[263]. Выполняя его, миссия активно содействовала образованию населенных пунктов, где проживали только православные, то есть русские крестьяне и новокрещенные алтайцы. В 1897 г. в ведении миссии находилось почти двести таких селений[264]. Бесспорно, их появление в целом благоприятно отражалось на жизни алтайцев. Но методы, какими миссия «создавала» свои селения, иначе как варварскими не назовешь. Возникали последние, как правило, среди кочевий некрещенных алтайцев, на лучших их землях. Облюбовав место, миссионеры ставили там крест[265], вынуждая таким образом или креститься «инородцев», или покинуть обжитые кочевья. Усилиями Макария миссия заручилась распоряжением губернских властей, запрещавшим некрещенным алтайцам в радусе пяти верст производить свои моления и камлания. Потому-то крест сделался для некрещенных алтайцев настоящим орудием устрашения, своего рода пугалом[266]. Пользовалась этим приемом — водружением креста в «инородческих» кочевьях — и зажиточная часть русских переселенцев. Захватывая лучшие земли алтайцев, она вызывала у последних неприязнь, а порой и ненависть ко всем русским. Это вынуждены были признать и местные власти[267]. Однако, осуждая нелицеприятные действия «нелучшей части русского христианского населения», они порой и сами прибегали к использованию вышеуказанного миссио-

нерского приема. Добиваясь безусловного выполнения своих решений, своевременной и бездоимочной уплаты налогов и повинностей, они нередко грозили некрещенным алтайцам поставить в их кочевьях крест или привезти к ним священника[268].

Подобные действия миссионеров и властей, естественно, не содействовали распространению среди алтайцев «культуры и оседлости». Земельными захватами, насильственным переводом на оседлость, своей ассимиляторской политикой миссия заметно затормаживала естественный ход развития культурно-экономических связей трудящихся алтайцев с русским народом, вызвала у первых чувство недоверия ко всему русскому, которое постоянно поддерживалось и разжигалось зайсано-байской верхушкой алтайского общества.

Оценивая в заключение деятельность Алтайской духовной миссии в целом, следует признать, что она была многогранной, сложной и неоднозначной. Бесспорно, что она внесла, особенно на начальном этапе своего существования, свой вклад в развитие земледелия, огородничества, в преобразование скотоводства, промыслов, образа жизни алтайцев, в создание и распространение грамотности на Алтае. Но все это являлось не целью деятельности миссии, а средством приобщения алтайцев к христианству. Добиваясь этого — добровольным или насильственным путем, — миссия лишала людей, подпавших под ее влияние, их собственной духовности, вселяя в них сознание неполноценности, ущербности в религиозном, в национально-этническом отношении. Как не привести в связи с этим заявленине миссионеров о том, что алтайцы — это племя, едва вышедшее «из первобытного состояния и неимеющее своей истории»[269]. И это утверждалось не на начальном этапе деятельности миссии, когда она только соприкоснулась с алтайскими «инородцами» и мало что знала о них, а на исходе почти девятого десятилетия своей проповеднической службы, на всем протяжении которой миссия оставалась надежным проводником правительственной политики, осуществлявшейся в национальных районах Российской империи.

Глава четвертая. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ В КОНЦЕ XVIII—XIX вв.

1. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Вхождение алтайцев в состав России не внесло, на первых порах, каких-либо существенных изменений в их хозяйственную, культурную и духовную жизнь. Существовавшие у них обычаи и порядки, внутреннее устройство до поры до времени не

беспокоили правительство. Они устраивали пока его. Единственное, что волновало правительство — это ясачные поступления: они должны были регулярно и бездоимочно вноситься в казну. Однако дальнейшее пребывание алтайцев в составе России, их последующее развитие как ее граждан убеждает его, что без вмешательства в духовную жизнь новоподданных трудно рассчитывать на их более «тесное прикрепление» к России. Одной из таковых мер, которая, по замыслу властей, должна была способствовать этому, явилось «приобщение инородцев» Алтая к православию. Его распространение среди алтайцев правительство рассматривало как наиболее действенный способ воспитания у «иноверцев» верноподданнических чувств[1]. Начало этому процессу в Горном Алтае было положено в начале 70-х гг. XVIII в. Но это были спорадические попытки. Ликвидация же в 1789 и 1799 гг. миссионерских должностей и вовсе свела на нет начавшуюся было «воспитательную» работу среди алтайских кочевников. Целенаправленный характер она приобрела с начала 30-х гг. XIX в,. когда на Алтае была создана Алтайская духовная миссия.

Появление в регионе официального правительственного учреждения заметно активизировало деятельность миссионеров по приобщению алтайцев к христианству. Однако, чтобы успешно противостоять язычеству, шаманизму и старообрядчеству, необходимо было найти наиболее действенную форму для утверждения православия в сознании «инородцев» Алтая. И она была найдена миссионерами. Это создание миссионерских школ. Хотя об этой стороне деятельности Алтайской духовной миссии уже и говорилось выше, тем не менее есть необходимость повторить отдельные сюжеты этой проблемы в связи с освещаемым в настоящем параграфе вопросом.

Первая миссионерская школа (для мальчиков), как уже упоминалось, появилась в Улале в 1830 г., благодаря непосредственным усилиям и «усердию в этом деле» основателя миссии Макария Глухарева. С его именем связано и появление двух школ (для мальчиков и девочек) в Майме. В школах для мальчиков число учеников доходило, по свидетельству источников, до 20 человек в каждой. В женской школе — ежедневно обучалось от 7 до 12 девочек. Преподавались в школах славянская и русская грамота, закон Божий, церковное пение и элементарные правила арифметики[2].

Однако обучение и проповеди, ведшиеся в основном на русском языке, не приносили миссии желаемых результатов. Это вынужден был признать и сам Макарий. Учащиеся, равно как и их родители, сетовал он, не понимали ни смысла грамоты, ни его

проповедей, поскольку плохо знали русский язык, не совсем ясно воспринимали «тюркский диалект Макария», ибо сами говорили на «наречиях», которые сильно отличались друг от друга. Чтобы устранить возникавшие на пути обучения препятствия, нужны были — понятная для всех алтайская грамматика, «лексикон», а также «письменные источники» на алтайском языке. Но ничего подобного у алтайских «инородцев» в это время не было[3].

За решение этой сложной задачи и берется Макарий. Он с головой уходит в исследовательскую работу. Ее результатом явилось рождение алтайской письменности и словаря (букваря) отдельных фраз и слов «объемов в 3000 слов»[4].

Основой для алтайской письменности послужил русский алфавит, в большей или меньшей степени все же известный алтайцам. Внедрение алтайской письменности в практику заметно облегчило процесс обучения в школах и стимулировало в конечном итоге их рост. Благодаря стараниям миссии, ее школы появились в Мыюте (1850), Черном Ануе (1858), Усть-Черге (1858), Кебезени (1861), Онгудае и Чемале (1863) и других населенных пунктах Горного Алтая[5]. Но это вовсе не свидетельствовало о намерении миссии, правительства — наконец — целенаправленно внедрять образование, грамотность в среду алтайцев, развивать их культуру. Дело обстояло гораздо проще: с помощью школ миссия решала свою основную задачу — «через школу, родной язык и соплеменных учителей нести инородцам слово Божие».

Однако расширяя сеть своих школ, миссия столкнулась с неизбежной в таких случаях кадровой проблемой. Школам нужны были учителя, причем, не просто способных дать детям определенную сумму знаний, а такие, которые наряду с этим должны были обеспечить миссии выполнение ее основной задачи, то есть внедрять в среду «инородцев» христианство. Естественно, что такие кадры можно было готовить только в своих учебных заведениях. И миссия идет на открытие такового. В 1867 г. «усилиями и заботами» архимандрита Владимира в Улале было открыто миссионерское училище по подготовке учителей, переводчиков и церковно-служителей[6].

На первых порах оно находилось в доме миссионера-переводчика М. В. Чевалкова, а затем было переведено в само миссионерское здание[7]. В год открытия учебу в училище начали 8 человек. Это — Николай Камзачаков и Иван Тенеков — из Кебезени, Алексей Пыжанкин и Тимофей Петров — «из черневых инородцев», Прокопий Соколов, Иван Кучуков и Егор Кашкароков — «из кумандинцев» и Семен Ильтеев — «телеут из Мыюты». Небольшим был и педагогический коллектив училища. В нем учительствовали

бывшие студенты Петербургской духовной академии: И. В. Солодчин, ставший впоследствии игуменом Иннокентием и помощником начальника миссии, К. П. Соколов, посвятивший всю свою жизнь миссионерскому делу, и П. И. Макушин, отошедший впоследствии от учительствования и занявшийся торговлей и книгоиздательством[8].

Учебная программа училища не изобиловала разнообразием. Она всецело соответствовала задачам, решавшимся миссией. Воспитанники изучали священную историю Ветхого и Нового завета (преподавал П. И. Макушин); арифметику и чтение (К. П. Соколов); краткий катехизис, письмо и пение (И. В. Солодчин)[9]. Как и школы, училище испытывало недостаток в учебниках, учебной литературе. Поэтому учителя, руководство миссии активно занимаются переводческой деятельностью. Привлекались к ней и учащиеся. Так, в 1870 г. ею под руководством архимандрита Владимира, учителя И. В. Солодчина и толмача миссии М. В. Чевалкова занимались воспитанники Ильтеев С., Петров Т. и Тозыяков В.[10] Переводилась на алтайский язык в основном церковная литература. Свой акцент на нее миссия объясняла тем, что основная масса новокрещенных увлекается чтением книг именно духовно-нравственного содержания. К светской же литературе у них, мол, нет интереса, поскольку в ней, якобы, «нет ничего наставительного»[11].

Завершив курс обучения, выпускники разъехались к местам своей «службы». С ноября 1871 г. С. Ильтеев стал учителем и священнослужителем в Чепошской школе, Т. Петров — в Черно-Ануйской, В. Тозыяков — в Челушманской, Я. Кумандин — в Усть-Башкаусской[12]. Но не все выпускники пошли по стезе, указанной миссией. К примеру, Алексей Пыжанкин занялся коммерцией, Иван Кучуков — делами, которыми вскоре заинтересовались полиция и судебные органы[13].

Отход выпускников от школы и священнослужительства, естественно, не приветствовался миссией. Поэтому, чтобы в дальнейшем избежать подобных прецедентов, миссия рекомендует своим служителям строже подходить к подбору кандидатов в училище, которые будут обучаться и содержаться за счет миссии.

Определенный штрих в развитие образования в крае внесла «учрежденная» в феврале 1863 г. в Улале женская община. Она стала своеобразной хозяйственно-бытовой школой, в которой учились домоводству по русскому образцу, рукоделию и овощеводству около 20 женщин-алтаек. Имела община и приют для малолетних сирот, в котором содержалось 20 детей. Их обучением занимались сестры-монахини. Но таковых были единицы. Это

понудило миссию заняться как образованием самих сестер-монахинь, так и сирот-девочек. С этой целью в 1868 г. в Улале открывается женская миссионерская школа. Преподавали в ней те же предметы, что и в мужской школе. В отличие от последней, в женской школе много внимания уделялось обучению ведения домашнего хозяйства. Большинство преподавателей было из женского монастыря[14].

Но решив задачу подготовки учительских кадров для миссионерских школ, училище, а потом и женская школа поставили перед миссией новую проблему: необходимо было и их обеспечить квалифицированными преподавательскими кадрами. Об этом неоднократно говорит начальник миссии в своих отчетах. Так, в одном из них, направленном в начале 70-х гг. XIX в. в Совет Миссионерского общества, архимандрит Владимир сетовал на то, что «училище «в учащих (учителях — *Н. М.*) чувствует недостаток». Чтобы устранить эту проблему, он ходатайствует о ежегодном приеме в Казанскую учительскую семинарию по два человека из числа алтайских «инородцев», которых по окончании семинарского курса можно было бы использовать в качестве учителей Улалинского миссионерского училища[15].

Казанская учительская семинария неслучайно была избрана миссией местом подготовки учительских кадров для себя. Она в те годы по праву зарекомендовала себя настоящей кузницей национальных кадров[16]. Ее выпускники получали неплохую подготовку. Наряду с законом Божьим и церковным пением в ее стенах преподавали педагогику, русский и церковно-славянский языки, арифметику, геометрию, русскую историю, географию, естествознание, чистописание и черчение. Кроме того, в семинарии обучали гимнастике и разным деревенским ремеслам по выбору учащегося[17].

Ходатайство миссии с пониманием было воспринято и Миссионерским обществом, и правительством. Они воочию убеждались, что алтайские миссионеры целенаправленно проводят курс, направленный на внедрение в среде «инородцев» христианско-монархической идеологии, подчиняя этой цели и образование аборигенов. Задачи последнего были предельно четко сформулированы в свое время министром просвещения, графом Д. А. Толстым. «Конечной целью образования всех инородцев, — подчеркивал он, — ...должно быть обрусение их и слияние с русским народом»[18]. Это положение в дальнейшем было всесторонне развито известным русским педагогом-миссионером Н. И. Ильминским, разработавшим целую систему распространения религиозного просвещения среди «инородцев», преследовавшей одну цель: «...обрусение инородцев и совершенное слияние их с русским на-

родом по вере и языку»[19]. Видя в алтайских миссионерах своих единомышленников, Ильминский, с ведома Синода, дал согласие начать подготовку учительских кадров для Алтайской духовной миссии. Благодаря этому, последняя получила возможность, начиная с 1879 г., ежегодно направлять на учебу в Казань двух-трех своих кандидатов. Первым прибыл сюда в 1879 г. выпускник Улалинского миссионерского училища Степан Тодогошев[20]. В последующие годы в Казани учились М. Ташкинов, И. Штыгашев, К. Укунаков, М. Орочинов и др.[21] Правда, последнему закончить семинарию не удалось. В мае 1884 г. он умер от туберкулеза[22].

Начало 80-х гг. XIX в. привнесло некоторые новшества в жизнь и деятельность Алтайской духовной миссии, в развитие образования в Горном Алтае. Положительно оцененный Синодом опыт работы алтайских миссионеров по распространению через школу христианства среди алтайцев послужил основанием для дачи им «высочайшего» поручения вести «сие нужное престолу и церкви» дело и среди других «инородцев» — сойотов, дербетов, киргизов, казахов и др. В связи с этим возник вопрос о «приближении» центра миссии к «означенным инородцам», но не удаляя его сильно от алтайцев. После непродолжительного обсуждения таковым был избран г. Бийск, куда в 1883 г. были переведены центр Алтайской духовной миссии и Улалинское миссионерское училище, на базе которого было организовано Бийское катехизаторское училище[23].

Воспитание в духе православия, любви и уважения к самодержавной власти потребовало определенной перестройки внутри самой системы образования. С этой целью указом царя все школы, в том числе и Алтая, были переданы в 1884 г. из ведения Министерства просвещения в подчинение Святейшему Синоду. С его выходом число миссионерских школ на Алтае заметно увеличилось. Если в начале 60-х гг. XIX в. миссия имела 10 школ, то в 1886 г. — уже 28, в которых обучалось 498 мальчиков и 250 девочек[24].

Открывая свои школы, миссионеры не переставали подчеркивать, что они являются незаменимым способом распространения христианского просвещения и христианского воспитания. «Школы, — писал в своем отчете учитель-миссионер Ининского отделения Кузьма Укунаков, — служат рассадником грамотности не только для крещенных, но и для некрещенных. Теперь уже многие дети язычников знают молитвы, закон божий, хорошо читают, пишут и можно надеяться, что это молодое поколение будет плодом миссионерских трудов, так как христианское учение легче усваивается детями, чем взрослыми и истины, почерпнутые в школах, никогда не забудут»[25]

Памятуя об этом, учителя-миссионеры старались проникнуть в самые отдаленные места края, агитируя местное население отдавать детей в школу. И все же охват детей школьного возраста был незначительным. Так, согласно отчету миссии, в 1889/90 учебном году в Горном Алтае функционировало 25 школ, в которых обучалось 474 мальчика и 166 девочек[26]. Но это была капля в море, поскольку в каждом населенном пункте детей школьного возраста было гораздо больше. Например, в Чемальской школе в 1889—1890 гг. обучалось 32 мальчика и девочки и в то же время по разным причинам не училось 76 мальчиков и 46 девочек. В Шебалинской — училось 29, а не посещали ее — 62; в Онгудайской — 23 и 51; в Черно-Ануйской — 21 и 168; в Тюдралинской — 19 и 61; в Катандинской — 20 и 50; в Кебезенской — 12 и 84 ребенка соответственно[27]. В этой связи небезынтересно отметить, что в эти же годы в ведении миссии находилось 167 селений, улусов и аилов с населением 22 555 человек, в том числе 7080 русских и 15 475 инородцев. Во всех населенных пунктах имелась церковь или молитвенный дом. Школ же, как было сказано выше, имелось всего 25, в которых работали 23 учителя и 4 учительницы[28].

Большинство школ располагалось в старых неприспособленных для учебной работы помещениях. А Ынныргинская, Паспаульская и Чергинская школы размещались в частных квартирах. Но были и здания специально построенные под школы. Основная масса таковых возводилась на средства жертвователей. Так, в Онгудае здание школы было построено бийским купцом А. Соколовым, в с. Чемале — купцом М. Пискаревым, в с. Усть-Кане — купцом и предпринимателем Т. Мокиным. В 1889 г. на пожертвования зайсана М. Тобокова построена школа в с. Салганде, в 1897 г. «устроена» школа в с. Усть-Коньге баем А. Кульджиным. В селах Эликманаре (в 1896 г.), в Барагаше (в 1895 г.) и в Черном Ануе школьные здания были построены на средства крестьян А. Зырянова, С. Тырышкина и Т. Дунаева[29].

Миссия постоянно ратовала за постройку школ, за развитие школьного дела. Но как только вставал вопрос о деньгах, она неизменно советовала своим служителям искать их на «сии дела» среди «паствы своей». Потому-то, как мы видели, школ было меньше, чем церквей, да и на их содержание выделялось средств гораздо меньше. К примеру, учитель Таштинской школы Тимофей Анчаков указывал в своем отчете, что в 1890 г. на содержание его школы было отпущено всего 5 руб. Этой суммы явно было недостаточно для обеспечения нормального учебного процесса, если учесть, что школа располагалась в старом здании. «Классами» именовались две обычные комнаты размером 3,5×2 м, в которых

находилось 3 стола, 2 скамейки и классная доска. В распоряжении учителя и учеников имелось 5 чернильниц, 8 ручек и 45 разных учебников и руководств[30]. Совсем по другому обстояло дело, когда заходила речь о содержании или постройке церкви, молитвенного дома. В этих случаях никаких ограничений со стороны миссии не наблюдалось. Для примера и сравнения приведем смету, составленную миссией в этом же, 1890 году, на постройку миссионерского дома в Кош-Агаче. Размер его составлял 8,5×6,4 м, на его постройку отпускалось 787 руб.[31] Простое сопоставление сумм оказывается явно не в пользу школы. Потому-то они, в значительной массе своей, существовали на средства, собранные с жителей сел и деревень, за счет энергии и энтузиазма учителей. В этой связи нельзя не назвать имена тех, кто, несмотря на все трудности, нес знания алтайским детям, прививал им любовь к русскому языку, арифметике и чтению. В 1889 г. этим благородным делом в Улалинской мужской школе занимался Степан Добронравов, работавший до этого учителем в Бийской городской школе; в Александровской школе — Яков Кумандин; в Манжерокской — Михаил Башкатов; в Сиультинской — Алексей Ландышев; в Салгандинской — Иван Пахомов; в Шебалинской — Павел Смирнов, работавший до этого в Улалинской мужской школе; в Ильинской — в 1888 г. Амфилохий Каньшин, а в 1889 г. — Владимир Веселков; в Тюдралинской — Алексей Михайлов; в Марининской — Михаил Канинин; в Усть-Канской — Филипп Тюмаков; в Карагемской — Тимофей Анчаков, перешедший в 1890 г. в Таштинскую школу[32].

Немаловажное значение на развитие школьного дела в Горном Алтае оказало переселенческое движение. Достигнув алтайских кочевий, новоселы оседали здесь, увеличивая тем самым число сел и деревень со смешанным населением. В таких населенных пунктах миссия вынуждена была вести обучение детей и на русском, и на алтайском языках. Так возникли школы смешанного типа. В числе таковых в 1897 г. числились Мыютинская, Мало-Чергинская, Эликманарская, Чемальская, Аносская, Кебезенская, Ынныргинская, Турачакская и другие школы[33].

Наряду с алтайскими, смешанными школами были и школы, где обучение велось исключительно на русском языке. Они функционировали в русских деревнях и содержались на средства сельских обществ и попечителей. С кадрами учителей в таких школах дело обстояло совсем плохо. Нередко в них работали совершенно случайные люди. Так, в 1897 г. в Чергинской школе учительствовал «запасной ефрейтор Караторбоков, некогда обучавшийся в школе», в Шебалинской — «исключенный из второго класса

городского училища» бийский мещанин Андрей Руденков, в Камлакской — «солдатский сын Ефим Ячменев, год обучавшийся в миссионерской школе»[34]. Понятно, что от такого рода «педагогов» трудно было ожидать хороших результатов, тем более, что они работали без каких-либо программ да и бесконтрольно.

Деятельность таких школ, работа их учителей совершенно не беспокоили миссию. Этого нельзя сказать о школах и учителях, находившихся в ее ведении. Но строго контролируя работу и поведение учителя, миссия в то же время почти не интересовалась его хозяйственно-бытовым и материальным положением. Вопросы жилья, одежда, продукты питания и многое другое — все это составляло заботу непосредственно самого учителя. Нередко за тканью для одежды, другими необходимыми в хозяйстве и быту предметами и вещами, лекарствами ему приходилось ездить в Улалу, Бийск и другие крупные населенные пункты Алтая. Так, в отчете учителя Урсульской миссионерской школы Д. Никифорова за 1887 г. указывается, что ему «в сей год неоднократно приходилось выезжать в Улалу для покупки необходимых в хозяйстве вещей»[35]. Если учесть, что Никифоров работал в школе, находившейся в административном центре миссии (Урсульском стане), и не в состоянии был приобрести все необходимые для хозяйства и работы на месте, то что говорить об обеспечении товарами первой необходимости населенных пунктов, удаленных от него.

Так вот не беспокоясь о материальном положении учителя, миссия строго контролировала как он выполняет основополагающие требования «угодные вере христианской и монарху». Если по отношению к учащимся это было делом само собой разумеющимся, то по отношению к учителям — это была проверка миссией своих кадров. Это при всем при том, что вся система подготовки учителей основывалась на строгом соблюдении обучающимися канонов христианства и монархизма, которые регламентировали не только всю деятельность педагога, но даже и его личную жизнь. Согласно им, учитель-алтаец не мог вступить в брак со своей — даже крещенной — соплеменницей, а должен был в обязательном порядке жениться только на русской женщине. Это правило миссия соблюдала неукоснительно. Отступления от него допускались лишь в исключительных случаях. Один из таковых уже был описан выше. Поэтому лишь кратко напомним его суть. В 1887 г. уже упоминавшемуся учителю Урсульской школы Д. Никифорову, лишь при заступничестве священника М. Чевалкова и миссионера К. Соколова, поручившихся нести личную ответственность за дальнейшее поведение «жениха», был разрешен брак

с новокрещенной алтайкой М. Хабаровой. Но туберкулез унес супругу учителя в могилу. Эту человеческую трагедию миссия использовала в своих идеологических целях: это, мол, кара небесная за непослушание и вступление в брак со своей соплеменницей[36].

К концу XIX столетия в жизни алтайского общества произошли, как уже указывалось выше, заметные изменения. Хозяйственное и культурное сотрудничество с русским трудовым народом, развивающийся капитализм требовали от алтайцев повышения грамотности[37]. Теперь грамотой начинают интересоваться даже взрослые. Однако не каждый из них, особенно из рядовых алтайцев, имел возможность познать ее, не каждая алтайская семья могла позволить себе обучать своих детей. Потому-то даже в 1913 г. в алтайских школах обучалось чуть более 2000 детей. Конечно, по сравнению с 80-ми гг. XIX в., это был значительный шаг вперед, ибо число учащихся возросло в три с лишним раза. Но если говорить в целом об уровне грамотности алтайцев, то он был по-прежнему низок. К 1917 г. число грамотных алтайцев (вместе с оседлыми) не превышало 6%. Среди кочевого населения этот показатель был еще ниже и составлял всего 2%[38].

Не лучше обстояло дело и со здравоохранением. Подавляющее большинство алтайцев не имело и понятия о медицине. Да и откуда они могли о ней знать, если на территории края почти не было лечебно-медицинских учреждений, отсутствовали квалифицированные медицинские кадры. До революции в Горном Алтае имелась всего одна миссионерская больница. Она была открыта в Улале в 1875 г. Больница располагалась в двухэтажном здании: в подвале находилась кухня, на первом этаже — детский приют, а на втором — больница на 20 коек. Лечение вел фельдшер, а ухаживали за больными сестры женского монастыря[39]. При больнице имелась аптека и приют для детей-сирот. В нем содержались дети со всех станов миссии по рекомендации миссионеров[40].

Практическое значение улалинской больницы для коренного населения было ничтожным, ибо она была единственной в Горном Алтае, на территории которого могли свободно разместиться несколько западноевропейских государств[41]. Потому-то среди населения края свирепствовали оспа, тиф, трахома, ревматизм, туберкулез и другие социально-бытовые болезни. Борьба с ними вообще, с натуральной оспой в особенности, при остром дефиците медицинского персонала, вопиющих антисанитарных жилищно-бытовых условиях, при нищенском образе жизни значительной части алтайского населения становилась почти невозможной. Единственным средством борьбы с оспенной эпидемией являлись прививки.

Царское правительство практически не занималось вопросами здравоохранения в национальных районах. Даже административные лица на местах вынуждены были констатировать, что основная «масса инородческого населения Сибири остается без медицинской помощи», ибо расходы на таковую ничтожны[42]. Сказанное в полной мере относилось и к Горному Алтаю. На развитие здравоохранения в данном регионе правительство выделяло мизерные средства: из расчета от 1 до 2 коп. в год на одного человека[43]. Крайне слабо была развита среди коренного населения и народная медицина. Поэтому в силу этих причин алтайцы вынуждены были пользоваться услугами знахарей и шаманов. Диагностика и лечебные сеансы последних ограничивались принесением духам умилостивительной жертвы. Такое «врачевание» мало помогало людям, но зато приносило шаманам немалые доходы[44].

Особенно пагубно сказывалось отсутствие медицинских учреждений и квалифицированных медицинских кадров на здоровье детей. В частности, смертность среди детей грудного возраста достигала до революции почти 40%[45].

Свою лепту в распространение медицинских знаний среди «инородцев» Алтая, в лечение их внесли миссионеры, и в частности Макарий Глухарев. Обильная растительность Горного Алтая позволила им собрать неплохую гомеопатическую аптечку и использовать ее при лечении «своей паствы». Макарий же самостоятельно освоил и стал распространять оспопрививание. Лекарства из своей аптечки, как свидетельствует документ, он отпускал бесплатно и «сам во всякое время в качестве врача неотложно являлся к тем, которые его приглашали». Его же усилиями для больных и бездомных была «заведена» в 1838 г. больница-богадельня, в которую «язычники» шли «сначала лечиться к отцу Макарию, а потом креститься»[46].

Эти традиции, заложенные миссионерами в 30—40-х гг. XIX в., соблюдались и в дальнейшем и были закреплены системой школьного образования. В частности, в программе обучения Бийского катехизаторского училища, основанного на базе Улалинского миссионерского в 1883 г., предусматривалась обязательная сдача выпускниками минимума по медицинской подготовке. Лица, успешно сдавшие его получали соответствующие свидетельства. Например, в мае 1886 г. свидетельства на право оспопрививания получили 15 выпускников. Среди них были Семен Чесмочаков, Алексей Конзычаков, Андрей Паяркин, Прокопий Тактаев, Дмитрий Никифоров и др. Теоретические и практические знания выпускников были удостоверены комиссией во главе со старшим вра-

чом Бийской местной команды, коллежским советником Н. Лузгиным[47].

Алтайское кочевое население, не знавшее врачебной медицинской помощи, к тому же постоянно запугиваемое шаманами, редко обращалось за содействием к учителям, «сведущим в медицине». Нередко только несчастные случаи приводили к установлению контактов учителей-оспопрививателей с алтайцами. Так, А. Конзычаков, учительствовавший в 1888 г. в Черном Ануе, своим своевременным вмешательством — вопреки действиям шамана — спас от смерти алтайского мальчика. Лишь только после этого случая крещенные и некрещенные алтайцы стали обращаться к нему за медицинской помощью[48].

Но это были все же единичные случаи, а не система. Потому-то, вплоть до революции крайняя бедность основной массы алтайцев, антисанитария, отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к распространению в крае эпидемий чумы, холеры, оспы, тифа, уносивших тысячи жизней. По данным обследования 1913 г. из 10 тыс. человек 2560 болели турберкулезом, сифилисом, брюшным тифом и малярией, то есть болел каждый четвертый человек. Смертность населения составляла 30,2%, рождоемость же — 47%, то есть только высокая рождаемость спасала население края от вымирания[49].

Не в лучшем положении находилось и медицинское обслуживание крестьянского населения Горного Алтая. Его медицинские потребности удовлетворялись главным образом народной медициной. Болезни, по представлениям крестьян, имели как естественное («простуда», «надсада», «ушибы» и др.), так и сверхестественное («сглаз», «уроки», «наговор» и т. д.) происхождение. Порча, по их представлениям, входила в человека по наущению или злому умыслу какого-либо недоброго человека. Потому-то его (чтобы не сделал зло) старались задобрить, не сообщать о себе что-либо хорошее.

Вера людей в суеверное происхождение болезней, в суть их лечения сказывалась и на выборе путей и методов лечения. В большинстве случаев предохранительную роль от них играло крестное знамение перед едой и питьем, хранение в доме списка со «Сном богородицы» и многие другие предметы и действия[50]. Наряду с этим, крестьяне прибегали к заговорам, сбору «всесильных трав», из которых готовили целебные настои и отвары. Но главное медицинское действо заключалось в том, что каждая деревня имела и своих бабок-повитух, и костоправов, и специалистов «ладить от урока и сглаза», навести «порчу» или нейтрализовать таковую. Широкими массами такое лечение воспринималось как

таинство, в котором главную роль играли какие-то сверхестественные силы. Пользовались люди при лечении болезней и услугами церкви, включавшими обращение к чудодейственным иконам, служения молебнов, хождение на богомолье, обеты с целью исцеления и т. д.

Но главное, что было на вооружении крестьян — это лечение травами. Из поколения в поколение передавались познания о целебных свойствах тех или иных трав. Так, ландыш собирали и использовали «при сердцебиении», медуницу — «при порезах и нарывах», стародубку — «от давления сердца», семена конопли — «от водянки» и т. д. Об этих целебных свойствах трав знали по сути дела в каждой крестьянской семье и в ней имелся всегда человек, который разбирался в этом, производил сбор целебных трав и лечил ими своих домочадцев.

Широкой популярностью в народной медицине пользовалась баня. Попариться или даже просто помыться в ней считалось целительным во множестве случаев. Например, больных оспой, чтобы последняя быстрее назревала, парили в бане на сухом пару, примачивая сливками, но не мыли[51]. Иногда баня комбинировалась с массажем. Его неизменно применяли при болях живота, опущении внутренностей, после родов и т. д. Иногда, особенно при мышечном ревматизме, массаж сочетали с кровопусканием.

Словом, в условиях отсутствия профессиональной медицинской помощи, крестьянские массы (русские и алтайцы) прибегали к услугам народной медицины, воплотившей в себе богатый народный опыт, практическую сметку и наблюдательность людей. Храня традиции, алтайские крестьяне превносили в нее и многое из своей практики, обогащая ее новыми средствами и нетрадиционными методами лечения, многие из которых и по сей день остаются загадкой для научной медицины.

2. КРАЕВЕДЕНИЕ

Территория, на которой кочевали алтайские племена заинтересовала исследователей еще задолго до того, как она была присоединена к Русскому государству. Их внимание привлекли природно-климатические условия края, его фауна и флора, богатство недр региона, а также население, здесь проживавшее, его история, обычаи и древности. Поэтому не случайно, что уже в 30-е гг. XVIII в. Алтай попадает в зону обследования научной экспедиции, которую возглавил Г. Ф. Миллер (1705—1783). В процессе работы им было собрано большое количество актового материала XVI—XVII вв., в том числе и по истории коренного насе-

ления, обитавшего на территории, вошедшей в последующем в состав Алтайского горного округа[52], описаны обряды и обычаи сибирских народов, в том числе и алтайских кочевников, зарисованы древние сооружения, наскальные изображения и надписи, обследованы древние городища и могильники. Весь комплекс собранных Г. Ф. Миллером материалов лег в основу его капитального труда «История Сибири», в котором нашла свое отражение не только история монгольских и тюркских, в том числе и алтайских, племен, но и обобщены материалы по этнографии, высказаны соображения о происхождении и этнических связях сибирских народов[53].

Определенный вклад в изучение Алтая внес и участник миллерской экспедиции И. Г. Гмелин. Будучи руководителем ее естественно-научной части, он посетил в 1734 г. ряд алтайских территорий. Собранные им сведения об Алтае, его природе и населении нашли свое отражение в его работах «Путешствие по Сибири» и «Сибирская флора»[54].

В последующие годы научное обследование Алтая в том числе и его горной части, было продолжено. Решение этой задачи легло на плечи участников научных экспедиций, направленных в 60-х и 70-х гг. XVIII в. в Сибирь Российской Академией Наук. В их составе были П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. И. Георги и другие ученые. Их научные интересы были весьма широки и разнообразны. В частности, П. С. Палласа интересовали историческая этнография, археология и языки сибирских народов. Осуществляя сбор материалов, он посетил и Алтай. Исследовав здесь горные выработки, П. С. Паллас высказал мысль о том, что Алтай является прародиной многих народов, в частности финнов и венгров[55]. Собранные материалы ученый опубликовал в трудах «Путешствие по разным провинциям Российской империи» (чч. 1—3 СПб. 1773—1788).

Немаловажное значение для разработки проблем этногенеза сибирских народов, в том числе и алтайцев, имел и другой труд П. С. Палласа — «Сравнительные словари всех языков и наречий» (тт. I—II СПб. 1787—1789). В него вошли материалы по языкам народов Сибири, полученные в ответ на разосланные на места вопросы, разработанные Российской Академией Наук[56].

Значительный объем научной работы был выполнен другим участником сибирской экспедиции И. И. Георги. В 1776—1778 гг. вышел его первый сводный труд по этнографии России — «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (чч. 1—3). Большое место в нем уделено народам Сибири, в том числе Алтае-Саянского нагорья. В своем труде И. И. Георги

затронул ряд проблем исторической этнографии Сибири, выдвинув различные гипотезы о происхождении сибирских народов, а также привел значительный материал о древней их культуре.

Более скромна, по сравнению с П. С. Палласом и И. И. Георги, роль И. П. Фалька в истории изучения Алтая и его населения. Собранный им материал лег в основу его «Записок». Содержащиеся в нем сведения, бесспорно, интересны, но отрывочны и не всегда касаются коренного населения края[57].

Обобщая результаты работы академических экспедиций XVIII в., можно констатировать, что усилиями их участников были заложены основы изучения алтайцев, поставлены проблемы их классификации, происхождения и истории, системнее стали изучаться их быт, обычаи и древняя культура[58].

Начало XIX в. в Сибири ознаменовалось усиленным заселением ее просторов русскими крестьянами. Активизации этого процесса содействовал выход в 1806 г. нового положения о переселениях в Сибирь. Претворяя его в жизнь, правительство намеревалось, сразу «убить» двух зайцев: 1. Разрядить напряженную обстановку в европейском крепостническом центре страны и 2. Приступить таким образом к освоению дотоле нетронутых природных богатств этого полупустынного края.

Волна переселенческого движения захлестнула и Алтай. Активное хозяйственно-экономическое освоение переселенцами данного региона, в известной степени, содействовало и его дальнейшему научному обследованию. Новоселов интересовали более точные сведения о природно-климатических условиях тех мест, где они поселились, предпринимателей — наличие полезных ископаемых, их запасы, флора и фауна, ученых — научно обоснованные «выкладки» по каждому направлению гуманитарных и естественных наук. Сведения же, накопленные до этого первопроходцами и краеведами, в новых условиях уже никого не могли удовлетворить. Они требовали уточнения и дальнейшей детальной их проработки.

Немало сил и энергии отдал делу изучения Горного Алтая и его населения молодой чиновник, будущий издатель журнала «Сибирский вестник» Г. И. Спасский (1783—1864). Страстный путешественник и неутомимый исследователь он более 10 лет посвятил изучению природы и населения края. Накопленные в ходе поездок материалы вылились в последующем в значительные монографии — «Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г.» (Сибирский вестник, чч. III—IV, 1819), «Телеуты и белые калмыки» (Сибирский вестник, чч. XIII—XIV, 1831), «Путешествие через Коргонские белки к алтайским калмыкам» (Сибирский вестник,

1823), — в которых нашли свое отражение природа и климат Горного Алтая, происхождение, быт и «нравы телеутов», их хозяйственные занятия и религиозные воззрения[59].

Подвижнический труд ученого был по достоинству оценен главным штабом российской науки: он был избран членом-корреспондентом Академии наук[60].

Летом 1826 г. наш горный край посетила большая научная экспедиция во главе с профессором Дерптского университета К. Ф. Ледебуром (1785—1851). Результатом его личной исследовательской деятельности явилось рождение четырехтомной «Флоры Алтая», в которой описано 1600 видов растений, в том числе 400 ранее неизвестных науке. Плодотворно поработали и другие участники экспедиции — коллеги Ледебура — доктора А. Ф. Бунге и К. А. Мейер. Свои научные изыскания они посвятили не только флоре края. В них нашлось место и для сведений о верованиях алтайцев, их одежде, жилищах и шаманстве[61].

Разносторонним ученым зарекомендовал себя Г. П. Гельмерсен, посетивший Горный Алтай в середине 30-х гг. XIX в., ставший впоследствии членом Русского Географического общества, действительным членом Российской Академии Наук. Его перу принадлежат несколько работ по географии Горного Алтая. Им были проведены первые детальные исследования геологического строения северо-западной части нашего региона. Однако научный интерес Г. П. Гельмерсена не ограничился только кругом геолого-географических проблем. Он коснулся и вопросов этнографии алтайцев, в частности их быта, одежды и жилища. Результаты этих наблюдений им были опубликованы в 1840 г. в «Горном журнале»[62].

Большой вклад в изучение нашего края внес врач Ф. В. Геблер (1781—1850). Приехав в 1809 г. из Германии на Алтай, он посвятил ему всю свою жизнь. Как врач, Ф. В. Геблер многое сделал для выяснения заболеваний, поражавших «работных людей», а установив их, разработал методику лечения больных и добился от предпринимателей некоторого улучшения условий труда на Колывано-Воскресенских заводах. Как ученый, он считал своим долгом описывать все, что попадалось ему на глаза и представляло интерес для науки. Эта пытливость побудила его организовать целый ряд поездок по краю, во время которых им были обнаружены и описаны неизвестные науке виды животных и многие лекарственные растения. Так, достигнув в ходе одной из экспедиций Белухи — самой высокой горы Горного Алтая, — он определил примерную ее высоту и открыл два крупных ледника — Катунский (впоследствии он был назван именем первооткрывателя —

Геблера) и Берельский. Это свое путешествие и открытые ледники ученый описал в работе — «Замечание о Катунских Столбах, составляющих высочайший хребет в Русском Алтае», — опубликованной в 1836 г.[63] За этот труд Ф. В. Геблер был награжден Русским Географическим Обществом Демидовской премией (2500 руб. серебром)[64].

Появили себя в деле изучения Алтая, и в частности его коренного населения, и отдельные административные лица. Одним из таковых был бийский исправник Горохов, занимавшийся этнографическим изучением алтайцев в 30-х гг. XIX в. Собранный им материал вылился в дальнейшем в публикацию под названием «Краткое этнографическое описание Бийских или Алтайских калмыков»[65]. Эта работа, по справедливому замечанию Л. П. Потапова, являет собой ценное и обстоятельное сочинение по этнографии алтайцев, которое «вооружает» исследователя важными сведениями относительно административного деления «инородцев» Алтая, их управлению, материальной культуре, хозяйственной жизни, народным играм и различным религиозным обрядам[66].

Заметное место среди исследователей Горного Алтая по праву занимает П. А. Чихачев (1808—1890), посетивший в 1842 г. юго-восточную часть края. В ходе экспедиции была обследована достаточно значительная территория. На основании его ученым была составлена первая геологическая карта данного региона. Обобщающим же результатом научных изысканий П. А. Чихачева явилась его монография («Научное путешествие в Восточной Алтай и районы, прилегающие к границе с Китаем»), вышедшая в 1845 г. на французском языке. Данный труд известного русского географа и геолога содержит глубокое страноведческое описание Горного Алтая. Но наряду с геолого-географическими материалами, имеются в нем и немало сведений по этнографии алтайцев.

Вторая половина XIX в. заметно изменила характер изучения края и его населения. Способствовал этому целый ряд обстоятельств. В частности, распалась после отмены крепостного права некогда могущественная система Алтайского горного округа, базировавшаяся на дешевом подневольном труде. Администрация округа достаточно часто проявляла в прошлые годы инициативу в деле изучения края, организовывала для этого научные экспедиции, полностью беря на себя заботу об их финансировании. В новой ситуации подобные «научные предприятия» в силу вышеуказанных причин стали ей «не под силу». С другой стороны, оказались выработанными крупные и легкодоступные рудные месторождения, а выделять средства на поиски и разведку новых месторождений Кабинет не хотел. К тому же Алтай, по его мнению,

уже достаточно изучен и нет надобности тратиться на его изучение. А коль есть в этом надобность, то расходы должна взять на себя казна (когда же дело доходило до «дележа дивидендов» от «этого предприятия», то роли, естественно, менялись[67]).

Не стало в рассматриваемое время и научных экспедиций, направлявшихся Академией Наук для изучения Сибири и ее народов, как это имело место в XVIII в. В силу перечисленных обстоятельств дальнейшее изучение Алтая и его населения стало осуществляться научными организациями типа Русского Географического Общества, его Западно-Сибирского отдела, созданного в 1877 г., а также частными лицами. Изредка практиковались приглашения ученых из-за рубежа. Но последнее делалось только по ходатайству администрации округа или Кабинета. В частности, по их совместной просьбе в 1867 г. на Алтай по приглашению российского праавительств был командирован профессор Фрейбергского университета Бернгардт Котта. Цель командировки — определение характера местных рудных месторождений и описание геологического строения прилегающих к ним районов, что ученым и было сделано[68].

Но основная заслуга в изучении Горного Алтая, его истории, этнографии, археологии, культуры принадлежала русским ученым.

Большой вклад в это дело внес русский миссионер В. И. Вербицкий (1827—1891). В 1853 г. в возрасте 26 лет он приехал на Алтай. Во время пребывания в Улале юноша с помощью переводчика миссии М. В. Чевалкова овладел алтайским языком, что сыграло непреходящую роль в изучении им быта, обычаев, нравов, религиозных воззрений и фольклора алтайцев. Религиозная деятельность Вербицкого никоим образом не отразилась на его научных изысканиях. Труды протоиерея — «Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869), «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884), «Алтайские инородцы» (М., 1893) — не утратившие и по сей день своей научной ценности, принесли ему заслуженную славу и почет. Исследователь поддерживал широкие связи с научной общественностью Петербурга и Москвы, Казани и Томска, состоял действительным членом Русского Географического общества, членом-сотрудником его Западно-Сибирского отдела, членом Томского статистического комитета и др.[69]

В. И. Вербицкий по праву считается первопроходцем в деле изучения ряда аспектов, касающихся жизни и деятельности алтайцев. В частности, основываясь на имеющихся у них различиях в языке, культуре и быте, он первым из ученых ввел в науку деление алтайцев на две группы: северную и южную и с учетом этого

собирал и исследовал лингвистические, этнографические материалы и образцы алтайского устного народного творчества. К сожалению, труды ученого, по справедливому замечанию исследователя Б. Я. Бедюрова, недостаточно использовались алтаеведами, особенно при изучении истоков алтайской духовной культуры, алтайской национальной религии, где «до сих пор нет должной ясности», где «существует масса разночтений и толкований»[70]. Сегодня нет оснований принижать их значение из-за религиозности автора, его веры в потусторонние силы, о чем с тонкой иронией писал академик В. В. Бартольд в статье-некрологе «Памяти Радлова». «Протоиерей Вербицкий, — подчеркнул он, — искренне верил, что шаманы совершают свои действия при непосредственной помощи нечистой силы, а для Радлова шаманы были носителями этической идеи своего народа»[71]. И в этой связи нельзя не согласиться с выводом Б. Я. Бедюрова о том, что если абстрагироваться от некоторых ошибочных акцентов В. И. Вербицкого в трактовке, к примеру, произведений алтайского эпоса и мифологии, то мы «неизбежно придем к новому прочтению его бесценного наследия — составной части золотого фонда памятников народной культуры Алтая»[72]. Действительно, сегодня наступил момент, когда мы имеем возможность объективно оценить деятельность ученого, которая до недавнего времени в силу господствовавших официальных установок, безоговорочно отдававших приоритет воинствующему атеизму, оценивалась — из-за принадлежности В. И. Вербицкого к служителям религиозного культа — весьма негативно.

Велика заслуга в изучении Горного Алтая, его истории, лингвистики, археологии, памятников народного творчества выпускника Берлинского университета В. В. Радлова (1837—1918). Переехав в 1859 г. в Россию, он принял российское подданство и стал работать преподавателем немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище. Первую свою научную экспедицию в Горный Алтай В. В. Радлов совершил в 1860 г. В середине мая двадцатитрехлетний ученый в сопровождении жены, слуги и алтайца Якова Тонжана, знатока местных диалектов выехал из Барнаула. За два с половиной месяца он совершил увлекательное путешествие по долинам рек Катуни и Чуи вплоть до китайской границы, то есть В. В. Радлов проехал практически через весь Горный Алтай и побывал в самой гуще алтайцев[73]. На обратном пути он посещает Улалу, где знакомится с толмачом миссии М. В. Чевалковым — «достаточно грамотным и компетентным человеком», — на многие годы ставшего ученому надежным помощником в его исследовательской работе[74].

За первой экспедицией последовало еще четыре: в 1861, 1863, 1865 и 1870 гг., в ходе которых был собран и обобщен богатый материал по этнографии, языку и фольклору алтайцев, вылившийся в многотомные публикации: «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи» (чч. 1—10, СПб, 1866—1906), «Сравнительная грамматика северных тюркских языков» (СПб, 1882), «Из Сибири» (на нем. языке, тт. 1—2, СПб, 1884. Перевод на рус. язык, М., 1989), «Опыт словаря тюркских наречий» (тт. 1—4, 1888—1911), «Образцы народной литературы северных тюркских племен» (ч. 1—6, 1866—1886) и др.

Особое место в научной деятельности В. В. Радлова занимало изучение древностей. Им были произведены археологические раскопки в долине р. Урсул, в Чуйской и Уймонской степях, в ходе которых были выявлены многочисленные памятники медного и железного веков. На основании своих археологических исследований на Алтае, в Киргизской и Барабинской степях, а также в юго-западной Сибири он осуществил первую классификацию археологических памятников, выделив «четыре культурно-исторических этапа в Западной Сибири: 1. Бронзовый и медный период (медные рудники, художественное литье). 2. Древний железный период (каменные курганы, погребение коня со сбруей, кочевники-тюрки). 3. Новейший железный период (малые каменные курганы, узкогорлые сосуды. обилие железа, тюрки-охотники, менее воинственные, чем их предшественники). 4. Позднейший железный период (малые курганы, земледельцы, упадок культуры)»[75]. Обязаны мы В. В. Радлову и попыткой воедино собрать и опубликовать источники по археологии Сибири, результатом которой явилась монументальная публикация — «Сибирские древности» (вып. I—III, СПб, 1888—1894), — в которой немало места отведено материалам по археологии Алтая. Имеются таковые и в уже упоминавшейся работе «Из Сибири»[76].

Значительную роль в изучении Горного Алтая сыграл Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества, открытый, как было сказано выше, в 1877 г. Им было организовано более 40 экспедиций на Алтай по изучению природы, населения и экономики края. Две из них — в 1878 и 1880 гг. — в Горный Алтай возглавлял известный исследователь и путешественник Н. М. Ядринцев (1842—1894). Его научные интересы были достаточно широки. Он изучал историю освоения края, фольклор, быт и культуру коренного населения. Этнографические изыскания ученого легли в основу его работ — «Об алтайцах и черневых татарах» (Известия РГО, т. XVII, 1881), «Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Русского Географического об-

щества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуни» (Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. IV, 1882), «Сибирские инородцы» (СПб, 1891), — где охарактеризованы не только хозяйственные занятия алтайцев, их быт, материальная культура, но прослеживается и их связь с прошлыми периодами развития, а также влияние соседних народов — китайцев, монголов и особенно русских — на развитие хозяйственной и духовной жизни коренного населения Алтая[77].

Большое внимание уделил Н. М. Ядринцев переселенческому вопросу. Этот интерес ученого нашел свое отражение в его обобщающем труде «Сибирь как колония» (СПб, 1892). В нем на основе анализа конкретных материалов дана исчерпывающая характеристика сибирских окраин, в том числе Алтая, их значение для развивающегося капитализма, распространявшего сферу своего господства на все новые территории, освещен в связи с этим вопрос о расслоении алтайского крестьянства и влиянии на данный процесс переселенческого движения, показана классовая сущность переселенческой политики царского правительства, его отношение к коренному населению колонизуемых окраин, раскрыта роль русского крестьянства в преобразовании быта, хозяйства и культуры алтайцев и др.

Это направление исследовательской деятельности Н. М. Ядринцева было высоко оценено научной общественностью России. За изучение переселенческого дела на Алтае ему была присуждена золотая медаль Русского Географического общества[78].

Велик вклад в дело изучения Горного Алтая, его населения и культуры сподвижника Н. М. Ядринцева, видного ученого, путешественника и общественного деятеля Г. Н. Потанина. В результате двух экспедиционных поездок (1876 и 1879) им был собран большой материал по этнографии и устному народному творчеству алтайцев. Записанные ученым алтайские сказания, легенды и предания, песни, шаманские мистерии и сведения этнографического характера легли в основу второго и четвертого выпусков «Очерков северо-западной Монголии», опубликованных в 1881—1883 гг.[79]

Фундаментальное исследование Г. Н. Потанина с интересом было встречено читателями и по достоинству оценено. Высокую оценку получило оно и со стороны научной общественности страны. Этот успех автора «Очерков» с полным основанием мог бы разделить и шестидесятилетний толмач Алтайской духовной миссии, первый алтайский просветитель М. В. Чевалков. Справедливости ради отметим, что сам Потанин не раз называл его своим

соавтором и неизменно подчеркивал, что от него им записана* основная масса произведений алтайского устного народного творчества. При этом ученый неизменно добавлял, что М. В. Чевалков простой, доброжелательный и бескорыстный человек, «достаточно грамотный», являет собой настоящую «кладезь» для исследователя своим бесподобным «знанием мира алтайских и телеутских верований», алтайской истории и фольклора[80]. Однако факты творческого сотрудничества М. В. Чевалкова с Г. Н. Потаниным — равно как и с В. В. Радловым, В. И. Вербицким и другими исследователями Алтая — до сих пор остаются «тайной» за семью печатями. До настоящего времени в алтаеведении нет ни одной работы, где бы эти сюжеты были раскрыты в полной мере. Причина «обхода» этой темы — опять-таки в том предвзятом отношении, с каким в недалеком прошлом относилась официальная наука к алтайскому просветителю, облаченному в миссионерскую рясу.

Но не только фольклор и этнография занимали Г. Н. Потанина. Не оставил он без внимания и бедственное положение алтайцев, не побоявшись при этом назвать истинные причины, приведшие к этому, — «произвол и самовластие царских чиновников на Алтае, роль русских и алтайских торговцев, превративших торговлю в наглое хищничество», — и открыто сказать правду о колониальной политике царизма в Сибири. Как ученый и как представитель передовой части русского общества. Г. П. Потанин выступил в защиту «инородцев»[81]. Он мужественно отстаивал свою позицию, которой была присуща антирасистская и антинационалистическая направленность. Несмотря на упорное стремление дореволюционной, а особенно советской исторической науки опорочить его взгляды[82], жизнь воочию доказала правоту взглядов Г. Н. Потанина и его сподвижника Н. М. Ядринцева[83]. Особенно актуально звучат их мысли сегодня, в пору национальных конфликтов, призывая к консолидации и единению всех здоровых сил нашего общества, к какой бы нации они не принадлежали.

К 80-м гг. относятся поездки на Алтай журналиста А. В. Адрианова. В своих работах[84] по Алтаю и Саянам он описал природу северной части Алтая, быт, одежду, пищу, занятия его жителей, преимущественно шорцев и челканцев. Правда, эти описания часто носят поверхностный характер, сведения случайны, не всегда проверены, то есть автор выбирал и сообщал то, что имело текущий, злободневный интерес.

Говоря об изучении Алтая и его населения, нельзя не сказать

---

* В отличие от В. В. Радлова и В. И. Вербицкого, Г. Н. Потанин не знал алтайского языка, а потому был вынужден пользоваться услугами переводчика.

пару слов о вкладе в это дело политических ссыльных, в частности П. А. Голубева, выпускника Казанского университета, высланного в 1887 г. вместе со студентами Н. М. Зобниным и И. Е. Овсянкиным из Казани «по делу университетских волнений»[85]. Поселившись в соответствии с распоряжением властей в с. Алтайском Бийского округа, он развернул активную научную и общественную работу. Благодаря его усилиям в 1890 г. вышел в свет историко-статистический сборник «Алтай». Представленный в нем материал затрагивал широкий круг вопросов, среди которых видное место заняли горно-заводская промышленность, состояние и экономическое положение населения[86]. Богатый фактическим материалом сборник и по сей день пользуется спросом у историков, краеведов, учителей, у всех, кто интересуется прошлым своего края. Всего за время пребывания на Алтае (1887—1890) П. А. Голубевым было опубликовано около 20 статей, посвященных проблемам народного образования, землевладения, земледелия, скотоводства, торговли и т. д.[87]

Изучая природу, богатства края, жизнь его населения (русского и алтайского), политические ссыльные рассматривали свои занятия не только как научную работу, но и как общественно-политическую деятельность, как служение народу. Этому служению посвятил себя и ссыльный народник С. П. Швецов[88]. Будучи чиновником управления Алтайского горного округа, он по долгу службы не раз бывал в Горном Алтае, занимаясь здесь вопросами обустройства переселенцев, уточнения границ землепользования новоселов и старожилов (русских и алтайцев). В 1897 г. С. П. Швецов по поручению администрации округа возглавил экспедицию по комплексному изучению алтайцев в связи с предстоящим их землеустройством. В ходе обследования был собран богатый статистико-экономический материал, характеризовавший хозяйственную жизнь и кочевых, и оседлых алтайцев, их быт, одежду, жилища, обычаи и традиции, религиозные верования и т. д. Он лег в основу четырехтомного труда под общим названием «Горный Алтай и его население»[89].

Зная назначение собранных экспедицией материалов, С. П. Швецов все делал для того, чтобы доказать своей работой местным и центральным властям, что алтайцы еще не отошли от традиционного кочевого образа жизни, а потому они еще не готовы к предстоящему землеустройству и последующему хозяйствованию по образу и подобию русских крестьян. Подобно Н. М. Ядринцеву и Г. Н. Потанину, он выступил в защиту алтайцев против правительственного курса создания переселенческого земельного фонда за счет отчуждения у «инородцев» их лучших земель[90].

Примечательной вехой в деле краеведения стал 1891 г. В этом году родилось «Общество любителей исследования Алтая», объединившее вокруг себя местные научные силы. Разработанная им программа предусматривала изучение природы, населения, обследование школ, жизни и быта переселенцев и «инородцев». В ее реализации немаловажную роль сыграли ученые Томского университета. Объектами их исследований стали география и геология, зоология и ботаника, археология и этнография Горного Алтая. Немалый вклад в устранение «белых пятен» с его карты внес ботаник В. В. Сапожников. Первая его экспедиция в наш край состоялась летом 1895 г. Круг его научных интересов не был ограничен только флорой Горного Алтая. Нет, его интересовала и география хребтов, ледники, реки и многое другое. Благодаря своей целеустремленности и работоспособности, ему менее чем за месяц удалось выполнить большой объем исследовательских работ: он дополнил, скорректировал сведения об известных уже ледниках и открыл при этом один новый. Последующие его экспедиции, которых было пять, позволили ученому подробно изучить географию и геологию Чуйских Альп, долин Джазатора, Коксы, верховий Катуни, всесторонне исследовать самую высокую гору Алтая — Белуху. В. В. Сапожниковым были открыты и описаны полторы сотни ледников, множество горных рек, произведены работы по определению высот большого количества вершин, уточнению расположения многих алтайских хребтов.

На основе материалов алтайских экспедиций В. В. Сапожниковым опубликовано около 60 научных работ, внесены дополнения и поправки к каталогам алтайской горной флоры[91], разработаны практические рекомендации по хозяйственно-экономическому освоению Горного Алтая. Сделанные с учетом всех природных факторов края, они и до сегодняшнего дня не утратили своего значения и с благодарностью используются его потомками.

Обобщая в заключение все сказанное, можно сделать однозначный вывод о том, что благодаря усилиям русских ученых, их научным изысканиям история Алтая и его населения, археология и лингвистика, флора и фауна, этнография и культура стали достоянием не только российской, но и мировой науки и культуры.

3. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА

Среди населения Горного Алтая с давних пор бытовали произведения устного народного творчества. Трудно сказать, как и где рождались эти удивительные шедевры, полные необычайных событий, высокой красоты, вечных глубоких мыслей. Можно лишь

предполагать, что рождались они и у походного костра, после тяжелых сражений, и на бесконечных дорогах кочевий под огромным звездным небом, в дни торжеств и печали. Не донесла история и имен тех, кто слагал их. Можно лишь одно с уверенностью утверждать, что автором этих чудесных преданий был народ.

Созданные им произведения созвучны первозданному и прекрасному миру природы нашего горного края, а по своему человеколюбию, широте мысли и охвату времени и пространства они не уступают самым выдающимся образцам мирового фольклора, какими являются греческие эпопеи «Илиада» и «Одиссея» и русские былины, киргизский «Манас» и карело-финский «Калевала», калмыцкий «Джангар» и бурятский «Гесер». Потому-то алтайский эпос широко известен в научном мире. В этом непроходяща заслуга В. В. Радлова, Н. А. Аристова, С. В. Киселева, Г. Н. Потанина, В. И. Вербицкого, Н. А. Баскакова, Л. П. Потапова, С. С. Суразакова, С. С. Каташа и других, которые занимались его изучением[92].

Сквозь века пронесли алтайцы в своем сердце это бесценное достояние. С любовью и теплотой хранят они в нем героические песенные сказания об алтайских богатырях, всегда поднимавшихся в трудный час на защиту родной земли, своего народа, всегда готовых прийти на помощь слабым и угнетенным[93].

Наряду с героическими сказаниями, сохранил алтайский народ в своем сердце и другие шедевры своего устного творчества: былины, легенды, пословицы и поговорки и др. Передаваясь из поколения в поколение, они становились своего рода устными летописями, в которых нашли свое отражение все стороны жизни алтайского кочевого общества[94].

Из всех жанров алтайского устного народного творчества наибольшее развитие получили героические сказания и бытовые песни. В них наряду с описаниями природы, быта отражены и антифеодальные, антирелигиозные идеи. Но основным мотивом сказаний является борьба против иноземных захватчиков за свободу и счастье своей родины. Ее вождями неизменно выступают честные, смелые, умные, вольнолюбивые люди, сыны своего народа и своей родной земли, воплотившие в себе все лучшие качества алтайского народа. В подтверждение сказанного приведем лишь один пример. Герой сказания «Маадай-Кара» — мальчик Когюдей-Мерген, выросши, превращается в доброго, справедливого и человеколюбивого богатыря, который вступает в борьбу с угнетателем алтайского народа Кара-Кула-ханом, сеющим на алтайской земле «смерть и страх», и побеждает последнего[95]. И здесь нельзя не сказать пару слов о глубокой интернациональ-

ности алтайского фольклора. К примеру, во владениях богатыря мирно живет разноязыкий народ, вольно пасется разномастный скот. Что касается врагов, то в алтайском эпосе у них нет определенного лица, конкретного этнического определения. Это — завоеватели, это — обобщенное воплощение зла, хотя даже в древние времена названия многих алтайских родов и племен были известны и широко распространены[96].

Как уже упоминалось выше, в героических сказаниях нашли свое отражение и антифеодальные, антирелигиозные идеи. Так, герои сказаний «Когутей», «Алтай-Бучай», «Малчы-Мерген», «Алтын-Коо» и других сражаются с баями и ханами, грабящими и притесняющими народ, вступают в борьбу даже со злыми духами. В частности, в героической поэме «Малчы-Мерген» рассказывается о бае Айбычи, скот которого пасут 140 пастухов. Однажды самый молодой из них Малчи попросил у хозяина хоть «плохонького коня», чтобы легче было пасти скот. Этой безобидной просьбы оказалось достаточно для того, чтобы разгневать хозяина. В назидание другим бай приказал вначале выпороть строптивца, а затем переломать ему ноги и оставить в старом заброшенном стойбище. Но искалеченный юноша не умер. Благодаря найденной с помощью мышки «живой траве», он выздоровел, стал богатырем и женился на седьмой дочери «Арслан-Каана» (вождя). Тесть сразу же возненавидел зятя-бедняка и с помощью остальных, шести зятевей-богачей решил избавиться от него. Но с помощью жены Малчи разгадывает их коварный замысел и расправляется с «заговорщиками»[97]. Аналогичен этому и сюжет в «Когутее». Но там бедняк побеждает хана и его шестерых свояков-богачей не силой, а проклятием, то есть магическим словом[98].

Защищая свой народ, алтайские богатыри вступают в борьбу и со злыми духами, а также с самим владыкой подземного мира Эрликом. Целью своих походов в подземный мир богатыри ставят прекращение «разбоя», которым занимаются злой бог и его слуги, и освобождение пленников. Эта борьба всегда изображается долгой и жестокой, но заканчивается, как правило, победой богатырей, которые, по традиции, хватают Эрлика за бороду и вытаскивают из подземелья на «белый свет». Здесь его начинают пороть или плетью, или пучками шиповника, или сучьями боярышника, в зависимости от темперамента богатыря и настроения сказителя. Злой бог неизменно просит пощады, и с него берут клятву в том, что он никогда больше не будет «угонять людей в свое подземное царство». После этого его отпускают и заваливают вход в подземелье. Словом, бог остается живым, иначе и быть не может, ибо он «создан для бессертия»[99].

Несколько иной финал этой борьбы дан в «Маадай-Кара». Здесь богатырь не верит клятве злого и коварного бога, — понимает, что нет надобности оставлять его, хотя и обезвреженного, в живых. В результате: «старый, злобный бог — перед человеком не устоял. Рожденный для бессмертия, ... для вечной жизни — от человека погиб»[100].

Уничтожив Эрлика и весь его подземный мир, победитель выводит из подземного в солнечный мир «много горя изведавший, ... народ», выполняя таким образом миссию освободителя насильно уведенного и страдающего народа (а не только сородичей) от властелина — угнетателя Эрлика, несущего, по сути дела, такие же черты каана-феодала, завоевателя, как и Кара-Кула[101].

Но освободив пленников, герой не всех их выводит из подземного мира. Лишь «достойных людей» решает Когюдей-Мерген вернуть на солнечный Алтай, а «недостойных» оставить в подземном царстве. Кто же попал в разряд последних? А ими оказались те, кто не по-человечески вел себя на земле и обречен за это на муки в подземном мире: к примеру, перед нерадивым человеком, постоянно забывавшем покормить коня, расставлены различные кушанья, но он их не достает рукой; любивший подслушивать разговоры в чужих юртах, подвешен за уши; у любителя подсматривать в щелочки в чужие юрты подперты веки, чтобы они не смыкались; сплетница заужена крючком за язык; охотник, сверх нужды убивавший зверей, обречен вечно бегать с самострелом за зайцами; жадные при жизни муж и жена дерутся из-за десяти овчин и т. д.; то есть в картинах, увиденных богатырем в подземном мире, отражены порочные стороны реальной земной жизни людей, отрицательные черты их характеров, нравов и поведения. И показаны они «однопланово, гротескно и выпукло и в каждом случае весьма комично»[012].

Не жалуют алтайские богатыри и небесного бога. В сказаниях есть немало примеров, когда они, отстаивая справедливость, вступают в борьбу и с ним. Так, смелый и «лучший охотник Алтая Токумаш перед схваткой с небесным богом с горечью выговаривает ему: «Богу молился я, бог помощи мне не дал, и сатана не захотел просьб бедняка уважить», а потому, мол, и выхожу на бой с тобой[103].

После побед, одержанных Токумашем над Эрликом и Ульгенем, он привязывает их обоих к кольям, вбитым в землю по соседству с другими кольями, к которым были привязаны владыки земные — зайсан и демичи. Привязав «злодеев», охотник принес четыре охапки прутьев и стал по очереди пороть их. В результате экзекуции от демичи и зайсана «остались только уши да пятки», от

Ульгеня — «голые кости», а от Эрлика — «две голени только»[104].

Эпические произведения были любимы народом. Они исполнялись сказителями под аккомпанемент двухструнного деревянного музыкального инструмента — топшура, горловым пением-каем (отсюда и название исполнителя — кайчи). О такой манере исполнения не раз писали русские ученые и путешественники. В частности, исследователь Горного Алтая А. В. Анохин отмечал, что алтайские сказания «поются низкой дребезжащей октавой, которая своим тембром напоминает летящего жука»[105].

Действительно, горловое пение — это своеобразное пение, при котором звуки производятся не свободным, открытым горлом, а несколько сжатым. Когда его приходится слышать в первый раз, оно «производит неблагоприятное впечатление», но с течением времени ухо настолько свыкается с ним, что оно начинает нравиться и действовать на нервы успокоительным образом[106]. «Для азиатского уха такое пение является, без сомнения, приятным»[107].

Каждый кайчи имел свою, только ему присущую манеру исполнения. Знакомя людей с произведениями устного народного творчества, он часто вносил в них что-то свое (эпизоды, эпитеты, мысли и чувства), порождая таким образом разные варианты одного и того же сказания[108]. Были у каждого исполнителя свои любимые и нелюбимые действующие лица сказываемых им произведений. Под влиянием симпатий или антипатий кайчи образы отдельных богатырей приобретали какие-то новые черты и сказания получали новую трактовку. Потому-то в произведениях алтайского устного народного творчества давно прошедшее встречалось не только с настоящим, но и с будущим, в них отражались и мечты народа, и его история. Именно эти обстоятельства придавали героическим сказаниям, былинам, легендам огромное познавательное значение, о чем предельно четко сказал в свое время П. Лафарг. «Народная поэзия, — подчеркивал он, — возникает из самого быта народных масс, народ поет свои песни под непосредственным и прямым впечатлением страсти, которую он испытывает... Вследствие этой точности и правдивости, устная литература обладает исторической ценностью большей, чем любое произведение отдельного индивида; поэтому ею можно спокойно пользоваться без опасения быть введенным ею в заблуждение»[109].

Исполнители — кайчи пользовались большим уважением в народе. В конце XIX — начале XX в. в Горном Алтае имелось немало талантливых сказителей: Чолтыш Куранаков, Чымый Алагызов, Михаил Ютканаков и другие[110]. Среди них особенно выделялся ученик знаменитого кайчи Кобака Тадыжекова — Николай Улагашев. Его знали не только в лесистой долине Сары-Кок-

ши, где он родился и провел почти всю свою долгую жизнь, но и в верховьях Бии, и в ущельях Катуни, и на берегах Телецкого озера. К нему приезжали люди из разных уголков Горного Алтая, чтобы послушать его сказания о подвигах богатырей.

Немало испытаний выпало на долю Н. У. Улагашева. Из 85 прожитых лет (умер в 1946 г.) семьдесят пять из них прошли в дымной и холодной юрте. Писатель П. В. Кучияк, близко знавший Н. У. Улагашева, говорил о его жизни: «Тяжела и безрадостна была раньше жизнь таежного алтайца-охотника. Все, что давал ему богатый и щедрый Алтай, отбирали у него родовые князьки-зайсаны, баи и купцы. Нищета, оскорбления и побои сопутствовали беднякам-алтайцам на протяжении всей жизни. Из всех детей бедняка-охотника Улагаша выжил только один — Николай. Природа наделила его богатырской силой и памятью... С восьми лет он уже помогал отцу во всех домашних делах, а с девяти — встал на лыжи и пошел с ним на охоту. Там-то, в тайге, долгими зимними ночами у костра зарождалась в нем любовь к родным алтайским сказкам — чорчок»[111].

Частым гостем Улагашевых на промысле и дома был бродячий кайчи Кобак Тадыжеков. От его внимания не ускользнули увлеченность и любовь мальчика к героическим сказаниям, его память и живой ум, способность импровизировать, то есть качества, которые необходимы кайчи. Используя их, Кобак исподволь начинает приучать мальчика к каю. Мастерство учителя, природный талант ученика быстро сделали свое дело: Николай стал сказителем*. С годами накоплялся опыт, расширялся и обогащался репертуар, росло и крепло исполнительское мастерство, а вместе с ним — и признание слушателей.

Но наряду с мастерством, перенял молодой кайчи от своего учителя его беззаветную любовь к своей родине и своему народу, а также глубокую ненависть к гнету, эксплуатации и эксплуататорам, презрение к людским порокам, в которых погрязло тогдашнее общество. В произведениях сказителя жила сила трудового народа, его мечты о свободной жизни, равенстве, братстве. Воспевая храбрость, мужество, дружбу, верность и любовь, он всегда бичевал трусость, коварство, высмеивал жадность, глупость, выражал ненависть трудящихся к угнетателям. Потому-то последние, в лице баев и зайсанов, «платили» ему тем же. Для них богатырские былины Улагашева, по образному выражению

---

* Внучка сказителя — Лидия Иннокентьевна Улагашева — свидетельствует, что род деда — это «потомственные, от самого кудая-бога кайчи. Отец дедушки тоже был сильным кайчи». См. Укан Б. Мудрое сердце кайчи Улагашева. // «Сибирские огни», 1982, № 5, с. 150.

А. Л. Коптелова, «были не медом, а горьким перцем», поскольку кайчи воспевал защитников бедноты и высмеивал власть предержащих. Он ни перед кем не пасовал, ни перед кем не прятался за свое слово. «Однажды в долину Сары-Кокши, — писал Коптелов в очерке, предварявшем сборник переводов на русский язык алтайских героических сказаний, — приехал зайсан Сапрок со своей свитой из самых богатых баев. Все они были пьяны. Зайсан потребовал к себе Н. Улагашева: «Пусть поет самое хорошее. Скворцы «своим пением славят тайгу, слепые старики — славят старших». Но Улагашев ответил зайсану: «Мои песни горьки». — «Пой и такие, посмотрим, что за яд в них... Не будешь петь — в проводники возьмем. Заставим дорогу показывать». Улагашев молча сел на коня, конь вышел на тропу впереди всех всадников. Кайчи повернул голову и крикнул во весь голос: «Слепые не могут обходиться без поводырей! Но если слепого берут в поводыри, значит есть люди слепее слепых...»[112]

В приведенном отрывке — весь Улагашев. Талант и доброта воочию повязаны крепкими узами с мужеством и отвагой кайчи. Потому-то его и ненавидели баи и зайсаны. И в отместку «за яд и перец» в их адрес, они нередко от словесных угроз прибегали к насилию. По поводу последнего П. В. Кучияк как-то писал, что Николаю Улагашеву никогда не забыть «тяжелую нагайку зайсана Темея», рубцы от которой остались на его теле на всю жизнь[113]. Но ненависть эксплуататоров не пугала сказителя, она еще больше закаляла его, придавала ему новые творческие и жизненные силы.

Алтайский народ любил и любит свои бессмертные песни-сказания, в которых выражена его вековая мечта о счастье и свободной жизни. Преисполненные глубокой мудрости, национального духа, яркого жизнелюбия, высокой поэзии, они пришли и в сегодняшний наш день и как и раньше они радуют сердца людей и принадлежат, как и во все времена, всему народу.

Созданные народом великие произведения, им же были и сохранены. Но память человеческая не лучший способ сохранения образцов народного творчества. Более надежный — это, безусловно, письменность. Она же у алтайцев появилась (на основе русской графики) в начале 40-х гг. XIX в. и связана с именем миссионера Макария Глухарева[114].

Ее создание явилось не только крупным вкладом в духовную культуру алтайцев, но и значительным «облегчением» для деятельности просветителей последующих лет. С рождением письменности появились широкие возможности для записи образцов алтайского устного народного творчества, для создания литера-

турных произведений на алтайском языке. Появление последних неразрывно связано с именем другого миссионера Михаила Васильевича Чевалкова — одного из основоположников алтайской словесности, писателя, прекрасного знатока своего края, фольклора, «хранителя и носителя, а позже и собирателя народных традиций, знатока и пропагандиста духовной культуры Алтая»[115].

М. В. Чевалков родился в 1817 г. в с. Карасук (недалеко от г. Бийска). Вскоре семья переезжает в с. Улалу. Младший брат Михаила — Андриан* — начал учиться грамоте у основателя Алтайской духовной миссии Макария. Михаила же отец не отпускал учиться и заставлял его заниматься хозяйством. Но желание учиться было у юноши слишком велико. Это заметил Макарий и подарил ему букварь. С этого времени Михаил тайком, прячась от отца, начал самостоятельно постигать грамоту.

Даровитого юношу заметили миссионеры и помогли ему овладеть ею. Об этом потом не раз с благодарностью вспоминал и сам Чевалков. Священники духовной миссии, подчеркивал он, помогали мне освоить русскую грамоту, а научив читать и писать, привлекли к переводческой работе — поручили делать переводы русских книг на родной алтайский язык[116].

Успешная работа на этом поприще, способствовала его зачислению в штат миссии на должность толмача. Будучи штатным работником, он принимал непосредственное участие в крещении алтайцев. За время службы в миссии им крещено 1098 человек[117]. Мог ли он не участвовать в этом деле, тем более, что ему не раз доводилось видеть не самые приятные сцены крещения алтайцев и его последствия? Однозначного ответа на данный вопрос, наверное, дать нельзя. В этой ситуации вполне приемлемым представляется вывод литературоведа С. С. Каташа о том, что «...Чевалков... фактически являясь атеистом... рассудил, что христианизация алтайцев в тех условиях — единственно реальный путь к тому, чтобы увести народ из-под влияния шаманов и приобщить его к русской культуре и быту. Православная вера уже тем лучше, что содействует хотя бы самому начальному образованию, ибо всяк должен читать «священное писание»[118].

Но как бы там ни было, толмач миссии М. Чевалков посещал самые отдаленные уголки Горного Алтая, добросовестно выполняя возложенные на него обязанности. В ходе поездок он дотошно знакомился с жизнью и культурой своих соплеменников. Увиденная

---

* Под воздействием бесед Макария семья Чевалковых приняла крещение и все ее члены получили православные имена. См. «Памятное завещание». Горно-Алтайск, 1990, с. 51.

повсюду им нужда и темнота, все чаще заставляли его задумываться над причинами страданий и неустроенности алтайцев.

В 1850 г. М. В. Чевалков познакомился с приехавшим в Улалу кузнецким краеведом Н. И. Ананьиным и по его просьбе переводит ему на русский язык, собранные гостем, фольклорные материалы, а также описывает ряд верований и обычаев алтайцев. Встреча и беседы с Ананьиным о «пользе» краеведения заинтересовывают Чевалкова и он начинает собирать образцы алтайского устного народного творчества. Переводы собранных материалов, в соответствии с договоренностью, он отправляет в Кузнецк Н. И. Ананьину. Но они (по неизвестным причинам) не были опубликованы[119].

Большую помощь Чевалкову в деле собирания образцов народного творчества алтайцев оказал известный тюрколог В. В. Радлов. Их знакомство, положившее начало многолетнему творческому сотрудничеству, произошло в июле 1860 г., когда ученый, возвращаясь из первой своей алтайской экспедиции, посетил Улалу. Найдя в лице Чевалкова «вполне грамотного и способного человека, компетентного помощника при сверке и обработке собранных материалов», молодой ориенталист предложил ему поехать с ним в Барнаул для составления книги[120]. Преодолев свои колебания, неприязнь соплеменников-улалинцев, Чевалков принял предложения ученого, хотя его не переставали терзать сомнения: не мог он все же представить себя в роли составителя первой книги на родном языке, хватит ли для этого его грамоты — ведь за плечами, кроме самостоятельно осиленного букваря — ничего нет.

Но сомнения рассеялись как только началась работа. Оказалось и грамоты у него хватает, да и переводческая деятельность дала ему многое, особенно «перевод на родной язык Священного Писания — этого великого литературного памятника всех времен и народов», исподволь подготовивший Чевалкова к занятиям литературным творчеством. С другой стороны, перевод Писания являл собою не только переводческую, но и литературно-художественную и, что особенно важно, лингвистическую работу, ибо «начало создания письменности на основе русского алфавита и рождение литературы как таковой, несмотря на ее чисто религиозные цели и задачи, шло параллельно и одновременно»[121].

Следует отметить, что первоначально Радлов замышлял использовать написанное Чевалковым в качестве одного из фрагментов своего исследования, но в процессе работы отказался от начального замысла и рекомендовал своему помощнику писать свое самостоятельное произведение. Словом, в барнаульском доме Радлова свершалось выдающееся событие в истории алтайского на-

рода — рождалось первое оригинальное художественное произведение на алтайском языке. Создавалось оно в невероятных творческих муках, ибо у автора не было предшественников, у кого бы он мог поучиться, взять в качестве примера или подражать. До всего приходилось доходить самому. И в этом во всем непреходяща заслуга М. В. Чевалкова. Главное, как отмечал исследователь Б. Я. Бедюров, заключалось в его художественной натуре, в его незаурядной личности, которая жила и творила под рясой протоиерея[122].

Автобиографическая повесть «Жизнь Чевалкова» была опубликована В. В. Радловым на алтайском языке в 1866 г.[123] Она знаменовала начало творческого пути писателя, который, по собственному признанию, полон сил и намерений. «Я, — писал он в те годы В. В. Радлову, — не знаю, высоко ли небо, просторна ли наша земля, сорок моих лет промелькнули, как один день; за эти годы горечи отведал, сладость познал, и слезы были, и радость была — и все, как лодка в реке, пронеслась и скрылась из глаз; только след их в сердце моем, как на воске, отпечатался»[124].

Спустя почти тридцать лет «Житие Чевалкова», дополненное и переработанное автором с учетом последующих событий в его жизни, под названием «Памятное завещание» было опубликовано в 1894—1896 гг. в церковных изданиях «Православный Благовестник», «Томские епархиальные ведомости». В нем, по словам, магистра богословия о. Бориса (в миру — Б. Пивоваров, г. Новосибирск), мы «слышим голос умудренного старца — миссионера-просветителя, который в форме завещания своим детям и внукам дает завет народу своему: «Пусть будут уроком для них эти слова, пусть будут наставлением от рода до рода»[125].

Перевод «Завещания» был осуществлен Макарием (Невским), тогдашним начальником Алтайской духовной миссии. В данном варианте, в отличие от первоначального, сильно ощущается влияние миссионеров. Но в этом, по мнению Б. Бедюрова, вины переводчика нет. Скорее всего, это результат эволюции мировоззрения автора, которому к моменту выхода «Памятного завещания» исполнилось 74 года. Возможно поэтому ветеран миссии, протоиерей Чевалков и заменил в данном варианте первоначальное обращение к Радлову на обращение к детям, которое при более глубоком прочтении представляет собой обращение «к потомству, к будущим продолжателям его дела в родном Алтае»[126].

Период работы в радловском доме стал, похоже, для Чевалкова и временем его первого знакомства со светской литературой, ибо достоверно известно, что до встречи с Радловым он никогда

не выезжал за пределы Алтая. Приобщение к ней, вероятно, побудило его познакомить и своих соплеменников с ее образцами. Особенно увлекли Чевалкова бессмертные басни И. А. Крылова. И он берется за их переводы. Вскоре в сборнике Радлова появились первые его переводы басен Крылова на алтайском языке («Ворона и Лисица», «Лягушка и Волк»). Образы и идеи крыловских басен были понятны алтайским читателям. Впоследствии были переведены Чевалковым на алтайский язык «Стрекоза и Муравей», «Лебедь, Щука и Рак», «Щука и Кот» и др.

Под влиянием крыловских произведений и алтайских народных сказок о животных Чевалков начинает сам писать басни. Написанные им «Бедный Кот и богатая Сорока», «Бабочка и Пчела», «Недружные люди», «Сеноставка и ленивая Лягушка», «Спор Чая с Вином» и другие сразу же получили признание читателей и широко распространились по Алтаю.

Наряду с баснями, писал он и поэмы (наиболее широко известна «Пахарь и Охотник»), нравоучительные стихотворения, которые в обобщенном виде были опубликованы в 1872 г. в Казани под несколько необычным названием «Поучительные статьи на алтайском языке».

Во всех своих произведениях, публиковавшихся при его жизни — в Петербурге (1866), Казани (1872, 1881), Томске (1883), Москве (1894), — автор умело использовал фольклор, приемы народной поэзии, пословицы и поговорки, меткие народные выражения. Вследствие этого их язык был всегда близок и понятен народу. Популярность произведений Чевалкова сделала широко известным и популярным и имя самого писателя. Это обстоятельство неизменно использовали миссионеры в своей непосредственной работе. В частности, именно по их просьбе была написана басня «Тетерев и Курица», носившая нравоучительный характер и пропагандировавшая идеи православия. Но не такого рода произведения определяли творческое лицо писателя Чевалкова. Другое дело, когда речь идет об его оригинальных произведениях «Житие» и «Завещание», басни, аллегорические поэмы, стихи, притчи, наставления, отражавших жизнь, быт и культуру алтайского народа. Именно они стали достойным опровержением выводов некоторых исследователей, утверждавших, что Чевалков не был писателем «в светском значении этого слова»[127].

Но время и жизнь по-своему оценили свершенное М. В. Чевалковым. Даже миссионеры, крайне неодобрительно относившиеся к устному народному творчеству, составившему основу его произведений, вынуждены были признать, что созданная Чевалковым литература на алтайском языке, его стихи и рассказы

«сделались любимым чтением на Алтае, сделались народным достоянием»[128]. В том, что они стали таковым, свидетельствовал в свое время С. С. Суразаков. Благодаря его гражданскому мужеству, имя первого писателя-алтайца было вызволено в середине нынешнего столетия из казематов забвения. «Афористические стихи и басни поэта XIX в. М. Чевалкова, — писал он, — заучивали неграмотные алтайцы наизусть и передавали из уст в уста. Мы записывали их от певцов и сказителей как народные, а потом выяснялось, что это произведения Чевалкова»[129].

Сегодня уже почти никем не отрицается, что созданное им являет собой бесценный памятник языка и литературы XIX в. А раз так, то, наверное, настало время, чтобы объективно оценить все то, что сделано первым алтайским писателем и просветителем, вся жизнь которого (умер 23 августа 1901 г. в Онгудае) была посвящена служению своему народу.

4. МУЗЫКАЛЬНОЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

История музыкальной жизни народов Сибири, в том числе и алтайцев, до сих пор остается тайной за семью печатями. Об этом достаточно красноречиво сказано в Сибирской советской энциклопедии. «Музыка и музыкальные инструменты народов Сибири, — читаем в ней, — до настоящего времени мало изучены...» Первая запись песен турецких народностей Южной Сибири принадлежит И. Гмелину, участнику первой академической экспедиции в Сибирь (1733—1743). Музыкальные записи приведены в III т. его труда «Путешествие по Сибири». Геттинген, 1752 (на немецком языке)[130].

Изучение же собственно алтайской музыкальной культуры, по свидетельству музыковеда Б. Шульгина, началось почти через сто лет после первой академической экспедиции в Сибирь[131]. И это при всем при том, что разнообразная по жанру песенно-музыкальная культура алтайцев известна с древнейших времен. Характерной особенностью их песенного жанра являлась импровизация. В словах и мелодиях отражались главным образом бытовой уклад, характер трудовых процессов, чувства, мечты и стремления. Однако, как отмечали исследователи, в алтайских мелодиях зачастую звучали и слышались грусть и печаль[132]. Профессиональных композиторов у алтайцев не было. Песни исполнялись под аккомпанемент топшура и икели.

Первое описание музыкальных инструментов алтайцев и их манеры пения были сделаны В. И. Вербицким. «Алтайцы, — писал он, — очень склонны к пению и музыке... Песни часто поются

у северных инородцев под звуки балалайки, а у южных — двухструнной скрипки, которая по форме не что иное, как длинный деревянный уполовник или поваренка. Внутренность этого инструмента закрыта бараньей кожей, имеющей на средине кружок и шесть малых отверстий, между которыми укреплены подставочки под струны. Дискантовая струна сделана из трех конских волос, а бас — из шести. Смычок тоже из волос. Под эту же скрипку алтайские импровизаторы обыкновенно сказывают сказки дребезжащей октавой, растягивая каждое слово»[133].

Наиболее полно музыкальное творчество алтайцев нашло свое освещение в работах русского композитора А. В. Анохина (1869—1931). Родился он в 1869 г. в с. Правые Ламки Аршанского уезда Тамбовской губернии. В начале 70-х гг. семья Анохиных переехала на Алтай и поселилась в Бийске. Здесь Андрей окончил церковно-приходскую школу, а затем — катехизаторское училище. В нем он впервые познакомился с учениками-алтайцами и услышал рассказы о Горном Алтае. После окончания в 1897 г. Петербургской придворной певческой капеллы работал в Томске преподавателем пения и музыкальных дисциплин[134].

Более двадцати лет посвятил он собиранию различного этнографического, фольклорного (песенного) материала об алтайцах. Анохин, как отмечал исследователь его музыкального творчества В. Ф. Хохолков, тщательно фиксировал народные песни и наигрыши на национальных инструментах, эпические сказания, шаманские мистерии и мелодии к ним. При записях старался не упустить ни одной, даже мельчайшей детали. Если собеседник знал слова песни и мелодию, он тут же брал лист бумаги, чертил от руки нотоносец, а иногда записывал цифровой ступенчатой системой, отмечая над цифрами длительность и октавы. Обладая природным абсолютным слухом, Анохин записывал с голоса. И все это он делал легко, быстро и грамотно, хорошо осознавая необходимость сохранения культурного наследия для будущих поколений[135].

Руководствуясь этим, делал он и описания алтайских народных музыкальных инструментов. «Музыкальных инструментов у алтайцев, — замечал он, — четыре: струнный, язычковый, ударный и один смычковый. Струнный инструмент называется «топшур» и имеет форму балалайки, но далеко не звучный, так как струны на нем употребляются из конского волоса, свитого в тоненькую веревочку. Само собой «топшур» не может дать полный звук, как обычная балалайка. Играют на нем так же, как на балалайке. Пользуются этим инструментом больше, чем обыкновен-

ной балалайкой. На топшуре аккомпанируют «кайчи» — рассказчики сказок»[136].

К сожалению, А. В. Анохин описал не все музыкальные инструменты, бытовавшие у алтайцев. А те, что описал — нередко — имеют неверные характеристики, утверждения. В частности, топшур совсем не похож на балалайку. Общими для них, как утверждает Б. М. Шульгин, являются только принципы звукоизвлечения и квартовый (интервальный) строй[137]. Неверно его суждение и об «икели». Мол, это тот же «топшур», но на последнем играют только смычком[138].

В действительности это не совсем так. Музицируя, алтайцы играют смычком и на топшуре — как и на икели. Но это совсем не исключает существования у них специального смычкового инструмента икели, только похожего на топшур и имеющего существенное отличие от последнего, которое выражается в наличии у икели более тонкого и удлиненного грифа, а также более высокой подставки.

Но главным музыкальным инструментом для алтайца оставался все же топшур. Он являл собой деревянный долбленый кузов овальной формы, закрытый сверху кожаной или деревянной декой, длинную шейку для ладов, две волосяные струны, настроенные в кварту, то есть по высоте. Общая длина инструмента — в пределах 75—77 см. Настраивался он, как свидетельствует А. В. Анохин, «квартой, как и русские балалайки, но кварта эта не урегулирована: она звучит немного выше чистой и ниже увеличенной. Ее скорее нужно отнести к особому разряду интервалов, называемых «острыми». У азиатов они принимаются как консонанс (созвучие — *Н. М.*), потому что квартой начинают и заканчивают пение, как благозвучным аккордом. Она встречается чаще других интервалов, ее вполне можно причислить к разряду господствующих интервалов. Кроме кварты, топшур в аккомпанементе дает чистую квинту (т. е. в интервал входит 5 ступеней — *Н. М.*), большую или малую сексту (6 ступеней — *Н. М.*). Вот все интервалы, какие мы слышали на топшуре в виде одновременных созвучий»[139].

Настроив топшур, сказитель начинал играть вступление, то есть своеобразную прелюдию, во время которой он начинал «настраивать голос», подпевая топшуру на выдержанной ноте — преимущественно на слогах «ой», «уй» или «эй». Несколько иные звуки приводит студент Петербургского университета А. Калачев, бывший в 1896 г. в районе с. Кош-Агач и записавший во время исполнения «Былину об Алтай-Буучае». «Первые звуки, — отмечал он, — были робки, неуверенны: слышались только главные

«а», «у», «ы», но вот он ... воодушевился (настроился — *Н. М.*)... и запел»[140]. Следует отметить, что в процессе исполнения самого сказания речитативное исполнение текста неизменно перемежалось с «настроечными слогами» — звуками.

Как уже упоминалось, свой рассказ кайчи сопровождал незамысловатым, часто повторяющимся наигрышем на топшуре. Но эта простота была лишь условной. На самом деле аккомпанемент топшура не сложными, но различными мелодико-ритмическими вариациями характеризовал каждое движение героя, ситуацию, в которую он попадал. Патетические места кайчи подчеркивал и выражал еще и голосом, мимикой, легкими движениями своего тела[141].

Говоря о манере пения кайчы, следует отметить, что она заметно отличалась от манеры исполнения кожончи — исполнителя исторических, бытовых и лирических песен. Эти произведения исполнялись как правило под икели и пелись обычным тембром голоса. Кайчи, как мы уже говорили, пели свои сказания «низким голосом». Уже упоминавшийся А. Калачев, подчеркивал, что исполнитель «Алтай-Буучая» пел «низкой октавой, мерным темпом, то усиливая голос, то затихая до выразительного шепота»[142].

Произношение слов нараспев низким горловым тембром, постоянная повторяемость мелодических фраз топшура, звучание «на органной педали» то голоса, то самого топшура, мелодичность и созерцательность напева — все это вводило слушателя в своеобразный «психологический транс», — который помогал отключиться от окружающей обстановки и давал полную свободу фантазии слушателя. И последний, слушая живую, полную образных сравнений певучую речь кайчи, переживал все перепетии, которые испытывал герой повествования.

Сегодня кай переживает свое второе рождение. Некогда отвергнутый «ревнителями настоящей культуры», как ничего не имеющий с истинным искусством, он сохранился и не исчез только благодаря титаническим усилиям ученого-фольклориста С. С. Суразакова и его единомышленников. Одним из них был и остается известный исполнитель древнего эпоса, народный поэт-импровизатор, названный академиком В. А. Гордлевским за свое исполнительское мастерство «алтайским Гомером», А. Г. Калкин[143]. Как и в прошлые годы, он и сегодня, несмотря на возраст (родился в 1925 г.), продолжаает всей душой болеть, чтобы кай не исчез. Не жалея сил и времени он передает свой богатый опыт и знания тем, кто выбрал нелегкую стезю кайчи. Многие из его учеников (сын Эргек, фольклорист Таныспай Шиншин и др.) уже обрели известность не только в нашей республике, но и за ее пре-

делами. Знакомя слушателей с алтайским эпосом, они передают через его посредство не только неповторимую красоту природы своего края, мудрость и жизнелюбие алтайского народа, но и утверждают доброту, справедливость, человеколюбие, так необходимые нам сегодня.

Эти гуманистические идеи пронизывали и изобразительное искусство алтайцев, корни и богатые традиции которого уходят в глубокую древность, о чем свидетельствуют находки из всемирно известных Пазырыкских курганов, что в Улаганском районе нашей республики, наскальные писаницы Бичикту-Бома (Онгудайский район), каменные изваяния и другие памятники Горного Алтая. На их основе исследователи утверждают, что горноалтайское искусство, главным образом декоративное, является «ярким показателем своеобразной культуры народа, уровня его художественного восприятия и силы его творчества. В нем в стиле искусства отражается и духовное состояние, и характер народа»[144]. В этом плане весьма красноречивы находки последних лет, обнаруженные археологами у с. Каракол Онгудайского района. Древние росписи на гробницах являют собой уникальные образцы древне-алтайской живописи и поражают не только удивительной сохранностью красок, но и самобытностью, простотой и прекрасностью как произведения Пикассо и Матисса[145].

Но богатые традиции изобразительного искусства, имевшие многовековую историю, получили свое дальнейшее развитие главным образом в декоративно-прикладном искусстве алтайцев, в частности, в национальном орнаменте. К нему прибегали при украшении жилища, одежды, обуви, посуды, охотничьих принадлежностей, седел, сбруи, предметов быта. На его развитие оказывали свое влияние не только индивидуальные способности мастера, но и природные условия, хозяйство, быт, национальные традиции, общение с другими народами, экономические, бытовые и культурные связи с ними[146].

В зависимости от способов и используемых материалов различались вышивка цветными нитками, мозаика из меха, аппликация из кожи, резьба по дереву, резьба и тиснение на бересте, орнамент на изделиях из шерсти и волоса. Орнамент, сочетавший в себе зигзагообразные, волнистые и прямые линии, квадраты и ромбы, изображения деревьев, птиц, зверей и цветов, всегда отличался высокой эстетикой, простотой и гармонией[147].

Однако изобразительного искусства в современном его понимании в рассматриваемое время в Горном Алтае не было вплоть до начала XX в. Его зарождение как такового по-праву связано с творческой деятельностью первого замечательного алтайского

художника-пейзажиста, «страстного патриота родного Алтая» Г. И. Гуркина (1872—1937)[148].

Родился он в 1872 г. в с. Улала. Его дед Гурке, богатый телеут, был выходцем из с. Бочаты Кузнецкого уезда. В честь деда и взял себе внук фамилию Гуркин. Восьми лет начал учебу в Улалинской миссионерской школе. По свидетельству искусствоведа В. И. Эдокова, мальчик рано начал рисовать, но его увлечение не находило сочувствия среди окружавших. Сохранить это увлечение помогла школа, где имелась мастерская — точнее класс живописи, приспособленный для писания икон[149]. Посетивший в начале 80-х гг. Улалу Г. Н. Потанин писал потом о школе, что при ней «есть иконописный класс, где мальчики под руководством о. Антония рисуют масляными красками; к сожалению, занятия детей ограничиваются копированием с икон, писанных масляными же красками и иногда акварелью, с натуры не рисуют»[150].

Тягу Гуркина к рисованию, по утверждению А. В. Адрианова, первым подметил и стал помогать ему ученик той же школы Тельгеров. Он учил однокашника тому, чем уже владел сам — мастерству иконописания. Но особенно сильное влияние на молодого Гуркина оказал другой ученик А. Я. Никифоров. Будучи художником по натуре, Андрей настолько возбудил в товарище любовь к рисованию, что тот стал отдавать ему весь свой досуг, несмотря на недовольство отца, непонимавшего увлечения сына[151].

После окончания школы Гуркин уехал учительствовать в Паспаул. Но тяга к рисованию победила. Он бросил учительство и поступил учеником в Бийскую иконописную мастерскую Сазонова[152]. От него он переходит в 1894 г. «на выгодных условиях» к подрядчику по постройке иконостасов Борзенкову. Однако его не оставляет мысль о настоящем творчестве. Все свободное от иконописного ремесленничества время он посвящает копированию репродукций, рисованию с натуры, сочинению собственных композиций[153].

В 1896 г. Гуркин знакомится с приехавшим в Бийск на каникулы А. В. Анохиным, учившимся в то время в Петербургской певческой капелле. Ознакомившись с работами нового знакомого, он понял, что Гуркин талантливый человек, и Анохин посоветовал ему поехать в Петербург, показать свои работы художникам и попробовать поступить в Академию Художеств. После долгих колебаний он уступает настояниям нового друга и осенью 1897 г. отправляется вместе с ним в далекую столицу[154].

Однако сразу поступить в Академию Гуркину не удалось: такова была судьба провинциальных самоучек, имевших в своем багаже лишь великую любовь к искусству. И все же судьба бла-

говолила посланцу Алтая. Счастливые обстоятельства свели его с И. И. Шишкиным, который оставил Гуркина учеником при своей личной мастерской. Причину такого поступка известного пейзажиста раскрыла впоследствии племянница Шишкина А. Комарова. «Ивану Ивановичу, — писала она, — очень понравились рисунки... алтайца, только что приехавшего учиться в Академию, и он принял в нем такое участие, какое давно никому не оказывал. Он... решил, что Гуркин будет заниматься у него на квартире, что в Академии его, пожалуй, собьют с толку, испортят это «Дитя Алтая». Шишкин как будто торопился все показать Гуркину, всему его научить и развить»[155].

Время, проведенное в мастерской великого художника, явилось определяющим в формировании творческой индивидуальности Гуркина. Под руководством Шишкина он сразу нашел «свою» дорогу, «встал» на нее и пошел по ней смело и уверенно, быстро достигнув таких результатов, что еще на школьной скамье его этюды не уступали работам профессора[156]. Но недолго продолжалось творческое сотрудничество идеального учителя и талантливого ученика. В марте 1898 г. скоропостижно умирает И. И. Шишкин. Потрясенный смертью наставника Гуркин уезжает на Алтай и лишь через год возвращается в Петербург и становится вольнослушателем мастерской профессора А. А. Киселева в Академии Художеств. Однако творческого сотрудничества с новым наставником у Гуркина не получилось. Не было совпадения интересов, да и сам учитель не обладал сильной творческой индивидуальностью. А посему его система обучения не шла дальше советов и благих пожеланий, что устроить Гуркина никак не могло. Но несмотря ни на что, дарование его развивалось, талант шлифовался. Не последнюю роль в этом деле играли общение с художественной средой и совместная работа в мастерской с другими студентами. В ноябре 1904 г. Совет профессоров принял решение — разрешить вольнослушателям мастерской А. А. Киселева Г. Гуркину и К. Свищевскому «представить картины на соискание звания художника». Однако начавшиеся в начале 1905 г. волнения студентов Академии, привели к ее временному закрытию. Гуркин уезжает на Алтай и больше никогда не возвращается в Петербург. Не выполнив картины на звание художника, он остался без диплома[157].

Вернувшись на родину, Гуркин с головой уходит в работу. Из-под его кисти выходят неповторимые полотна, такие как «Катунь весной», «Хан-Алтай», «Ледоход», «Корона Катуни», «Озеро горных духов» и другие, являющиеся истинными шедеврами творчества Гуркина и принесшие ему широкую популярность. Еще

никто до него и после не создал произведений, которые бы с такой проникновенностью, художественной силой и мастерством выразили бы духовную сущность природы Горного Алтая. Его персональные выставки не раз экспонировались в Томске, Иркутске, Красноярске, Барнауле. И всюду его выставки встречали живейший интерес и признательность сибиряков. И это было понятно, ведь художник-то был свой, сибирский. В этом и состояло одно из самых ценных достоинств Гуркина для сибиряков, ибо будучи уроженцем Сибири, он первым изобразил природу, которая окружала их с детства, которую они хорошо знали, любили и которой они по-своему гордились[158].

Подобные чувства пронизывают и нас, когда, по прошествии почти ста лет, мы знакомимся с полотнами выдающегося алтайского пейзажиста. Как и наши предшественники, мы восхищаемся богатством колорита, искренностью и тонким задушевным чувством природы, находя в ней «свое, родное и близкое»[159].

Создавая свои полотна в стиле лучших традиций русского реалистического искусства конца XIX — начала XX в., Гуркин все же сумел внести в них свою самобытную оригинальность, слить их со своим пониманием природы, с особенностью и богатством ее красок. Написанные им леса, горы, реки, подчеркивал искусствовед В. И. Эдоков, существенно отличаются от подобных же изображений, выполненных его собратьями по жанру, скажем, в центральной части России, как стремительные, яростно-шумливые реки Сибири — Ангара, Катунь, Енисей или Лена отличаются от величаво-спокойных и широких Волги, Оки и Камы — как причудливая, непролазная сибирская тайга, состоящая из пихт, елей или кедра, непохожа на сосновые или березовые леса средней полосы России, как блеклая по краскам, лиричная, задумчивая красота ее ландшафтов отличается от сказочно-величественной, на вид суровой, но очень душевной природы Сибири[160].

Словом, эти нюансы прекрасно чувствовал алтайский художник, знал и умел как их выразить. Но сказанное, отнюдь не повод к рассмотрению творчества Гуркина как чего-то изолированного, как само по себе развивающегося явления. Оно было и оставалось органическим продолжением традиций великих русских пейзажистов второй половины XIX в., традиций Шишкина, Саврасова, Васильева, Левитана и других, чьи имена прославили русскую пейзажную живопись не только в России, но и далеко за ее пределами.

Но наряду с изобразительным творчеством, Гуркин занимался, и достаточно активно, и общественной деятельностью. Будучи членом томского «Общества любителей художеств», он много пу-

тешествует по Алтаю, участвует в сборе, обработке и издании этнографических материалов, алтайского эпоса. Интерес художника к этнографии алтайцев (к примеру картина «Камлание», или «Жертвенная ночь»), устному народному творчеству («Треуголен ты, Хан-Алтай; когда взглянешь на тебя с высоты; со стороны поглядишь на тебя; ты блестишь, как девятигранный алмаз!» — строки народной лирики, легшие в основу картины «Хан-Алтай»), к их декоративно-прикладному искусству объяснялся не только стремлением глубже познать воспроизводимый на полотнах край и его жизнь, но и поисками путей средств углубления национальных основ своего творчества[161].

С Горным Алтаем, его природой и людьми было связано и творчество другого пейзажиста А. О. Никулина (1878—1945). Получив первые навыки рисования в Барнаульском горном училище, он продолжил затем свое художественное образование в Центральном техническом училище рисования в Петербурге, Италии и Франции. Никулин периодически бывал на Алтае. Здесь же состоялась его первая персональная выставка (в 1908 г. в Барнауле). Немало работ художник посвятил Горному Алтаю. Наиболее значительными из них являются «Река Кумир. Бучило», «Кедровый лес», «Арасанский водопад», «Камни на реке Белокурихе», «Горы Алтая», «Голубой Алтай» и др. В них нашли свое отражение богатые традиции русской пленэрной живописи начала XX в. Природа Горного Алтая воспринята А. О. Никулиным светло и радостно. Живопись же его мажорна и в ней художником часто использованы приемы декоративного письма[162].

Но с Алтаем связано не только творчество названных художников. Это характерно для жизни и деятельности М. И. Курзина (1888—1957), В. В. Карева (1886—1970), И. Д. Чашникова (1888—1971), Н. И. Чевалкова (1892—1937) и др. Они не только родились в этом крае, провели детство и юность, но и приобщились здесь к живописи. И это опять-таки связано с именем аносского творца Г. И. Гуркина, вокруг мастерской которого в конце XIX в. произошло объединение всех творческих сил. Их объединило не только вдохновение и подвижничество Г. И. Гуркина, но и любовь к Алтаю, который стал для всех художников не только источником их вдохновения, но и ведущей темой творчества для большинства из них[163].

5. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ АЛТАЙЦЕВ

В основу религиозных представлений алтайцев была положена вера в духов, которые, как они полагали, населяли три сфе-

ры небесную, земную и подземную. Независимо от места обитания духи подразделялись на две категории: чистых и нечистых. К числу первых, обитавших на небе, алтайцы относили духов — покровителей рода, то есть каждый род имел своего духа покровителя. В пантеоне чистых духов, обитавших на земле, находились хозяева гор («кырдын эзи»), хозяин огня («оттын эзи»), хозяин воды («суунын эзи») и др. Кроме вышеупомянутых общих духов-покровителей, каждый род имел свою священную гору, реку, лес, почитаемых как покровителей определенного рода. Женщинам настрого запрещалось находиться вблизи почитаемых родовых гор мужа с обнаженной головой или босиком, подниматься на нее и называть ее имя вслух. Отклонение от правил, по представлению алтайцев, влекло несчастье в семью. Л. П. Потапов указывал по этому поводу, что в прошлом такие родовые горы принадлежали отдельным родам и являлись их охотничьими угодьями. И почитание их (гор — *Н. М.)* «явилось отражением общей родовой собственности на определенную (преимущественно охотничью) территорию». Почитаемая родовая гора как покровительница сеока[164]. как своеобразный родовой пенат явилась отражением той общности родовой территории, которая так была понятна и доступна каждому члену рода и каждым четко осознавалась... Родовая собственность на охотничью территорию была связующим экономическим звеном членов рода, что нашло отражение в почитании родовой горы. Эта связь и породила культ родовых гор, отождествляемых в религиозных представлениях с мифическими предками»[165].

У алтайцев был сильно развит культ или почитание «хозяина» огня, который мыслился алтайцами в образе женщины. Неслучайно хозяина огня и называли «от эне», то есть мать-огонь. Но предметом почитания у алтайцев был не только сам огонь, а также и очаг. Хозяин огня воспринимался как живое существо, обитавшее в очаге. Поэтому его задабривали аракой, кусочками мяса, жира и т. д. Огонь, в представлении алтайцев, служил не только средством очищения от скверны, но и средством защиты от нападений злых духов. Он защищал, якобы, дымоход, чтобы через него не проникли злые духи в жилище. Повсеместно запрещалось плевать в огонь, сыпать мусор или грязь и лить воду. За небрежное отношение к огню «хозяин» огня мог «наказать» провинившегося болезнью рук и глаз.

Кроме хозяина огня, к духам домашнего очага относили духов двери и переднего угла. Наряду с ними, мыслился и еще персональный дух-хранитель каждого человека. Он, по мнению алтайцев, появлялся вместе с зарождением ребенка в утробе матери и охранял его в течение всей жизни. Считалось, что если

ребенок улыбается во сне, то его, якобы, забавляет персональный дух-хранитель — «умай эне». Если ребенок вздрагивал или плакал, то это воспринималось как уход личного духа-хранителя[166].

К категории нечистых духов алтайцы относили тех, которые обитали под землей. Центральное место среди них занимал Эрлик — наиболее грозная, и постоянно угрожавшая благополучию человека, фигура подземного мира[167]. Правда, в последнее время подобное утверждение подвергается критике. Согласно трактовке В. А. Муйтуевой, Эрлик представляется не только злым, но и готовым помогать живым на земле[168]. На это указывает и А. М. Сагалаев[169].

Посредниками между духами и человеком выступали шаманы. У алтайцев они делились на три категории: а) больших, б) средних, в) малых. Первые считались всемогущими, ибо они могли сноситься с духами всех сфер. Вторые — только с земными и подземными силами. Третьи могли совершать лишь только очищение над больным[170].

Шаманом мог стать только избранный верховным божеством (Ульгенем)[171] человек. Шаманский дар передавался по наследству (отец—сын—внук). Каждый шаман имел своего духа-покровителя и духов-помощников. Алтайцы верили во вселение духов в шамана. Во время камлания (обрядовых действий) они со страхом наблюдали «за общением» шамана с духами, верили в его борьбу с ними. Такое впечатление у людей достигалось шаманом посредством пения, соответствующей атрибутикой, иступленными плясками под грохот бубна. Длительные мистерии приводили шамана в состояние экстаза, при котором у него возникали галлюцинации, включавшие и видение духов. Но чтобы окончательно убедить людей в своей силе, власти над духами, ему приходилось прибегать к гипнозу, фокусам, приемам чревовещания и т. п. Все это было довольно-таки непростым делом. Однако одной мистики было недостаточно, нужны были определенный профессионализм, артистизм, способности, чтобы люди всецело верили и доверяли шаману.

За свои услуги он брал плату: деньгами и скотом. Перед камланием, по требованию шамана, в жертву приносились лучшие лошади, коровы и овцы. Крупные и лучшие по качеству куски мяса, шкура жертвенного животного, как правило, становились достоянием шамана. При благополучии в хозяйстве, семье жертвоприношения совершались раз в три года. В жертву обычно приносили лошадь — четырехлетку светлой масти. Болезнь человека, неудачи на промыслах, падеж скота влекли неизбежные камлания и многочисленные жертвоприношения, которые наносили немалый

урон хозяйству рядовых алтайцев. Разоряя ими соплеменников, шаманы в то же время, по-своему, объясняли неравномерность распределения меж ними жизненных благ. По их утверждению, все зависело от частоты и количества приносимой духам жертвы. Частое и многочисленное — обеспечивало богатство и благополучие. И наоборот. Часто и много могли жертвовать только богачи. Потому у них много скота, пастбищ и т. д. Потому им сопутствуют достаток, благополучие, удача. Беднякам с их редкими и скудными жертвоприношениями, утверждали шаманы, нечего рассчитывать на какой-то успех, удачу. Словом, шаманство всячески оправдывало в глазах рядовых алтайцев привилегированное положение в обществе зайсано-байской верхушки, ее богатства, эксплуататорские устремления, завуалированные пережитками родовых отношений[172].

Кроме шаманства, населению Горного Алтая было известно и христианство. Обращение в православие началось еще в XVIII в. Но после упразднения в 1789 и 1799 гг. миссионерских должностей, все обращенные в христианство алтайцы вновь возвратились к шаманству[173].

Однако идея христианизации, введения христианской монархической идеологии не была забыта. В 1830 г. на Алтае была создана духовная миссия, которая и взялась за разрешение этих задач. Чтобы закрепить переход алтайцев в православие, миссионеры стремились изменить быт новокрещенных, перевести их на оседлость, распространить у них земледелие, огородничество и даже обучить грамоте. Но все это делалось не из благородных побуждений, а лишь с целью противопоставить крещенных алтайцев шаманистам, оторвать и изолировать первых от старой бытовой среды, от влияния шаманов и зайсано-байской языческой верхушки[174].

В целях быстрейшего закрепления христианства среди местного населения, миссионеры изучают алтайский язык и переводят на него молитвы и богослужебные книги. В частности, основателем духовной миссии Макарием на алтайский язык были переведены: почти все Евангелие, краткая священная история и катехизис, многие церковные песни и псалмы, вопросы исповеди, краткий лексикон и др. Но неся с их помощью «слово божие», Макарий (в миру Михаил Яковлевич Глухарев — *Н. М.*), по словам исследователя С. К. Носова, помогал новокрещенным и приобщал к новому для них, оседлому образу жизни. Одним он помогал строить избы, другим дарил серпы, третьим помогал организовать огород и выращивать овощи[175].

Большое внимание уделял он распространению грамотности

среди инородцев, особенно среди детей. Его усилиями в 1830 г. в Улале и Майме были открыты школы для мальчиков. Кроме них, была открыта и школа для девочек (в Майме). Обучение в них было бесплатным. В школах преподавались славянская и русская грамота, закон Божий, церковное пение и элементарные правила арифметики. Руководствуясь задачами миссии, все обучение в школах велось в религиозном духе. И тем не менее, эти школы сыграли немаловажную роль, ибо они содействовали появлению у алтайцев письменности на основе русского алфавита[176].

Но деятельность миссионеров отнюдь не сводилась только к просветительству. Они ревностно обращали алтайцев в православие и другими методами. В частности, они заставляли креститься алтайцев при помощи угроз, взятия у них письменного обязательства не обращаться к шаманам, не приносить кровавых жертв скотом и т. д. Макарий даже ввел особый институт «крестных отцов». На него возлагалась ответственность за возвращение новокрещенных к шаманизму. Имела место и практика возбуждения у алтайцев экономической заинтересованности за переход в православие (выдача тканей, оказание материальной помощи, льгот в уплате ясака и некоторых натуральных повинностей)[177].

Однако несмотря на активную деятельность миссионеров, их ухищрения, основной результат миссии был незначителен: христианизация алтайцев носила поверхностный характер. Крещение алтайцев происходило в основном без усвоения главных положений христианства. Крещенные воспринимали лишь внешнюю, обрядовую сторону православия. В своей массе они не имели четкого представления о христианском боге. Они молились и своему богу — Кудаю, и Христу. В ранг бога возводились и святые — в частности, Николай, Пантелеймон и др. Духов и божества своей бывшей религии новокрещенные ставили на ступеньку ниже и подчиняли их православным «богам». Православные и культовые действия и предметы переплетались с действиями и атрибутикой шаманизма[178]. В связи с этим понятны признания священнослужителей о том, что алтайцы «придерживаются своих взглядов, а потому их очень трудно склонить к принятию христианства»[179].

Наряду с шаманизмом и христианством, бытовал у части южных алтайцев и ламаизм — особая тибетская разновидность буддизма. Основным догматом ламаизма служило представление о том, что смысл человеческого существования заключается в безропотном перенесении невзгод и лишений в этой жизни, в надежде на «спасение» в будущем. Возникнув и оформившись в Тибете как идеология тибетских феодалов, ламаизм в XVI—XVII вв. распространился в Монголии. Отсюда он пришел на Алтай.

Появление ламаизма у алтайцев не было случайным явлением. Оно, как указывает А. М. Сагалаев, объясняется соприкосновением культуры алтайцев с буддийским миром[180]. С другой стороны, это был результат официального принятия ламаизма теленгитской знатью в период пребывания алтайцев в составе Джунгарии[181]. О существовании ламаизма на Алтае и ламаизации алтайской знати говорит ряд факторов. Так, в текстах обращении зайсанов Горного Алтая к русским властям в 1756 г. есть указания на то, что они дают клятву верности им «пред бурханы», то есть перед Буддой[182]. В этих же документах, приведенных Г. П. Самаевым, содержатся сведения о наличии лам в алтайском обществе. Например, в ведомстве зайсана Бату-Менко зарегистрировано 3 ламы, в ведомстве зайсана Ургана Жирана — 6 лам[183]. Всего же среди новоподданных, «вышедших в подданство» в районе Семипалатинской крепости, учтены 22 служителя ламаистского культа[184].

Первостепенную роль в спасении людей ламаизм отводит ламам. Без их помощи рядовой верующий, якобы, не в состоянии не только попасть в рай, но и достичь «нирваны» — абсолютного ненарушаемого покоя[185].

Для ламаизма характерны пышное богослужение и театрализованные мистерии, проводимые в данзанах — монастырях, — множество бытовых обрядов, магических приемов и заклинаний, направленных против гнева богов и козней злых духов. Обрядовая сторона на Алтае была более простой, поскольку здесь не было монастырей. Документы XVII—XVIII вв. свидетельствуют лишь о наличии в границах расселения теленгитов нескольких небольших буддийских часовен[186].

Кроме своих основных обязанностей, ламы как и шаманы занимались и врачеванием. Их лечебные методы включали как средства тибетской медицины, так и чтение молитв и заклинаний. Ламы-лекари также зафиксированы переписными документами 1756 г. Так, в ведомстве, уже поминавшегося зайсана Урган Жирана, указан лама — лекарь Келек Аршин[187]. За свой труд ламы взимали плату: деньгами, мясом, материей. И в этом плане они ничем не отличались от других священнослужителей. Была и еще одна черта, которая свойственна всем религиям. Главной добродетелью ламаизм считал беспрекословное повиновение ламам и светским властям. Это учение ламаистов о смирении и непротивлении злу отвечало стремлениям эксплуататоров держать массы в своем подчинении и повиновении, содействовало обману и одурачиванию народных масс в интересах богачей и чиновников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс хозяйственного и культурного освоения Сибири, в том числе и Алтая, занимает в истории России важное место. Приступив в конце XVI — начале XVII вв. к заселению и освоению южносибирских просторов, русские люди должны были не только приспосабливаться к суровым природно-климатическим условиям, но и преодолевать серьезные трудности в организации своего хозяйства и быта в силу низкого уровня производительных сил и производственных отношений у кочевников Алтая. На первых порах новоселам приходилось доставлять из европейской части страны почти все — от зерна и сох, до бумаги и икон. Создавая на юге Сибири пашенное земледелие и развивая ремесло, домашнюю промышленность, промыслы и торговлю, русские люди должны были таким же образом решать задачи организации своего быта и культуры. Поэтому основой всего культурно-исторического процесса у русского населения региона на протяжении первого столетия освоения Алтая являлось приспособление его накопленного исторического опыта и традиций к местным условиям жизни.

К моменту первоначального знакомства русских с кочевниками Алтая, т. е. к началу XVII в., последние не представляли собой единого целого. Они подразделялись на целый ряд племен, родов, управлявшихся представителями алтайской феодализирующейся знати. Наиболее сильным из них являлось племенное объединение телеутов, с которым на рубеже двух веков и пришло в соприкосновение Русское государство.

На протяжении многих столетий малочисленное и этнически пестрое население Алтая неоднократно становилось объектом иноземных агрессий. Ведя посильную борьбу против поработителей, алтайцы не раз пытались найти себе надежного союзника и защитника. Но осуществить свой замысел им никак не удавалось.

В конце XVI — начале XVII вв. в алтайских улусах (землях) установилось относительное спокойствие и затишье. Этому, в известной степени, способствовало стабилизировавшееся к этому времени положение алтайских улусов в системе международных отношений в центрально-азиатском регионе. С другой стороны, это был результат того, что в это время на сопредельных с алтайскими кочевниками территориях не было сильных и воинственно настроенных народов, которые бы пытались подчинить первых своему влиянию. К тому же с наиболее беспокойными из них алтайцев

связывали конфедеративные отношения, нарушить которые соседи все же не решались.

С приходом русских в начале XVII в. в Сибирь, ситуация заметно видоизменяется. Знакомство алтайцев с ними открывает новый период в их истории, во многом предопределивший их дальнейший путь развития.

Закладкой г. Томска в 1604 г. и Кузнецкого острога в 1618 г. московские государи положили начало освоению просторов Северного Алтая, богатых пушным зверем и особенно соболем. Но алтайский соболь, скот, предметы ремесла, природные богатства края прельщали не только русских правителей, но и правителей Джунгарии и государства Алтын-ханов. На политическом горизонте Алтая эти два государства появились почти одновременно с Русским. В начавшемся между ними соперничестве каждая из противоборствующих сторон пытается отхватить себе от алтайского «пирога» кусок побольше и послаще и непременно за счет ущемления интересов своих соперников. В результате этой борьбы обитатели Алтая оказались в незавидном положении: с севера на них надвигались русские, с юга и запада их теснили джунгары и с востока — Алтын-ханы.

В силу сложившихся обстоятельств ни джунгары, ни Алтын-ханы не решаются вступать в открытую войну с русскими за право безраздельного господства на Алтае. Поэтому они избирают другой путь борьбы с русскими: они начинают вести активную антирусскую агитацию, подстрекают алтайскую знать к выступлениям против русских. Русское государство, естественно, реагирует на противодействие джунгаров и Алтын-ханов, но причины внутреннего и внешнеполитического характера также не позволяют ему разом решить вопрос присоединения Алтая в свою пользу. В этой ситуации оно принимает все меры к тому, чтобы добиться от алтайских кочевников хотя бы формального признания их зависимости от русского престола. В аналогичном ключе действуют и соперники Русского государства. В результате этого, территория Алтая оказалась подразделенной на три части. Земли на севере Алтая попали под контроль русских, на юге и западе — под власть джунгаров, на востоке края хозяйничали Алтын-ханы. Господствующее положение каждого в своем районе выражалось в его приоритетном праве сбора ясака-дани с подвластного ему алтайского кочевого населения.

Подчинение русскими территорий, на которых кочевали алтайские племена, происходило как мирным путем, так и с помощью оружия. Вооруженные конфликты между русскими служилыми людьми и алтайцами имели место, главным образом, в первой по-

ловине XVII в., когда позиции Русского государства в южно-сибирском регионе были непрочными, а потому алтайцы не видели еще в нем силу, которая способна была бы внести стабильность в политическую ситуацию на Алтае, нейтрализовать претензии других государств, в частности Джунгарии и Алтын-ханов, на алтайские земли.

Но основную ставку при «приискании» новых земель русское правительство делало все же на мирный путь. И в этом деле заметную роль сыграла русско-алтайская торговля. Начавшись на заре XVII в. со спорадических натуральных обменов между русскими людьми и алтайскими кочевниками, она приобретает к концу столетия постоянный характер, внеся тем самым свой вклад в налаживание русско-алтайских мирных отношений, подготовивших в конечном итоге почву для добровольного принятия алтайцами русского подданства.

Но чтобы прийти к принятию такого решения, алтайцам потребовалось свыше 150 лет. Этот продолжительный в хронологическом плане период русско-алтайских взаимоотношений, завершившийся вышеозначенным историческим актом, можно условно подразделить на три этапа. Первый, вобравший в себя весь XVII в., характеризовался установлением сибирскими воеводами контактов с главами алтайских кочевых племен и более или менее регулярными посольствами на уровне уездной администрации. В течение его зарегистрировано 24 посольства, снаряженных томскими и кузнецкими воеводами к алтайским князьям и 10 ответных, в том числе, одно в Москву.

Второй этап русско-алтайских отношений включает время с начала XVIII в. и до его 40-х гг. В результате ухудшения русско-джунгарских отношений, в данный период нарушаются все те связи, которые были установлены между русским и кочевым алтайским населением в XVII в. Былое добрососедство, вследствие вмешательства джунгарских феодалов во внутриполитическую жизнь алтайских племен, сменилось на недоверие и враждебность между русскими и кочевниками Алтая. В этой ситуации местная сибирская администрация прилагает максимум усилий для того, чтобы урегулировать с алтайскими кочевниками возникшие проблемы и наладить с ними мирные отношения и деловые контакты.

Княжеские междоусобицы, вспыхнувшие в Джунгарии после смерти Галдана Церена в 1745 г., и начавшаяся затем джунгаро-китайская война открыли третий этап в истории русско-алтайских отношений. Хронологически он непродолжителен. Им охвачено время с 40-х и до середины 50-х гг. XVIII в. Но по характеру событий, вобранных им в себя, их значимости, особенно по конеч-

ному результату, (в 50-х гг. XVIII в. основная масса алтайцев приняла русское подданство), он занял особое место в истории русско-алтайских отношений. К тому же ему были присущи определенные черты, которые отличали его от предыдущих этапов русско-алтайских отношений. Если на первых двух инициаторами установления дружеских контактов были томские и кузнецкие воеводы (представители Русского государства), то на последнем этапе — роли поменялись. Разгром Джунгарии и угроза физического истребления войсками Цинской империи понудили алтайских князей с подвластными им людьми искать защиты у России. Учитывая сложившуюся ситуацию, в которую попали алтайцы, а также их многочисленные ходатайства о приеме в российское подданство, поступившие в различные инстанции, правительство санкционирует в начале мая 1756 г. прием алтайцев в российское подданство.

Вхождение алтайцев в состав России явилось событием огромной исторической важности. Оно вывело их из весьма опасного внешнеполитического положения, чреватого не только тем, что алтайцы могли попасть под более тяжелый и жестокий гнет иноземных поработителей, но и тем, что над ними нависла реальная угроза их полного физического уничтожения Цинами. Другой же альтернативы у них не было, поскольку самостоятельный путь развития исключался по той простой причине, что алтайские племена были малочисленны, политически и экономически отсталыми и о создании собственного государства не могло быть и речи.

Конечно, они могли принять и китайское подданство. Но пребывание под властью маньчжурской династии лишило бы алтайцев непосредственного контакта с китайским народом, имевшим большие культурные достижения. Они имели бы возможность контактировать лишь со сборщиками дани, обязанности которых могли исполнять подвластные китайцам монгольские феодалы. Монголы же на данном этапе находились почти на том же уровне общественно-экономического развития, что и алтайцы и дать полезного для исторического развития последним, разумеется, не могли.

Поэтому ориентация алтайцев на Россию не была случайной. Способствовали этому и достаточно широкие торговые, культурные и хозяйственные контакты алтайских кочевников с русскими людьми, зародившиеся еще задолго до вхождения первых в состав России. Словом, хозяйственно-экономическое и культурное тяготение алтайцев к последней, ее трудовому народу явилось определяющим моментом в выборе ими пути своего дальнейшего развития.

С принятием алтайцами российского протектората, у них прекратились внутренние междоусобицы, оказывавшие пагубное влияние как на хозяйственно-экономическую, так и на их культурную жизнь. С другой стороны, шаг, предпринятый ими в середине 50-х гг. XVIII в., позволил алтайцам обрести в лице русского народа не только надежного защитника, но и бескорыстного помощника в развитии своей экономики и культуры, ибо он и его страна, в составе которой им предстояло отныне жить, значительно превосходила по уровню своего развития и Джунгарию, и Китай. которые также претендовали на право господства над Алтаем и его населением.

Включение алтайцев в состав экономически и культурно развитого Российского государства благотворно сказалось на развитии производительных сил у них. Их развитие пошло значительно быстрее. Подъем в их развитии особенно стал заметен во второй половине XIX в. и был он всецело связан с развитием капиталистических отношений в алтайском регионе. Наиболее зримо это просматривалось в основной отрасли края — сельском хозяйстве — и выражалось в усиленной его интенсификации. Под влиянием развивавшихся капиталистических отношений скотоводческое хозяйство алтайцев все больше теряло свою замкнутость, утрачивало черты натурального, все больше приобретая характер товарного обращения. Это неизбежно вело его к интенсификации: к увеличению поголовья овец, крупного рогатого скота, как наиболее товарных видов скота и к сокращению поголовья табунных гулевых лошадей.

Войдя в состав России, алтайцы стали значительно теснее связаны с хозяйственной и культурной жизнью страны. Особенно укрепляются эти связи во второй половине XIX в., в эпоху капиталистического развития России. Капитализм явился той силой, которая стягивала и объединяла в единое целое разрозненные между собой хозяйственные районы, разрушая их обособленность. Втягиваясь в орбиту капиталистического производства и обращения, Алтай постепенно превращается в поставщика дешевого сельскохозяйственного сырья.

Наконец, прогрессивная значимость вхождения алтайцев в состав России, состояла еще и в том, что оно вывело их из состояния вековой изолированности и включило их в общий поток мировой истории.

Однако это благотворное влияние России, ее народа на алтайцев сказалось далеко не сразу. В течение первых десятилетий после вхождения в их кочевом обществе продолжали бытовать все те же экономические, социальные и культурные черты, которые

были ему присущи до присоединения. Вершителями судеб в нем оставались зайсаны и баи, которых поддерживало русское феодальное государство. Непосредственные производители материальных благ — рядовые алтайцы — несли все те же повинности, правда, с той лишь разницей, что платить теперь надо было и «туземному» эксплуататору, и «феодальному» государству. Не претерпела существенных изменений и фискальная политика последнего. Единственным ее отличием явилось лишь то, что теперь ясак из дани превратился в налог (натурой, а позднее деньгами), взимавшийся с земли, номинальным собственником которой стало Русское государство.

Последующие годы заметно преобразили Горный Алтай. Природные богатства, огромные площади свободных земель, слабая заселенность края породили, несмотря на запреты властей, переселения русских крестьян «в калмыцкие стойбища». Сначала это были старожилы Алтая, а после отмены крепостного права сюда устремились крестьяне не только внутренних районов Алтая и сибирских губерний, но и из Европейской России. Благодаря переселениям, резко возросло население края, число населенных пунктов, расширился ареал распространения земледелия и это при том, что большинство районов Горного Алтая находилось в климатических зонах рискованного хлебопашества. Словом, переселения существенно изменили хозяйственный и культурный облик края, ибо переселенец, приходя на новое место, приносил с собою свою культуру хозяйствования, орудия труда, производственный опыт, умения, навыки и т. д. Селясь рядом с алтайцами, а подчас и в одном с ними улусе, он, конечно же, не мог не оказывать влияния на развитие их хозяйственной и культурной жизни. В процессе повседневного общения с русскими соседями ускорился переход кочевников-алтайцев к оседлому образу жизни, от скотоводства, охоты — к земледелию. От русских крестьян усвоили алтайцы более прогрессивные формы и приемы ведения хозяйства. В области земледелия они заимствовали от соседей сельскохозяйственную технику, крестьянские методы обработки земли. Все это позволило алтайцам значительно расширить к концу XIX в. свои посевные площади.

Но несмотря на преобразования, алтайскому земледелию все же не удалось до конца избавиться от оков прошлого. Оно так и не смогло полностью изжить экстенсивность. По-прежнему значительная часть используемой пашни находилась под паром и залежью. До конца XIX в. основными земледельческими орудиями оставались соха, борона, коса, серп. Признаки, присущие «феодальной собственности», сохранило и кабинетское землевладение.

Один из них — неопределенность границ и размеров последнего. Она заключалась не столько в длительном отсутствии межевания на Алтае и «приблизительности» сведений о земельных угодиях, сколько в двух более существенных обстоятельствах. Во-первых, корона извлекала доходы не от эксплуатации собственно земли, а от эксплуатации зависимого населения, в том числе и ясачных алтайцев. Во-вторых, права Кабинета на землю и ее недра представляли отдельные самостоятельные «регалии», и в каждый данный момент никто не мог сказать, где кончаются земли «единственного владения и распоряжения Кабинета» и начинаются земли других собственников (казны, «инородцев» и др.).

Барьеры прошлого тормозили развитие и скотоводства, особенно «инородческого». При отсутствии ветеринарной помощи оно повсеместно страдало от массовых эпизоотий и экстенсивной (пастбищной) системы хозяйствования. Но и в этой отрасли алтайского хозяйства, благодаря переселенцам, произошли заметные изменения. Алтайцы заимствовали от русских соседей стойловое содержание скота, постройку утепленных хлевов, заготовку сена на зиму. Позаимствовали они при этом и орудия, необходимые для заготовки последнего — косы, грабли, вилы и др. К концу XIX в. в некоторых, преимущественно зажиточных, хозяйствах появились и стали применяться сенокосилки и конные грабли.

Видоизменило эту отрасль и проникновение в нее рыночных отношений. В ней, равно как и в земледелии, начинает складываться торговая специализация на производство масла, мяса (зерновых — в земледелии). С учетом этого, а также климатических условий крестьяне (русские и алтайцы) определяют оптимальный состав культур, отдавая предпочтение наиболее товарным — пшенице, овсу и ячменю, а в скотоводстве — молочным животным.

Под влиянием русских крестьян появилось у алтайцев и огородничество. К концу XIX в. в их хозяйствах выращивались картофель, лук, огурцы, капуста и другие овощи. В таежных местностях развивалось пчеловодство, также заимствованное алтайцами у русских соседей.

Однако заимствования алтайцев не ограничивались только областью сельского хозяйства, а распространялись и на ремесла. В результате постоянного и тесного общения с русским населением алтайцы заимствовали от последнего и некоторые кустарные ремесла, в частности, гончарное, кузнечное, столярное дело, изготовление саней, телег, дуг, колес и т. д. От русских были заимствованы и средства передвижения: сани, телеги и упряжки лошадей.

Охотно усваивали алтайцы элементы прогрессивной русской культуры не только в области хозяйственной жизни, но и в до-

машнем быту. От русских соседей они позаимствовали строительство жилых домов, надворных построек: амбаров, навесов, скотных дворов, сараев и т. д. Во второй половине XIX в. юрта, бывшая в условиях кочевого быта основным видом зимнего и летнего жилища алтайцев, начинает постепенно вытесняться деревянной срубной избой, построенной по крестьянскому образцу. Юрта в качестве жилища продолжает существовать лишь в тех районах, население которых продолжало заниматься преимущественно скотоводством и вести полукочевой образ жизни.

От русских же крестьян переняли алтайцы и некоторые способы приготовления пищи, например, печение хлеба, жарение, засолку овощей и т. п., усвоили санитарно-гигиенические навыки: стирку белья, мытье посуды, уборку жилищ, мытье в бане и др. Заимствование этих навыков, естественно, способствовало повышению их культурного уровня.

Но говоря о благотворном влиянии русских крестьян на алтайцев, следует отметить, что это был не односторонний процесс. Это было взаимное культурное воздействие. К примеру, многие русские люди, совместно проживавшие с алтайцами, быстро овладевали разговорным языком соседей, не забывая научить последних своему. Такое двуязычие было распространено почти повсеместно и содействовало еще более тесному общению русских и алтайцев. Немало полезнего для себя извлекли первые из хозяйственной жизни алтайцев. В частности, русские крестьяне позаимствовали у алтайцев многие приемы охоты на зверя, промысел поиска меда диких пчел, собирания и употребления в пищу целого ряда диких съедобных растений. Охотно взяли на вооружение русские промысловики алтайские лыжи, подбитые камусом. По душе пришлась русским крестьянам алтайская меховая обувь, алтайские шапки и многое другое.

Преобразование сельского хозяйства, промыслов и быта алтайцев сказалось и на развитии торговли. Из разъездной, характерной ранним этапам русско-алтайских отношений, она во второй половине XIX в. все больше превращается в стационарную. Появились и активизировали свою деятельность базары и ярмарки. Достаточно быстро растут в это время Бийск, Улала, Майма, Алтайское, Онгудай и другие населенные пункты, специализировавшиеся на торговле скотом, хлебом, салом, шерстью и другими продуктами сельского хозяйства. Однако емкость внутреннего рынка была еще крайне низкой, поскольку натуральное хозяйство по-прежнему продолжало играть довольно значительную роль. Проникновение в него товарно-денежных отношений и их дальнейшее развитие видоизменяло и алтайское общество. Оно все

больше расслаивалось, выделяя на одном полюсе зажиточную верхушку, а на другом — бедноту. Присвоение первой и государством большей части прибавочного продукта вело к ухудшению материального положения алтайцев. Не лучше было оно и у русских крестьян, ибо господствующий класс России угнетал и эксплуатировал трудящиеся массы, не взирая на их национальность. По своей тяжести налоги, взыскивавшиеся с крестьян и «инородцев» Алтая, были почти одинаковыми. К концу XIX в. даже формы их обложения начали унифицироваться правительством.

Развитие капитализма вглубь и вширь обусловило неодинаковый уровень экономических отношений в различных районах Горного Алтая. В полосе близкой к Чуйскому, Уймонскому и Канскому трактам большой удельный вес занимали капиталистически развитые отношения, которые переплетались с кабалой крестьян (русских и алтайцев) с небольшими остатками патриархальщины. В отдаленных от дорог местах преобладало мелкотоварное производство, зависимое от торгово-ростовщического капитала, при больших остатках патриархальщины и зачатках развитого капитализма. В малодоступных таежных и горных районах сохранялось полунатуральное хозяйство. Но и оно уже начинало втягиваться в капиталистические отношения. Последние оказывали преобладающее влияние на все формы хозяйства.

Крестьяне (русские и алтайцы) чутко реагировали на окружавшую их действительность, по-своему осмысливали процессы и события, высказывая критическое отношение к действиям местных властей, землеустройству, состоянию народного образования, здравоохранению. Их общественному сознанию и настроениям как мелких собственников была присуща противоречивость: с одной стороны, ненависть к эксплуататорам, с другой — царистские иллюзии, надежды на «помощь» администрации.

Значительным явлением в жизни Алтая в рассматриваемое время явилось установление здесь государственности. Само коренное население края, естественно, не могло создать предпосылок для ее формирования. Эту функцию выполнило за него Российское государство, подчинив алтайцев и пришлое русское население установленным в нем государственным порядкам. Во всех осуществляемых переменах по управлению данным краем оно неизменно следовало за переменами в управлении страной в целом, допуская на местах лишь незначительные корректировки. Выполняя свою основную функцию — обеспечение интересов господствующего класса (русского и национального) — эта государственная власть осуществляла угнетение трудящихся масс независимо от их национальной принадлежности. Прежняя же палитра была

свойственна и картине социальных отношений. Как и раньше, на одном ее полюсе блистал русский господствующий класс и сблизившаяся с ним зайсано-байская верхушка алтайского кочевого общества, а на другом «серели» трудящиеся массы — русские крестьяне и рядовые алтайцы.

В аналогичном ключе развивалась и «классовая» борьба, носившая самые различные формы: от пассивного уклонения взноса ренты и бегства до открытых выступлений (например, стачка на Быстрянском золотом прииске в 1894 г.). Все эти формы были характерны для борьбы и русского, и алтайского населения.

Смягчить противоречия, возникавшие между господствующим классом и эксплуатируемым населением края, в известной степени, пыталось ведомство православной церкви в лице Алтайской духовной миссии. Правда, на начальном этапе своей деятельности ей больше была присуща просветительская работа. Миссионеры во главе с Макарием Глухаревым немало сделали для того, чтобы сблизить алтайцев с русским населением, познакомить первых с духовной и материальной культурой русского народа. К сожалению, в действиях его последователей просветительство просматривалось уже меньше. Во второй половине XIX в. миссия решала главным образом свои специфические задачи и выступала активным проводником официальной идеологии.

Важным следствием отмеченных выше явлений и итогом русско-алтайских отношений явилось развитие культуры. Политика царизма, как известно, не способствовала развитию культуры «инородцев», но она была не в состоянии задержать этот объективный процесс, значительно активизировавшийся с зарождением и дальнейшим развитием капиталистических отношений в национальных районах, в том числе и в Горном Алтае.

Алтайцы издавна были шаманистами. Основу их религиозных представлений составляла вера в духов, которые населяли небесную, земную и подземную сферы. Посредником между духами и человеком считался шаман. Путем камлания он испрашивал у духов благополучия для человека, получая за это соответствующую плату.

Наряду с шаманизмом, бытовало на Алтае и христианство. Его распространение среди алтайцев связано с деятельностью Алтайской духовной миссии, возникшей в крае в 1830 г. Однако распространилось оно нешироко и не смогло оторвать алтайцев от шаманизма.

Знали алтайцы и ламаизм, особенно проживавшие на юге края и соприкасавшиеся с монгольским населением. Но его появление связано не только с простым соприкосновением, но и приня-

тием частью теленгитской знати ламаизма в тот период, когда она находилась под властью джунгарских феодалов.

Изменения, происшедшие с развитием в крае капиталистических начал, не могли не отразиться на культуре алтайцев, начавшие постепенно осознавать необходимость просвещения. Школьное дело в Горном Алтае с самого начала было связано с деятельностью Алтайской духовной миссии. Первую миссионерскую школу она открыла в Улале в 1830 г. Во второй половине XIX в. школы использовались миссией как средство «обрусения инородцев» в духе «православно-русской цивилизации».

В начале 70-х гг. в миссионерских школах края стала широко применяться система русского педагога-миссионера Н. И. Ильминского, основывавшаяся на обращении в христианство алтайцев с помощью родного языка. Ее внедрение облегчило обучение грамоте и «усвоение инородцами» русского языка.

В деревнях со смешанным населением миссия вела обучение и на русском, и на алтайском языках. Так возникли школы смешанного типа (Мыютинская, Малочергинская, Эликманарская, Чемальская, Аносская, Кебезенская, Ыныргинская, Турачакская и др.).

Наряду с алтайскими, смешанными были и школы, где обучение велось только на русском языке. Они функционировали в русских деревнях и содержались на средства сельского общества и попечителей. Таковыми были Шебалинская, Чергинская, Камлакская и другие школы. Работали они беспрограммно и бесконтрольно. Деятельность таких школ, работа их учителей (в большинстве своем случайных людей) совершенно не беспокоили Алтайскую духовную миссию.

Несмотря на расширение сети школ в Горном Алтае, уровень грамотности среди алтайцев был по-прежнему низок. К 1917 г. число грамотных не превышало 6%. Среди кочевого населения грамотность не достигала и 2%.

Не лучше обстояло дело и в области здравоохранения. Подавляющее большинство алтайцев не имело и понятия о медицине. Основным и массовым методом лечения было обращение к шаманам. Диагностика и лечебные сеансы последних ограничивались принесением умилостивительной жертвы духам.

Отсутствие в крае медицинских учреждений и профессиональных кадров оказывало пагубное влияние на здоровье людей, особенно детей. Смертность среди грудных младенцов достигала почти 40%. Эпидемии чумы, холеры, оспы, тифа были частым явлением в крае и уносили тысячи жизней. Лишь только высокая рождаемость (47%) спасала аборигенов от вымирания.

Медицинские нужды русских крестьян Горного Алтая удовлетворялись главным образом народной медициной, соединившей в себе рациональное и иррациональное, связанное с религией. Среди них бытовали представления о причинах болезни как божьем попущении или наказания за грехи, с которыми нет смысла бороться. Предупредительную роль от болезней и напастей люди приписывали крестному знамению, молитвам, заговорам, чудотворным иконам и т. д.

При лечении болезней естественного происхождения — простуда, надсада и др. — крестьяне прибегали к использованию лекарственных растений, бани и других народных средств. В них нашли свое воплощение богатейший народный опыт, практическая сметка, наблюдательность и пытливость людей.

С давних пор среди населения Горного Алтая бытовали произведения устного народного творчества. Передаваясь из поколения в поколение, героические сказания, легенды, былины, песни, пословицы и поговорки становились своего рода устными летописями. Наибольшее развитие получили героические сказания и бытовые песни. В них наряду с описанием природы, быта нашли отражение сложность общественных отношений, антагонизм богатых и неимущих, борьба воззрений, будучи источником знаний и мудрых изречений, обычного права и морально-этических норм, фольклорные произведения служили также и средством воспитания молодежи.

С зарождением в первой половине XIX в. алтайской письменности появились и первые литературные произведения. Создателем их был алтайский писатель и просветитель М. В. Чевалков. Широкую известность у читателей получили его рассказы «Разговор русского петуха с алтайским филином» (о шарлатанстве алтайских шаманов), «Зверолов и пахарь» (рассуждения о преимуществах земледелия перед охотничьим промыслом), «Спорчая с водкой» (о вреде пьянства) и автобиографическое произведение «Памятное завещание». Многое им было сделано для того, чтобы познакомить своих соплеменников с творчеством великого русского баснописца И. А. Крылова. Под влиянием его творчества М. В. Чевалков и сам стал писать басни на сюжеты, понятные алтайским читателям. Все это имело неоценимое значение для развития духовной культуры и просвещения алтайского народа, ибо в мир его представлений вошли литературные образы взятые непосредственно из жизни.

Широкое распространение получило у алтайцев декоративно-прикладное искусство. Особенно славился национальный орнамент. Им украшали жилища, одежду, обувь, посуду, охотничьи

принадлежности, предметы быта. Но профессионального изобразительного искусства не было у алтайцев вплоть до конца XIX в. На рубеже двух веков появляется и оно. Его рождение было связано с именем Г. И. Гуркина, ученика известного русского пейзажиста И. И. Шишкина. Любя свой край, он всецело посвятил ему свое творчество. Широкую известность получили его картины «Ледоход», «Катунь весной», «Хан-Алтай», «Озеро горных духов» и др. Они неоднократно экспонировались во многих сибирских городах, а в 1903 г. были показаны на выставке Товарищества художников в Москве и Петербурге.

С Алтаем было связано и творчество композитора А. В. Анохина, исследовавшего музыкальное искусство алтайцев, их музыкальные инструменты. Благодаря его усилиям и подвижничеству песенное музыкальное творчество алтайцев, с присущим ему самобытным характером и интонациями, не кануло в лету. Оно дошло до нас. В авторских произведениях, созданных на его основе (песни «Катунь», «Алтын-Кёль» и др.), звучит широкая напевная алтайская мелодия, выражены национальный колорит и неповторимая красота Горного Алтая.

В заключение следует отметить исключительную роль русской науки в накоплении знаний о Горном Алтае и его населении в рассматриваемое время. Начиная с первого десятилетия XVII в. когда русские впервые встретились с алтайскими кочевниками, а затем побывали на их земле, они, преодолевая немалые трудности, интенсивно исследовали природу, историю и экономику Горного Алтая. По исследовательской стезе, проложенной первопроходцами, пошли в дальнейшем их последователи, добившиеся немалых успехов. Справедливости ради, следует отметить, что последние были бы невозможны, если бы русским дореволюционным путешественникам и ученым не помогали простые алтайские кочевники и русские крестьяне. Они сообщали исследователям интересные сведения о географии своего края, хозяйственных занятиях и истории его населения, передавали им важные наблюдения, сделанные старожилами. Без использования знаний, накопленных самим алтайским народом на протяжении многих столетий, невозможно было бы успешное изучение Горного Алтая.

Таким образом, в процессе исторического развития сложились прочные экономические, культурные и семейно-бытовые связи русского и алтайского народов. Именно на этой основе развивались отношения добрососедства и трудового сотрудничества, зародились и формировались в дальнейшем градиции русско-алтайской дружбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

1. **Суразаков С. С.** Алтайский героический эпос. М. 1985, с. 10.

2. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. М—Л. 1953, с. 5—7; Баскаков Н. А. Алтайский язык. М. 1958, с. 67—68; Тадыев П. Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. // Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. 6, 1964, с. 3.

3. **Самойлович А. Н.** Казаки Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области, Сб. «Казаки», Изд. Акад. Наук СССР, Л. 1930; Демидов В. А. К социализму, минуя капитализм, Новосибирск, 1970, с. 6; Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII—XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России, Горно-Алтайск, 1991, с. 38.

4. Акты исторические, 1647—1676, т. I—V. СПб, 184—1843; Дополнения к актам историческим, т. I—XII, СПб, 1846—1875. Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 1, 1700—1713, СПб, 1882; кн. 2, 1713—1724, СПб, 1885; Материалы для истории Сибири, Чтения в обществе истории и древностей российских, 1866, кн. 2—4; 1867, кн. 1—2; 1868, кн. 2.

5. Материалы для изучения эконнмического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири, вып. I—XV, СПб. 1887—1892; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе), вып. I—III, Барнаул, 1897—1900; Материалы по переселению в Алтайский округ в 1882—1892 гг.

6. Обзор Томской губернии за 1895 г. Томск, 1896; Краткий статистический обзор состояния Западной Сибири с 1874 по 1878 г. Б. м., б. г.; Обзор деятельности округа за пятилетие (1911—1915), Барнаул, 1914.

7. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, СПб, 1903; СПб, 1904. Томская губерния.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. 79, Томская губерния, СПб, 1904; Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., Томск, 1927.

9. Сибирские летописи. //(Изд. Археограф. комиссии. 1907.

10. **Бичурин Н. И.** Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетния до настоящего времени, СПб, 1834.

11. Сборник князя Хилкова, СПб, 1879.

12. Путешествия русских послов в XVI—XVII вв., М—Л. 1954; Полное собрание ученых путешественников по России, т. VI, СПб, 1824.

13. Русская историческая библиотека (РИБ), т. II—III, СПб, 1875.

14. Памятное завещание. Горно-Алтайск, 1990.

15. Полное собрание законов Российской империи, т. I—X, СПб, 1830.

16. **Гмелин И. Г.** Путешествие по Сибири. В 4 т. Геттинген, 1751—1752.

17. **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. I, М—Л. 1937; т. II, М—Л. 1941.

18. **Фишер И. Э.** Сибирская история... СПб, 1774.

19. **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. III, ч. II, М. 1955, с. 55.

20. **Паллас П. С.** Путешествие по разным местам Российского государства, ч. II, кн. 2, СПб, 1786.

21. **Георги И. Г.** Описание всех в Российском государстве, обитающих народов... СПб. 1776.

22. Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI, СПб, 1824.

23. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, М—Л, 1953, с. 26.

24. **Карпенко З. Г.** Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1861 гг. Новосибирск, 1963.

25. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб, 1882.

26. **Бахрушин С. В.** Ясак в Сибири, XVII в. Научные труды, т III ч. II, М. 1955; Романов Н. С. Ясак в Якутии в XVIII в., Якутск, 1956; Залкинд Е. М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII — первой половине XIX в., Сб. «Сибирь периода феодализма», вып. 2, Новосибирск, 1965.

27. **Павлов П. Н.** Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. // Сб. «Сибирь периода феодализма», вып. I. Новосибирск, 1962.

28. **Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири с XVII в. М. 1960.

29. **Семевский В. И.** Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I, СПб, 1898, с. VII.

30. Фонды Воинской экспедиции Военной коллегии, Главного штаба, Департамента Генерального штаба ЦГВИА впервые описаны Г. П. Самаевым. См. Горный Алтай в XVII — середине XIX в..., с. 17.

31. **Анохин Д. Н.** К истории ознакомления Сибири до Ермака. М. 1890.

32. Сочинение было составлено для служебного пользования.

33. **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири XVII в. М. 1940, с. 105.

34. **Титов А.** Сибирь в XVII в. М. 1890.

35. Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского и его путевой дневник за 1722—1724 гг. СПб. 1887.

36. **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. III, ч. II, с. 32—38; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. первый, XVII в. М—Л. 1960. с. 96—149; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М. 1965. с. 195—201.

37. **Фишер И. Э.** Сибирская история, СПб, 1774.

38. **Гельмерсен П. А.** Телецкое озеро и телеуты восточного Алтая. // Горный журнал, ч. I, кн. I, СПб, 1840, с. 55—60; Андриевич В. К. История Сибири, ч. I, СПб, 1889, с. 97—98; Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа, Томск, 1890, с. 3.

39. **Шашков С.** Рабство в Сибири. // Дело, № 3, с. 5—15.

40. Землеведение Карла Риттера, т. 4. Составлен П. П. Семеновым и Г. П. Потаниным. СПб, 1877. с. 367—371

41. **Самаев Г. П.** Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991, с. 5—6.

42. Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, Барнаул, 1900, с. 133—134.

43. **Горохов А. М.** Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков. // Журнал Министерства внутренних дел, ч. 38, № 11, 1840; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. 1032—1882. Иркутск. 1883; Михайлович А. Русская колонизация горного округа Алтая, Тобольск, 1896; Сапожников В. В. Пути по русскому Алтаю, Томск, 1912.

44. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 6.

45. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 28.

46. Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г. Томск, 1916, с. 59.

47. **Спасский Г. И.** Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. // Сибирский вестник. ч. 3—4, 1823; Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М. 1893; Гельмерсен П. А. Указ. соч. (см. выше).

48. **Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири. СПб, 1838.

49. **Швецов С. П.** Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, Барнаул, 1900, с. 90—127.

50. **Вербицкий В. И.** Указ. соч.; Радлов В. В. Из Сибири. М. 1989.

51. **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. 3, ч. I, СПб, 1788; Фальк И. П. Записки путешествия, СПб, 1824; Лепехин И. И. Дневные записки путешествия, т. I, СПб, 1795; Ледебур К., Бунге А., Мейер К. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской киргизской степи в 1826 году, т. I—II, Новосибирск, 1963. (Рукописный перевод с немецкого В. В. Завалишина); Шуровский Г. Геологическое путешествие по Алтаю с историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах, М., 1846.

52. **Словцов П.** Историческое обозрение Сибири, СПб, 1838; Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях сибирского ведомства, СПб, 1857.

53. **Гагемейстр Ю. А.** Статистическое обозрение Сибири, СПб, 1854.

54. **Ядринцев Н. М.** Положение переселенцев в Сибири, Томск, 1881; он же: Сибирь как колония, СПб, 1882; Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. II, Томская губерния, М., 1865; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, СПб, 1903; т. II, СПб, 1901; Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае. // Алтайский сборник, Томск, 1894; Голубев П. Горное дело и хозяйство Кабинета. // В кн. Алтай. Томск, 1890; он же: Землевладение на Алтае. // Юридический вестник, 1892, № 2; он же: Сибирская жизнь и положение переселенцев на Алтае // Юридический вестник, 1892, № 5—6; Из истории горнозаводского дела на Алтае, // В кн. Алтайский сборник, т. VI, Барнаул, 1907; Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа, СПб, 1896; Швецов С. П. Материалы по обследованию арендного хозяйства в Алтайском округе, т. I, Барнаул, 1896; он же: Горный Алтай, Томск, 1901; Штильке В. Землевладение и земледелие в Алтайском горном округе. // Сибирский листок, 1891, № 20, 21; Чудновский Л. С. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк), Иркутск, 1889; Сущинский П. Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае, СПб, 1898; Михайлов К. П. Крепостничество в Сибири (страницы из истории инородческой и крестьянской неволи). // В кн. Сибирский сборник, кн. I, СПб, 1886; Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири, СПб, 1910; Головачев П. М. Сибирь в Екатерининской комиссии, М. 1889; он же: Экономическая география Сибири, М. 1914; Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, СПб, 1883.

55. **Швецов С. П.** Форма крестьянского землевладения на Алтае. // Сибирский листок, 1894, № 62—64; он же: Формы общинного владения на Алтае. // В кн. Труды юридического общества, т. 3, М. 1894; Чудновский Л. С. Алтайская поземельная община. // Северный вестник, 1888, № 9—11.

56. **Сталин И.** Сочинения, т. 5, с. 40—41.

57. **Токарев С. А.** Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л. 1936; Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1943.

58. **Бахрушин С. В.** Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М. 1946; Сафронов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в., Якутск, 1956; Устюгов Н. В. К истории русской колонизации южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, Таллин, 1959.

59. **Устюгов Н. В.** Основные черты русской колонизации южного Зауралья в XVII в. // Сборник материалов Сибирской конференции, Новосибирск, 1961; Александров В. А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края. // Сибирь периода феодализма, вып. 1, Новосибирск, 1962 и др.

60. **Сагалаев А. М.** Алтай в зеркале мифов, Новосибирск, 1992, с. 5—6.
61. **Потапов Л. П.** Пережитки культа медведя у алтайских турок. // Этнограф-исследователь, № 2—3, 1928; он же: Охотничьи обряды и поверья у алтайских турок. // Культура и письменность Востока, кн. V, Баку, 1929; он же: Исторический путь Ойротии. // Советская этнография, № 5—6, 1932; он же: Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933; он же: Лук и стрела в шаманстве алтайцев. // Советская этнография, № 3, 1934; он же: Следы тотемических представлений у алтайцев. // Советская этнография, № 4—5, 1934; он же: Разложение родового строя у племен Северного Алтая, Л. 1935; он же: Очерки по истории Шории, М—Л. 1936; он же: Возрожденный народ, Новосибирск, 1942; он же: Культ гор на Алтае. // Советская этнография, № 2, 1946; он же: Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период. // Известия Всесоюзного географического общества, т. 78, вып. 2, 1946; он же: Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. // Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. I, М—Л. 1947.
62. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, М—Л. 1953.
63. **Уманский А. П.** Телеуты и русские в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980, с. 50; Самаев Г. П. Указ. соч. с. 46.
64. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 1.
65. Там же, с. 48—51.
66. **Сатлаев Ф. А.** История Горного Алтая требует переосмысливания. // Звезда Алтая, 10 сентября 1992.
67. **Потапов Л. П.** Этнический состав и происхождение алтайцев, Л. 1969; он же: К истории освоения русскими Красноярского края в XVIII в. // Русское население Приморья и Сибири, М. 1973; он же: Алтайский шаманизм, Л. 1990.
68. **Тадыев П. Е.** Поворотный пункт в истории Горного Алтая. // В сб. «Великая дружба», Горно-Алтайск, 1956.
69. **Тадыев П. Е.** Указ. соч. с. 20.
70. Там же, с. 29.
71. Там же, с. 26.
72. **Булыгин Ю. С.** Присоединение Верхнего Приобья к России и его заселение русским крестьянством в XVIII в. (Дис. канд. ист. наук), Томск, 1965.
73. **Уманский А. П.** Телеуты и русские в XVII—XVIII вв., Новосибирск, 1980.
74. Там же, с. 8.
75. Публикации автора приводятся далее.
76. **Моисеев В. А.** Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в., М. 1982.
77. Там же, с. 77.
78. **Самаев Г. П.** Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России, Горно-Алтайск. 1991.
79. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, М—Л. 1953.
80. **Владимиров В. Н.** Социально-экономическое развитие южных алтайцев в составе России (1756—1861). Дис. канд. инст. наук, Барнаул, 1984.
81. **Сатлаев Ф. А.** Горный Алтай в составе России (Материалы по истории Горного Алтая в помощь учителю средней школы), Горно-Алтайск, 1991.
82. **Алексеенко В. Н.** Из истории присоединения Южного Алтая и верховьев Иртыша к России. // Записки Усть-Каменогорского пединститута, вып. 2, Усть-Каменогорск, 1959.
83. **Аполлова Н. Г.** Присоединение Казахстана к России, Алма-Ата, 1948; она же: Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М. 1960; она же: Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XVII в. М. 1976.
84. **Залкинд Е. М.** Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
85. **Златкин И. Я.** История Джунгарского ханства, М. 1964.

86. **Дулов В. И.** Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. 1956.

87. **Иванов В. Н.** Социально-экономические отношения у якутов, Якутск, 1966.

88. **Копкоев К. Г.** Присоединение Хакасии к России. Дис. канд. ист. наук, Абакан, 1965.

89. **Шастина Н. П.** Русско-монгольские посольские отношения. XVII в. М. 1958.

90. **Булыгин Ю. С.** Первые крестьяне на Алтае, Барнаул, 1974.

91. **Жеравина А. Н.** Освоение русским крестьянством кабинетских земель на Алтае (2-я половина XVIII в.). // Вопросы истории Сибири, вып. 1, Томск, 1965.

92. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, М—Л. 1953.

93. **Модоров Н. С.** Горный Алтай в пореформенный период, Горно-Алтайск, 1990; он же: История и культура Горкого Алтая (учебное пособие), Горно-Алтайск, 1992.

94. **Сатлаев Ф. А.** Колонизация предгорного Алтая в первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода, Новосибирск, 1973. В дальнейшем эта статья вошла параграфом в его книгу «Кумандинцы» (Горно-Алтайск, 1974).

95. **Чудновский Л. С.** Переселенческое дело на Алтае, Иркутск, 1889; Голубев Н. Сибирская жизнь и положение переселенцев на Алтае. // Юридический вестник, 1892, № 5—6; Швецов С. П. Форма крестьянского землевладения на Алтае. // Сибирский листок, 1894, № 62—64; Переселения в Алтайский округ, Барнаул, 1912; Томилова Н. К. Переселения крестьян в Алтайский округ (1865—1899). // Вопросы истории Сибири, вып. 3, Томск, 1967; Прудникова Т. П. Земельная политика казны и Кабинета в Западной Сибири в 60—90-х гг. XIX в. // В кн. Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967; Сухотина Л. Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (по материалам Томской губернии). // Вопросы истории Сибири, вып. 2, Томск, 1965; Модоров Н. С. Из истории освоения предгорного и Горного Алтая в 60—90 гг. XIX в. русскими крестьянами. // Вопросы истории Горного Алтая, вып. I, Горно-Алтайск, 1979; он же: Горный Алтай в пореформенный период, Горно-Алтайск, 1990; Сатлаев Ф. А. Земельная политика царизма в Горном Алтае в пореформенный период (1861—1913). // Проблемы истории Горного Алтая, Горно-Алтайск, 1987.

96. **Савельев Н. Я.** Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае, Барнаул, 1950; Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае, Томск, 1972; Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период, Горно-Алтайск, 1990.

97. Сибирская советская энциклопедия 1929 г. определяла кабинетские земли как частную собственность царской фамилии (т. II, стлб, 416). Большая советская энциклопедия 1953 г. — как земли, которые «вместе с удельными землями составляли царскую собственность». (БСЭ, т. 19, с. 234). Советская историческая энциклопедия 1965 г. — как «собственность царской фамилии, находившуюся в управлении Кабинета» (т. 6, стлб, 752).

98. **Жидков Г. П.** Кабинетское землевлад. (1747—1917). Новосибирск, 1973.

99. История Сибири, т. 3, Л. 1968.

100. **Горюшкин Л. М.** Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, Новосибирск. 1963; его же: Источники, по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири, Новосибирск, 1968; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября, Иркутск, 1966; Алтай в эпоху капитализма, Барнаул, 1968; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917), Новосибирск, 1973; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма, Новосибирск, 1983 (Разделы о крестьянстве Горного Алтая написаны нами — **Н. М.**).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

1. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. М—Л., 1953, с. 166; Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980, с. 35; Модоров Н. С. У истоков дружбы. Горно-Алтайск, 1989, с. 5.
2. **Златкин И. Я.** История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 3.
3. **Модоров Н. С.** У истоков дружбы Горно-Алтайск, 1989, с 7.
4. Российский государственный архив древних актов, ф. 126, оп. 1, стлб. 1, л. 10 (далее — РГАДА).
5. **Шастина Н. П.** Русско-монгольские посольские отношения в XVII в. М., 1958, с. 20—24.
6. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 8.
7. Русская историческая библиотека, т. II, СПб, 1875, с. 47 (далее — РИБ).
8. Томск в XVII в. Материалы по истории города, СПб, б/д, с. 19.
9. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 32.
10. РГАДА, ф. 214, стлб. 673, л. 48.
11. Там же, кн. 11, лл. 479—489; Уманский А. П. Указ. соч. с. 35; Модоров Н. С. Указ. соч. с. 5.
12. **Модоров Н. С.** Русско-алтайские отношения в XVII—XVIII вв. (Кандид. диссер.). М., 1969, с. 116.
13. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 35.
14. **Миллер Г. Ф.** История Сибири. М—Л. 1937, прилож. 66, с. 427.
15. Архив Российской Академии Наук, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 13—16 (далее — АРАН); Миллер Г. Указ. соч. прилож. 66, с. 424—425; Модоров Н. С. У истоков дружбы, с. 6.
16. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 16.
17. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 36.
18. **Буцинский П. Н.** Заселение Сибири и быт ея первых насельников. Харьков, 1889, с. 26.
19. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 16.
20. **Уманский А. П.** Телеуты и енисейские киргизы в XVII в. // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974, с. 45—47.
21. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 35.
22. **Радлов В.** Из Сибири. Лейпциг, 1893, с. 173 (переводы Ф. А. Сатлаева).
23. **Уманский А. П.** Телеуты и русские.., с. 40.
24. **Рагозин Н. Е.** Завоевание и освоение Западной Сибири (очерк). // Записки Новосибирского пединститута, 1946, вып. 1, с. 23.
25. **Фишер И. Е.** Сибирская история, с самого открытия Сибири до завоевания сей земли русским оружием. СПб, 1774, с. 320.
26. АРАН, ф. 21. оп. 4, д. 17, лл. 89, 108.
27. Там же, л. 115.
28. РГАДА, ф. 214, стлб. 10, лл. 63—74.
29. **Радлов В.** Указ. соч. с. 174.
30. **Миллер Г.** Указ. соч. т. II, прилож. 285, с. 375—377.
31. РГАДА, ф. 214. стлб. 40, лл. 328, 333, 493 и др.; Уманский А. П. Русские и телеуты..., с. 53.
32. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 210—214.
33. РГАДА, ф. 214. стлб. 40, лл. 327—328.
34. Там же, лл. 332—337.
35. Там же, стлб. 49, лл. 236—239.
36. Там же, стлб, 40, лл. 499—500.

37. Там же, стлб. 49, лл. 181—182.
38. Там же, л. 181.
39. **Радлов В.** Указ. соч. с. 175.
40. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 62.
41. РГАДА, ф. 214, стлб. 377, лл. 165—168.
42. Там же, стлб. 252, лл. 125—129.
43. Там же, л. 135.
44. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 509—509 об.
45. РГАДА, ф. 214, стлб. 252, лл. 190—191.
46. Там же, стлб. 393, лл. 10, 20—21.
47. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 75—79.
48. РГАДА, ф. 214, стлб. 393, лл 10—25.
49. Там же, лл. 5—7.
50. Там же, лл. 75—77.
51. Там же, лл. 86—91.
52. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 7, лл. 535—537.
53. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 80—81.
54. Кыштым-данник, зависимый человек.
55. Алман — дань; алманные акции — сбор дани.
56. **Миллер Г. Ф.** Указ. соч. т. II, прилож. 472, с. 534—535; Уманский А. П. Указ. соч. с. 82.
57. РГАДА, ф. 214, стлб. 446, лл. 217—219; АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 75.
58. РГАДА, ф. 214, стлб. 1567, л. 265; АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 75. л. 22—23.
59. РГАДА, ф. 214, стлб. 1567, л. 264; АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 75—75об.
60. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 27—30.
61. Там же, л. 30.
62. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 92.
63. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 19—20; Модоров Н. С. У истоков дружбы, с. 18.
64. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 60—61.
65. Там же, лл. 62—64.
66. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 96; АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 47—49:
67. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 68—69; РГАДА, ф. 214, стлб. 1567, лл. 243—261.
68. Там же.
69. РГАДА, ф. 214, стлб. 1567, лл. 263—266.
70. Там же, л. 266.
71. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 76—77; РГАДА, ф. 214, стлб. 1567, л. 26.
72. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 104.
73. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 146, 245—246; Фишер И. Е. Указ. соч. с. 460.
74. **Златкин И. Я.** Указ. соч. с. 215, 220.
75. Там же, с. 229—230.
76. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 245—245 об; Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. // Сб.: Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956, с. 9.
77. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 131.
78. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 218—219, 244—245.
79. Там же, лл. 244—247.
80. Там же, л. 245 об.
81. Там же, лл. 252—262.
82. Там же, л. 262.

83. Там же, л. 263—265.
84. Там же, л. 265.
85. Там же, л. 338.
86. Там же, лл. 338—339.
87. Там же, лл. 335—336.
88. Там же, лл. 335—338.
89. Там же, л. 370.
90. Там же, лл. 338—339.
91. Там же, лл. 339—343.
92. Там же.
93. Там же, л. 378.
94. РГАДА, ф. 214, стлб. 1071, часть III, лл. 22—24.
95. Там же, часть II, лл. 31—32.
96. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 406—407.
97. РГАДА, ф. 214, стлб. 1071, ч. II, л. 31.
98. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 407—408.
99. Там же, лл. 407—408; Государственный Исторический Музей, отдел письменных источников, ф. 443, оп. 1, д. 30, лл. 9—10 (далее — ГИМ, ОПИ); АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 407—408.
100. РГАДА, ф. 199, портфель 478, ч. III, д. 12, лл. 1—3.
101. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 437—437 об; Уманский А. П. Указ. соч. с. 157—158.
102. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 433—435.
103. Там же, лл. 435—436.
104. РГАДА, ф. 199, портфель 478, ч. III, д. 32, л. 2.
105. Там же, лл. 6—7.
106. **Модоров Н. С.** У истоков дружбы, с. 28.
107. РГАДА, ф. 199, портфель 478, ч. III, д. 32, лл. 8—10.
108. Там же, ф. 214, кн. 1354, л. 281.
109. Там же, л. 281.
110. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 181; Тадыев П. Е. Поворотный пункт, с. 30; Уманский А. П. Телеуты и русские... с. 31; Модоров Н. С. У истоков дружбы, с. 28.
111. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 167.
112. **Бахрушин С. В.** Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М. 1928, с. 169—170; Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири в XVI в. М. 1958, с. 93—94; Александров В. А. Начало хозяйственного освоения и присоединения северной части Енисейского края, Сибирь XVII—XVIII вв., Новосибирск, 1962, с. 9.
113. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 169.
114. АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 150, л. 1.
115. Там же, лл. 73—74.
116. Там же, оп. 4, д. 18, лл. 527—528.
117. Там же, д. 19, лл. 48—51.
118. Там же, л. 54.
119. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1961, л. 24.
120. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 172.
121. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1961, л. 1.
122. Там же, ф. 1134, оп. 1, д. 1, л. 3.
123. Там же, ф. 214, оп. 5, д. 1008, лл. 19—20.
124. Там же, д. 1962, лл. 4—5.
125. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 19, лл. 48—51; оп. 5, д. 150, лл. 73—74.
126. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1961, лл. 9—10.
127. Там же, лл. 9—10.

128. АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 150, лл. 73—74.
129. Там же, оп. 4, д. 19, лл. 51—52.
130. Потапов А. П. Указ. соч. с. 172.
131. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 78.
132. РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 58.
133. Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I, СПб, 1882, с. 522.
134. РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 57.
135. Там же, л. 59; Памятники сибирской истории, с. 321—322.
136. **Потапов А. П.** Указ. соч. с. 172.
137. Памятники сибирской истории, с. 309—312.
138. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 180; РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 8
139. РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 51.
140. Там же, л. 33.
141. Там же, л. 62.
142. Там же, л. 52.
143. **Златкин И. Я.** Указ. соч. с. 344—346.
144. РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 8, л. 11.
145. Там же, л. 16.
146. Там же, л. 28.
147. Там же, л. 53.
148. **Уманский А. П.** Указ. соч. с. 183.
149. РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 8, л. 32.
150. Там же, лл. 38—39.
151. Там же, л. 42, ф. 199, портфель 481, ч. 4, д. 1, л. 155. Архив филиала Института рооссийской истории РАН в г. Санкт-Петербурге, коллекция 226, оп. 1, д. 334, л. 136 (далее — АФИРИ).
152. РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 9, л. 13.
153. Памятники сибирской истории, кн. 2, СПб, 1885, с. 183.
154. **Златкин И. Я.** Указ. соч. с. 347—348.
155. Архив внешней политики России, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 11 (далее — АВПР).
156. **Златкин И. Я.** Указ. соч. с. 354.
157. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 2, л. 21.
158. Там же, д. 6, л. 1.
159. **Кафенгауз Б. Б.** История хозяйства Демидовых, т. I, М—Л. 1949, с. 86—157; Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири. Новосибирск, 1963, с. 39—48, 55.
160. РГАДА, ф. 248, кн. 725, л. 382.
161. Там же, л. 24.
162. Там же, л. 21.
163. Там же, л. 36.
164. Там же, лл. 38—39.
165. Там же, л. 46.
166. **Модоров Н. С.** У истоков дружбы, с. 41.
167. **Златкин И. Я.** Указ. соч. с. 383—384.
168. РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 29, л. 2.
169. Там же, лл. 2—5.
170. **Тадыев П. Е.** Указ. соч. с. 13.
171. Материалы по истории Сибири. М. 1867, с. 17.
172. Государственный архив Алтайского края, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 329 (далее — ГААК); Моисеев В. А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М. 1983, с. 52.
173. ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 363.
174. **Моисеев В. А.** Указ. соч. с. 6.

175. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 1, лл. 44; Самаев Г. П. Указ. соч. с. 104; Моисеев В. А. Указ. соч. с. 53.
176. **Златкин И. Я.** Указ. соч. с. 439.
177. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 44 об.
178. Башлык — глава волости у северных алтайцев.
179. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 5—6; Моисеев В. А. Указ. соч. с. 60—61:
180. Там же, д. 1, л. 69 об.
181. **Копкоев К. Г.** Присоединение Хакасии к России. Абакан, 1965, с. 15.
182. **Моисеев В. А.** Указ. соч. с. 55.
183. Шашков С. Рабство в Сибири. // Дело, кн. 3, 1869, с. 47.
184. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 106.
185. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 21.
186. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 106.
187. Там же, с. 108.
188. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 108—108 об.
189. **Моисеев В. А.** Ошибочно называет Омбо предводителем отряда.
190. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 108.
191. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 23 об—24.
192. Там же, с. 67.
193. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 113—114.
194. РГАДА, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 537, лл. 1—3; Моисеев В. А. Указ. соч. с. 71.
195. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 117.
196. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 169—171.
197. Там же, л. 213.
198. Там же, л. 217.
199. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 119.
200. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 170.
201. **Моисеев В. А.** Указ. соч. с. 72.
202. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 360.
203. Там же, л. 326 об.
204. Там же, лл. 218—220.
205. Там же, л. 283.
206. Там же, л. 214; Государственный архив Омской области, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 199 (далее — ГАОО).
207. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 295; Тадыев П. Е. Указ. соч. с. 27; Моисеев В. А. Указ. соч. с. 92.
208. **Тадыев П. Е.** Указ. соч. с. 30.
209. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 121.
210. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 490—499.
211. Четверик — старинная русская мера сыпучих тел, равная 26,2 л.
212 АВПР, ф. 113, оп. 1, л. 334.
213. Там же, д. 3, л. 80.
214. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 123.
215. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 341.
216. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 181—182; Уманский А. П. Указ. соч. с: 291:
217. Путешествия русских послов в XVI—XVII вв., М—Л. 1954, с. 7.
218. Там же, с. 100, 387.
219. Там же, с. 227.
220. **Олеарий Адам.** Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб, 1906, с. 64—67.
221. Путешествия... послов, с. 254, 428.
222. Сын боярский — низший чин среди «служилых отечеству людей». Лицо, несшее военную и административную службу в государстве.

223. Подъячий — канцелярский служащий в приказах, в местных государственных учреждениях Русского государства в XVI—XVIII вв.
224. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 434.
225. РГАДА, ф. 214, стлб. 393, л. 10.
226. Съезжая изба (приказная) — канцелярия воеводы.
227. Олеарий..., Указ. соч. с. 16—17, 46—48, 123.
228. Путешествия... послов, с. 7, 100—156.
229. В конце 50-х — начале 60-х гг. XVII в. в Москве побывали представители «белых калмыков» Балык и Качканак Кожановы. (См. РГАДА, ф. 214, стлб. 623, ч. 1, л. 622).
230. Олеарий..., Указ. соч. с. 143—144.
231. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 217, л. 535 об.
232. Там же, лл. 535—536.
233. Там же. л. 537.
234. **Новосельский А. А.** Земский собор 1639 г. // Исторические записки, т. 24, М. 1947, с. 19—20.
235. Путешествия... послов, с. 257.
236. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 27—30.
237. Там же, д. 18, л. 60.
238. Там же, л. 61.
239. Там же, л. 62.
240. Там же, л. 68.
241. Там же, л. 73.
242. Там же, лл. 67—68.
243. Там же, л. 76.
244. **Белокуров С. А.** О посольском приказе, М. 1906, с. 69.
245. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 77.
246. **Уманский А. П.** Телеуты и русские.., с. 110. Модоров Н. С. У истоков дружбы, с. 53.
247. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 77. О практике содержания послов на территории другого государства свидетельствует русский посол Иван Унковский. «Контайшею, — писал он, — прислано послам для пропитания муки пшеничной — 40 мешков, круп просяных — 10 мешков, баранов — 50, козлов— 50». Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Рабдану.. Ивана Унковского.., с. 39, 96, 101, 147.
248. **Новосельский А. А.** Земский собор, с. 19—23; он же: Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., М. 1948, с. 271—272.
249. РГАДА, ф. 214, стлб. 623, ч. 1, л. 179.
250. Там же, лл. 183—184.
251. Там же, лл. 188—190.
252. Там же, л. 191.
253. Там же, лл. 336—337.
254. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 341—343.
255. Там же, лл. 433—436.
256. Там же, лл. 436—443.
257. Там же.

ГЛАВА II

1. **Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. 1960, с. 617; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л. 1968, с. 61.
2. **Руденко С. И.** Культура населения Алтая в скифское время. М—Л.

1953, с. 70; он же: Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М—Л. 1960, с. 190—193.

4. **Левшин А. И.** Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб, 1832, с. 196—198; Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, с. 558.

3. **Радлов В. В.** Из Сибири. М. 1989, с. 145, 152—153.

5. Российский государственный архив древних актов, ф. 214, стлб, 623, ч. I, л. 116 (далее — РГАДА).

6. **Спасский Гр.** Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. // Сибирский вестник, ч. III и IV, 1819, с. 6.

7. Подобные ситуации были характерны не только для Горного Алтая, но и для соседних территорий: Хакасии, Тувы. См. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. 1956, с. 66.

8. **Радлов В. В.** Указ. соч. с. 145.

9. Архив внешней политики России, ф. 113, оп. 1, д. 44, лл. 460—474 (далее — АВПР).

10. **Радлов В. В.** Указ. соч. с. 145—146.

11. Там же, с. 284.

12. Там же, с. 272.

13. **Дулов В. И.** Указ. соч. с. 61—62.

14. **Руденко С. И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время, с. 190—193; РГАДА, ф. 126, оп. 1, д. 44, л. 44; ф. 214, стлб. 49, лл. 236—239 и др.; Малчы-Мерген. Ойрот-Тура, 1947, с. 17 и др.

15. **Самаев Г. П.** Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991, с. 38.

16. Там же, с. 38.

17. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 2, л. 117—122 об.

18. Там же, д. 4, лл. 425, 428.

19. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 39.

20. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 475. (Процент выведен нами — **Н. М.**)

21. **Радлов В. В.** Указ. соч., с. 275; Малчы-Мерген..., с. 17, 29 и др.; Руденко **С. И.** Указ. соч. с. 196.

22. **Георги И. Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб, 1776, с. 161.

23. **Руденко С. И.** Указ. соч. с. 198.

24. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 452, 460.

25. Русская историческая библиотека, СПб, 1875, ч. II, № 85.

26. РГАДА, ф. 214, стлб. 623, ч. 1, л. 339; АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 6, л. 3.

27. Государственный архив Алтайского края, ф. 1, оп. 2, д. 141, л. 605 (далее — ГААК).

28. Там же, ф. 169, оп. 1, д. 209, лл. 9—10.

29. **Руденко С. И.** Указ. соч. с. 192—194; Киселев С. В. Древняя история южной Сибири. М. 1951, с. 511.

30. Научная библиотека Томского государственного университета, рукописный отдел, архив Г. Н. Потанина, оп. 1, д. 20, лл. 2, 4, 16, 18 (далее — НБТГУ РО); Героические сказания. Горно-Алтайск, 1961, с. 115 и др.

31. РГАДА, ф. 214, кн. 1036, лл. 62—70, 87—92; ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 58; **Фишер** И. Е. Сибирская история, СПб, 1774, с. 441.

32. Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607—1636 гг. М. 1959, с. 25—26; РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1584, лл. 526—527.

33. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. М—Л. 1953, с. 219; Архив филиала Института российской истории РАН в г. Санкт-Петербурге. Материалы В. Н. Татищева по описанию Сибири XVIII века, оп. 1, д. 344, л. 144 (далее — АФИРИ, коллекция 226).

34. РГАДА, ф. 214, кн. 71, лл. 21—24, 31—35; кн. 466, лл. 479—486, 505—506, 508—511 и др.

35. Об орудиях лова см. Потапов Л. П. Указ. соч.; Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974; ПавловВ. Н. Пушной промысел в Сибири. Новосибирск, 1970.

36. РГАДА, ф. 214, стлб. 446, лл. 1, 100.

37. Там же, л. 100.

38. Государственный архив Омской области, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 386 (далее — ГАОО).

39. РГАДА, ф. 214, кн. 71, лл. 21—24.

40. **Залкинд Е. М.** Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII — первой половине XIX века. // Сб. Сибирь периода феодализма, вып. 2, Новосибирск, 1965, с. 238.

41. РГАДА, ф. 214, кн. 1593, лл. 13, 36.

42. Сборник князя Хилкова. СПб, 1879, с. 193.

43. Государственный исторический музей, отдел письменных источников, ф. 443, оп. 1, д. 25, л. 28 (далее — ГИМ, ОПИ).

44. Первое полное собрание законов Российской империи, СПб, 1830, т. X, № 7461, с. 368—369 (далее — ПСЗ).

45. **Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири, СПб, 1886, кн. I, с. 3.

46. **Руденко С. И.** Указ. соч. с. 363. Таблицы: X, X и др.

47. РГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 311.

48. Там же, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 32; ф. 214, кн. 1137, лл. 55—61.

49. **Руденко С. И.** Указ. соч. с. 204.

50. РГАДА, ф. 214, кн. 1137, лл. 42—48.

51. Там же, кн. 1352, л. 64.

52. **Колчин Б. А.** Техника обработки металла в древней Руси. М., 1953, с. 23.

53. **Георги И. Г.** Указ. соч. с. 168.

54. **Потапов Л. П.** Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933, с. 28.

55. **Колчин Б. А.** Указ соч. с. 66.

56. РГАДА, ф. 214, кн. 426, лл. 62—63.

57. Там же, ф. 248, оп. 133, д. 1584, лл. 412—418.

58. Там же, ф. 214. стлб. 513, лл. 133—134.

59. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев..., с. 167.

60. РГАДА, ср. 248, оп. 113, д. 1607, л. 64.

61. Там же, д. 1584, лл. 412—418.

62. Там же, д. 751, лл. 1—2.

63. ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 141, л. 69.

64. Там же, л. 68.

65. **Словцов П. А.** Указ. соч. кн. 1, с. 234.

66. Керсагальцы кочевали по среднему течению Бии и низовьям реки Клык.

67. Архив Российской Академии Наук, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 161 (далее — АРАН).

68. Там же, л. 199.

69. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 3.

70. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 200.

71. Там же, лл. 217—219.

72. РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1584, лл. 412—413.

73. **Бичурин Н. Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, М. 1950, с. 351.

74. **Залкинд Е. М.** Указ. соч. с. 172.

75. РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1584, л. 526.

76. Там же, лл. 530—532.

77. **Головачев П. М.** Очерк заселения Сибири в XVI—XVII столетиях, СПб, 1906, с. 42.

78. В реестре Кузнецкой канцелярии за 1721 год показано, что 35 телеутских юрт находились от деревни Константиновой в 200 саженях, а от деревни Весниной — в 3 верстах. (См. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 24).

79. ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 204, лл. 9—10, 17 и др.

80. **Георги И. Г.** Указ. соч. т. 1, с. 60.

81. **Миллер Г. Ф.** Описание Сибирского царства. СПб. 1750, с. 122—123.

82. **Голстунский К. Ф.** Монголо-ойротские законы 1640 г. СПб, 1880, с. 39—40.

83. РГАДА, ф. 126, стлб, 1, л. 16; Копкоев К. Г. Присоединение Хакасии к России. Кандида. диссертация, Абакан, 1965, с. 61.

84. **Оглоблин Н. Н.** Обозрение столбцов Сибирского приказа, ч. 1, М 895, с. 199.

85. **Копкоев К. Г.** Указ. соч. с. 61—62; Дулов В. И. Указ. соч. с. 259—260.

86. **Маркс К.** Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, с. 24.

87. **Токарев С. А.** Докапиталистические пережитки в Ойротии Л., 1936, с. 59.

88. РГАДА, ф. 214, стлб. 252, лл. 125, 131 и др.

89. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 43.

90. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. 1, СПб, 1866, с. 113.

91. АВПР, ф. 113, оп. 113, д. 2, лл. 42—96.

92. **Леонтович Ф. И.** Древний монголо-ойратский или монгольский статус взысканий. Одесса, 1875, с. 57.

93. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 297.

94. АВПР, ф. 113, оп. 1, лл. 398, 417.

95. Там же, л. 169.

96. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 299.

97. **Модоров Н. С.** Русско-алтайские отношения в XVII—XVIII вв. Канд. диссертация, М. 1969, с. 111—112.

98. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 43.

99. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 304.

100. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 45; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, М. 1957, с. 9.

101. **Потапов Л. П.,** Ядринцев Н. М. считали, что попытки распространения ламаизма среди алтайцев успеха не имели. (См. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев..., с. 130; Ядринцев Н. М. Алтай и его инородческое царство. // Исторический вестник, т. XX, 1885, с. 641.

102. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 46—47.

103. **Кызласов Л. Р.** К этимологии термина «кыштым» русских документов в XVII веке. // Ученые записки Хакасского НИЯЛИ, вып. VIII, 1960, с. 184.

104. РГАДА, ф. 214, стлб. 702, лл. 48, 77, 85 и др.

105. **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, с. 261.

106. РГАДА, ф. 199, портфель № 478, с. 3, д. 32, л. 10.

107. Там же, ф. 248, оп. 113, д. 1607, л. 539.

108. Там же, ф. 214, стлб. 1971, ч. 1, л. 186.

109. Там же.

110. Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарией и Бухарией в XVIII столетии. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1868, кн. 11, с. 60.

111. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 398—399.

112. Там же, лл. 451—452.

113. РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 213, лл. 1—8.

114. Материалы по истории русско-монгольских отношений, с. 134—141.
115. **Модоров Н. С.** Русско-алтайские отношения в XVII—XVIII веках. Кандидатская диссертация, М. 1969, с. 103.
116. О родстве Коки и Мачика говорит донесение о набеге алтайцев на Томский уезд, а «водил воров Кокин и Мачиков племянник Матага» (см. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 48—52).
117. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 6.
118. Там же, лл. 47—48.
119. Там же, лл. 72—73.
120. **Долгих Б. О.** Указ. соч. с. 115.
121. РГАДА, ф. 214, стлб. 252, л. 128.
122. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 341—343.
123. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 77—78.
124. Там же, л. 301; ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 886, лл. 8—11.
125. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 149, 62, 169 и др.

ГЛАВА III

1. **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях иностранных путешественников. Иркутск, 1941, с. 105.
2. Грустинцы и серпоновцы, по предположению Лерберга и В. Карцова, жили в районе Томска. (См. Очерки истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937, с. 18).
3. **Алексеев М. П.** Указ. соч. с. 155.
4. Архив Российской Академии Наук, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 16 (далее — АРАН).
5. Материалы по истории русско-монгольских отношений. М. 1959, с. 34—35.
6. Там же, с. 39.
7. Там же, с. 131—132.
8. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 15.
9. Там же, лл. 210—214.
10. Государственный исторический музей, отдел письменных источников, ф. 443, оп. 1, д. 6, лл. 66—66 об (далее — ГИМ ОПИ).
11. Российский государственный архив древних актов, ф. 214, стлб. 333, лл. 15, 17 (далее — РГАДА).
12. Там же, стлб. 1567, л. 260.
13. Там же, ф. 126, стлб. 1, л. 1.
14. Архив филиала Института российской истории РАН в г. Санкт-Петербурге, ф. 246, оп. 1, д. 42, лл. 1—3 (далее — АФИРИ).
15. Акты исторические, т. IV, СПб, с. 541—542.
16. РГАДА, ф. 214, стлб. 446, лл. 1, 100.
17. Там же, ф. 199, портфель 478, ч. III, д. 32, л. 10.
18. Там же, ф. 1134, оп. 1, д. 3, л. 4.
19. Там же, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 919, л. 44.
20. Там же, л. 5.
21. Там же, л. 11.
22. Там же, ф. 248, оп. 113, д. 313, лл. 41, 45, 46.
23. Там же, д. 213, л. 25.
24. Там же, д. 1607, лл. 17, 26.
25. Там же, лл. 41—42.
26. Там же, л. 301.
27. Там же, лл. 469—470.
28. Там же, л. 538.
29. Там же, л. 582.

30. **Лященко П. И.** История народного хозяйства СССР, 1956, т. I, с. 278.
31. Полное собрание законов Российской империи, т. X, с. 368.
32. В начале XVII в. ясак взимался лошадьми, другими видами скота.
33. Сибирские летописи. СПб, 1907, с. 319—321.
34. Дополнения к Актам историческим, т. II, СПб, 1846, с. 162 (далее — ДАИ).
35. ГИМ ОПИ, ф. 443, оп. 1, д. 25, л. 22.
36. **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. II—IV. М. 1955, с. 50.
37. **Вербицкий В. И.** Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии. Православный благовестник, 1866, с. 313—314.
38. РГАДА, ф. 214, стлб. 43, л. 83.
39. Материалы по истории русско-монгольских отношений, с. 77.
40. Сборник князя Хилкова, с. 193—194.
41. РГАДА, ф. 214, стлб. 403, л. 231.
42. **Фишер И.** Сибирская история. СПб, 1774. с. 457.
43. **Потапов Л .П.** Очерки по истории алтайцев, М—Л. 1953, с. 170.
44. Сборник князя Хилкова, с. 193—194.
45. РГАДА, ф. 214. стлб. 74. л. 225.
46. Там же, стлб. 252. лл. 127—128.
47. Там же, ф. 199. Портфель № 478, ч. III, д. 12, л. 4.
48. Там же, ф. 214, кн. 57, л. 476.
49. Там же, л. 476—477: Модоров Н. С. Русско-алтайские отношения, с. 209.
50. РГАДА, ф. 214, кн. 57, л. 476; Бахрушин С. В. Указ. соч. с. 58—59.
51. Русская историческая библиотека, т. VIII, 1884, с. 474—475 (далее — РИБ): Потапов Л. П. Указ. соч. с. 168.
52. РИБ, с. 536—537.
53. **Фишер И.** Сибирская история, СПб, 1774, с. 457; РГАДА, ф. 214, кн. 271, л. 215.
54. РГАДА, ф. 214, кн. 271, л. 215.
55. **Бахрушин С. В.** Указ. соч. с. 49—50.
56. РГАДА, ф. 214, стлб. 337, л. 25.
57. Деление по хронологии весьма условно, ибо обе формы могли и сосуществовать.
58. **Потанин Г. Н.** Материалы по истории Сибири. Чтения... 1866, кн. 4, с. 96.
59. РГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 3.
60. **Бахрушин С. В.** Указ. соч. с. 65.
61. РГАДА, ф. 214, кн. 150, лл. 1080, 1129 и др.
62. Там же, кн. 1, л. 4.
63. Там же, кн. 1422, л. 198.
64. Недособоль — молодой соболь с негустой шерстью.
65. Кошлок — молодой бобр.
66. РГАДА, ф. 214, кн. 19, лл. 813—815. 820—822 (подсчет наш — **Н. М.**).
67. Примечание: 1 недособоль равнялся 1 соболю: 5 хвостов соболь-их=1 соболю; 1 кошлок=2 соболя; 1 лиса=2 или 3 соболя (см. РГАДА, ф. 214. кн. 19. л. 813—822).
68. **Иванов В. Н.** Социально-экономические отношения у якутов в XVII в. Якутск. 1966. с. 63—64.
69. **Залкинд Е. М.** Ясачная политика в Бурятии в XVIII — первой половине XIX в. // «Сибирь периода феодализма», вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 236—237.
70. **Буцинский П. Н.** Заселение Сибири и быт ея первых насельников. Харьков. 1889. с. 312—313.
71. РГАДА, ф. 214, кн. 71, лл. 21, 31—33; кн. 95, лл. 1107—1110.
72. **Потапов Л. П.** Очерки истории Шории. М—Л. 1936, с. 198.
73. РГАДА, ф. 214, кн. 360, лл. 199—211.

74. Там же, кн. 414, лл. 65—70; кн. 426, лл. 52—63.
75. Там же, кн. 414, лл. 65—70.
76. Там же, кн. 426, лл. 52—63; кн. 414, лл. 65—70; кн. 426, лл. 82—87.
77. Там же, кн. 71, лл. 21—24, 31—36; кн. 426, лл. 82—92.
78. АИ, т. IV, с. 369; Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск, 1990, с. 97.
79. РГАДА, ф. 214, кн. 426, лл. 87—90.
80. РГАДА, ф. 214, кн. 426, лл. 90—92.
81. Там же.
82. Там же, кн. 414, лл. 95—107.
83. **Залкинд Е. М.** Ясачная политика... в Бурятии, с. 238.
84. РГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 9, л. 10.
85. АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 150, л. 1.
86. Там же, оп. 4, д. 19, л. 52.
87. Там же, оп. 5, д. 150, лл. 73—74.
88. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 2, лл. 51—53.
89. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 19, лл. 3—10 (подсчет наш — **Н. М.**).
90. Это волости: Кызылдаева, Каргачина, Байгульская, Мало-Байгульская, две Чулымские, Елейская, Тагапская и Борсояцкая. (См. ГПБ РО. Приходная книга поминков и ясака Томского города, 1689 г,, ф. IV, д. 312, лл. 35—44; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев..., с. 172).
91. ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 4, лл. 107—110.
92. АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 78.
93. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 186; АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 6, л. 3.
94. РГАДА, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 91, лл. 21, 24.
95. Там же, ф. 248, оп. 113, д. 584, л. 5.
96. Там же, д. 213, лл. 57—58.
97. **Златкин Е. М.** История Джунгарского ханства, с. 383—384.
98. Весной 1744 года был распространен слух о ликвидации Усть-Каменогорской крепости. (См. Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. // Сб. «Великая дружба», Горно-Алтайск, 1956, с. 13).
99. АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 62; д. 6, л. 149, 169 и др.
100. АФРИ, ф. 36, оп. 1, д. 523, л. 27.
101. Там же, л. 31.
102. Там же, л. 32.
103. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге. Сибирский комитет, оп. 1, д. 477, л. 68 (далее — РГИА, ф. 1264).
104. РГАДА, ф. 516, оп. 1, ч. 1, д. 746,, л. 68.
105. Там же, л. 1.
106. Там же, л. 46.
107. АФРИ, ф. 36. оп. 1, д. 528, л. 27.
108. РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 746, лл. 4—5.
109. Там же, лл. 58—59, 66.
110. Там же, л. 62.
111. Там же, лл. 95, 106.
112. Там же, л. 61.
113. **Залкинд Е. М.** Ясачная политика в Бурятии, с. 241; АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 150, л. 69.
114. **Потапов Л. П.** Очерки по истории Шории, с. 192.
115. РГАДА, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 746, л. 121.
116. ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 886, лл. 427—428 (по Итеберской волости оклад приведен по обоим улусам: Когодееву и Алтысову).
117. **Залкинд Е. М.** Присоединение Бурятии, с. 195.

118. Там же, с. 195.
119. ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 403, л. 11.
120. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 19, лл. 4—10.
121. Там же, д. 854, л. 251.
122. **Потапов Л. П.** Очерк истории Ойротии, с. 61.
123. АВПР, ф. 113, ооп. 1, д. 4, л. 537.
124. **Шунков В. И.** Некоторые проблемы истории Сибири. // Вопросы истории. 1963, № 10, с. 69.
125. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М. 1959, с. 511.
126. **Преображенский А. А.** Сибирь в кривом зеркале господина Э. Хельцле. В кн. «Критика буржуазной концепции истории России периода феодализма». М. 1962, с. 298.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

1. **Самаев Г. П.** Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991, с. 151—154.
2. **Сычевский.** Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846 г. М. 1875, с. 183.
3. АВПР, ф. 130, оп. 2, д. 2, лл. 209—217.
4. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897). СПб, 1897, с. 109.
5. Государственный архив Омской области, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 272 (далее — ГАОО).
6. **Жидков Г. П.** Кабинетское землевладение. Новосибирск, 1973, с. 100.
7. **Шмурло Е.** Русские поселения за южным Алтайским хребтом. Омск, 1898, с. 19—20.
8. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. М—Л. 1953, с. 198.
9. **Сатлаев Ф. А.** Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1978, с. 379.
10. Там же, с. 379.
11. Государственный архив Алтайского края, ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 607. (Материал любезно предоставлен Ф. А. Сатлаевым) — (далее — ГААК).
12. Это только учтенные переселенцы, фактически их в обоих случаях было гораздо больше.
13. ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 608.
14. Даже во второй половине XIX века численность алтайцев не превышала 24 тыс. чел., территория же составляла 7,8 млн. десятин. (Подсчеты наши — **Н. М.**) Они сделаны на основании: ГААК, ф. 29, оп. 1, д. 981, л. 99; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 16; см. Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенное время. Горно Алтайск, 1990, с. 6.
15. **Тадыев П. Е.** Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. Записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. 6. Горно-Алтайск, 1964, с. 35.
16. ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, лл. 613—614.
17. Там же, лл. 610—612.
18. Там же, лл. 618—619.
19. РГИА, ф. 468, оп. 476, д. 594, л. 99.
20. Там же, л. 99.

21. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 208—209; Тадыев П. Е. Указ. соч. с. 35; Демидов В. А. К социализму, минуя капитализм. Новосибирск, 1970, с. 8; Сатлаев Ф. А. Указ. соч. с. 31; Модоров Н. С. Указ. соч. с. 17.
22. РГИА, ф. 468, оп. 476, д. 594, л. 99.
23. **Тадыев П. Е.** Указ. соч. с. 35.
24. ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 649.
25. **Сатлаев Ф. А.** Колонизация предгорного Алтая, с. 384.
26. ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 616.
27. Там же, л. 609.
28. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 198—199.
29. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 200.
30. **Уманский А. П.** Русские и телеуты в XVII веке. Новосибирск, 1980, с. 285.
31. **Сатлаев Ф. А.** Заселение Алтая в первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири. Новосибирск, 1973, с. 387.
32. РГИА, ф. 468, оп. 19, д. 347, лл. 7, 9, 12.
33. «Душеполезное чтение», 1864, № 1, с. 127.
34. РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 277, л. 393. (Процент выведен нами — **Н. М.**).
35. **Демидов В. А.** Указ. соч. с. 6.
36. **Спасский Гр.** Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 году. // «Сибирский вестник», № III—IV, 1819, с. 6.
37. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 206.
38. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, л. 210.
39. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 48.
40. Малчы-Мерген. Новосибирск, 1936, с. 19—20.
41. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 207.
42. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 10, л. 20.
43. Там же, оп. 3, д. 6, лл. 18—19.
44. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 13.
45. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 48.
46. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 1552, л. 1.
47. Алтайский сборник, т. IV. Барнаул, 1903, с. 91.
48. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 56.
49. Алтайский сборник, т. IV. Барнаул, 1903, с. 92.
50. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 61.
51. Там же, с. 30.
52. **Тадыев П. Е.** Поворотный пункт.., с. 34—35.
53. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, лл. 205—206.
54. Там же, лл. 207—208.
55. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 17.
56. **Сатлаев Ф. А.** Кумандинцы.., с. 31.
57. **Радлов В. В.** Из Сибири. М. 1989, с. 215.
58. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 32.
59. **Потапов Л. П.** Очерк истории Ойротии, с. 25.
60. РГИА, ф. 1264, оп. 69, д. 330, л. 30; Алтайский сборник, т. IX. Барнаул, 1908, с. 4.
61. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 32; Модоров Н. С. Указ. соч. с. 17.
62. АФРИ. Коллекция 115, д. 343, ч. 1, лл. 226—231.
63. РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 277, л. 391.
64. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 208.
65. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 30.
66. **Потапов Л. П.** Очерк истории Ойротии.., с. 21; Модоров Н. С. Указ, соч. 19.
67. **Сатлаев Ф. А.** Указ, соч, с, 73,

68. **Демидов В. А.** Указ. соч. с. 6; Самаев Г. П. Указ. соч. с. 37—38.
69. **Сатлаев Ф. А.** Кумандинцы.., с. 119.
70. **Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы. М. 1898, с. 12.
71. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев.., с. 212.
72. Там же, с. 206.
73. Алтайский сборник, т. V, с. 96.
74. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 124.
75. Описанию одежды алтайцев посвящена работа Зайцевой «Алтайский национальный костюм», Горно-Алтайск, 1990.
76. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 32.
77. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 294.
78. Там же, с. 127.
79. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 213.
80. Алтайский сборник, т. V, с. 93. 95.
81. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 78.
82. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 214.
83. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 23, л. 71.
84. Там же л. 65.
85. Сборник кн. Хилкова, СПб, 1879, с. 191.
86. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 125.
87. **Потанин Г. Н.** Материалы по истории Сибири. Чтения, кн. 4, 1866, с. 72—73.
88. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 125.
89. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 26.
90. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 81.
91. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 126.
92. **Потанин Г. Н.** Указ. соч. с. 103.
93. РГИА, ф. 1290, оп. 4, д. 33, л. 31.
94. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 31.
95. **Швецов С. П.** Кочевники Бийского уезда, т. I, вып. II, Барн. 1900, с. 134
96. Там же, с. 128—134.
97. ПСЗ, т. XXXVIII, СПб, 1830, с. 396.
98. Там же, с. 396.
99. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 32.
100. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 186.
101. Алтайский сборник, т. V, с. 107.
102. **Токарев С. А.** Докапиталистические пережитки в Ойротии, с. 51—52.
103. **Сатлаев Ф. А.** Сельская община кумандинцев во второй половине XIX — перв. четв. XX в. // Социальная организация народов Азии. М. 175, с. 101.
104. **Сатлаев Ф. А.** Кумандинцы, с. 95.
105. ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, лл. 613—614.
106. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 42.
107. Там же, с. 42.

ГЛАВА II

1. Подсчет наш — **Н. М.** (См. История Сибири, т. 3, Л. 1968, с. 19; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 19).
2. **Дружинин Н. М.** Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, М. 1958, с. 566.
3. Крестьянство Сибири.., с. 17.
4. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге, ф. 1181, оп. 1, д. 5, л. 21 (далее — РГИА); См. также: Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

5. История Сибири, т. 3, с. 19.
6. Крестьянство Сибири.., с. 18 (в работе указано 30%, но при пересчете получается 41% — 7 тыс. человек от 17 070 чел.).
7. Там же, с. 19.
8. Полное собрание законов Российской империи, т. XXXVII, № 30043 (далее — ПСЗ).
9. Крестьянство Сибири.., с. 21.
10. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 569, лл. 6—8.
11. Деревня располагалась в районе современного села Чепош. В конце 60-х гг. сюда устремляются раскольники из Шульгина Лога. Миссионеры ходатайствуют перед окружным начальством о ликвидации этого очага раскольничества, что и было сделано в начале 70-х гг. В дальнейшем деревня опустела и ныне не существует. См. Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск, 1990, с. 24, 38.
12. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 569, л. 8.
13. Государственный архив Алтайского края, ф. 3, оп. 1, д. 409, л. 6 (далее — ГААК).
14. Там же, л. 6; д. 397, л. 6.
15. РГИА. Министерство внутренних дел, 1866, д. 23, л. 4.
16. Там же, ф. 391, оп. 3, д. 880, л. 70.
17. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 569, л. 94.
18. Там же, л. 95.
19. Там же, л. 97; Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974, с. 87.
20. Сибирская газета, 31 мая 1881. (Подсчет наш — **Н. М.**).
21. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 569, лл. 112—121. (Подсчет наш — **Н. М.**).
22. Там же, л. 286; Модоров Н. С. Из истории освоения предгорного и Горного Алтая в 60—90 гг. XIX в. русским крестьянством. // Вопросы истории Горного Алтая, вып. 1, Горно-Алтайск, 1979, с. 26, 28.
23. Сибирская газета, 31 мая 1881 г.
24. **Модоров Н. С.** Горный Алтай в пореформенный период, с. 46.
25. **Григорьев В. Н.** Переселения крестьян Рязанской губернии, с. 180—182.
26. Сибирская газета, 31 мая 1881 г.
27. **Беркенгейм А. М.** Переселенческое дело в Сибири. М. 1902, с. 56—57.
28. ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 397, л. 6.
29. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 746, лл. 23—24.
30. Там же, д. 2702, лл. 6—7.
31. ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 355, л. 43.
32. Там же, д. 351, лл. 24—26.
33. Там же, д. 352, л. 65.
34. Там же, д. 456, лл. 13—15.
35. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 1030, лл. 10—12.
36. Там же.
37. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 53.
38. Разработаны и введены сроком на три года «Временные правила водворения русского населения в Горный Алтай», см. Модоров Н. С. Указ. соч. с. 44—45.
39. **Марусин С.** Переселенческое движение на Алтае. // Северный вестник, 1891, № 7, с. 28, 31, 52.
40. ГААК, ф. 81, оп. 1, доп. д. 10, лл. 3, 6—7.
41. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 2740, л. 116.
42. Там же, д. 691, л. 21.
43. Переселение в Алтайский округ, Барнаул, 1912, с. 5.
44. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 2740, лл. 69, 156.
45. **Симонова М. С.** Кризис аграрной политики самодержавия накануне

первой русской революции. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962. Минск, 1964, с. 476.

46. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897 гг.), СПб, 1897, с. 13; Сатлаев Ф. А. Земельная политика царизма в Горном Алтае в пореформенный период (1861—1913 гг.). // Проблемы истории Горного Алтая, Горно-Алтайск, 1987, с. 98.

47. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 2789, л. 18.

48. Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 323, л. 2—24.

49. Там же, ф. 468, оп. 23, д. 2740, лл. 155—156, 181.

50. **Симонова М. С.** Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия (1889—1904 гг.). // Тезисы докладов и сообщений восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Вост. Европы, М. 1965, с. 168.

51. РГИА, ф. 1273, оп. 1, д. 356, л. 44.

52. Там же, лл. 44—45, 47—48.

53. Переселение в Алтайский округ.., с. 4.

54. **Жидков Г. П.** Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973, с. 144.

55. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 869, лл. 1—10, 17.

56. Там же, ф. 468, оп. 27, д. 71, л. 9.

57. Там же, лл. 86—87.

58. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 30.

59. Томские епархиальные ведомости, 1891, № 7, с. 12.

60. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, л. 132.

61. Пален К. Переселенческое дело в Туркестане, СПб, 1910, с. 25.

62. РГВИА, ф. 1450, оп. 2, д. 34, лл. 17, 19.

63. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 61.

64. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 328.

65. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 г. Ташкент, 1916, с. 38.

66. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, л. 133.

67. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 329.

68. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, лл. 137—138.

69. Там же, л. 289.

70. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 64.

71. **Щеглов В. И.** Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032—1882 гг.). Иркутск, 1883, с. 598.

72. РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 685, л. 21.

73. **Кауфман А.** Земельный вопрос и переселение.., с. 80.

74. **Горюшкин Л. М.** Сибирское крестьянствоо на рубеже двух веков. Новосибирск, 1963; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Храмков А. А. Развитие сельского хозяйства и социально-экономическое положение крестьянства. // Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986.

75. **Мохова Г. А.** Социально-экономический очерк истории Хакасии. Абакан, 1958, с. 5.

76. История Сибири, т. 3, с. 28.

77. К концу века пуд ржи стоил на базаре 30 коп. См. Беркенгейм А. М. Указ. соч. с. 56—57.

78. Потапов Л. П. Указ. соч. с. 208; Модоров Н. С. Указ. соч. с. 17.

79. История Сибири, т. 3 с. 28—29.

80. Алтай. Историко-статистический сборник, с. 331—332.

81. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога, СПб, 1893, с. 122.

82. Алтайский сборник, т. IX, Барнаул, 1908, с. 4.

83. Алтай. Историко-статистический сборник, с. 56.

84. **Мальков Р. А.** Формирование и развитие советского рабочего класса на Алтае (1917—1965 гг.). Новосибирск, 1969, с. 37.

85. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма, с. 66, 69.
86. Там же, с. 73.
87. Томская губерния. Статистический очерк. Томск, 1917, с. 4.
88. Потапов Л. П. Указ. соч. с. 210.
89. Там же, с. 207.
90. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, л. 210.
91. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 207.
92. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 10, л. 20.
93. **Дулов В. И.** Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. 1956; Мохова Г. А. Социально-экономический очерк истории Хакасии (вторая половина XIX в.). Абакан, 1958; Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, 1975; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1989 и др.
94. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 1552, л. 1; Модоров Н. С. Указ. соч. с. 13.
95. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 329.
96. Там же, с. 328—329.
97. **Михайлов В. П.** Ответ начальника Алтайского округа по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. Барнаул, 1910.
98. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 328.
99. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, л. 133.
100. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 61.
101. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 335.
102. История Сибири, т. 3, с. 31.
103. Сибирская газета, 15 ноября 1881 г.; ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 77, л. 2, ф. 3, оп. 1, д. 423, лл. 2—3.
104. РГВИА, ф. 1450, оп. 3, д. 3, л. 23.
105. Там же, оп. 7, д. 1, лл. 42, 46—48; Потапов Л. П. Указ. соч. с. 333.
106. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 4, л. 72.
107. Там же, л. 51.
108. Там же, л. 51.
109. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога, с. 199.
110. Алтай. Историко-статистический сборник, с. 421.
111. Госархив Омской области, ф. 1, оп. 1, д. 141, лл. 68—69 (далее—ГАОО).
112. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 25, лл. 30—35.
113. Там же, д. 1, л. 4.
114. История Сибири, т. 3, с. 43.
115. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 1, л. 25.
116. Там же, л. 25.
117. Там же, д. 2, лл. 17—19.
118. Там же, д. 4, л. 18.
119. Там же, д. 25, л. 28.
120. За сезон мужчина получал в среднем 180 руб., женщина — 60 руб. См. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 4, л. 17.
121. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 14, л. 3.
122. Пересчет кубатуры наш — **Н. М.**
123. «Алтай», с. 422.
124. **Пахаев С. Я.** Стачка на Быстринском золотом прииске в 1894 г. // Вопросы истории Горного Алтая, вып. 1, Горно-Алтайск, 1979, с. 12.
125. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 14, л. 3.
126. Там же, д. 4, лл. 17—18.
127. Там же, д. 24, лл. 1—2.
128. Там же, д. 6, л. 18. Хотя по контракту рабочий день ограничивался 8 часами димой и 10 часами — летом. О продолжительности рабочего дня см. Пахаев С. Я. Указ. соч. с. 9—10.

129. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 24, лл. 1—2.
130. Модоров Н. С. Указ. соч. с. 73.
131. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 28, лл. 1—16 и др.
132. Там же, лл. 17—18.
133. Там же, лл. 1—60.
134. Там же, л. 57.
135. Там же, л. 55.
136. Там же, д. 4, л. 22.
137. Там же, л. 17; подсчет наш — **Н. М.**
138. Там же, л. 17; подсчет наш — **Н. М.**
139. Там же, д. 6, л. 10.
140. Там же, д. 3, лл. 17, 19, 21.
141. Там же, л. 20.
142. Там же, лл. 17—187; подсчет наш — **Н. М.**
143. Там же, л. 140; Пахаев С. Я. Указ. соч. с. 13.
144. ГААК, ф. 189, оп. 1, д. 7, лл. 4—67; подсчет наш — **Н. М.**
145. Там же, л. 67.
146. Там же, д. 9, л. 49.
147. Там же, д. 26, л. 12.
148. Там же, д. 11-а, л. 32.
149. Подробнее об этой стачке см. Пахаев С. Я. Указ. соч. с. 3—21.
150. Рабочее движение в России в XIX в. т. III, 1885—1894, ч. II, 1890—1894. М. 1952, с. 461.
151. **Пахаев С. Я.** Указ. соч. с. 8—9.
152. Рабочее движение в России, с. 461.
153. ГААК, ф. 3, оп. 3, д. 1567, л. 59.
154. Там же, л. 60.
155. **Пахаев С. Я.** Указ. соч. с. 14.
156. ГААК, ф. 3, оп. 3, д. 1567, лл. 48—52; Пахаев С. Я. Указ. соч. с. 20.
157. «Московские ведомости», 1867, № 191.
158. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, л. 334.
159. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг. Томск, 1895, с. 2.
160. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 81.
161. Примеры такого рода приводились выше. См. разделы «Земледелие». «Скотоводство», «Общественные отношения» и др.
162. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1257, л. 7.
163. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 282.
164. «Томские губернские ведомости» 11 марта 1878 г.
165. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 339.
166. «Томские епархиальные ведомости», 1900, № 7, с. 9.
167. **Калачев А.** Поездка к теленгитам на Алтай. // «Живая старина», т. VI, вып. III—IV, 1896, с. 486—487.
168. РГИА, ф. 468, оп. 8, д. 432, лл. 1—14.
169. Там же, оп. 27, д. 1475, л. 1.
170. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 286.
171. **Дулов В. И.** Указ. соч. с. 551.
172. «Томские губернские ведомости», 28 марта 1881 г.
173. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 208.
174. Там же, с. 285.
175. Там же, с. 283.
176. Там же, с. 286.
177. По данным 1897 г. рабочую силу на рынок труда поставляло около 20% алтайских хозяйств. См. Швецов С. П. Кочевники Бийского уезда. // В кн.

Горный Алтай и его население, т. I вып. 1, Барнаул, 1900, с. 45.

178. Такое же положение было характерно для Тувы, Хакасии. См. Дулов В .И. Указ. соч.; Мохова Г. А. Указ. соч.

179. **Юхнев П. М.** Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. // В кн. Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1, Барнаул, 1901, с. 153—154.

180. Там же, с. 155.

181. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 23, л. 71.

182. Там же, л. 65.

183. **Юхнев П. М.** Указ. соч. с. 123.

184. Там же, с. 123—124.

185. ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 99, лл. 8—12.

186. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 192.

187. **Модоров Н. С.** К проблеме изучения развития торговли в Горном Алтае в пореформенный период. // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск 1987, с. 129.

188. ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 99, лл. 8—12.

189. **Табаев Д. И.** Чуйский тракт. Горно-Алтайск, 1975, с. 8.

190. **Швецов С. П.** Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул, 1866, с. 16.

191. Там же, с. 13.

192. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 193.

193. **Третьяков В. Н.** Русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту (1861—1914 гг.). // Вопросы истории Горного Алтая 1979, вып. 1, с. 49.

194. **Шевцов С. П.** Указ. соч. с. 19.

195. «Русско-китайские отношения в 1689—1916 гг.». // Сб. документов. М. 1958, с. 42.

196. Там же, с. 46, 50, 58.

197. **Третьяков В. Н.** Указ. соч. с. 43.

198. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 130.

199. «Томские губернские ведомости», 1896, № 5.

200. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 23, л. 40.

201. **Потанин Г. Н.** Очерки северо-западной Монголии. СПб. 1883, с. 35.

202. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 23, л. 41.

203. **Радлов В. В.** Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность. // «Записки ИРГО по отд. статистики», т. 2. СПб, 1871, с. 380.

204. **Король А. К.** Бийск, Барнаул, 1955, с. 13.

205. **Третьяков В. Н.** Указ. соч. с. 45.

206. Там же, с. 45.

207. **Табаев Д. И.** Чуйский тракт. Горно-Алтайск, 1975, с. 15.

208. «Сибирская газета», 31 мая 1888 г.

209. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 131.

210. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 212 и др.

211. «Сибирская газета», 15 июня 1886 г.

212. **Радлов В. В.** Указ. соч. с. 359.

213. **Калачев А.** Поездка к теленгитам на Алтай. // Живая старина, т. IV, вып. III—IV, 1896, с. 486—487.

214. **Радлов В.** Указ. соч. с. 349.

215. **Гельмерсен Г.** Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая. // Горный журнал, № 1, 1840, с. 258.

216. РГИА, ф. 797, оп. 30, д. 1, л. 70.

217. РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 23, л. 71; «Сибирская газета». 1 июня 1866 г.

218. Там же, лл. 71—72.

219. РГИА, ф. 468, оп. 27, д. 92, л. 123.

220. «Сибирская газета», 1 июня 1886 г.
221. Там же.
222. **Токарев С. А.** Докапиталистические пережитки в Ойротии. М. 1936, с. 59.
223. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 136.

ГЛАВА III

1. История Сибири, т. 2, Л. 1968, с. 124.
2. Там же, с. 129.
3. Российский государственный архив древних актов, ф. 214, кн. 19, лл. 813—815, 820—822 и др. (далее — РГАДА).
4. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М. 1993, с. 247.
5. **Ядринцев Н. М.** Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб, 1891, с. 291—293.
6. **Рабцевич В. В.** Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII—первой четверти XIX вв. Автореферат канд. диссертации. Новосибирск, 1973, с. 19.
7. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. М—Л. 1953, с. 185—186.
8. **Потапов Л. П.** Очерки по истории Шории. Л. 1936, с. 12—13.
9. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 185—186.
10. **Радлов В. В.** Из Сибири. М. 1989, с. 92—96, 123—198, 210—222; Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб, 1891, с. 290—293.
11. **Сычевский.** Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846 г. М. 1875, с. 32—36.
12. **Булычев И.** Путешествие по Восточной Сибири, СПб, 1856, с. 258; РГАДА, ф. 517, оп. 1, д. 746, л. 1.
13. **Карцов В. Г.** Хакасия в период разложения феодализма XVIII — первая половина XIX в. Абакан, 1970, с. 87—118; История Хакасии.., с. 248—249.
14. **Дамешек Л. М.** Внутренняя политика царизма и народы Сибири. Иркутск, 1986, с. 33.
15. **Радлов В. В.** Указ. соч. с. 361.
16. **Шашков С.** Сибирские инородцы в XIX столетии. // Дело. 1867, с. 573.
17. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 279; История Хакасии.., с. 149.
18. Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири. // В кн. Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб, 1899, с. 24, 175.
19. **Дамешек Л. М.** Указ. соч. с. 36.
20. **Прутченко С.** Указ. соч. с. 176.
21. Полное собрание законов Российской империи, т. 38, № 29136, § 13 (далее — ПСЗ).
22. Там же, § 19.
23. Там же, §§ 1. 26.
24. Там же, § 1.
25. **Миненко Н. І.** Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975, с. 255.
26. Все должностные лица «инородческого» управления утверждались гражданским губернатором или областным начальником, а «главный родоначальник» — генерал-губернатором. См. ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 147, 148.
27. ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 152.
28. **Дамешек Л. М.** Указ. соч. с. 42.
29. **Светличная Л. И.** «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822). // Ученые зап. ТГПИ, Тюмень, 1957, с. 5, 66.

30. **Миненко Н. А.** Указ. соч. с. 303; Дамешек Л. М. Указ. соч. с. 43.
31. ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 48.
32. Там же, § 317.
33. Там же, § 357.
34. **Бахрушин С. В.** Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский север, 1929, № 1. с. 87—89, 91—92.
35. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883, вып. 1, т. 6, с. 1.
36. **Кузнецов А. С.** Сибирская программа царизма 1852. // В кн. Очерки истории Сибири. Иркутск, 1971. вып. 2, с. 3—26.
37. **Дамешек Л. М.** Указ. соч. с. 55.
38. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, ф. 468, оп. 9, д. 912, лл. 639—641 об. (далее — РГИА).
39. **Дамешек Л. М.** Указ. соч. с. 57; Дамешек Л. М. Ясачная политика в Сибири в XIX — начале XX века. Иркутск, 1983, с. 103.
40. **Дамешек Л. М.** Внутренняя политика.., с. 59.
41. Там же, с. 60.
42. **Дамешек Л. М.** Русская церковь и народы Сибири в первой половине XIX в. // Социально-экономическое и политическое развитие Сибири XIX—XX вв. Иркутск, 1976, с. 39—46.
43. **Дамешек Л. М.** Внутренняя политика.., с. 62.
44. Там же, с. 62.
45. РГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 15, ч. 2, лл. 5—5 об.
46. Там же, лл. 8—8 об.
47. ПСЗ-3, т. 3, № 1412.
48. **Дамешек Л. М.** Внутренняя политика.., с. 65.
49. ПСЗ-3, т. 9, № 6196.
50. **Зайончковский П. А.** Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. 1970, с. 401.
51. РГИА, ф. 391, оп. 1, д. 73, л. 9.
52. **Дамешек Л. М.** Внутренняя политика.., с. 69.
53. Там же, с. 70.
54. РГИА, ф. 391, оп. 1, д. 65, л. 134.
55. Там же, л. 136.
56. В окончательном варианте Тобольская губерния получила 36 новых должностей, Томская — 29, Енисейская и Иркутская — по 21.
57. **Дамешек Л. М.** Указ. соч. с. 71.
58. Там же, с. 72.
59. ПСЗ-3, т. 18, № 15503.
60. **Дамешек Л. М.** Указ. соч. с. 74.
61. ПСЗ-3, т. 18, № 15503.
62. Там же.
63. **Демидов В. А.** Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1978, с. 47.
64. **Дамешек Л. М.** Ясачная политика.., с. 67.
65. ПСЗ-1, т. 38, № 29126, § 317.
66. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 185.
67. **Дамешек Л. М.** Ясачная политика.., с. 67—68.
68. РГИА, ф. 468, оп. 9. д. 912, лл. 502—503.
69. **Дамешек Л. М.** Указ. соч. с. 70—71.
70. Там же, с. 74.
71. РГИА, ф. 468, оп. 9, д. 430, л. 40 и др.
72. Там же, д. 690, лл. 71—74.
73. Там же, лл. 74—75.

74. Там же, оп. 8, д. 36, лл. 1—4.
75. В расчет взяты Енисейская, Иркутская, Тобольская и Томская губернии.
76. РГИА, ф. 468, оп. 8, д. 174, л. 11. Подсчет наш — **Н. М.**
77. Там же, л. 11.
78. История Сибири, т. 3, Л. 1968, с. 105.
79. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 230.
80. Государственный архив Алтайского края, ф. 163, оп. 3, д. 3273, лл. 17—23 (далее — ГААК).
81. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 230.
82. **Калачев А.** Поездка к теленгитам. // Живая старина, т. VI, вып. III—IV, 1896 с. 486.
83. Там же, с. 486.
84. **Радлов В.** Из Сибири, с. 361.
85. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 230.
86. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 113.
87. **Горюшкин Л. М.** Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1967, с. 248—249; Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991, с. 193.
88. **Ананьич Н. И.** К истории отмены подушной подати в России. // «Исторические записки», 1974, т. 94, с. 183—212.
89. Там же, с. 199.
90. **Островский И. В.** Указ. соч. с. 197.
91. **Топчий А. Т.** К вопросу о сборе подушной и оброчной повинностей с феодально-зависимого населения Сибири в пореформенный период. // «Вопросы истории Сибири», Томск, 1982, с. 81.
92. **Островский И. В.** Указ. соч. с. 208.
93. Там же, с. 211.
94. За исходный пункт взята численность населения, подлежавшего обложению в 1908 г. К ней последовательно прибавлено число переселенцев, потерявших льготы по уплате налогов в 1909, 1910 гг. и минусовалось число обратных переселенцев каждый год. Расчет И. В. Островского.
95. Крестьянство Сибири, с. 114.
96. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб, 1903, т. 53, с. 197.
97. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 1450, оп. 7, д. 23, л. 41 (далее — РГВИА); Юрганова К. В. От Улалы до Отхан-Хаирхана. // Труды Томского общества изучения Сибири, т. 2, вып. 2. Томск, 1912, с. 9.
98. Труды местных комитетов... СПб, 1904. Томская губерния, с. 197.
99. **Островский И. В.** Указ. соч. с. 220.
100. **Худяков В. Н.** Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986, с. 203.
101. **Модоров Н. С.** Горный Алтай в пореформенный период, Горно-Алтайск, 1990, с. 97.
102. Акты исторические, т. IV, с. 369.
103. **Окладников А. П.** Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л. 1937, с. 10.
104. **Миллер Г.** История Сибири. М—Л. 1937, с. 418.
105. **Шашков С.** Сибирские инородцы в XIX столетии, с. 283.
106. Там же, с. 13.
107. Положение алтайских калмыков. // «Восточное обозрение», 1887, № 38.
108. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 100.
109. Акты исторические, т. IV, с. 569—570; Залкинд Е. М. Ясачная политика

Царизма в Бурятии в XVIII — первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма», вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 238.

110. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 239.

111. Там же, с. 239—240.

112. **Модоров Н. С.** Указ. соч. с. 100.

113. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 197.

114. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. т. XIX, ч. 2. М. 1947, с. 25.

115. **Патканов С.** О приросте инородческого населения Сибири. СПб, 1911, с. 24.

116. **Турчанинов Н. В.** Школьное дело за Уралом. // «Азиатская Россия», т. I, СПб, 1914, с. 259.

117. **Ямзин И. П.** Врачебное дело в Азиатской России. // «Азиатская Россия», т. I, СПб, 1914, с. 279.

118. Там же, с. 279.

119. **Радищев А. Н.** Полн. собр. соч. т. III, М—Л. 1953, с. 387.

120. Там же, т. II. М—Л. 1941, с. 146—147.

121. Там же, т. III, с. 136—137.

122. Сибирский архив, 1912, № 4, с. 247.

123. **Шапов А. П.** Соч. т. II, СПб, 1906, с. 367.

124. Там же. с. 463—464.

125. **Модоров Н. С.** Горный Алтай в пореформенный период, с. 29.

126. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 199.

127. Епископ — высшее духовное звание в православной, католической и англиканской церкви.

128. Епархия — церковно-административная территориальная единица во главе с архиереем (епископом).

129. Государственная публичная историческая библиотека, коллекция М. Д. Хмырова. Томская губерния, т. 56, л. 67 (далее — ГПИБ); Вербицкий В. И. Краткие сведения об Алтайской духовной миссии. // Томские епархиальные ведомости, № 21, 1886; его же: Очерк деятельности Алтайской духовной миссии по случаю пятидесятилетнего ея юбилея (1830—1880). // Памятная книжка Томской губернии 1885, Томск, 1885.

130. Некоторые авторы датой его рождения считают 30 октября.

131. ГПИБ, Коллекция М. Д. Хмырова, л. 67. С. К. Носов указывает, что Глухарев одновременно с указанным, был назначен ректором уездного и приходских училищ. (См. Носов С. К. Русский миссионер. // Звезда Алтая, 11 марта 1992 г.).

132. Архиепископ — старший епископ.

133. ГПИБ, Коллекция М. Д. Хмырова, л. 67.

134. Пустынь — уединенное монашеское поселение. Позже так назывались и многолюдные монастыри.

135. ГПИБ,.. с. 67.

136. Томские епархиальные ведомости, № 48, 1868 г.

137. **Носов С. К.** Указ. соч. // Звезда Алтая, 12 марта 1992 г.

138. Томские епархиальные ведомости, № 48, 1868.

139. ГПИБ,.. с. 67.

140. Там же, с. 67.

141. **Носов С. К.** Указ. соч. // Звезда Алтая, 12 марта 1992 г.

142. Там же.

143. ГПИБ, Коллекция М. Д. Хмырова, л. 67.

144. Томские епархиальные ведомости, № 48, 1868 г.

145. **Носов С. К.** // Звезда Алтая, 12 марта 1992 г.

146. ГПИБ, Коллекция М. Д. Хмырова, л. 67.

147. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 201.

148. **Носов С. К.** Русский миссионер. // Звезда Алтая, 13 марта 1992 г.
149. ПСЗ, т. VII, с. 918—919.
150. **Носов С. К.** Указ. соч.
151. Томские епархиальные ведомости, № 48, 1868; ГПИБ,.. л. 67.
152. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 201; Сатлаев Ф. А. Горный Алтай в составе России, с. 131; Носов С. К. Указ. соч. // Звезда Алтая, 13 марта 1992; Модоров Н. С. История и культура Горного Алтая, Горно-Алтайск, 1992, с. 54.
153. **Бедюров Б. Я.** Светолюбы Алтая, Памятное завещание, с. 24.
154. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 200.
155. **Носов С. К.** Указ. соч. // Звезда Алтая, 13 марта 1992.
156. **Носов С. К.** Указ. соч. // Звезда Алтая, 17 марта 1992 г.
157. **Потапов Л. П.** Указ. соч., с. 202; Сатлаев Ф. А. Указ. соч. с. 131.
158. Умер архимандрит Макарий 18 мая 1847 г. Похоронен в склепе соборного храма Болховского монастыря.
159. **Носов С. К.** Русский миссионер. // Звезда Алтая, 17 марта 1992.
160. РГИА, ф. 797, оп. 37, д. 23, л. 85.
161. Л. П. Потаповым годом основания Мыютинского стана назван 1847 г., что опровергается имеющимися в нашем распоряжении свидетельствами.
162. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 202.
163. РГИА, ф. 797, оп. 440, д. 1257, лл. 6—7. Подсчет наш — **Н. М.**
164. Копии с отчетов Алтайской духовной миссии, сделанные в 1937 г. М. Ч. Алтайчиновым. (Далее — Копии отчетов...).
165. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 202.
166. Протоиерей — старший православный священник, настоятель соборной церкви.
167. Иеромонах — монах — священник.
168. Священник — служитель, самостоятельно ведущий богослужение.
169. Причетник — низший служитель в православной церкви.
170. Послушник — лицо, готовящееся принять монашество и проходящее испытательный срок.
171. Копии отчетов.., с. 18.
172. Там же, с. 18.
173. В 1857 г. принял монашество под именем Макария. О его миссионерской деятельности будет сказано ниже.
174. Копии отчетов.., с. 18.
175. Там же, с. 19—20.
176. ГПИБ, Коллекция М. Д. Хмырова, л. 67.
177. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 204.
178. Отчет Алтайской духовной миссии за 1888 г. Томск, 1889, с. 29.
179. **Солодчин И.** Алтайская миссия. // Домашняя беседа, 1868, с. 910—911.
180. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 203.
181. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1255, л. 7.
182. ГПИБ, Коллекция М. Д. Хмырова, л. 63.
183. Записки алтайского миссионера иеромонаха Дометиана (за 1861—1862 гг.). // «Странник», 1863, ноябрь, с. 45.
184. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1255, л. 18.
185. ГПИБ, Коллекция М. Д. Хмырова, л. 63.
186. Природа и население Алтая. // Томские епархиальные ведомости, № 4, 1891, с. 3—4.
187. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 205.
188. Записки... иеромонаха Дометиана, с. 45—52.
189. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1255, лл. 9—11.
190. ГААК, ф. 164. оп. 1, д. 50, лл. 4—5.

191. Там же, л. 5.
192. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1257, л. 18.
193. Там же, л. 14.
194. Там же, оп. 38, д. 158, л. 35.
195. Там же, оп. 440, д. 1257, л. 18.
196. Там же, л. 28.
197. Там же, л. 14.
198. Там же, л. 18.
199. Там же, л. 19.
200. Там же, л. 29.
201. Там же, л. 29.
202. Там же, л. 18.
203. Там же, оп. 36, д. 302, л. 3.
204. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 242.
205. **Носов С. К.** Православные святыни Алтая. // Звезда Алтая, 26 октября 1993 г.
206. Там же.
207. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 243.
208. Сборник сведений о православных миссиях, кн. II, М., 1872. с. 377.
209. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 243.
210. Средства, собранные купцом с разрешения Синода на постройку монастыря, были им присвоены. Чтобы избежать наказания Мальков обязался обустроить монастырь, но обещания не сдержал.
211. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 243; Храпова Н. Ю. Захват земель Горного Алтая алтайской духовной миссией в дореформенный период. // В кн. Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984, с. 206—218; Дамешек Л. М. Внутренняя политика... с. 151.
212. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 52, л. 20.
213. Копии отчетов.., с. 28.
214. **Гурьев В.** Распространение христианства и развитие промышленности на Алтае. // Томские губернские ведомости, № 49, 1864.
215. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 244.
216. Список населенных мест Сибирского края, вып. X. Новосибирск, 1928.
217. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 43, л. 8.
218. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 46, лл. 1—4.
219. Игумен — сан, присваиваемый после низших духовных степеней монашеской иерархии (иеродиакон, иеромонах).
220. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 46, л. 5.
221. Там же, д. 77, л. 5.
222. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 46, л. 3—4.
223. Там же, л. 4.
224. Центральный Государственный архив Республики Татарстан, ф. 93, оп. 1, д. 141, лл. 22—23 (далее — ЦГА РТ).
225. Там же, л. 22.
226. Там же, л. 25.
227. **Эфиров А. Ф.** Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М. 1948. с. 5; История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М. 1993, с. 354.
228. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 244—245; Модоров Н. С., Тадыев П. Е. Из истории Горного Алтая, Горно-Алтайск, 1984, с. 57; История Хакасии.., с. 355.
229. ЦГАРТ, ф. 93, оп. 1, д. 141, л. 5.
230. Там же, л. 42.
231. Паштыки (баштыки) у кумандинцев. челканцев и шорцев выбирались сроком на три года.
232. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 244.

233. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 46, л. 4.
234. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 244.
235. Копии отчетов.., с. 18—19.
236. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1255, л. 1.
237. Копии отчетов.., с. 19.
238. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1255, л. 4.
239. Копии отчетов.., с. 19.
240. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 244—245.
241. **Казагачева З. С.** Зарождение алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1972. с. 8.
242. Работу по сбору материалов и составление «Грамматики» начал предшественник Вербицкого миссионер С. Ландышев. См. Тадыкин В. Н. К 100-летию «Грамматики алтайского языка». // Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. IX, Горно-Алтайск, 1970, с. 124,
243. Там же, с. 125.
244. **Самаев Г. П.** Указ. соч. с. 189.
245. Копии отчетов.., с. 21—22; Потапов Л. П. Указ. соч. с. 245,
246. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 43, л. 3.
247. **Эфиров А. Ф.** Указ. соч. с. 5.
248. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 52, л. 20. Подсчет наш — **Н. М.**
249. Там же, д. 43, л. 2.
250. Там же, л. 2.
251. Там же, лл. 8—9. Подсчет наш — **Н. М.**
252. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 246.
253. Там же, с. 246.
254. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 21, л. 1.
255. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 247.
256. РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 1257, л. 11.
257. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 52, лл. 19—20.
258. Копии ответов.., с. 30. Подсчет наш — **Н. М.**
259. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 248.
260. Памятное завещание, Горно-Алтайск, 1990, с. 29.
261. Там же, с. 29.
262. О творчестве Г. И. Гуркина говорится в главе о культуре алтайцев.
263. Отчет Алтайской духовной миссии за 1895 г. Томск, 1896, с.
264. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 248.
265. **Ядринцев Н. М.** В дальних странствиях (из путешествия в Алтай). Памятное завещание, с. 306.
266. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 249.
267. К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе. Барнаул, 1900, с. 20, 53 и др.
268. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 249.
269. Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г. Томск, 1916, с. 59.

ГЛАВА IV

1. **Дамешек Л. М.** Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX—нач. XX в.). Иркутск, 1986, с. 139.

2. Жизнеописание архимандрита Макария (Мих. Глухарева) основателя Алтайской миссии. СПб, 1892; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М—Л. 1953, с. 199; Носов С. К. Русский миссионер. // Звезда Алтая, 13 марта 1992 г.

3. **Ястребов И.** Архимандрит Макарий, основаатель Алтайской духовной миссии. Краткие сведения о его жизни и деятельности. СПб. 1892 с. 44—45;

Бородавкин А. П., Храпова Н. Ю. К вопросу о просветительской деятельности архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) — идеолога и основателя Алтайской духовной миссии. Алтайский сборник (Алт. отд. Всерос. фонда культуры), вып. XV. Барнаул, 1992, с. 15—16.

4. **Ястребов И.** Указ. соч. с. 45.

5. Языческие школы на Алтае. // Православный благовестник, 1899, т. 3, № 10, октябрь; кн. 2, М. 1899, с. 254—259, 296—308.

6. Государственный архив Алтайского края, ф. 164, оп. 1, д. 46, лл. 1—4 (далее — ГААК).

7. **Басаргина Н. В.** Улала во второй половине XIX века. Алтайский сборник (Алт. отд. Всерос. фонда культуры), вып. XV. Барнаул, 1992, с. 5.

8. ГААК, ф. 164, д. 46, л. 1.

9. Там же, л. 1—2.

10. Там же, л. 5.

11. Там же, д. 77, л. 5.

12. Там же, д. 46, лл. 3—4.

13. Там же, л. 4.

14. **Голубев П.** Народное образование. // Алт. Ист.-стат. сб. Томск. 1890, с. 252; Басаргина Н. В. Указ. соч. с. 5.

15. Центральный государственный архив Республики Татарстан, ф. 93, оп. 1, д. 141, лл. 22—23 (далее — ЦГАРТ).

16. Там же, л. 22.

17. Там же, л. 25.

18. **Эфиров А. Ф.** Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М. 1948, с. 5; История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. Абакан, 1993, с. 354.

19. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. М—Л, 1953, с. 244—245; Модоров Н. С., Тадыев П. Е. Из истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1984, с. 57; История Хакасии... с. 355.

20. ЦГАРТ, ф. 93, оп. 1, д. 141, л. 5.

21. Там же, л. 42.

22. Там же, л. 47.

23. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 46, л. 4.

24. **Кислицын В. Н.** Алтайская духовная миссия и ее роль в колонизации Горного Алтая. Алтайский сборник (Алт. отд. Всерос. фонда культуры). вып. XV, Барнаул, 1992, с. 24.

25. Там же, л. 24.

26. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 52, л. 20.

27. Там же, д. 43, лл. 8—9. Подсчет наш. — **Н. М.**

28. Там же, л. 2.

29. **Кислицын В. Н.** Указ. соч. с. 24.

30. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 52, л. 11.

31. Там же, л. 11.

32. Там же, д. 43, л. 1.

33. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, ф. 796, оп. 440, д. 1257. лл. 16, 20, 33 (далее — РГИА).

34. **Модоров Н. С.,** Тадыев П. Е. Указ. соч. с. 59.

35. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 21, л. 2.

36. Там же, л. 1.

37. **Модоров Н. С.** Культура алтайцев во второй половине XIX — начале XX в. // Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 372.

38. Народы Сибири. М—Л. 1956, с. 348.

39. **Потанин Г. Н.** Инородцы Алтая. // Живописная Россия. М. 1884, т. II, с. 268; Басаргина Н. В. Указ. соч. с. 5.

40. **Кислицын В. Н.** Указ. соч. с. 23.
41. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 430.
42. **Митюшкин В. В.** Советская Якутия. Якутск, 1960, с. 53.
43. Под знаменем Октября. Горно-Алтайск, 1967, с. 137.
44. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 310; Ямзин И. П. Врачебное дело в Азиатской России. // «Азиатская Россия», т. I, СПб, 1914, с. 279.
45. Государственный архив Республики Алтай, ф. 44, оп. 1. д. 147, лл. 1—6 (далее — ГАРА).
46. **Носов С. К.** Указ. соч. // Звезда Алтая, 13 марта 1992.
47. ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 16, лл. 1—6.
48. Там же, д. 38, лл. 2—4.
49. Под знаменем Октября.., с. 138.
50. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 340.
51. Там же, с. 344.
52. История Алтайского края. Барнаул, 1987, с. 97.
53. Подробно об этом сочинении сказано в историографическом обзоре.
54. Там же.
55. **Гипотеза П. С.** Палласа относительно прародины венгров — Алтае— в последующем была поддержана и аргументированно обоснована венгерским ученым Вильмошем Диосеги.
56. История Сибири, т. I, Л. 1968, с. 16.
57. История Алтайского края, с. 97.
58. История Сибири, т. I, с. 16.
59. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 32.
60. **Модоров Н. С.** История и культура Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992, с. 54.
61. Горный Алтай. Томск, 1971, с. 8.
62. **Гельмерсен Г. П.** Телецкое озеро и телеуты. // «Горный журнал», 1840, № 1.
63. **Геблер Ф. В.** Замечания о Катунских Столбах, составляющих высочайший хребет в Русском Алтае. // «Горный журнал», ч. 2, кн. 6, 1836.
64. Горный Алтай, с. 13.
65. См. Журнал Министерства внутренних дел. 1840, ч. XXXVIII, кн. 10.
66. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 32.
67. **Жидков Г .П.** Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973, с. 259.
68. Горный Алтай, с. 15.
69. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 33.
70. **Бедюров Б. Я.** Светолюбы Алтая. // Памятное завещание. Горно-Алтайск, 1990, с. 29.
71. **Бартольд В. В.** Соч. т. 9, с. 658.
72. **Бедюров Б. Я.** Указ. соч. с. 31.
73. **Радлов В. В.** Из Сибири. М. 1989, с. 43—70.
74. **Бедюров Б. Я.** Указ. соч. с. 6.
75. История Сибири, т. I, с. 19.
76. **Радлов В. В.** Указ. соч. с. 410—449.
77. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 35.
78. История Алтайского края, с. 232.
79. **Потанин Г. Н.** Очерки северо-западной Монголии, вып. II, СПб, 1881; вып. IV, СПб, 1883.
80. Там же, вып. IV, «Примечания», с. 649; Бедюров Б. Я. Указ. соч. с. 33.
81. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 36.
82. Критике взглядов сибирских областников, «неприемлемости их положений для современного уровня наших научных знаний», как писали в 30-х гг.

XX столетия, посвящены работы Круссера Г. (Сибирские областники. Новосибирск, 1931); Потапова Л. П. (Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; Очерки по истории алтайцев. М—Л. 1953, с. 37—38).

83. **Бедюров Б. Я.** Указ. соч. с. 35.

84. **Адрианов А. В.** Путешествие на Алтай и на Саяны. // Сибирская газета, 1881, № 38, 39, 42, 43; он же: Путешествие на Алтай и на Саяны, совершенное в 1881 году, по поручению ИРГО. СПб, 1886; он же: Путешествие на Алтай и на Саяны. // Сибирская газета. 1884, № 8. 9, 14, 16, 20, 24; он же: Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 года по поручению ИРГО и его Зап.-Сиб. отдела. Предварительный отчет. Омск, 1888.

85. **Никулина И. Н.,** П. А. Гелубев на Алтае. // Алтайский сборник (Алт. отд. Всерос. фонда культуры), вып. XV, Барнаул, 1992, с. 174.

86. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890.

87. **Никулина И. Н.** Указ. соч. с. 175.

88. Там же, с. 175.

89. Горный Алтай и его население, т. I, вып. 1: Шевцов С. П. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900; т. I, вып. II: Юхнев П. М. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. Барнаул, 1901; т. II Экономические таблицы. Барнаул, 1901; т. III, вып. 1: Швецов С. П. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. Барнаул, 1900; т. III, вып. II: Оседлые инородцы Бийского уезда. Барнаул, 1902; т. III, вып. III; Заимочники Горного Алтая. Составил Юхнев. Барнаул, 1902; т. III, вып. IV: Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы. Экономические таблицы. Барнаул, 1903.

90. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 39.

91. Горный Алтай, с. 20.

92. **Адаров А.** Символ бессмертия народа. // «Маадай-Кара». Горно-Алтайск, 1979, с. 7.

93. Алтайские героические сказания. М. 1983, с. 4.

94. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. с. 372 (Раздел о культуре населения Горного Алтая написан нами — **Н. М.**).

95. «Маадай-Кара», с. 11—227.

96. Там же, с. 4; Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М, 1985, с. 182—183.

97. «Малчи-Мерген». Ойрот-Тура, 1947, с. 17—49.

98. «Когутей». М. 1935.

99. «Малчи-Мерген», с. 12.

100. Там же, с. 12.

101. **Суразаков С.** Алтайский героический эпос и сказание «Маадай-Кара». // «Маадай-Кара». Горно-Алтайск, 1979, с. 254; он же: Этапы развития алтайского героического эпоса. Автореф. докт. дисс. М. 1973, с. 33; он же: Алтайский героический эпос. М. 1985, с. 172—173.

102. **Суразаков С.** Алтайский героический эпос, с. 197; «Маадай-Кара», с. 254.

103. Алтайские сказки. Новосибирск, 1937, с. 44.

104. Там же, с. 44—45.

105. **Анохин А.** Музыкальная этнография. Фрагменты кая. // «Маадай-Кара», с. 267.

106. **Шульгин Б.** Об алтайском кае. // «Маадай-Кара», с. 267.

107. Там же, с. 267.

108. **Суразаков С.** Алтайский героический эпос. М. 1985, с. 120—238.

109. «Малчи-Мерген», с. 16.

110. **Суразаков С. С.** Алтайский героический эпос и сказание. «Маадай-Кара», с. 255.

111. **Кучияк П.** В гостях у кайчи. // «Октябрь», № 5—6, 1939.
112. **Коптелов Л. Л.** Н. У. Улагашев и его былины. «Малчи-Мерген». Новосибирск, 1947, с. 4; Н. У. Улагашев. Алтай-Буучай. Ойротский народный эпос. Под ред. А. Коптелова. Новосибирск, 1941, с. 15—16.
113. **Кучияк П.** Указ. соч. с.
114. **Бородавкин А. П.,** Храпова Н. Ю. К вопросу о культурно-просветительской деятельности архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) — идеолога и основателя Алтайской духовной миссии. // Алтайский сборник (Алт. отд. Всерос. фонда культуры), вып. XV. Барнаул, 1992, с. 16.
115. **Бедюров Б. Я.** Светолюбы Алтая, с. 15.
116. **Бородавкин А. П.,** Храпова Н. Ю. Указ. соч. с. 16; «Памятное завещание», с. 55—57, 138.
117. «Памятное завещание», с. 139.
118. **Каташ С. С.** Житие Чевалкова. // Алтайская правда. 1989. 27 января.
119. Очерки по истории алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1969, с. 7; «Памятное завещание», с. 67—68.
120. **Радлов В. В.** Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, т. I, СПб, 1866, с. 158.
121. **Бедюров Б. Я.** Указ. соч. с. 10.
122. Там же, с. 15.
123. **Радлов В. В.** Указ. соч. с. 113—159.
124. Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1982, с. 24.
125. «Памятное завещание», с. 138.
126. **Бедюров Б. Я.** Указ. соч. с. 17.
127. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 248.
128. «Православный Благовестник», 1892, № 7, с. 296.
129. **Казагачева З. С.** У истоков алтайской литературы. // Национальное наследие и современность». Горно-Алтайск, 1984, с. 49.
130. Сибирская советская энциклопедия, т. III, Новосибирск, 1932, с. 578.
131. **Шульгин Б.** Об алтайском кае. «Маадай-Кара». Горно-Алтайск, 1979, с. 261.
132. **Модоров Н. С.** История и культура Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992, с. 90.
133. **Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы. М. 1893, с. 167 «(Песни»).
134. Композитор Андрей Викторович Анохин. Сказание об Алтае. Горно-Алтайск, 1989, с. 8.
135. Там же, с. 9.
136. **Анохин А.** Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, монголов, шорцев. См. Шульгин Б. Указ. соч. с. 262.
137. **Шульгин Б.** Указ. соч. с. 262.
138. Об икили. См. Энциклопедический музыкальный словарь. М. 1959, с. 86.
139. **Анохин А.** Музыкальная этнография. Фрагменты кая. Цитирую по Шульгину Б. Об алтайском кае, с. 263.
140. **Калачев А.** Былина об Алтай-Буучае. // Живая старина, 1896, вып. 3—4, с. 492—499.
141. **Шульгин Б.** Указ. соч. с. 265.
142. **Калачев А.** Указ. соч. с. 492—499.
143. **Суразаков С.** Алтайский героический эпос и сказание «Маадай-Кара», с. 257.
144. **Руденко С. И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М—Л. 1960, с. 245.
145. **Кубарев В .Д.** Древние росписи Каракола, Новосибирск, 1988, с. 1.
146. **Руденко С. И.** Указ. соч. с. 246,

147. **Модоров Н. С.** Культура населения Горного Алтая. Крестьянство Сибири.., с. 373.

148. **Эдоков В. И.,** Г. И. Гуркин. Очерк о жизни и творчестве. Барнаул, 1967, с. 68.

149. Там же, с. 11.

150. **Потанин Г. Н.** Инородцы Алтая. // Живописная Россия. М. 1884, с. 269—270.

151. **Эдоков В. И.** Указ. соч. с. 12.

152. История Алтайского края, с. 241.

153. **Эдоков В. И.** Указ. соч. с. 12.

154. **Модоров Н. С.** История и культура Горного Алтая, с. 91.

155. **Эдоков В. И.** Указ. соч. с. 18.

156. **Далькевич М. М.** Г. И. Гуркин. // «Нива». СПб, 1908, № 49, с. 855—856.

157. **Эдоков В. И.** Указ. соч. с. 21.

158. Там же, с. 6.

159. **Далькевич М. М.** Указ. соч. с. 857.

160. **Эдоков В. И.** Указ. соч. с. 7.

161. История Алтайского края, с. 241.

162. Там же, с. 242.

163. Там же, с. 242.

164. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев, с. 156; Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск, 1990, с. 28.

165. **Сагалаев А. М.** Алтай в зеркале мифов. Новосибирск, 1992, с. 68—69.

166. **Сатлаев Ф. А.** Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974, с. 148.

167. **Потапов Л. П.** Указ. соч. с. 309. Он же: Алтайский шаманизм. Л. 1990, с. 117; Сатлаев Ф. А. Указ. соч. с. 150.

168. **Муйтуева В. А.** Эволюция религиозности и становление свободомыслия у алтайцев. Автореферат кандид. дисс. СПб, 1991, с. 8.

169. **Сагалаев А. М.** Алтай в зеркале мифов.., с. 33—35.

170. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 159.

171. По мнению В. А. Муйтуевой Ульгень — не верховное божество, а родовое. (См. Указ. соч. с. 7; а также — Ульгень в пентеоне духов алтайского шаманизма. Шаманизм как религия. Тезисы международной научной конференции. Якутск, 1992, с. 84).

172. **Модоров Н. С.** Шаманизм у алтайцев: миф и реальность. Шаманизм как религия. Тезисы.., Якутск, 1992, с. 82—83.

173. **Модоров Н. С.** Горный Алтай в пореформенный период, с. 29.

174. Макарий Глухарев безуспешно пытался создать особую волость для новокрещенных, независимую от местных зайсанов и государственных чиновников.

175. **Носов С. К.** Русский миссионер, «Звезда Алтая», 13 марта 1992 г.

176. **Сатлаев Ф. А.** Указ. соч. с. 201.

177. Макарий Глухарев настойчиво хлопотал о соблюдении положения государственного совета от 17 июля 1826 г. «О льготах инородцам, принимающим святое крещение». Согласно ему новокрещенный освобождался от всех податей и повинностей на три года.

178. **Муйтуева В. А.** Эволюция религиозности.., с. 10.

179. **Радлов В.** Из Сибири.., с. 362. Переводы Ф. А. Сатлаева).

180. **Сагалаев А. М.** Мифология и верования у алтайцев. Новосибирск, 1984; он же: Алтай в зеркале мифов. Новосибирск, 1992.

181. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991, с. 46.

182. АВПР, ф. 113, оп. 113/1, д. 4, лл. 350, 351 об. (Материалы Г. П. Самаева).

183. Там же, лл. 54, 56; д. 2, лл. 45, 47.
184. Там же, д. 3, л. 220 об.
185. Следует отметить, что буддийские геологи и исследователи буддизма до сих пор дискутируют по поводу того, что именно надо понимать под «нирваной».
186. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев.., с. 130.
187 **Самаев Г. П.** Указ. соч. с, 47.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России
АИ — Акты исторические
АРАН — Архив Российской Академии Наук
АФИРИ — Архив филиала Института российской истории РАН в г. Санкт-Петербурге
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАРА — Государственный архив Республики Алтай
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГИМ, ОПИ — Государственный исторический музей, отдел письменных источников
ГПБ, РО — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел
ДАИ — Дополнения к «Актам историческим»
НБТГУ, РО — Научная библиотека Томского государственного университета, рукописный отдел
НИИИЯЛ — Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге
РГО — Русское географическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека
ТГПИ — Тюменский государственный педагогический институт
ТТОИС — Труды Томского общества изучения Сибири
ЦГАРТ — Центральный государственный архив Республики Татарстан

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТЕРИАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ АЛТАЙСКИХ ДЮЧИН И ВОЛОСТЕЙ

[из кн. Ядринцева Н. М. «Сибирские инородцы, их быт и современное положение», СПб, 1891; Потапова Л. П. «Очерки по истории алтайцев», М—Л., 1953]

Дючины и волости	Расположение родового управления	Основные места кочевий и проживания	Расстояние до Бийска, верст
ДЮЧИНЫ			
1-я дючина	с. Александровка	По правой стороне Катуни: преимущественно в бассейне р. Маймы	100
2-я дючина	с. Усть-Кеньга	По рр. Урсулу и Кеньге (Теньге).	438
3-я дючина	с. Келей	По рр. Чарышу, Кану, Белому и Черному Аную.	230
4-я дючина	с. Келей	По рр. Кану и Чарышу.	108
5-я дючина	с. Усть-Кеньга	По рр. Кану и Кеньге (Теньге).	280
6-я дючина	с. Усть-Кеньга	По рр. Кану, Чарышу, Кеньге (Теньге).	240
7-я дючина	с. Усть-Кеньга	По рр. Катуни левый берег), Урсулу, Кеньге (Теньге).	280
ВОЛОСТИ			
1-я Чуйская	с. Чибит	По рр. Чуе, Аргуту.	630
2-я Чуйская	с. Курай	По рр. Чуе, Башкаусу, Чулышману, Улагану.	550
Верхне-Кумандинская		По рр. Бие, Ише, Нине, Сии, Лебедю; в селах — Пильно, Елей, Макарьевское и др.	60
Нижне-Кумандинская		По рр. Ише, Бие, Нине, Карабошке; в селах — Таште, Усть-Коже и др.	75
Южская	с. Ынырга	По рр. Учек, Ише, Ынырге; в селах Улале, Сайдысе, Чемале, Ынырге.	168
Комляжская	с. Ынырга	По рр. Ише, Кузе, Тулону, Егинаку, Баныcту, берегам Телецкого озера; в селах — Ынырге, Кебезени, Паспауле, Салганде, Чепоше, Ильинском, Ерыхалке (Верх-Карагуж).	275
			365

1	2	3	4
Кергежская	с. Ынырга	По рр. Тулою, Пыже, Сары-Кокше, Эдигану, Кайне, берегам Телецкого озера; в селах — Ынырге, Кебезени, Балыксе.	275
Кузенская	с. Ынырга	По рр. Ише, Балыксе, Бие, Сары-Кокше; в селах — Ынырге, Паспауле, Ильинском.	275

Приложение 2

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

(из кн. «Список населенных мест Сибирского края», вып. X, Новосибирск, 1928)

№№ пп.	Название населенного пункта	Год основания
1.	Улала (Горно-Алтайск)	1830
	КОШ-АГАЧСКИЙ РАЙОН	
1.	Ак-Тал	1914
2.	Кокоря	1890
3.	Курай	1901
4.	Кош-Агач	1801
5.	Чаган-Узун	1801
	ТУРОЧАКСКИЙ РАЙОН	
1.	Алешкин аил	1826
2.	Дмитриевка	1911
3.	Каначак	1826
4.	Кебезень	1856
5.	Курмач-Байгол	1824
6.	Озеро-Куреево	1911
7.	Санькин аил	1875
8.	Сапожкин аил	1824
9.	Суранаш	1835
10.	Тондошка	1726
11.	Турочак	1864
12.	Удаловка	1910
13.	Тулой	1890
14.	Усть-Пыжа	1836
15.	Шунарак	1835
16.	Яйлю	1812
	МАЙМИНСКИЙ РАЙОН	
1.	Александровка	1860
2.	Бирюля	1775
3.	Верх-Иша	1880
4.	Верх-Карагуж	1727
5.	Карасук	1865
6.	Майма (Чергачак)	1810
7.	Манжерок	1856
8.	Муны	1806
9.	Сайдыс	1726
10.	Созуга	1820
11.	Туньжа	1860
12.	Урлу-Аспак	1860
13.	Усть-Муны	1876
	ОНГУДАЙСКИЙ РАЙОН	
1.	Бичикту-Бом	1863
2.	Большой Яломан	1626
3.	Боочи	1600
4.	Едро	1909
5.	Ело	1626
6.	Зайсанская Елань	1897
7.	Инигень	1626
8.	Иня	1900
9.	Каракол	1850
10.	Купчегень	1849
11.	Малый Яломан	1626
12.	Нижняя Талда	1913
13.	Онгудай	1626

1	2	3
14.	Талда	1800
15.	Теньга (Кеньга)	1856
16.	Туекта	1876
17.	Улита	1800
18.	Шашихман	1800
19.	Хабаровка	1850
	УСТЬ-КОКСИНСКИЙ РАЙОН	
1.	Абай	1860
2.	Баштала	1860
3.	Березовка	1823
4.	Верх-Уймон	1786
5.	Гагарка	1866
6.	Горбуновка	1875
7.	Кайтанак	1830
8.	Кастахта	1620
9.	Катанда	1836
10.	Красногорка	1896
11.	Курунда	1876
12.	Мульта	1836
13.	Маргала	1900
14.	Нижний Уймон	1826
15.	Огневка	1861
16.	Терехта	1850
17.	Тюгурюк	1881
18.	Тюнгур	1876
19.	Усть-Кокса	1807
20.	Чендек	1866
21.	Юстик	1860
	УЛАГАНСКИЙ РАЙОН	
1.	Балыктуюль	1765
2.	Большой Улаган	1765
3.	Кара-Кудюр	1697
4.	Малый Улаган	1786
5.	Паспарта	1770
6.	Чибиля	1770
7.	Чибит	1801
8.	Язула	1802
	ЧОЙСКИЙ РАЙОН	
1.	Верх-Карагуж	1912
2.	Веселая Сейка	1911
3.	Гусевка	1861
4.	Каракокша	1904
5.	Киска	1806
6.	Культура (Поросята)	1875
7.	Левинка	1911
8.	Паспаул	1825
9.	Салганда	1876
10.	Сугул	1910
11.	Туньжа	1776
12.	Ускуч (Верх-Пьянково)	1875
13.	Чоя	1876
14.	Ынырга	1850
	УСТЬ-КАНСКИЙ РАЙОН	
1.	Верх-Бело-Ануй	1800
2.	Владимировка	1926
3.	Кайсын	1912
4.	Келей	1700
5.	Козуль	1800
6.	Кырлык	1625
7.	Мендур-Соккон	1720
8.	Озерное	1800
9.	Санаровка	1860
10.	Талица	1860
11.	Тюдрала	1776
12.	Усть-Кан	1876
13.	Усть-Кумир	1900
14.	Ябоган	1800
15.	Яконур	1756
	ШЕБАЛИНСКИЙ РАЙОН	
1.	Актел	1851
2.	Барагаш	1900
3.	Верх-Кукуя	1886
4.	Верх-Черга	1626
5.	Ильинка	1811
6.	Камлак	1835
7.	Кумалыр	1864
8.	Малая Черга	1886
9.	Мугута	1884
10.	Мухор Черга	1856
11.	Мыюта	1826
12.	Топучая	1878
13.	Улус-Черга	1886
14.	Черга	1796
15.	Шаргайта	1710
16.	Шебалино	1833
	ЭЛИКМАНАРСКИЙ РАЙОН (ныне Чемальский район)	
1.	Анос	1856
2.	Аскат	1866
3.	Аюла	1878
4.	Еланда	1836
5.	Куюс	1612
6.	Уажан	1850
7.	Узнезя	1881
8.	Чемал	1885
9.	Чепош	1800
10.	Эликманар	1826

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ТЕЛЕУТСКИХ КНЯЗЕЙ
(по русским архивным документам XVII — нач. XVIII вв.)

I. АБАК (УМЕР В 1635 г.)

Суртай
Иван-Имен (Имес)
Торгоут
Кобыс (Кой-бас, Кой-мас)
Кока (умер около 1669—1670 г.)
Кулудай
Дочь жена Тарлава
Дочь жена Курумши
Дочь жена Идереса
Дочь жена Бебея

Бол

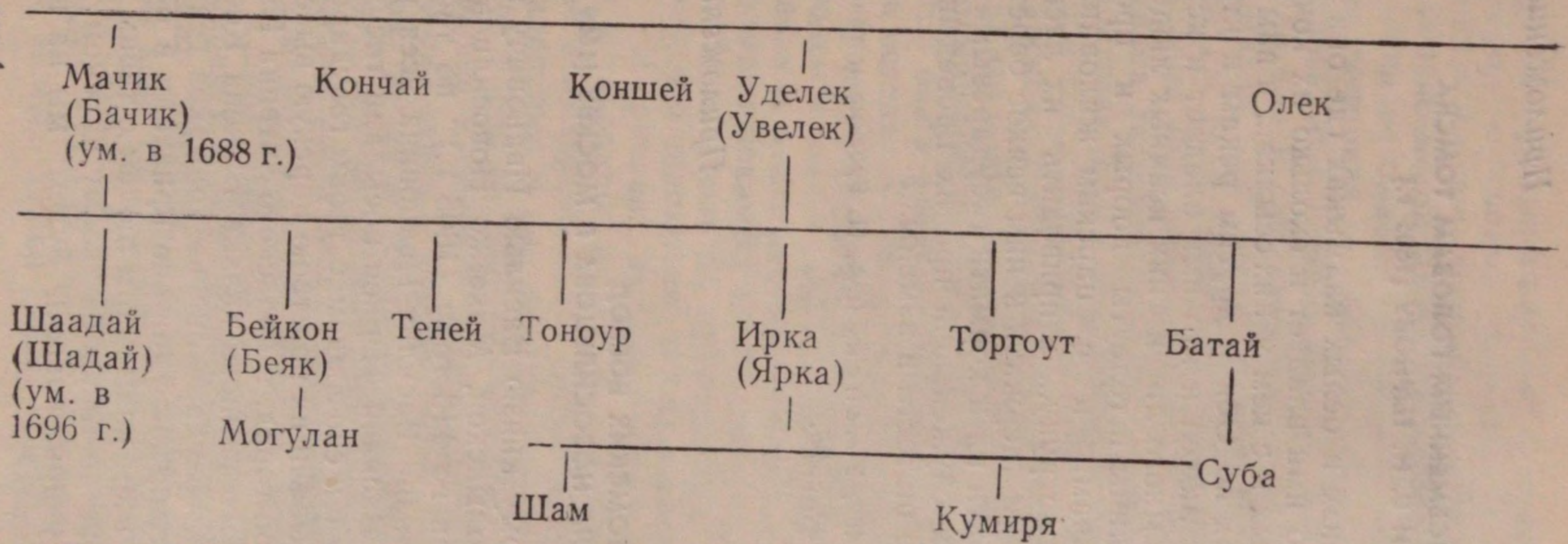
Иштень
Бехтень
(Байтай) Бахтай
Кечюй
Табун (ум. в 1697 г.)
Иургган (Июргган)
Батый
Ишик
Ишетень (Ишитень)

Манзу
Тайлан
Чаткара (Чат Карой, Чот Карой)

Шал
Матай
Байгорок
Базан
Коен
Дочь жена Коронайтайши

Чап (Чжан)

II. КОЙШЕБУРА (КАШНАЙ БУРА)



Примечание: Тире означает возможность тождества лиц, между которыми оно поставлено.

Уманский А. П. Русские и телеуты в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980, с. 290—291.

Приложение 4

ИЗ ЦАРСКОГО НАКАЗА ПИСЬМЕННЫМ ГОЛОВАМ ТОМСКА Г. И. ПИСЕМСКОМУ И В. Н. ТЫРНОВУ (1605 г.)

«... проведывать вам о черных и белых калмыках где они кочуют и в которых местах и кто ими владеет и сколько их кочует и в одном ли месте или в разных и с кем у них ссылка... и вам бы собрать вести о землицах вверх по Оби и другим рекам и кто в них князьков и мурз и лучших людей и кто ими владеет и ясаки с них емлет или живут собе и много ли в них ясачных людей... и послали б вы в дальние землицы в телеуты добрых и просужих служилых людей с толмачами и с царским жалованием и звать их под высокую царскую руку... а приводить их ласкою а не неволею и не жесточью... и держати к ним всякое бережье и ласку чтоб приучить их и поити их и кормити государевыми запасы и сукна им давати по их служенью и про их проведывати не чаять ли в них впредь какие шатости и измены...»

РГАДА, ф. 214, кн. 11, лл. 479—480; Уманский А. П. Русские и телеуты в XVII—XVIII веках. Новосибирск, 1980, с. 35.

Приложение 5

ОТПИСКА ТОМСКИХ ВОЕВОД ВАСИЛИЯ ВОЛЫНСКОГО, МИХАИЛА НОВОСИЛЬЦОВА В МОСКВУ (1609 г.)

«Государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа русски холпи твои Васька Волынской, Михалко Новосилцов челом бьют, в прошлом государь во 113 году (1605 г.) по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всея руси указу Гаврило Писемской да Василей Тырнов посылали государь в белые калмыки князю Обаку и к ево людем с твоим государским жалованным словом, и приказывали их под твою царскую высокую руку, чтоб оне ехали в Томской город, тобольского литвина Ивашка Поступинсково да томского конного казака Бажена Костентинова с товарищи и приехали государь оне из колмаков генваря во 2 день и в расспросе сказали, как де оне приехали в белые колмаки к Обаку князю и ко всем колмацким людем с твоим царским жалованным словом и оне де государь твоему царскому жалованию ради и учали де государь сказали будем мы на весну

(1606 г.) людьми своими к царскому жалованю придем в Томской город с своими головами и в Томском государь городе Обак князь и мурзы колмацкие не бывали. В Томском город при Гаврииле Писемском да при Василии Тырнове и при иных государь головах не бывали и тебе государю Обак князь своими людьми не шертовал, а присылали государь колмацкие люди в Томскои город татар с поминками к тебе государю, а ясаку государю не платили и сам князь Обак и лутчие мурзы в Томскои город не бывали, как Томской город поставили и в нынешнем государь во 117 году (1609 г.) февраля в 4 день посылали государь мы холопи твои в белые колмаки ко князю Обаку ис Томсково князя Таяна да с ним томских казаков Ивашка Коломну да Васку Малентиева да Ивашка Петлина, а велели государь им звать в Томской город колмацкого князя Обака ево лутчих мурз к твоему царскому жалованью и будет Обак и лутчие мурзы затем не поедут что боятца что их в закладе оставят и мы государь холопи твои колмацкому князю Обаку велели дать слово свое прямое на том чтоб оне в том не опасалися, что их в закладе в Томском городе не оставят и тем бы его обнаружить, чтоб был в Томской город и будет не поверит слову прямому князю Тоянову и служивым людем и мы государь холопи твои велели для веры остаться в колмаках в закладе князю Тояну али служивым людем ково излюбят колмаки покамест Обак князь будет ис Томсково города для тово что Обак князь да лутчие мурзы в Томской город за тем не бывали, что опасаютца, что их в закладе оставят.

И приехав... из белых колмаков князь Таян да Ивашко Коломна с товарищи марта в 31 день, в расспросе... сказывали, что оне колмацково князя Обака звали и его лутчих мурз к твоему жалованию и оне де... им сказывали, что не смеют ехати в Томской город за тем, что их оставять в закладе. Князь Таян... да Ивашко Коломна с товарищи слово свое прямое на том давали, что оне ехали в Томской город не боялся... И колмацкие люди слову де их не поверили а велели де... на том князю Таяну шертовать, что их ис Томсково города отпустят... И князь Таян... колмацкому князю Обаку на том шертовал... И Обак государь с ними в Томской город приехал, а с ним приехали мурзы и лутчие люди и били челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа руссии чтобы ты... их пожаловал, велел им кочевать блиско Томсково города, а оне хотят служить и прямить тебе... и на ково ты... их пошлешь на своих непослушников воевать и оне хотят служить все своими головами, а ясаку с них имать не велел, а челом ударили тебе... в поминки — 30 соболей да лисица красная; И мы... князю Обаку и мурзам и ево лутчим людем сказали

твое... милостивое слово, чтоб оне кочевали ближе к Томскому городу, а ты... их пожалуешь, велишь оберегать от Алтына-царя и от Казацкой орды и впредь бы оне были на твою... милость надежны, а о том бы он ехал бити челом тебе... к Москве, чтоб ты... их пожаловал, не велел с них ясаку имать и оне сами увидят твои очи... И Обак и мурзы своими людми на том тебе... шертовали... И твоего... жалованья дали Обаку князю однорятку малиновую, лундыш да рубашку золотую да колпак да сапоги; а мурзам по однорятке настрафилной; людем ево по однорятке рословской. И с тех... мест Обак князь и мурзы колмацкие их люди и черных колмаков люди немногие с белыми колмаками почали часто з базаром є лошадьми... ис коровами приходить в Томской город и лошадьми и коровами служилые люди наполнилися...»

АРАН. — Ф. 21. — Оп. 4. — Д. 17. — Л. 13—16.

Приложение 5

ПРИБЫТИЕ ПОЛЬСКИХ ПОСЛОВ В МОСКВУ

«26 мая 1636 г. ... прибыли под Москву польские послы... Их ввели в город в тот же день. Когда... послы заметили... нас (Адама Олеария (немецкий путешественник) — *Н. М.*), выехавших за город посмотреть на вьезд, то они, обнажив головы любезно кивнули нам и поприветствовали нас. Между тем по отношению к русским приставам они оставались неподвижными и серьезными. Точно так же приставы, к большой своей досаде, должны были первыми сойти со своих лошадей и обнажить свои головы перед послами... Послам не дали лошадей. Тем более, что ранее польский посол не принял русской лошади и вьехал в Москву на своей лошади. (Этот посол прибыл после освобождения от осады Смоленска и поражения русских перед этим городом). Поступал он наперекор русским. Речь на аудиенции произнес не стоя, а сидя, шапки не снимал, но зато потребовал снятия их боярами, что и было сделано...»

Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — С. 143—144.

Приложение 6

ИЗ ОТПИСКИ ТОМСКИХ ВОЕВОД В СИБИРСКИЙ ПРИКАЗ (1650 г.)*

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руссии холопи твои Мишка Волынской Богдашко Кокодинской Мишка Ключарев челом бьют в нынешнем государь во 158 году июля в 9 день присылал из белых колмаков князец Кока в Томской послов своих Идерека, да Едерека, да Ендоя, да Кулу, да Байдея, да Тоянека, да Баты, да Деканя, да Токуша, да Егодая, всего 10 человек и мы холопи твои велели их взять перед себя на съезжей двор и их распрашивали для чего их в Томской князец Кока прислал...»

* РГАДА, ф. 214, стлб. 381, лл. 446—448.

Приложение 7

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК Д. КОПЫЛОВА (июль, 1658 г.)

«...По указу великого государя... велели мы, воеводы Иван Наумович Приимков-Ростовский да Алексей Андреевич Коковинской томским служилым людем Дмитрию Копылову, Дмитрию Вяткину, Михаилу Дорохову, Ивану Лаврентьеву, Бажену Пичугину, Федору Рудакову, Корнилу Капустину, да чатским мурзам Итегменю Тарлавову, Гагилче Косманакову, Тосмамету Елбагичеву, Маметкуле Чангаеву ехати в белые калмыки, ко князцу Коке Абакову, а приехав говорити..., чтобы князцы Кока и Мачик царского величества людям нигде никакова дурна не делали... и шерть свою подкрепили... быть им со всеми улусными людьми под государевою высокою рукою в вечном холопстве... неотступно и служити... во всем добра, хотети и аманатов добрых в Томской дати...»

РГАДА, ф. 126, оп. 1, д. 1, л. 1—4.

Приложение 8

ИЗВЕСТИЕ ГОЛЛАНДЦА БАЛЬТАЗАРА КОЙЭТА ОБ АЛТАЕ (1675 г.)

«...Здесь находятся и разные реки... Обь, Катунь... на берегах которых много деревень, довольно густо населенных. Река Катунь

шириною в 300 сажен и имеет очень быстрое течение. ...В этой стране много разных животных, птиц и рыб.., много гор с железом... Многие деревни сносятся друг с другом на стругах и перевозят свои продукты...»

Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, с. 440.

Приложение 9

ОТПИСКА КУЗНЕЦКОЙ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В СИБИРСКИЙ ПРИКАЗ (февраль, 1677 г.)

«По указу великого князя Федора Алексеевича и по наказной памяти воеводы Григорья Васильевича Волкова посылан кузнецкой сын боярской Самойло Ботвинков да для толмачества отставной казак Тимошка Серебреников да для письма конной казак Ивашко Колокольцов на Алтын озеро в Телесские волости для того что велено ему Самойлу с товарыщи говорить телеским людем которые государев ясак платили, чтобы князцы и ясаулы служа великим государям сами и своими улусными людьми шерть дали по шертовальной записи. И сын боярской Самойло Ботвинка с товарищи пришед в Телескую волость марта в 21 день и собрал телеских князцов и есаулов и всех ясашных людей и по указу великих государей и по наказной памяти говорил он Самойла с товарищи в тех волостях князцам и ясаулам и ясашным людем, чтобы они службу и раденье свое показали великим государям сами и своими улусными людьми шерть дали. И марта в 23 день великим государям телеские князцы и ясаулы и ясашные люди по своей вере шерть дали...»

РГАДА, ф. 214, кн. 605, лл. 278 об. — 281 об.

Приложение 10

КАБИНЕТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Государственное учреждение... В октябре 1704 г. Петр I создал при себе под именем Кабинета военно-походную канцелярию во главе с кабинет-секретарем А. В. Макаровым... Компетенция была обширной и касалась всех вопросов законодательства и управле-

ния. После создания коллегий она сузилась, но Кабинет по-прежнему оставался высшим государственным учреждением... Указом 24 мая 1727 был упразднен. Восстановлен Елизаветой Петровной 12 декабря 1741 г. как личная канцелярия императрицы, сходная по характеру деятельности с Кабинетом Петра I.

... С 1704 по 1786 г. — Кабинет являлся общегосударственным органом... С 1786 г. — становится «учреждением, ведающим государево казначейство и государево имущество», т. е. указ 16 июля 1786 г. превратил Кабинет в «исключительно дворцовое учреждение с хозяйственным характером...»

Согласно уставу Кабинета, утвержденному 24 июня 1827 г., он определялся как «установление, заведывающее собственностью царствующего императора и распоряжающееся ею, на основании именных высочайших указов и повелений, равно в силу своего учреждения». С 1826 г. Кабинет стал хозяйственным органом коронного ведомства, монархии как государственного института.

Во главе Кабинета стоял управляющий (1741—1825). С 1826 по 1883 г. — вице-президент как председатель коллегии, состоявшей из горных инженеров и администраторов. Закон 22 августа 1826 г., сделав министра двора одновременно и управляющим Кабинетом, не изменил систему коллегиальности. Она была упразднена 24 января 1883 г. Вместо коллегии были введены должности трех помощников.

Устав 24 июня 1827 г. утвердил штаты Кабинета в количестве 122 человек. К 1855 г. штат составлял 175 чиновников,.. к началу XX в. — только в центральном аппарате было 300 человек.

200-летие Кабинета е. и. в. (1704—1904). СПб. 1911, с. VI, XX и др.; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973, с. 52—53, 55—57.

Приложение 11

РОСПИСЬ ТОВАРОВ И ЦЕНА (май, 1722 г.)

Черные лисицы — от 100 до 120 руб.
Соболи — по 1,5—2—4 руб.
Бурые лисицы — по 8—10 руб.
Бобры — по 14—15—20—25 руб.
Горностаи — по 14—15—16—17 руб.
Рыси — по 2—3 руб.
Корсаки — по 50—70 коп.

Песцы — по 60—75 коп.
Телеутская белка (1000 шт.) — 75—90 руб.
Канфа — по 5—10 руб.
Атласы — по 2,5—4 руб.
Каменный чай — по 30—40 коп.

Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб, 1885, кн. 2, с. 375—376.

Приложение 12

ДНЕВНИК ИНЖЕНЕР-КАПИТАНА С. ПЛАУТИНА (1745 г.)

«... В Кергежской Комляжской Кузенской Кумандинской Тау-Телеутской волостях расположенных в бассейнах рек Бии, Иши и Маймы земля добрая к хлебопашеству угодная. Тамошние татары сеют еровой хлеб: ячмень пшеницу рожь но не довольно... потому что татары... жительство постоянное не имеют... кочуют все время...»

РГАДА, ф. 248, оп. 113, 1584, лл. 530—532.

Приложение 13

ОБ АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ

1 мая 1747 г. императрица Елизавета Петровна повелела «взять на себя» алтайские заводы покойного Акинфия Демидова, с уплатой вознаграждения наследникам в 40 тыс. руб... Барнаульский и Колыванский заводы положили с 1747 г. начало обширному горнозаводскому хозяйству Кабинета на Алтае... К заводам Кабинета были приписаны десятки тысяч крестьян вместе с землями их фактического владения. До 1834 г. кабинетский горный округ именовался Колывано-Воскресенским, затем Алтайским округом. С 1834 г. — Алтайским горным округом, который существовал до 1917 г.

... В XVIII в. границ округа не было даже приблизительных. Обвод их начинается в 1817 г. и заканчивается в 1818 г... К 1917 г. округ занимал пространство между 50—57° северной широты и 96—109° восточной долготы, сливаясь на северо-западе с Барабинской, а на юго-западе с Казахской степью, выходя на юге

к государственной границе и на востоке к хребту Алатау. Протяженность его с севера на юг — 754 версты и с запада на восток — 85 верст. Площадь округа составляла около 42 млн. десятин.

ГААК, ф. 4, оп. 3, д. 3127, лл. 20, 22; Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897). СПб, 1896, с. 82; Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973, с. 61, 70—71.

Приложение 14

УПРАВЛЕНИЕ КАБИНЕТСКИМИ ЗЕМЛЯМИ

«...Алтайские земли (Колывано-Воскресенские) с 1747 до 1779 г. входили в состав Тобольской провинции Сибирской губернии. В 1779 г. из Колывано-Воскресенского округа была образована Колыванская область в составе Барнаульского, Томского, Кузнецкого и Бурлинского административных округов. В 1783 г. Колыванскую область реорганизовали в губернию,.. в 1796 г. она была упразднена,и земли ее приписаны к Тобольской губернии. В 1804 г. учреждается Томская губерния из 8 уездов,.. алтайские земли Кабинета входят в состав Бийского, Кузнецкого и части Томского уездов. Административная реформа в Сибири... в 1822 г. разделила Томскую губернию на 6 округов. Барнаульский, Кузнецкий, Чарышский целиком вошли в состав кабинетского округа, Колыванский и Томский — частично. В 1827 г. Чарышский округ был переименован в Бийский (с 1838 по 1854 г. в его состав временно входили города Семипалатинск и Усть-Каменогорск, отошедшие затем к Семипалатинской области). В 1856 г. Колыванский округ был упразднен, и большая часть его земель вошла в состав вновь образованного (за пределами кабинетской территории) Мариинского округа. В 1894 г. из Бийского округа выделился Змеиногорский. С 1894 по 1917 г. земли Кабинета на Алтае составляли южную половину Томской губернии и охватывали уезды Барнаульский, Бийский, Кузнецкий, Змеиногорский целиком и Томский частично (от 3 до 9 волостей в разное время...

Непосредственное управление кабинетскими предприятиями и землями сосредоточивалось в руках местного аппарата (в разные годы именовался по-разному: горная экспедиция, горное правление, горное начальство, управление округа, главное управление округа). На Алтае центром управления был всегда Барнаул...

С 1779 по 1796 г. Алтайский округ находился в подчинении Колыванского областного управления. С 1822 г. главный начальник Алтайских заводов по должности являлся одновременно и Томским гражданским губернатором (для повседневного управления заводами с 1830 г. введена должность «горного начальника»). Указом 24 августа 1863 г. Томский губернатор освобожден от управления кабинетским округом. С 14 апреля 1830 г. до 27 мая 1855 г. Алтайский округ (как и Нерчинский) находился под управлением Министерства финансов...»

Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. Новосибирск, 1973, с. 73—76.

Приложение 15

ПИСЬМО АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ (март, 1756 г.)

«Напред сего мы бывшие владения Галдан Череня двенадцать зайсангов пред сим посылали к вам с известным нашим письмом зайсанга Намку, також и ныне мы двенадцать зайсангов со всеми нашими улусными людьми желаем быть в подданстве белого царя и с подвластных нам улусных наших людей будем платить ясак, какой по соизволению белого царя определен будет, и ежели белой царь когда в потребном случае нам «двенадцати зайсангам соизволит повелеть на наш зенгорский народ или куда в другое место нарядить в поход войско, то мы онаго войска в зимнее время по тысяче, а в летнее время по две тысячи человек немедленно будем отправлять, а мы намерение имеющие быть в подданстве белого царя двенадцать зайсангов состоим в тысячи пятистах кибиток людей или может быть более или малым чем меньше. И тако мы двенадцать зайсангов послали с сим Намку и руки приложили».

ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 43,, лл. 251—252.

Приложение 16

ПИСЬМО АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ (1756 г.)

«Мы, алтайские знатные зайсангн, все между собою согласясь, сие письмо к полковнику чрез Намку посылаем. Ежели бы вы..., сие наше дело вскоре привели ко окончанию, то бы оное

было хорошо, а ежели бы вы прислали к нам войско, и оным нас защитили и к себе взяли, то оное хорошо ж было, тако ж ежели бы вы здесь на наших местах крепость построили, то бы оное было крепко. И ныне вы, белого царя полковник, пожалуйте, возмите нас к себе, а к нам уже со объявлением нарочные приезжали, что мунгалы хотят нас отсюда взять и перевесть к себе... а ныне мы намерение имеем белому царю подати платить, и кроме белого царя мы иного государя не имеем...»

АВПР, ф. 113, оп. 1, д. 4, лл. 283—284.

Приложение 17

ПРИСЯГА ПРИ ПРИЕМЕ РУССКОГО ПОДДАНСТВА (1756 г.)

«...Я малых с телеутами зайсан Ангир Дендук зайсанов сын Цондогош, демичи.., шуленги.., знатные люди на себя клятву кладем мы всемогущим богом небо и земли сотворшаго. Я пришел в подданстве быть к белому царю всем своим улусом, желаем мы верно зла и лиха не думать, на русских людей стрелы не накладывать, лука не натягивать, саблей не замахиваться, из ружья не стрелять, этим себя заключаем мы, сабли конец целуем, хлеб «ядим мы, я с улусом ежели изменю шею мою рубить».

ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 425.

Приложение 18

РАСПИСКИ АЛТАЙСКИХ ЗАЙСАНОВ

I

«1766 г. декабря 24 дня. Таутелеуцких 5 дючин зайсанг: Ерелдей Мочаков, Кутук Кутуйгулин, Ерендей Менков, Битюка Куранаев, Намки Малаев и все тех пяти дючинов лутчие люди приняли от зборщика камисара сына боярского Василия Соколова за платеж в казну ясака в награждение вина простого 3 ведра сполна в чем под сим и подписуемся и по своей зере знаки приложили».

РГАДА, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 746, л. 57.

Приложение 19

II

«1766 г. декабря 30 дня. Волости Кумандинской башлык Акучай Иштегечев ясаул Тютеки Чечулаков и все той волости лутчие люди приняли от камисара сына боярского Василия Соколова за платеж в казну ясака в награждение вина простого одно ведро 3 четверти все сполна, в чем под сим по своей вере и подписуемся».

РГАДА, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 746, л. 58.

Приложение 20

III

«1767 г. генваря 14 дня. Волости Кузенской башлык Ченкочак Коштогачев, ясаул Контар Кужимаев и все той волости лутчие люди приняли от комисара сына боярского Василия Соколова за исправный платеж в казну ясака в награждение на 1766 г. казенной соли 2 пуда сполна, в том по своей вере и подписуемся».

РГАДА, ф. 517, оп. 1, ч. 1, д. 746, л. 59.

Приложение 21

УКАЗ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА О ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ
(октябрь 1799 г.)

«...Край Сибирский прилежащий к границе китайской имеет плодородную землю, благоприятный климат, но заселен плохо. От этого зависит и польза от него. Исходя из этого поселить на первый раз до 10 тыс. душ не определяя точно в какое число лет произвести такое поселение. И начать это поселение с 1800 г. Для этого использовать отставных солдат, преступников, крепостных людей с зачетом в рекруты не старее 45 лет, без разлучения мужей с женами. На одну душу отводить по 30 десятин. Селить так, чтобы в одном селении более 100 дворов не было. На первый для двух тысяч душ построить дома за счет казны, запасти хлеба на полтора года и приготовить земледельческие и другие орудия. Эти 2000 обеспеченных потом должны строить дома для вновь приезжающих. Пришедший поселянин свободен от всяких податей 10 лет. Однако в виде подати для общей пользы собирать для пребываю-

щих вновь хлеба с 1 души по четверику, начиная с первого урожая...»

РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 472, лл. 18—22.

Приложение 22

ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ ГОРНОГО АЛТАЯ (1811 г.)

К 1811 г. крестьяне Миней и Алексей Зяблицкие и еще человека четыре проникли до устья реки Маймы. Здесь на левом берегу речки Чергачак в трех верстах от «калмыцких кочевий» основали село Чергачак. В том же году по рекам Иша, Карагуж, Ташта, Чепша и Барда русские крестьяне выбрали места для поселений. Братья Кайгородовы — Андрей, Василий и Яким — на одной из этих рек положили начало освоению села Карагуж, а Петр и Осип Криволуцкие «с товарищи» начали строиться на речках Чепша и Барда. В этом же году было основано село Шульгин Лог. Крестьяне из сел Енисейское, Большое Угренево, Усятского и Иметинского, всего 24 семьи, просили позволения на переезд за «линию на приисканные ими якобы пустолежащие земли».

Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974, с. 13.

Приложение 23

СПИСОК С ЖУРНАЛА ЯСАЧНОЙ КОМИССИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (октябрь, 1832 г.)

«...Каждая калмыцкая дючина имеет своего родоначальника (зайсана) и несколько помощников (демичей), которые составляют родовое управление, что каждая дючина имеет свой участок земель для кочевки и пастбищ не переходя на земли ей не принадлежащие, что инородцы все, вообще занимаются звероловством, но главнейшая их промышленность заключается в скотоводстве, что образ жизни их вообще сходен с киргиз-кайсаками, кочующими по левому берегу Иртыша. Исходя из этого, т. е. сходства образа жизни, калмыков следует отнести к разряду кочевых, т. к. киргиз-кайсаки считаются кочевыми...»

РГИА, ф. 1264, оп. д. 277, ч. 5, л. 408.

Приложение 24

О ВЛИЯНИИ РУССКИХ НА АЛТАЙЦЕВ (1860 г.)

«... Одежда крещенных инородцев опрятна и сходна с одеждой русских крестьян; при этом надо заметить, что холст ткут женщины сами, между тем у кочующих калмыков они умеют выделывать только войлок. Некоторые занимаются уже хлебопашеством, имея в порядке все необходимые для этого принадлежности. Многие завели домашнюю птицу — кур и гусей, чего нельзя встретить у некрещенных. Короче, во всем заметен значительный шаг к лучшему».

«Томские губернские ведомости, № 6, 1879 г.

Приложение 25

О ВЛИЯНИИ РУССКИХ НА «ИНОРОДЦЕВ» (1864 г.)

«... Миссионеры и их семейства имеют необходимость расположить новокрещенных к тому, чтобы они учились земледелию, заводили огороды и приучались к другим занятиям оседлого домохозяйства, приучать новокрещенных женщин печь хлеб, прясть, шить простые одежды и обувь, садить овощи и иметь уход за огородом.., лечить больных (особенно голиопатией) крещенных и некрещенных, всякого возраста и пола... прививать оспу мужчинам, женщинам и младенцам».

«Душеполезное чтение», № 1, 1864, с. 127.

Приложение 26

ОТЧЕТ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ ЗА 1870 г.

«... ниже устья речки Балыксы в полверсты... поселено было новокрещенных (полудиких) 11 семейств... К ним для приучения к более правильному хлебопашеству, домоводству и христианскому образу жизни допущены семьи Зыряновых и Юдиных. А допущены сии семьи потому, чтобы среди новокрещенных укрепить христианскую веру, ибо сюда из Барнаульского округа устремил-

ся поток лиц зараженных духом раскола и испорченной нравственности».

ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 409, л. 7.

Приложение 27

РАСПОРЯЖЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ А. СУПРУНЕНКО ОТ ОТКРЫТИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ ПУНКТОВ ПО ПРИЕМУ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (1873 г.)

«... С целью упорядочения переселений... открыть в Горном Алтае... 26 пунктов для приема переселенцев... По Чуйскому тракту... открыть 15 переселенческих пунктов с поселением в них 846 душ обоего пола... в частности в селениях: Топучая — 100 душ, Туектинское — 80, Ининское — 120, Онгудай — 100, Кош-Агач — 100 душ...; по Уймонскому тракту... 9 участков с населением 470 душ... в частности в селениях: Белый Ануй — 80 душ, Келей — 60, Абайское — 60 душ;... и по Канской дороге — селения Теньгинское и Ябоган со 150 душами обоего пола... Всего в 26 пунктах... поселить около 1500 переселенцев...»

РГИА, ф. 468, оп. 23, д. 569, лл. 112—121.

Приложение 28

ДОКЛАД КАБИНЕТА О КОЛОНИЗАЦИИ ГОРНОГО АЛТАЯ (июнь 1874 г.)

«... Колонизация Алтайского горного пространства не только полезна... , но и крайне необходима для обеспечения нашей южной границы от могущих быть случайностей, потому что нельзя предвидеть, чем окончится политическое движение народов, населяющих Западный Китай, а при ... колонизации всего Горного Алтая русское население, занявшее все горные проходы этой местности, на случай опасности может служить самым надежным оплотом нашей территории... Но заселение должно производиться переселенцами из русских губерний, а не крестьянами, проживающими на ... землях Горного ведомства... Обязать Томскую казенную палату и Горное правление направлять переселенцев преимущест-

венно в долину рек Чуи, Средней Катуни, Башкауса и Чулышмана».

РГИА, ф. 468, п. 23, д. 569, лл. 53—55.

Приложение 29

ПИСЬМО РЯЗАНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА, ОТСТАВНОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ЛЕОНТИЯ ГОЛУБЕВА С АЛТАЯ НА РОДИНУ (1878 г.)

«... Братцы мои ... продавайте свое имущество и идите сюда... Земли пахать, сколько угодно, земля и леса никогда не делятся. Хлеба родятся всякие. А народ по селам и деревням — новоселы, а за Бийском есть еще новые участки для поселян и афиши прибиты желающим...»

Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. М. 1885, с. 174.

Приложение 30

ПИСЬМО РЯЗАНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА СЕМЕНА ТРИФОНОВА С АЛТАЯ СВОЕМУ ЗЯТЮ (1878 г.)

«... Нам хорошо жить, только завсегда об вас тужим, потому вы хоть и на своей стороне, да бедствуете... Еще повторяю Вам, зять наш, любезный Никифор Семенович, проси своего родителя.., чтобы тебя отпустил, ежели ничего не будет давать, то проси его благословить, возьми паспорт и иди со Христовым именем. Господь донесет тебя в добром здоровье, и то ты будешь семь крат счастлив...»

Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. М. 1885, с. 167—168.

Приложение 31

ПИСЬМО ПЕРЕСЕЛЕНЦА ПЕТРА ИВАНОВА НА РОДИНУ (с. УРУСОВО, ПЕТЕЛИНСКАЯ ВОЛОСТЬ, РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ) — 1881 г.

«... Хотели ехать на новые участки (в Горный Алтай).., но не поехали потому, что нам рассказали по дороге которые там были

и видели, что там хлеб не вызревает, а живут одни калмыки и занимаются звероловством, и там ужасные горы... Народу наехало неисчислимо. Приписываются в захват... и приписка вздорожала с души сильно... Податей сходит с живой души разно: где 10 руб., а где 15 руб. За умершие души обязывают подпиской платить до ревизии — почем положит общество с души умершего... Скот покупать стоит дорого: корова порядочная 18—20 руб., лошадь хорошая стоит 50—60 руб., овца хорошая — 2 руб. 50 коп. ... все становится близко к ценам рассейским; много стало дороже прежнего — вдвое... Тем надо хвалить (те места), которые совсем переехали и лишились домов и земли (на родине), а которые приехали смотреть места — не хвалят... и вертаются назад...»

Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. М. 1885, с. 180—182.

Приложение 32

КТО ТАКОЙ ПАШТЫК!

«.. В 80—90-х гг. звание паштыка (баштыка) или попросту старосты не наследственно, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом не самостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника. Паштык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа».

Адрианов А. В. Кузнецкий край. «Живописная Россия», т. XI, 1884, с. 294—295.

Приложение 33

«КАЛИФОРНИЯ НА АЛТАЕ»

«...В 25 верстах от села Алтайского, Бийского уезда, в местности населенной близь деревни Каянча, открыты богатые золотничниками. История открытия россыпей.., года два назад какой-то крестьянин случайно наткнулся на золото и заявил об этом горному начальству... (Оно послало горного инженера, но он по ха-

латности не сделал поисков хорошо и заявил что «приск — дело ничего не стоящее». Золотничники начали разрабатывать самостоятельно). Командированный другой горный инженер... признал россыпи богатыми. Начальство разрешило крестьянам вести золотничные работы артелью и теперь приск в полном ходу: кроме местных жителей, туда стремятся крестьяне из других волостей... К 1 июля с. г. в Главном управлении... было вновь записано до 500 охотников отправиться ... в Каянчу... По слухам каждый рабочий зарабатывает в сутки 5—6 руб.; казна выплачивает за каждый золотник по 2 руб. 50 коп. ...»

Сибирская газета. 11 августа 1885 г.

Приложение 34

ПРИГОВОР АЛТАЙЦЕВ РАЗНЫХ ДЮЧИН УРОЧИЩА УРУХТОЯ (ОРОКТОЯ)

«1886 г. января в 18 день... Мы как люди новокрещенные... и не привыкшие к русским обрядам, и... делам, а чтобы нам себя преобразовать ко всему... мы и определили... внять прошению крестьян Алтайской волости Семена Третьякова и Тимофея Слободчикова и принять Третьякова и Слободчикова в среду своего селения на житье».

ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 408, л. 3.

Приложение 35

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ (1886 г.)

«... Во всех станах мальчики и девочки... получают первоначальное образование: обучаются молитвам и начальным истинам веры, читают и поют по-алтайски и по-русски и считают. Дети способны, но недостаточных родителей или сироты состояли пансионерами на содержании миссии. Всех пансионеров было 107. Высшее образование для миссионерских целей дается в катехизаторском училище, существующим при Бийском архиерейском доме, под личным наблюдением начальника миссии. В отчетном — 1886 г. — из катехизаторского училища вышло на служение миссии в качестве учителей для первоначальных миссионерских школ — 6 человек. В женском училище в Улале, руководимом

сестрами монастыря, кроме грамоты, преподаваемы были и женские рукоделия.

Всех школ миссионерских и учащихся в них в 1886 г. более против 1885 г.: школ было 28 (в 1885 г. было 25 школ) — (более на 3 школы) — учащихся мальчиков 498, девочек — 236, всего 734 (более на 139) — (в 1885 г. — было 595).

Некоторые новокрещенные выучились грамоте самоучкой (Чолушмано-Улаганский район)».

Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1886 г. Томск, 1897, с. 5—6.

Приложение 36

ОТЧЕТ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ (1890 г.)

«... Ныне чолушманцы умеют землю пахать не одними абылами (мотыгами), а сохами и жать серпами, а не руками выдергивать хлеб, косить траву, а не резать ее ножами, как бывало прежде...»

Модоров Н. С. История и культура Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992, с. 72.

Приложение 37

О ВЛИЯНИИ РУССКИХ НА АЛТАЙЦЕВ (1890 г.)

«... Селение Эдиган. Некоторые из новокрещенных уже оставляют свои дымные аилы и строят избы и, глядя на русских, засевают понемногу еще разного хлеба, начинают устраивать огороды. Общими усилиями русских и инородцев построена даже мукомольная мельница... Селение Актел. Четыре дня мы (миссионеры— *Н. М.*) жили в Актеле. Отрадное чувство мы вынесли отсюда. Теперь благодаря тому, что двое новокрещенных женились на русских женщинах, в Актеле появился квас, стали к посту покупать постное масло. Нас угощали пельменями из капусты, выращенной в их деревне. К чаю подавали каральки и пироги с черемухой. Жители стали держать кур, гусей, завели русских овец, потому что алтайские не так выгодны — шерсть плоха и сама не мо-

лочны. В домах полы вымыты, стены побелены. Стали сеять всякий хлеб, стараться во всем походить на русских».

«Томские епархиальные ведомости». № 7, 1891, с. 12.

Приложение 38

«ТОРГОВЫЕ ОПЕРАЦИИ» КУПЦОВ (1891 г.)

«...Обман торгашей-инородцев в торговых сделках со своими же собратьями-инородцами простирается до того, что один, например, смелый и ловкий обманщик-торгаш ухитрился продать какому-то простому инородцу фунт изюму за целых 10 рублей, убедив покупателя в том, что это была царская ягода, которую ест царь, и возбудив в нем таким образом охоту во что бы то ни стало отведать этой ягоды».

Отчет Алтайской духовной миссии за 1891 г. Томск, 1892, с. 14.

Приложение 39

ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ ЗАИМОЧНИКОВ (1891 г.)

«...В Урсульском отделении есть новая русская деревня Туякта, состоящая десятков из трех семейств, выходцев не из дальних зауральских стран России, но из окрестностей самого Алтая. Не успели новые жители устроиться, как открыли у себя три кабака, при помощи которых и стали обирать... алтайцев. Деньги, шкуры, скот, арканы, узды — все теперь тащит калмык в новую деревню, чтобы добыть вино. Многие пропившие свое, тащат и чужое — отсюда воровство, драки, увечья, тяжбы. Но этого мало. Новодеревенцы надумали захватить у калмыков табуны скота даром, под предлогом потравы хлеба, нарочно посеяв его среди самого густого калмыцкого населения (на реке Шебелик), при этом на некоторых нивах, подавших повод к захвату скота, был хлеб только воображаемый: нивы были вспаханы и заборонены, но для избежания лишнего расхода зерном не засеяны».

«Томские епархиальные ведомости», № 4, 1891, с. 4—5.

Приложение 40

ПРИГОВОР ТОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО СУДА (1895 г.)

«... Приговором от 15 декабря 1895 года по делу о беспорядках на Быстрянском золотом прииске Бийского уезда... определено: бийских мещан Корнея Ефимова Епифанова, 44 лет, Ивана Иванова Логанова, 42 лет, Игната Степанова Костюка, 35 лет, уволенного в запас матроса Иоана Иванова Чиликина, 30 лет, Осипа Францева Ясинского, 48 лет, крестьянина Каинского округа Петра Дмитриева Конева, 26 лет, и инородца Быстрянской инородной управы Алексея Иванова Карпова, 23 лет, признавая виновными в том, 13 февраля 1894 года как главные зачинщики и виновники, принимавшие участие в стачке рабочих на Быстрянском прииске... подвергнуть тюремному заключению на 1 год каждого».

ГААК, ф. 3, оп. 3, д. 1567, л. 60.

Приложение 41

ОБ АЛТАЙСКОЙ ДЕПУТАЦИИ НА КОРОНАЦИЮ ГОСУДАРЯ (1896 г.)

«... Ко дню коронации некрещенные калмыки снарядили в Москву депутацию во главе с богачем зайсаном Манжи. Видимая цель — выражение верноподданических чувств; скрытая (главная) — добиться восстановления своих, якобы нарушенных народных прав, осуществления своих заветных желаний: а) если несовершенного выдворения с Алтая русских, то по крайней мере, запрещения им вновь селиться здесь; б) укрепления за зайсанами права выдачи билетов на промыслы: ореховый, звериный и рыбный и бесконтрольного распоряжения суммами, этим путем приобретенными; поддержания вообще своей излюбленной языческой старины...

Манжи возвратился из Москвы окруженный ореолом... славы, как удостоившийся (по его словам) чести беседовать с русским царем и осыпанный его милостями (ссылка на золотые часы. Ими были одарены по случаю коронации представители всех народов империи)...

Собрав демичей, Манжи во время пьяного застолья рассказывал им с немалой ложью о коронации, о беседе с Государем,

якобы ему Манжи удостоенной, на которой мол он осмелился просить за свой народ, чтобы ему... позволено было жить по старой вере и старым обычаям и чтобы сохранены были права и привилегии, данные якобы ему еще императрицей Екатериной II. Государь, по словам зайсана, дал будто милостивое обещание удовлетворить его ходатайство и в удостоверение выдал ему особый указ и подарок дал... «Вот этот указ», — прибавил зайсан и показал пьяным гостям отпечатанное на веленевой бумаге, с золотой виньеткою меню обеда, приготовленного старшинам в Петровском дворце, а в заключение царский подарок — золотые карманные часы...

«Теперь вот что братцы, — продолжал обманывать опьяневших демичей зайсан, — я хоть и на свой счет поехал в Москву, но раз я хлопотал для вас, для народа, вы должны покрыть все мои путевые издержки. Всего мною истрачено 1500 руб. Так вот соберите мне с народа эти деньги. Слышите». «Не беспокойтесь, высокочтимейший зайсан, деньги будут собраны», — слышится в ответ. И собирают... плачет народ, да отдает последнего торбока...

Хвастовство зайсана раскрылось скоро. На Кеньге в начале июля был калмыцкий сбор, на который явился тюдралинский крещенный толмач, служивший у зайсана переводчиком в Москве. По его удостоверению никаких разговоров зайсана с государем о старой вере и старых льготах не было. То же подтвердил миссионерам и сам зайсан...»

Отчет Алтайской духовной миссии за 1896 г. Томск, 1897, с. 18—20.

Приложение 42

АЛТАЙСКИЕ РЕМЕСЛА (1897 г.)

«... У алтайцев отмечены ремесла: 1. выделка овчин и шкур, 2. выделка войлока. 3. выделка седел. 4. сапожный, шорный. 5. кузнечный. 6. плотничий. 7. бондарный. 8. смолокуренный. Общее количество алтайских хозяйств, занятых ремеслами 4% всего населения».

Горный Алтай и его население, т. I, вып. II. Барнаул, 1901, с. 145.

Приложение 43

О ВЗАИМОВЛИЯНИИ РУССКИХ И АЛТАЙЦЕВ (1914 г.)

«... Из жителей Актела инородцы некоторые женаты на русских женщинах. Женщины русские ткут крашенину для рубах и портов. Но в то же время выполняют работу инородческих женщин: шьют обутки, высиживают вино, ездят на алтайские праздники и по костюму своему «обалтаились». Их мужья — инородцы. По костюму очень отделяются от алтайцев, вообще перевоспитываются гораздо заметнее, чем алтайцы... В Актеле у некоторых инородцев есть огороды: в них табак, морковь, репа...»

АИЭ, ф. 11, оп. 1, д. 19, л. 23.

Приложение 44

«ЛИХВА» (1915 г.)

«... Ростовщик давал деньги, беря до 20% лихвы за ссуду сроком на один сезон. Так, например, широко известный ростовщичеством Пашка Тадыкин, живший по реке Куюм, брал 20%, Микишкин — в урочище Урлуаспак (на притоке реки Маймы) брал 10%. Известный бай Николай Такачаков, живший в урочище Калбажак, на притоке реки Бешпельтир, брал тоже 20%... Есть алтайские богачи, занимающиеся ростовщичеством, кои берут за ссуду до 60%».

Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г. Томск, 1916, с. 27.

Приложение 45

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. В. ЧЕВАЛКОВА (на алтайском языке)

ЧӦБӦЛКӦПТҮҢ ЈҮРҮМИ

Јакшылык укту Пазылай Пазылайбыч!
Слер менең сурап јазыңар, мениң кайда өскөн, туулган је-

римди, канайда бала болуп өзўп, эр темине јеткенче, ўргўлји јажыма не көргönимди, не укканымды, неденг ары креске тўшкенимди, аймакка јўрўп, нени көрўп таныгамды — сурап турзынгар.

Је эмди мен саа нени көрдўм деп айдайын! Мен тенгеринин бийигин билбедим, јердинг кенгин кемјибедим, энеденг туугала, төртөн јыл эртти, бу јылдардынг эрткени јанғыс күн эрткендий болды. Бу јылдар эрткенче, ачуга да чыдадым, татуды да јидим, ыйлап та јўрдим, кубуксып та јўрдим, алардынгончозы менең суубыла сал аккандый эртип, көскö көрўнбей калды, јанғыс ла алардынг изи менинг јўрегимде посконго базылгандый калды.

Је эмди мен саа карылардан[2] укқан бойымныг угумды куучындап берейин. Озогыда алтан тўмен Теленгет, Алтын Арда амырэнчў јуртап турарда, төрт аймактынг бажын билген Төрбөт-Ойрот кааны болгон. Төрт аймактынг ортодо бускаланг чыгарда, каан ырбап, Күнгер[3] кааннынг јуртына кирген. Кийндеги калган кааннынг уулдары Солтондор[4], бийлердинг уулдары Мурзалар ўзери јуулажып, јер сайын тосқондор. Кажылары күн öскўзў јаар баргандар, кажылары күн тўштўгў јаар баргандар, јарымызы күн бадыжы јаар баргандар. Алардан арткан теленгеттер Ак Умардын[5] бойында Эртишке тўшкен суулардынг бўгўнде јуртап тур.

ЖИЗНЬ ЧЕВАЛКОВА

«Здравствуйте уважаемый Василий Васильевич! (Радлов — *Н. М.*).

Вы спрашиваете: где я родился, как я рос и воспитывался до своего мужания, что я видел, что слышал, когда и при каких условиях крестился — и о многом еще другом...

Ну, что же отвечу Вам, что я видел... Неба высоту — я не знаю, земное пространство — не мерил... Как родился я — сорок лет моей жизни — как один день пролетели... Все было за эти годы — и радость, и печаль, и успехи, и неудачи, и голод, и нужду испытал...

А теперь сообщу я Вам, что от стариков слышал... Когда-то на Алтае мирно жили 60 туменов Теленгитов... в четырех аймаках ханом был Дёрбёт-Ойрот...»

Приложение 46

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. В. ЧЕВАЛКОВА (на алтайском языке)

КЫРАЧЫ БЫЛА АНҒЧЫ

Эки карындаш кижи болды,
Ада-энези өлө берди.
Эки јаҥыс малы калды.
Эки јаргак тоны калды.
Эки карындаш эрмектешти:
«Энчибис ӱлежип алалы» — дешти.
Эки малды бирдеҥ ӱлешти,
Эки јаргак тонын ӱлешти,
Кату-камырын ӱлежип ок алды,
Каргап-јаман айдышпады,
Өөн-бөкөн јок болды,
Өөркөжип јаман айдышпады.
Экӱниҥ ортодо бир мылтык,
Бир салда ӱлешкелек калды.
Јаан карындаш айтты:
«Адамныҥ алкыжы болзын!
Мылтыкты мен аладым» — деди.
Кичӱ карындажы айтты:
«Адамныҥ алкыжы болзын!
Салданы мен аладым» — деди.
Мылтык алганы кырачы болды.
Салда алганы кырачы болды.
Кырачы кату-камыр ӱлежип, ӱрен алды.
Кызыл буурул адын тутты,
Кылбар мистӱ салдазына сукты,
Кырга чыгып, кыра сӱрди.
Кылгазы јакшы аш чачты.
Ач-ӱренине курсак болды.
Алган кижизине кеп табылды.
Өтпөк эдип јип јӱрди.

ПАХАРЬ И ОХОТНИК

Жили на свете два брата, вскоре у них умерли родители. Достались им в наследство: два коня, две старые шубы. Братья на-

чали делить оставшееся имущество. Досталось им по коню, по шубе... Но остались от родителей — одно ружье и одна соха. Как их разделить? И тогда сказал старший брат: «Разделим их по завету отца: Ружье я возьму...» Младший брат сказал: «Соху я возьму...»

Взявший ружье — стал Охотником, взявший соху — Пахарем...

Приложение 47

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. В. ЧЕВАЛКОВА

(на алтайском языке)

АРАКЫ БЫЛА ЧАЙ

Аракыга Чай јаргы сурап,
Таткуурга[1] келди.
Таткуур сурады:
«Азыраган адаҥ кем?
Эмискен энеҥ кем?
Туулган сениҥ јериҥ кайда?
Төстөп турган јуртыҥ кайда?
Кийик болзо, тўктў болор,
Кижи болзо, атту болор.
Адыҥ-јолыҥ айдып бер.
Керек келген болзоҥ,
Керегиҥ айт,
Керегиҥ јок болзо,
Кедерчык!» — деди.
Чай айтты:
«Адам јер эди,
Энем суу эди.
Туулган јерим Кыдатта,
Турлуу јерим турада.
Элдиҥ суузыны эдим.
Эмчектиҥ сўдиндий эдим.
Элге јараар Чай эдим.
Коштоп алып садатан
Кojойымныҥ садузы эдим.
Койу салып ичетен
Колдуныҥ ажы эдим.
Эјен јеринде.

СПОР ВОДКИ С ЧАЕМ

Чай к Водке пришел и она спорила: «Воспитавший тебя отец — кто? Вынянчившая тебя мать — кто? Земля, где вырос ты, как называется, где живешь ты?... Какая польза от тебя? Отвечай!»

Чай отвечал: «Отец мой — земля, мать моя — вода. Земля, взростившая меня — зовется Китаем, а место, где живу я — изба. А польза от меня — я людям жажду удаляю, телу — силу придаю...»

СЛОВАРЬ

Алман — дань
Аманат — заложник
Архимандрит — высшее духовное звание у монахов православной церкви
Аршин — дометрическая мера длины, равная 71,12 см
Башлык — «начальный человек», чиновник
Белые калмыки — название алтайцев в русских документах XVII в.
Боярин — высший чин среди «служилых людей отечеству»
Верста — русская мера длины, равная 1,0668 км.
Годовальщик — служилый человек, состоявший на годовой отъезжей службе
Дощаник — плоскодонное речное судно
Дьякон — помощник священника при богослужении и отправлении обрядов
Животы — домашние пожитки, недвижимое имущество
Зайсан — родовой дворянин, князь
Заповедный товар — запрещенный товар
Зелье — порох
Зипун — кафтан без воротника из домотканной материи
Золотник — старинная мера веса, равная 4,266 г
Игумен — настоятель (его помощник) православного монастыря
Иеромонах — монах-священник
Извет — клевета, донос
Исправник — глава уездной полиции
Камка — цветная шелковая ткань
Кетихизис — книга, содержащая краткое изложение христианского вероучения (в форме вопросов и ответов)
Кеден — холстяная ткань

Кендырь — конопля, конопляная ткань
Кобылка — кузнечик
Кош — стойбище, кочевье у сибирских народов
Кошт — расходы на содержание, пропитание
Кошлок — молодой бобер
Крица — кусок сырого железа со шлаковыми включениями
Кричное железо — обработанное из крицы железо
Курлык — сорт дикой гречихи
Куяки — наборные латы из металлических кованных пластинок
Кыштым — данник, зависимый человек
Лешня — лесные охотничьи угодья, зверованье
Малахай — меховая шапка-ушанка
Миссия — организация, занимающаяся распространением религии среди иноверцев
Мунгалы — монголы
Наручи — металлические налокотники
Настрафиль — сорт западноевропейского сукна среднего качества
Недособоль — молодой соболь с негустой шерстью
Обер-гиттенфервальтер — горный чин, соответствующий 8 классу гражданской службы или воинскому званию майора
Однорядка — верхний однобортный кафтан без воротника с длинными рукавами
Окуп — взятка
Ослоп — окованная дубинка
Панцирь — кольчужная рубаха до колен из металлических пластинок, с короткими рукавами
Пищаль — огнестрельное оружие
Подъячий — канцелярский служащий в приказах местных и государственных учреждений России XVI—XVIII вв.
Поминки — дарственные приношения воеводам, царю
Портище — отрез ткани
Протоиерей — старший православный священник
Псалмы — песнопения
Псаломщик — низший служитель в православной церкви
Псалтырь — книга псалмов, состоит из 150 молитв, песнопений
Пупки собольи — подбрюшной соболий мех
Росомаха — хищный пушной зверь семейства куньих
Саадак — колчан со стрелами
Сажень — русская мера длины, равная 2,1336 м
Селема — сабля
Сеок — род

Сорок соболей — набор собольего меха в 40 шкурок
Стольник — дворцовый чин — должность в Русском государстве XIII—XVII вв.
Сын боярский — низший чин среди «служилых людей отечеству». Лицо, несшее военную и административную службу в государстве
Талкан — толокно
Толмач — устный переводчик
Турка — огнестрельное оружие
Ферязь — зимняя и летняя одежда (мужская и женская)
Фунт — старинная мера веса, равная 0,4095 кг
Черевчатый — ярко-малиновый цвет
Черевись бобровая — мех, снятый с живота зверька
Черные калмыки — калмыки, населявшие Джунгарию
Шерть — присяга, сопровождавшаяся символическими обрядами
Язык — пленный
Ясак — подать пушниной с нерусского населения Сибири
Ясаул — «начальный человек», чиновник
Ясырь — люди, взятые в плен в виде военной добычи и обращенные в рабов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5
1. Цель исследования 5
2. Источники 8
3. Литература 17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АЛТАЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ И РАЗВИТИЕ КРАЯ В ЕГО СОСТАВЕ В XVII—XVIII вв. 30

Глава первая. **Присоединение Алтая к Русскому государству** 30

1. Обстановка на юге Сибири в начале XVII в. 30
2. Дипломатические связи сибирских воевод с алтайскими князьями в XVII в. 33
3. Русско-алтайские отношения с начала и до середины 40-х гг. XVIII в. 52
4. Русско-алтайские отношения с конца 40-х — до середины 50-х гг. XVIII в. 65
5. Посольский церемониал в сношениях сибирских воевод с алтайскими князьями в XVII в. 73

Глава вторая. **Хозяйство, общественно-политический и социальный строй алтайских кочевников в XVII — XVIII вв.** . . . 80

1. Скотоводство 80
2. Охота 90
3. Домашняя промышленность 92
4. Земледелие 96
5. Общественно-политический и социальный строй алтайских кочевников в XVII — XVIII вв. 98

Глава третья. **Ясачная политика русского производства и русско-алтайская торговля в XVII — XVIII вв.** 106

1. Русско-алтайские торговые связи в XVII — первой половине XVIII в. 106
2. Ясачная политика русского правительства на Алтае в XVII—XVIII вв. 114

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АЛТАЙ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII—XIX в.) 141

Глава первая. **Социально-экономическое развитие края в конце XVIII — первой половине XIX в.** 5

1. Заселение и хозяйственное освоение края в конце XVIII — первой половине XIX в. 141
2. Развитие сельского хозяйства и промыслов . . . 150
а) Скотоводство и охота 150
б) Земледелие и промыслы 154
3. Быт и хозяйственные связи алтайцев 158

Глава вторая. **Горный Алтай в период развития капиталистических отношений** 168

1. Реформа 1861 г. освоение края русским крестьянством в 60-х — 90-х гг. XIX в. 168
2. Отношение властей к переселениям. Значение переселений для развития края 175
3. Развитие элементов капитализма на Алтае 184
4. Сельское хозяйство и развитие капиталистических отношений 187
5. Развитие частной золотопромышленности. Появление наемного труда 193
6. Развитие торговли 206

Глава третья. **Горный Алтай в системе административной политики царизма в Сибири** 215

1. Управление сибирскими инородцами в конце XVIII — начале XIX в. 215
2. Разработка правил управления инородцами . . . 223
3. Налоговая политика 229
4. Действия административных лиц на местах . . . 238
5. Алтайская духовная миссия и ее место в системе официальной политики 242

Глава четвертая. **Развитие культуры в Горном Алтае в конце XVIII — XIX вв.** 265

1. Народное образование и здравоохранение 265
2. Краеведение 277
3. Устное народное творчество и литература 288
4. Музыкальное и изобразительное искусство 299
5. Религиозные воззрения алтайцев 307

Заключение 313
Примечания 336
Список сокращений 364
Приложения 365
Словарь 395

Николай Семенович
МОДОРОВ

РОССИЯ И ГОРНЫЙ АЛТАЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (XVII—XIX вв.)

Ответственный редактор
Григорий Петрович
САМАЕВ

Сдано в набор 11.04.1996 г. Подписано к печати 05.07.1996 г. Формат 60×84 1/16. Печ. л. 25. Печать высокая. Заказ 1927. Тираж 1000 экз.

Горно-Алтайская республиканская типография.
659700 г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

20-00